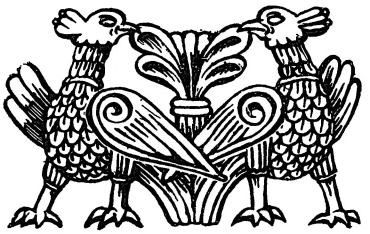


ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1953

Оформление В. Е. Оффмана

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская историческая наука, стремящаяся познать общие закономерности исторического процесса, не может оставить без внимания ни одного раздела прошлого. Как бы ни была глубока старина, как бы далеко от нас ни отстояла та или иная эпоха, но если речь идет об истории нашей Родины, нашего великого народа, то все этапы его жизни одинаково интересны для нас, одинаково важны для познания общих законов исторического развития.

Труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» еще раз показали всю ошибочность пренебрежительного отношения к далекому прошлому и открыли широчайшие новые перспективы для всех гуманитарных наук и в частности для изучения истории нашей Родины.

Перед советской исторической наукой встал целый ряд новых задач. Одной из насущных задач советской исторической науки является изучение производительных сил разных общественно-экономических формаций, изучение жизни непосредственных производителей и экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Для отдаленных эпох этот круг задач решается главным образом при помощи археологических материалов.

В отличие от буржуазной науки, где археология является часто служанкой расовых теорий или служит фальсификаторам науки, пытающимся провозгласить извечность частной собственности, извечность религии и т. д., советская археология является неотъемлемой частью исторической науки, важным методом познания прошлого, при помощи которого мы можем заглянуть в самые истоки истории народов задолго до появления у них письменности.

Ежегодно во все концы нашей родной страны выезжают десятки научных археологических экспедиций для производства раскопок древних поселений, крепостей и городов. Советскими археологами за последние двадцать лет сделаны новые большие открытия, произведен полный переворот в прежних представлениях о целом ряде исторических явлений (см. первый выпуск «По следам древних культур». Госкультпросветиздат, 1951).

Открытия советских ученых, базирующиеся на марксистско-ленинской методологии исследования, имеют большое значение и для мировой науки.

Одним из важнейших разделов работы советских историков и археологов является изучение жизни древних славян, истории древнерусского государства и русских городов. Истоки истории русского, украинского, белорусского народов и родственных им других славянских народов восходят к глубокой древности. Русская буржуазная наука была бессильна понять историю русского народа, а реакционная наука капиталистических стран стремится фальсифицировать эту историю.

На протяжении двух веков существует (и усиленно поддерживается в наши дни мракобесами от науки в США) так называемая «норманистская теория» происхождения русского государства. Норманисты пытались объявить славян диким охотничьим народом, не знавшим будто бы ни земледелия, ни городов, ни ремесла. Вся блестящая культура Киевской Руси будто бы была создана руками пришельцев-варягов (норманнов). Норманисты путем недобросовестных манипуляций с источниками пытались объявить древних русов варягами и с именем варягов связать первые шаги русской государственности.

Советские исследователи полностью опровергли норманистскую теорию и доказали как ее научную несостоятельность, так и ее политическую тенденциозность. Борьба между «норманистами» и «антинорманистами» завершилась полным поражением первых. Значительную роль в этой борьбе сыграли археологические исследования последних лет.

Буржуазная археологическая наука оставила нам очень бедное наследство: изучались преимущественно курганы, а города и поселения оставались в пренебрежении, археологические раскопки не сочетались с решением больших задач, в области исторической науки, так как археологию рассматривали как «вспомогательную дисциплину» и ставили ее в один ряд, например, с геральдикой, изучавшей только дворянские гербы.

Советские археологи, упорно изучающие древнюю Русь, производят раскопки во всех крупнейших древнерусских городах и уже открыли множество доказательств высокой и своеобразной культуры древней Руси.

Данная книга ставит своей задачей познакомить советских читателей с основными, важнейшими достижениями в области изучения древней Руси. В статье П. Н. Третьякова дается новое решение вопроса о происхождении славян. Долгие годы в этой области господствовали ошибочные взгляды Марра, считавшего русский народ «непомнящим родства» и подменявшего анализ русского языка «гаданьем на кофейной гуще» — учением о четырех элементах всех языков. Сторонники Марра писали о том, что славяне будто бы «сформировались» из различных разноязычных племен и что в результате их скрещения и родился новый славянский язык. Взгляды Марра оказали влияние и на некоторых археологов, которые смешивали славян со скифами и не решались проследить историю славян глубже первых веков нашей эры.

Труды И. В. Сталина окончательно разбили вульгаризаторские теории Марра, вывели из тупика советское языкознание и указали путь дальнейшего исследования проблемы происхождения славян.

Помещенная в сборнике статья П. Н. Третьякова «У истоков древней Руси» в отличие от его книги «Восточнославянские племена» (вышедшей в 1948 г.) по-новому решает важный вопрос происхождения и древнейшей истории восточных славян — предков русского, украинского и белорусского народов. Автор начинает свое изложение с каменного и бронзового веков, указывая на существование славян уже в то время на территории Центральной и Восточной Европы.

Значительно яснее стал теперь вопрос о взаимоотношениях славян и скифов. Древние греческие авторы именем скифов могли называть не только скифские племена, но и сходных с ними по своему быту соседей скифов. Такими соседями были юго-восточные славянские племена, занимавшиеся земледелием. П. Н. Третьяков правильно предполагает, что среди «скифов-пахарей», живших в бассейне Днепра, могли находиться и называться этим общим именем и некоторые славянские племена.

В V — VI веках н. э., а частично и раньше, восточные славяне расширили свою территорию, распространив земледельческую культуру на северные области в бассейне озера Ильменя и Верхней Волги и продвинувшись на юг, где славяне ассимилировали остатки скифов и сарматов. При этом славянский язык вышел победителем. Интересен сделанный П. Н. Третьяковым очерк отдельных славянских племен, где данные летописи XI—XII веков сопоставлены с еще более древними археологическими материалами, в значительной степени добытыми самим автором. Этот очерк позволяет нам вполне реально представить себе особенности быта и обычаев каждого из восточнославянских племен. Автором интересно прослежена предистория Киевского государства — союзы славянских племен и их борьба с готами, аварами и Византией.

Статья М. К. Каргера «Древний Киев» посвящена новым открытиям (самого автора и других исследователей) в столице древнерусского государства Киеве. Шаг за шагом, этап за этапом прослеживает автор историю «матери городов русских» и историю киевского зодчества. Перед читателем проходят Десятинная церковь X века, Софийский собор XI века, Золотые Ворота, княжеские монастыри, замковые стены. Наряду с пышным каменным зодчеством подробно описаны бедные жилища-полуземлянки простых «черных» людей Киева — ремесленников, художников.

В самых различных концах Киева археологами были встречены следы грандиозного пожара и разрушения: сожженные дома, рухнувшие церкви, останки сгоревших жителей города. Это следы страшной катастрофы, постигшей в 1237 — 1241 годах всю Русь, — нашествия несметных полчищ Батыя. Особенно интересны раскопки М. К. Каргера под Десятинной церковью. Оказалось, что киевляне, упорно защищавшие каждую пядь родного города, пытались прорыть подземный ход из этой церкви, явившейся последним оплотом мужественных защитников. Упавшие от татарских ядер своды погребли под собой эту горсточку отважных киевлян...

В статье Б. А. Рыбакова «Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж» сделана попытка исторического сопоставления двух городов различного масштаба: один из них был древней столицей большого русского

княжества, а другой возник как город лишь в XII веке, на окраине Черниговского княжества, и был столицей маленького удельного княжества на Средней Десне.

Чернигов — второй по значению город после Киева. Здесь сохранились многочисленные курганы IX — X веков, принадлежавшие дружинникам, боярам и князьям. Автор подверг исследованию раскопанные еще в XIX веке курганы и показал, что вокруг Чернигова на десятки километров были боярские села с кладбищами бояр и их воинов, свидетельствующие о возникновении уже в IX — X веках феодальной собственности на землю. Из раскопок в самом Чернигове особенно интересна исследованная автором Благовещенская церковь, построенная в 1186 году одним из героев «Слова о полку Игореве» — князем Святославом Всеволодовичем.

Раскопки во Вщиже позволили на полторы тысячи лет углубить историю этого городка. Выяснилось, что в древности здесь было языческое святилище одного из славянских племен, просуществовавшее несколько столетий. Позднее рядом со святилищем возник большой поселок, на территории которого в X — XI веках был построен небольшой укрепленный двор, принадлежавший, очевидно, черниговскому князю и служивший для сбора даней и оброков. В 1142 году маленькая крепость превратилась в княжеский замок-город.

Многочисленные находки и в Чернигове и во Вщиже свидетельствуют о высоком уровне русской культуры до татарского нашествия. Русь была одной из передовых стран тогдашней Европы; особенно убеждают в этом находки мастерских, зданий, тонко сработанных вещей не только в столицах, но и в маленьких лесных городках вроде Вщижа.

Статья Г. Б. Федорова «Славяне Поднестровья» знакомит нас с интересными открытиями автора на юго-западе русского средневекового мира. Долгое время археологам не были известны древности славянских племен — уличей и тиверцев. Теперь благодаря разведкам и раскопкам Молдавской археологической экспедиции древности тиверцев найдены. Особый интерес представляют раскопки Екимауцкого городища IX—XI веков н. э., где было найдено множество богатых вещей, орудий труда, инструментов, украшений, а также остатки оборонительных сооружений и жилищ. Загадочные тиверцы обрели теперь вполне реальный облик.

Статья Б. А. Колчина «Мастерство древнерусских кузнецов» по своему характеру несколько отличается от других статей этого сборника. Она посвящена не одному городу или области, а кузнецам всей Руси. Автор сочетает в себе две различные, но гармонично слитые в нем специальности — инженера и археолога. Это позволило ему особенно глубоко, с применением самой совершенной советской аналитической техники, проникнуть в тайны технологии металла.

Б. А. Колчин тщательно изучил микроструктуру железных и стальных изделий древней Руси. Выяснилось превосходное знание древнерусскими кузнецами различных способов наварки, цементации, закалки. Городские мастера делали вещи для деревни, чем еще раз подтверждается наличие товарного производства в средние века.

«Древности Псковской земли» С. А. Таракановой в простой и доступной форме знакомят читателя с основными объектами раскопочных работ — курганами, городищами, селищами, — стремясь показать значение археологических памятников, как исторических источников. Автор рассматривает и сельские родовые кладбища славян, и поселения с их ремесленным производством. Раскопками удалось вскрыть «доисторическую историю» Пскова и показать, что предшественником феодального города было поселение мастеров-металлургов, сооружавших рядом со своими горнами языческие святилища согласно требованиям магических воззрений первобытно-общинного строя.

Работа С. А. Таракановой подводит нас вплотную к истории феодального Плескова — Пскова, так хорошо известного по летописи.

Статья В. Л. Янина «Новгород Великий» посвящена одному из крупнейших русских и европейских городов средневековья. Автор показывает методы археологических работ, историю исследований, топографию древнего города.

Главное место в описании открытий в Новгороде, естественно, принадлежит результатам раскопок А. В. Арциховского. Многолетние исследования показали чрезвычайно высокую культуру Руси, собранную, как в фокусе, в жилых кварталах, стенах и дворцах Великого Новгорода. Мощеные улицы, большие просторные дома, дренажные сооружения, белокаменные стены и тысячи разнообразных вещей, изготовленных искусными руками новгородских мастеров, — все это свидетельствует о богатстве и благоустроенности города.

Совершенно исключительный интерес представляют открытые впервые в 1951 году берестяные грамоты XI — XIV веков, свидетельствующие о широком развитии грамотности в русских городах. Сами грамоты являются интереснейшим видом исторических источников, знакомящих нас с жизненным укладом древних новгородцев.

Большое значение для науки имеет открытие у истоков Волхова языческого святилища Перуна.

Новгород Великий, город, хорошо известный и по летописям и по произведениям искусства, в настоящее время стал еще лучше известен нам в результате многолетних археологических работ.

Статья Н. Н. Воронина «На берегах Клязьмы и Немана» посвящена двум отдаленным друг от друга русским городам, исследованным автором, — Владимиру на Клязьме и Гродно. Н. Н. Воронину удалось открыть остатки княжеского дворца в Боголюбове близ Владимира и воскресить облик пышного дворцового белокаменного ансамбля XII века. Тщательно изучена социальная топография Владимира и его зодчество.

Автор рассматривает все раскопочные археологические и архитектурные материалы на широком историческом фоне. С особым умением автор восстанавливает внешний вид древнего города и создает живую и яркую картину.

Исследование Гродно интересно тем, что это — один из наиболее западных русских городов. Здесь, на западных рубежах Руси, существовала

яркая и своеобразная культура, носящая ряд типичных общерусских черт.

Статья А. Л. Монгайта «Раскопки Старой Рязани» является кратким очерком истории Рязанского края, созданным на основании археологических исследований. Основная часть очерка посвящена древней столице Рязанского княжества — Старой Рязани. Богато представленное ремесло, клады драгоценных уборов, архитектура, надписи на различных предметах — все это еще раз свидетельствует о высоком уровне развития русской культуры. Систематические раскопки позволили автору показать историю города и его застройки.

Статья М. Г. Григорьева посвящена древнейшей истории нашей родной столицы — Москвы. Неудержимо развивающееся социалистическое строительство столицы предоставляет большие возможности для археологических исследований. Прежде чем будут вырыты котлованы высотных зданий, археологи успевают исследовать хранящиеся под землей древности. Так велись работы на Котельнической набережной, в Зарядье и других местах. Исследователям удалось добраться до слоев земли, современных Юрию Долгорукому и даже еще более древних.

Автор статьи тщательно прослеживает историю изучения московских древностей. Археологи много добавили к письменным материалам по истории Москвы и показали многообразие русской городской культуры. Гончарные горны, различные мастерские, изразцы, оружие, чернильницы, и тысячи других предметов являются драгоценными источниками для изучения истории Москвы. Археологические раскопки вскрыли дома, улицы и помогли уточнить планировку древнего города.

* * *

Представленные в этом сборнике статьи освещают отдельные, наиболее яркие страницы истории русского народа, показывают наиболее важные и значительные области, города или разделы древнего хозяйства. Задача этих очерков состоит не в том, чтобы показать всю Русь, а в том, чтобы на примере отдельных, больших и малых, городов раскрыть то новое, что вносит археологическая наука в познание нашей Родины.

Чудовищно искажавшаяся буржуазными фальсификаторами история древней Руси предстает перед нами в новом свете, освобожденная от умышленного обеднения.

Как бы ни старались современные «историки» из белоэмигрантов в США воскресить взгляды норманистов и принизить русскую культуру, свести на нет международное значение древней Руси, эти попытки обречены на полный провал. В руках советских историков в настоящее время накоплен огромный фактический материал, позволяющий с полным основанием утверждать, что Русь была в свое время одним из передовых государств с высокой, яркой и своеобразной культурой, оказывавшей свое влияние на ряд соседних народов.

Исследования славной и богатой, глубоко самобытной истории великого русского народа — почетная задача советских археологов.

Б. А. Рыбаков

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН
ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА
СОЮЗ АНТОВ И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

В распоряжении историка и археолога, изучающих жизнь и культуру восточнославянских племен — далеких предков русского, украинского и белорусского народов, имеется большой и разнообразный материал.

Ни один народ раннего европейского средневековья не создал такого замечательного исторического произведения, каким является русская летопись «Повесть временных лет». Начиная свое повествование о Русской земле, ее автор, живший в XI веке, записал старинные предания о жизни восточных славян. Он назвал имена древних племен, славянских и неславянских, и указал места их обитания на русской равнине. Он рассказал о водных путях и многочисленных русских городах. На первых страницах летописи мы находим сказание о древнем полянском князе Кие и его братьях — легендарных основателях Киева — «матери городов русских». Здесь же имеются и другие сведения о том отдаленном времени, когда «каждый жил со своим родом и на своих местах», в частности рассказы о старинных семейных порядках, свадебных и погребальных обрядах, о древней религии славян. Особое внимание летописца привлекли героические предания славян — сказания об их борьбе с аварами, хазарами и варягами.

Не менее интересные, хотя и не столь достоверные известия о древней жизни восточных славян содержат сочинения среднеазиатских писателей. В IX — X веках люди восточных стран вели со славянами большую торговлю и часто встречались с ними на волжских рынках. Их занимала жизнь огромной, северной для них страны, так непохожей на степи, пу-

стыни и оазисы Средней Азии. Они собирали и записывали различные сведения о занятиях, обычаях и верованиях древних славян. Хорошо знали славян и на юге, в Византии, за Черным или, — как его тогда называли, — Русским морем, куда наши предки как купцы и как воины издавна ездили на своих ладьях.

Наконец, неисчерпаемым источником самых разнообразных сведений о хозяйстве, быте, культуре и общественном устройстве восточнославянских племен служат археологические данные — материалы раскопок на древних славянских городищах и могильниках, данные фольклора — устного народного творчества, топонимики — отрасли языкознания, изучающей историю названий поселений, городов, рек, озер, урочищ и т. д., а также данные языка, развивавшегося вместе с народом и запечатлевшего многие явления его истории.

И, казалось бы, что древняя жизнь восточных славян — создателей основ русской культуры и государственности, отнюдь не могла представлять для исследователя какой-либо загадки или неразрешимого вопроса. Тем не менее старая историческая и археологическая наука, так и не смогла нарисовать правильную картину древнерусской жизни, не смогла ответить на важнейшие вопросы, касающиеся хозяйства, культуры и общественного строя древних славян. Далекое славянское прошлое оставалось закрытым темной завесой, приоткрыть которую смогла лишь советская историческая наука, в частности советская археология.

Почему же старая историческая наука не смогла нарисовать объективную картину жизни древних славян?

Здесь сказалась неспособность дворянской и буржуазной науки в силу присущих ей классовой ограниченности и идеализма приблизиться к исторической правде. От буржуазной науки были скрыты внутренние закономерности исторического процесса, совершавшиеся объективно, независимо от воли людей, значение которых с особой силой было подчеркнуто в произведении И. В. Сталина — «Экономические проблемы социализма в СССР». Причиной бессилия дореволюционной исторической науки, ее неспособности правильно изобразить и оценить далекое прошлое наших предков, послужили также распространенные в старой русской историографии антинациональные, космополитические фальсификации истории Руси и других славянских народов. Дворянские и буржуазные ученые пытались отнять у наших народов их славное прошлое, их культуру. Они коварно подкапывались под самые основы исторической жизни восточных славян, стремясь доказать, вопреки фактическим данным, что славяне были дикими, отсталыми племенами, якобы неспособными к самостоятельному развитию и получившими культуру и государственность от своих соседей — от Византии, от варягов и хазар. Культура древней Руси — Руси Святослава, Владимира и Ярослава Мудрого — рассматривалась, как культура чужая, иноземная, заимствованная славянами у соседей вместе с государственными формами общежития. Некоторые историки договаривались даже до того, что объявляли древних славян племенами, не знавшими земледелия до X—XI веков.

Несмотря на то, что многие русские историки были решительно не согласны с таким взглядом на древнюю Русь, а некоторые из них, следуя за великим сыном русского народа М. В. Ломоносовым, вели упорную борьбу против этой клеветы на прошлое славянских народов, обрисованный выше взгляд занимал в царской России господствующее положение. Это была своего рода официальная точка зрения на древнюю Русь.

Так историческая наука в царской России выступала против народа, фальсифицировала его прошлое, всеми средствами старалась умалить роль русского и других славянских народов в мировой истории, стремилась внушить народу, что он неспособен к самостоятельному развитию. Всем этим наука старалась ослабить и разоружить трудящиеся массы в идейном отношении.

Необходимость коренным образом пересмотреть старые представления о восточных славянах и древней Руси встала перед советской исторической и археологической наукой как одна из важнейших ее задач. Чтобы ответить на вопрос, являлись ли восточные славяне создателями своей культуры и государственности или последние были принесены славянам извне, как это утверждала старая наука, нужно было изучать восточнославянскую культуру и жизнь, начиная с отдаленнейшего прошлого, нужно было установить, имелись ли в древней восточнославянской жизни истоки того, чем блистала древняя Русь в X—XI веках, во времена Владимира и Ярослава Мудрого. Представители разных отраслей советской науки — историки литературы, историки искусства, вооруженные великим оружием научного исследования — марксистско-ленинской методологией, взялись за решение этой задачи.

Много интересных и новых выводов сделали они относительно жизни и культуры древних славян. Но решающее слово могла сказать лишь археология — наука, изучающая извлекаемые из земли подлинные остатки древней жизни. Лишь советская марксистско-ленинская археология могла дать такое решение вопроса, которое можно было бы признать наиболее достоверным.

Последуем за археологами на берега Днепра, Десны, Волхова и озера Ильмень, Верхней Волги и верхней Оки — на те места, где в течение многих столетий протекала жизнь восточных славян и где на каждом шагу и сейчас видны следы этой древней жизни.

В упомянутом выше летописном предании об основании Киева рассказывается, что Кий и его братья Щек и Хорив поселились на трех горах над Днепром, окруженных большим бором, в котором ловились разные звери. К этому сообщению летописи следует отнестись с полным доверием: на территории Киева известно несколько предшествующих возникновению города древних городищ, занимавших отроги высокого днепровского берега, окруженные крутыми склонами и укрепленные некогда земляными валами и рвами. Вокруг одного из таких городищ разросся в свое время город Киев. Это место хорошо знают киевляне по развалинам Десятинной церкви. Вероятно, именно здесь жил некогда Кий, князь

полян, ходивший с дипломатическими целями в Константинополь и стремившийся завладеть землями на берегах Дуная.

Другое древнее городище в Киеве до сих пор называется Щековицей. Вряд ли можно думать, что это название является поздним, возникшим на основе летописного рассказа о трех братьях. Скорее всего это название хранится в народной памяти со времен самого Щека, брата Кия, жившего, повидимому, в VII или VIII веке н. э., т. е. более тысячи лет назад.

Многочисленные древние городища, близкие «горам» летописных основателей Киева, имеются повсюду в области восточнославянских земель: на Днепре и его притоках, в верхнем течении Оки, в верховьях Волги, на Западной Двине и еще севернее, на Чудском озере и озере Ильмень. Местное население хорошо знает их, называя их городками или городищами и связывая с ними различные предания. Одни из городищ, подобно киевским «горам», служили местом обитания накануне возникновения древнерусского государства, т. е. в VII—VIII веках. Другие возникли значительно раньше — в начале и в середине I тысячелетия н. э.

Изучение древних славянских городищ и селищ — остатков жилищ, на них встречающихся, утвари и орудий труда, отбросов пищи в виде костей домашних и диких животных позволяют восстановить картину древней славянской жизни из столетия в столетие. Раскапывая слой за слоем землю с остатками древней жизни, археолог как бы перелистывает большую книгу, написанную, однако, не буквами и не словами, а материальными остатками быта, хозяйства, культуры многих поколений.

Рядом с городками находятся обычно древние могильники, иногда курганные, т. е. состоящие из земляных насыпей разной формы и размера, иногда же не имеющие в настоящее время никаких наружных признаков. Такие могильники археологи называют «полями погребения». При раскопках курганов и «полей погребения» встречаются обычно остатки традиционного погребального обряда древних славян — трупосожжения: пережженные кости и побывавшие на погребальном костре вещи и предметы вооружения.

Последним важным объектом археологического исследования являются клады. Обычно они состоят из дорогих вещей — золотой и серебряной посуды или предметов убора и украшений, зарытых в землю их владельцами в минуту опасности. Находят клады случайно при земляных или сельскохозяйственных работах. Археологам случалось находить клады и во время раскопок в тех случаях, когда они были зарыты на площади поселений. Однако далеко не каждый археолог может похвастаться тем, что за свою жизнь он отыскал хоть один клад.

Ряд славянских городищ и древних могильников, относящихся к разному времени, осмотрели и исследовали советские археологи. Раскопки велись на городищах Киева и в разных пунктах на Днепре и по его притокам. Около Смоленска в с. Гнездово исследовались городища и огромный курганный могильник, насчитывающий несколько тысяч насыпей. Древние слои оказались в псковском кремле — славяне поселились здесь

еще в начале н. э. Интереснейшую картину быта северных славянских племен VII — IX веков открыли раскопки в Старой Ладоге, самом северном восточнославянском городе. Немало древних славянских поселений было исследовано в Верхнем Поволжье, в верховьях реки Оки, на верхнем Дону и во многих других местах. Однако число изученных памятников далекой славянской древности исчисляется все же лишь единицами и десятками. Сотни и тысячи славянских городищ и древних могил еще ожидают своего исследования. Археологическая наука обладает огромными, поистине неисчерпаемыми возможностями, реализация которых является задачей советских ученых.

Тем не менее уже сейчас советская археология ответила на ряд важнейших вопросов, касающихся быта, хозяйства и социального строя древних славян. Советские археологи показали, насколько ложными и беспочвенными были те представления о восточнославянских племенах, которые десятилетиями вынашивались буржуазной наукой. Они показали, что культура древних славян отнюдь не была примитивной и отсталой, что эта культура создавалась самим славянством на протяжении многих столетий его древней истории. Советские историки и археологи установили, что древняя Русь — Русь Святослава, Владимира и Ярослава Мудрого — являлась отнюдь не началом истории восточных славян, а закономерным итогом длительного предшествующего развития славянских племен, с древнейших времен являвшихся в Европе большой и активной силой исторического процесса. Советские археологи показали, что в далеком прошлом покоятся истоки многих важных явлений, характерных для феодальной Руси.

Так постепенно, шаг за шагом, поднимая большой фактический материал, восстанавливает советская наука историческую правду о далеком прошлом восточных славян, об их культуре и их роли в мировой истории.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН

Вопрос о происхождении славянских племен, крупнейшую ветвь которых составляли восточные славяне, в настоящее время является еще далеко не решенным.

Буржуазная наука, особенно языкознание и археология, сделала в свое время ряд существенных наблюдений относительно родины славян и взаимоотношений их с другими этническими группами древней Европы. Но прийти к какому-либо определенному решению вопроса о происхождении славян буржуазная наука не смогла вследствие своих метафизических представлений, принимавших нередко форму расизма, не имеющего ничего общего с наукой.

Исследования многих советских ученых, занимающихся вопросом о происхождении славян, испытали на себе вредное влияние взглядов Н. Я. Марра, не сумевшего стать марксистом и бывшего, как указал И. В. Сталин, лишь упростителем и вульгаризатором марксизма. Ошибочные «теории» Н. Я. Марра, в частности его представления о стадиально-

сти в развитии языка и о том, что при скрещивании этнических групп и их языков возникают новые языки и этнические группы, привели к ряду неверных заключений по вопросу о происхождении славян. В качестве предков славян археологи и историки стали рассматривать многие древние племена Средней и Восточной Европы — скифов, сарматов, фракийцев, иллирийцев и др. Особенно «повезло» в этом отношении скифам, которые были объявлены чуть ли не главным предком славян, а скифская государственность — чуть ли не основой славянской государственности.

В то же время уже давно известно, что скифы говорили на одном из древних иранских языков, который не был и не мог быть предшественником славянского языка. Древние славяне — творцы и носители славянского языка, произошли не от скифов, не от фракийцев, не от других каких-либо древних племен. С глубокой древности они представляли собой особое самостоятельное племя или племенную группу. Правда, в более позднее время, являясь крупнейшей этнической группой в Средней и Восточной Европе, славяне ассимилировали ряд других племен. В том числе ими была поглощена и некоторая часть скифских и сарматских племен северного Причерноморья. При встрече со славянским языком языки этих племен потерпели поражение и исчезли, не оставив почти никаких следов.

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», явившийся крупнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма и избавивший науку от порочных теорий Н. Я. Марра, поставил исследования в области происхождения славян на строго научную основу. Идя по пути, указанному И. В. Сталиным, советские ученые преодолевают ошибки, связанные с «теориями» Н. Я. Марра, и вместе с учеными славянских стран народной демократии широко развертывают исследования в области происхождения и древней истории славян.

Следует отметить, что буржуазные, главным образом фашистские историки, исходя из своей человеконенавистнической расистской «теории», грубо фальсифицировали и искажали историю славян. Они пытались представить славян, как полудиких «варваров», неспособных к самостоятельному культурному развитию, к созданию собственного государства, которое возникло у них якобы лишь под влиянием «высшей» германской расы. Такую же позицию занимают и реакционные англо-американские археологи, которые выдают англосаксов за некий «избранный народ», призванный повелевать всеми другими народами, которые якобы по отношению к нему являются «примитивными».

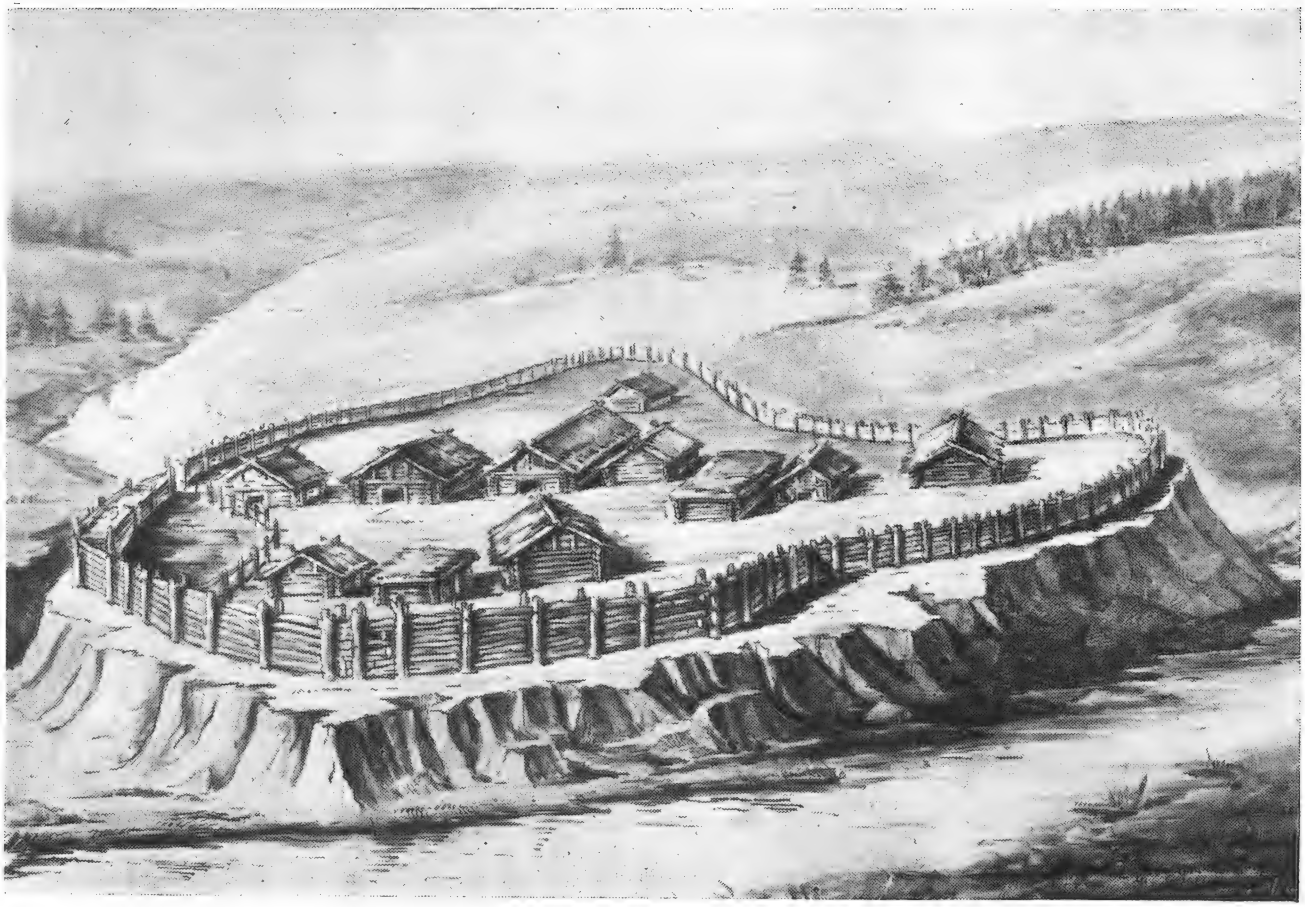
Буржуазные археологи, пытаясь оправдать агрессивные устремления своих империалистических хозяев и «обосновать» их право на агрессию в Европе, утверждали, вопреки историческим фактам, что славяне здесь являются поздними пришельцами, а не древнейшими обитателями.

Все эти «теории» полностью опровергнуты советскими учеными и прогрессивными учеными других стран.

В настоящее время на основании трудов советских, польских и чехословацких ученых — археологов и языковедов — можно считать устано-

Городище Березняки (III—V века)

Общий вид раскопок городища Екимауцы (IX—XI века)



Городище у д. Березняки, реконструкция

вленным, что предки славян с глубокой древности обитали в Средней и Восточной Европе, входя в состав обширной группы неолитических (новый каменный век) племен IV—III тысячелетия до н. э., знакомых с земледелием и скотоводством. Какое именно из неолитических племен следует признать древнеславянским, в настоящее время неизвестно. Неолитические земледельческо-скотоводческие племена, так же как и их состав и взаимоотношения между собой, изучены далеко не достаточно.

В конце III тысячелетия до н. э. в более северных областях, заселенных земледельческо-скотоводческими племенами, наблюдался переход к пастушескому образу жизни. Вскоре пастушеские племена широко расселились по Средней и Восточной Европе, заняв бассейн Одера и Вислы, северное Прикарпатье и верховья Днестра, среднее и верхнее Поднепровье. Большинство археологов придерживается мнения, что значительную часть этих племен составляли древние славяне. Уже в начале II тысячелетия до н. э. они заселяли в основном те самые области, которые были славянскими в эпоху раннего средневековья, т. е. в конце I и начале II тысячелетия н. э. Исключение составлял лишь Балканский полуостров, занятый славянами много позже и в древности принадлежавший фракийским и иллирийским племенам.

Во II тысячелетии до н. э., когда в Европе наступил «бронзовый век», а особенно после распространения железа в начале I тысячелетия до н. э., главную роль в хозяйстве древних славянских племен стало играть земледелие, знакомое им уже давно, но до этого времени уступавшее первенство скотоводству. Став преимущественно земледельцами, славянские племена прочно закрепились на своих местах. Шаг за шагом создавали они ту древнюю славянскую культуру, которая дожила до средневековья и впоследствии сменилась феодальной культурой славянских народов, унаследовавшей от прошлого немало существенных черт.

В I тысячелетии до н. э. южная группа древних славянских племен близко соприкасалась с племенами Скифии и, может быть, входила в состав возглавляемого ими племенного объединения. Предполагают, что к славянским племенам принадлежали невры, жившие во времена Геродота на северо-западных рубежах Скифии, в верховьях Днестра и по Припяти. Возможно, что некоторые славянские племена находились в составе объединения скифов-пахарей. Следами их жизни на территории скифов-пахарей являются курганы, содержащие остатки трупосожжения — традиционного славянского погребального обряда.

Жившие на северо-западной периферии Скифии в отдалении от рабовладельческих государств Средиземноморья и Причерноморья, а также в стороне от степных областей, занятых кочевниками, славянские племена в значительной мере были избавлены от всех тех жизненных опасностей, прежде всего постоянных войн, которые неизбежны при соседстве с рабовладельческими государствами или кочевниками. В то время как скифские племена истощали свои силы в борьбе с сарматами, двигавшимися с востока, с готами, вторгшимися в северо-западное Причерноморье из

Прикарпатья, с Митридатом Понтийским, овладевшим Крымом, юго-восточные славянские племена как бы накапливали свои силы.

Они хорошо овладели металлургией железа, в более южных областях знали плужное земледелие, а на севере — подсечное, или огневое земледелие, имели стада домашних животных, торговали между собой и с соседями, а в области экономических и социальных отношений они находились на последней ступени первобытно-общинного строя. После того как скифское объединение распалось, юго-восточные славянские племена стали хозяевами среднего Поднепровья и Поднестровья. По наблюдениям украинских археологов, они продвинулись к югу и, повидимому, подчинили себе значительную часть оставшегося здесь скифского населения, позднее полностью ассимилированного славянами. Это происходило в течение первой половины I тысячелетия н. э.

Более северные, восточнославянские племена занимали в этот период бассейн верхнего Днепра, область Валдайской возвышенности и бассейны озер Чудское и Ильмень, постепенно продвигаясь все более на север. Это было, повидимому, не переселение в полном смысле этого слова, а медленное, веками совершавшееся движение земледельцев, выжигавших лес для своих посевов, места которых им приходилось часто менять, так как при экстенсивной системе земледелия почва очень скоро истощалась.

Так в первой половине I тысячелетия н. э. восточнославянские племена утвердились на всей той территории, на которой их застало средневековье. Уже тогда сложилась та этногеографическая картина (т. е. картина географического расселения племен и народов) восточного славянства, память о которой дожила до составителя «Повести временных лет». Обо всем этом свидетельствуют археологические материалы. Они дают основание решительно опровергнуть представления буржуазной науки о восточнославянских племенах, как об объединениях, возникших якобы очень поздно, лишь накануне образования древнерусского государства.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА

Обратимся к карте расселения восточнославянских племен, составленной на основании сообщений летописи и археологических данных.

Кому приходилось бывать в области Валдайской возвышенности, на Мсте, впадающей в озеро Ильмень, или на Волхове, несущем ильменские воды в Ладожское озеро, тот не мог не обратить внимания на высокие курганы, называемые местным населением сопками. Они достигают в высоту 3—4 метров и располагаются по берегам рек, на возвышенных местах, обычно по одному или по два-три. В основании курганов иногда можно видеть большие камни — валуны. Сопки — это погребальные сооружения самого северного из восточнославянских племен — словен новгородских.

При раскопках сопок на долю археологов достается обычно очень немного. В сопках находят площадки, выложенные из камня, груды камней или остатки деревянных сооружений в виде небольших срубов и

помостов. На них лежат груды пережженных человеческих костей, среди которых изредка встречаются попорченные огнем погребального костра предметы убора — пряжки, застежки, бусы, серьги, бляхи поясного набора, иногда ножи или наконечник копья.

По вещам, находимым в сопках, время их сооружения падает на IV—X века н. э. В каждой сопке бывает по пяти — восьми — десяти трупосожжений. Это были, следовательно, коллективные семейные усыпальницы, сохраняющие черты обрядности патриархального строя. В конце I тысячелетия н. э. на смену сопкам приходят небольшие «индивидуальные» курганы, содержащие остатки одного, иногда двух трупосожжений.

На основании распространения сопок границы расселения новгородских словен могут быть очерчены с достаточной точностью. Если летопись говорит, что они жили на озере Ильмень и Новгород был их главным городом, то археологические данные позволяют утверждать, что словенам принадлежали берега Волхова, земли по Ловати, впадающей в Ильмень с юга, и обширные области в бассейне Мсты и верхнего и среднего течения Мологи, одного из притоков Верхней Волги.

Кроме сопок, в земле новгородских словен известно несколько городищ и открытых земледельческих поселений. Они почти не исследовались археологами, за исключением одного пункта — городища Старая Ладога на Волхове, замечательного памятника северной восточнославянской культуры VII — VIII и последующих столетий н. э., в течение ряда лет раскапываемого советскими археологами В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым.

Обитавшие в VII—VIII веках на городище люди жили большими патриархальными семьями, о чем свидетельствуют остатки больших жилищ, рубленных из бревен. Поселение в целом должно было составлять соседскую (территориальную) общину. Жители занимались земледелием, обрабатывая землю сохой с железными сошниками, имели много скота, ковали железо, добываемое из местных болотных руд, из привозных цветных металлов изготовляли разнообразные украшения. Большую роль в их быту играли изделия из дерева. При раскопках на городище Старая Ладога найдена разнообразная деревянная и берестяная посуда, бочки, части станов для ткачества, ловушек для зверей, всевозможной мебели и др.

В слоях Старой Ладоги, относящихся к последующим IX—X векам, большие дома сменяются небольшими рубленными из бревен избами. Изменения в характере жилищ отражают, следовательно, тот же процесс, что и изменения в характере погребальных сооружений, превращающихся из коллективных в индивидуальные: процесс распада большой патриархальной семьи-общины.

Поселения более раннего времени, чем Старая Ладога, в земле новгородских словен почти не исследовались. Зато они хорошо известны в соседних областях, принадлежавших другим восточнославянским племенам — кривичам и вятичам. Исследование показало, что жизненный уклад, следы которого открыты в Старой Ладоге, отнюдь не являлся для восточных славян чем-то новым, только что вознишким. Напротив, это

был их старый жизненный строй. Он вел свое начало с первых веков н. э. Исключение составляло, повидимому, лишь пашенное земледелие, следов существования которого у северных племен до VI—VII веков не обнаруживается и которому предшествовало лесное подсечное земледелие.

В земле племени кривичей, в бассейне Чудского озера советским археологом С. А. Тараканової были произведены раскопки двух городищ, возникших в первые века н. э. На месте одного из них, на реке Великой, впоследствии возник город Псков, другое городище, расположенное в бассейне Псковского озера, называется Камно. При исследовании того и другого пункта были открыты следы развитого металлургического производства — кузнечного и ювелирного. Были открыты остатки печей, в которых сыродутным способом выплавлялось железо. Кузнецы ковали из него разнообразные вещи. Для того чтобы изготовить украшение из бронзы, которую получали, вероятно, с Урала, из мягкого камня искусно вырезали формочку и лили в нее расплавленный металл. В том и другом пункте изготовляли костяные гребни художественной работы, украшенные изображениями головок коней или птиц. Масштабы металлургического производства, открытые в древнейшем Пскове и на Камно, не оставляют никакого сомнения в том, что это производство было рассчитано не только на удовлетворение внутренних потребностей обитателей поселков, но главным образом на обмен. Здесь открыты, следовательно, признаки разделения труда, следы ремесла и товарного производства, зарождавшегося у северных восточнославянских племен.

Такого же рода находки, а также следы подсечного земледелия в виде соответствующих железных орудий (топор, нож-косарь, мотыга, серп) и зерен проса и некоторых других культурных растений, были обнаружены на многих городищах I тысячелетия н. э. в бассейне верхнего Днепра.

Здесь точно так же жили кривичи. Судя по летописи, им принадлежали верховья трех рек: Днепра, Волги и Западной Двины. Археологи могут более точно очертить область этого племени на основании распространения их погребальных памятников, так называемых длинных курганов — сравнительно невысоких валообразных насыпей, содержащих подобно сопкам остатки нескольких трупосожжений III—IX веков н. э. Длинные курганы известны на Днепре, около Смоленска и выше, на Верхней Волге, кое-где в области Валдайской возвышенности, где они перемежаются с сопками, на Западной Двине в верхнем ее течении и на берегах Чудского озера.

В 1934—1935 годах автором этих строк было раскопано городище III—V веков н. э. на Верхней Волге у д. Березняки около г. Щербакова. Трудно сказать, какому из восточнославянских племен принадлежал этот поселок, расположенный на границе славянских земель и владений угрофинских племен Поволжья. Но то, что он принадлежал славянам, является несомненным.

На территории городища было открыто погребальное сооружение в виде маленького деревянного домика, куда ссыпали остатки трупосожжений. Такие погребальные домики встречались внутри сопок; они же,

заключенные в курганах, составляют характерную черту погребальной обрядности племени вятичей. Что же касается поволжских угро-финских племен — мери, муромы, мордвы, то они в этот период погребали своих умерших в земле на обширных кладбищах.

О том, что на городище жили славяне, говорят и свойственный славянам характер их жилищ, некоторые формы украшений и т. д.

На площади городища, окруженной некогда оградой из бревен, массивного плетня и земли, были открыты остатки шести небольших изб, большого, повидимому общественного, дома, занимавшего центральное место в поселке, обширной кузницы, амбара, где находилась большая зернотерка (ручная мельница), здание, внутри которого найдено много прясел от веретен, шила, иглы и другие вещи, говорящие, что здесь занимались прядением, ткачеством и шитьем, остатки загона для скота, наконец, погребальный домик, уже упомянутый выше.

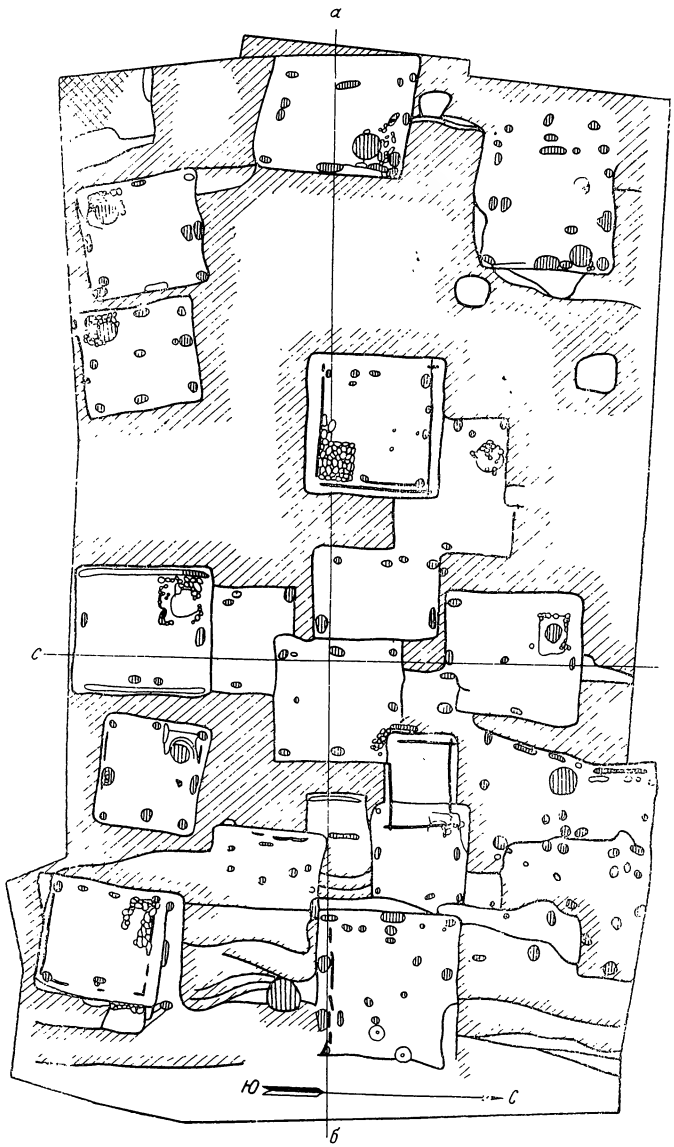
Нет сомнения, что перед нами поселок патриархальной семьи численностью в 50—60 человек, ведшей свое хозяйство на общинных началах, имевшей общие запасы продовольствия и погребавшей остатки своих умерших в общей семейной усыпальнице.

При раскопках найдено много железных изделий — ножи, шилья, наконечники стрел, рыболовные крючки, серп, несколько топоров, а также удила, всякого рода пряжки и обломки большого меча с фигурной рукояткой.

Железные вещи выделывались жителями поселка в большом числе и шли, несомненно, на продажу. Из привозной меди ими выделывались разнообразные украшения костюма и конской сбруи. Некоторые предметы убора и украшения, найденные на городище, были привезены сюда с Оки и из области среднего Поднепровья.

Такую же картину открывают исследования городищ земли вятичей, живших в бассейне верхней Оки. Москва-река была, повидимому, их северо-восточной границей, за которой начинались земли мерянских, муромских и мордовских племен. В конце I тысячелетия н. э. они заняли также земли по верхнему течению Дона. Вятичи хоронили своих умерших в небольших курганах, внутри которых устраивались небольшие деревянные срубы или ящики, куда ставились урны с остатками трупосожжений. Такое погребальное сооружение вятичей напоминало жилище-землянку. Эти землянки для жилья, сначала округлые, а после середины I тысячелетия н. э. прямоугольные, со стенами, обложенными деревом, и печами-каменками были распространены повсюду в земле вятичей в отличие от словен и кривичей, сооружавших наземные рубленные из бревен избы.

Кроме многочисленных следов развитого земледелия, скотоводства и зарождающегося ремесла, при раскопках вятических городищ встречаются в значительном числе вещи, привезенные с юга; главным образом это бронзовые украшения, в том числе инкрустированные цветной эмалью, выделывавшиеся в среднем Поднепровье. Наиболее известной находкой такого рода является клад вещей с эмалью, найденный на городище у с. Мощины.



План группы жилищ-землянок и хозяйственных сооружений, исследованных на Боршевском городище (VIII—X века)

Особой известностью среди вятичских городищ пользуется городище у с. Боршево на верхнем Дону, исследованное профессором П. П. Ефименко в 1928—1929 годах. Правда, оно относится уже к VIII—X векам, т. е. ко времени возникновения древнерусского государства; однако здесь, в глухих и лесистых тогда местах верхнего Подонья, в VIII—X веках сохранялись многие древние черты быта, и материалы городища могут быть привлечены для характеристики племени вятичей второй половины I тысячелетия н. э.

Боршевское городище представляло собой очень большое поселение, в пределах которого обитало несколько тысяч человек. Поселок распадался, однако, на несколько обособленных частей — дворов больших патриархальных семей, объединенных в территориальную общину. Жилища - землянки, принадлежавшие одному двору, были соединены между собой крытыми переходами

и составляли своеобразное жилое гнездо со многими выходами. О существовании у славян таких жилищ писал византийский автор VII века Маврикий Стратег.

Группу жилищ окружали хозяйственные постройки: амбары, хлебные ямы, погреба, помещение, где на больших круглых жерновах мололи зерно, хлева для скота.

На Боршевском городище не было встречено никаких следов обработки железа, зато на другом таком же городище, находящемся от него в нескольких десятках километров, на р. Воронеже, у дома отдыха им. М. Горького, были найдены остатки нескольких сыродутных печей, кузницы и огромные скопления железного шлака, указывающие, что жители поселка усиленно занимались обработкой железа и снабжали своей продукцией, вероятно, обширную округу.

На юг от вятичей по рекам Сейму и Десне, а также по левым притокам среднего Днепра — Суле, Пслу и Ворксле — жило еще одно восточнославянское племя — северяне, или северы. В отличие от вятичских землянок, имевших деревянные стены и печи-каменки, жилища-землянки северян имели глинобитные стены и ульеобразные глиняные печи. В земле северян почти неизвестны древние курганы. Повидимому, они погребали сожженные останки своих умерших на «погребальных полях». Такие поля известны в местности Лан у с. Сосницы в устье Сейма, у с. Волынцева около Путивля и в некоторых других местах. В остальном культура северян очень напоминала вятичскую. Им была, повидимому, близка также и культура небольшого племени радимичей, обитавшего между Окой, Десной, и Днепром на реках Сожи и Инути.

На городище, находящемся около упомянутого выше волынцевского погребального поля и относимом к VII—VIII векам н. э., был найден железный сошник. Невдалеке от этих памятников северянской культуры, исследованных украинским археологом Д. Т. Березовцом, у с. Харьевки, был найден клад серебряных украшений VIII века, состоящий из височных колец, браслетов и фибул (застежек) характерных славянских форм и замечательной ювелирной работы. Подобные находки встречались в южных частях северянской земли неоднократно.

По Припяти и в прилегающей части Поднепровья лежали земли племени дреговичей. Там точно так же известно очень много городищ I тысячелетия до н. э. и более раннего времени, а также полей погребения, исследование которых началось лишь недавно.

Белорусский археолог В. Р. Тарасенко в 1937 году произвел раскопки на городище «Барсучья горка» около Могилева, относящемся к началу нашей эры, и обнаружил там остатки двух длинных домов, повидимому разделенных на отдельные помещения, каждое из которых имело свой очаг. В этом опять-таки нельзя не видеть черту домостроительства, свойственную патриархальному быту.

Автор настоящей статьи в 1951 и 1952 годах исследовал городище рубежа нашей эры на правом берегу Днепра у с. Чаплин около Речицы. Там обнаружены остатки наземных «столбовых» жилищ, хлебные ямы и

погреба, каменные зернотерки, прясла от веретен, железные серпы и топоры и бронзовые украшения. Рядом с городищем обнаружено большое поле погребения.

По ряду признаков культура древних дреговичей близко напоминала культуру южной группы восточнославянских племен, речь о которой пойдет ниже.

Подведем некоторые итоги нашему краткому обзору археологических данных, рисующих культуру северной и восточной групп восточнославянских племен, занимавших лесные области в бассейне Днепра и по его периферии. Перед нами картина еще патриархального, но отнюдь не отсталого и консервативного, а бурно развивающегося быта. Древнее подсечное земледелие сменяется земледелием пашенным, знающим железный сошник. Обработка железа и ювелирное дело достигли высокого совершенства. Появляются ремесленные изделия, которые идут на обмен. Развивается как внутренняя, так и межплеменная торговля.

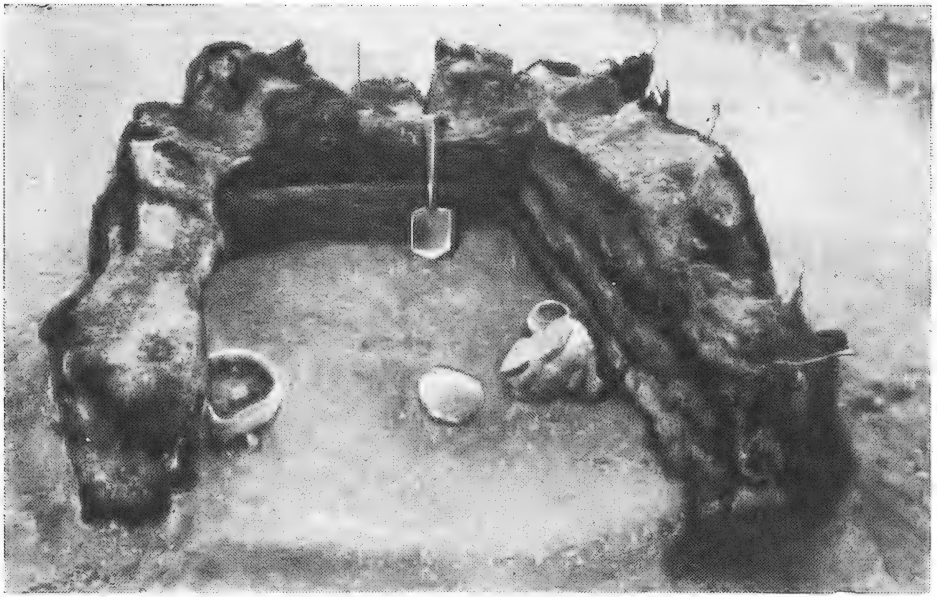
Очень колоритной является фигура северного восточнославянского воина, восстанавливаемая по находкам из городища у д. Березняки и курганов. На воине надет ременной пояс, украшенный медными или серебряными бляхами, плащ закреплен на плече фибулой (застежкой), он вооружен массивным однолезвийным мечом с фигурной рукояткой, копьем, луком со стрелами. Воин имеет коня, ременная узда которого, прикрепленная к железным удилам, также украшена металлическими бляхами.

Клады дорогих вещей, найденные в пределах славянских земель, свидетельствуют о значительном богатстве, скапливающемся в руках отдельных лиц или семей. Патриархальные семьи распадаются; они образуют соседские территориальные общины. Нет сомнения, что перед нами картина самых последних этапов в развитии первобытно-общинного строя.

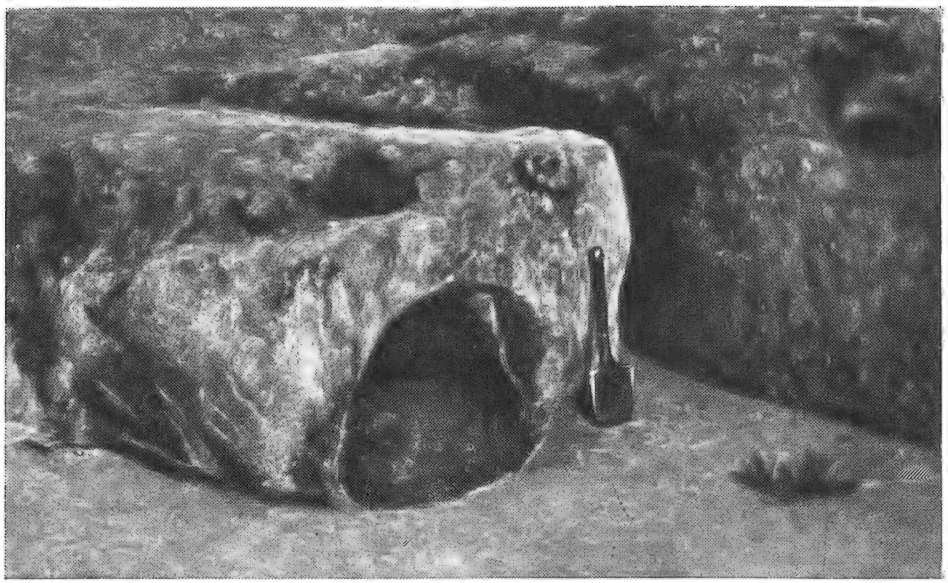
И, наконец, последнее, на что следует обратить внимание, это то, что культура восточнославянских племен была продуктом их собственного творчества, ее развитие в течение многих столетий питалось внутренними соками, было самобытным.

Еще более высокого уровня развития в I тысячелетии н. э. достигли хозяйство, культура и общественный строй южной группы восточнославянских племен. В эту группу входили, судя по летописи, поляне, жившие по обе стороны Днепра вокруг Киева, уличи, первоначально обитавшие, как предполагает советский археолог Б. А. Рыбаков, на правом берегу Днепра ниже полян, а затем передвинувшиеся на Буг и Днестр, тиверцы на Днестре, дулебы, они же волыняне и бужане, на Волыни и в Подолье, хорваты — где-то в предгорьях Карпат, наконец древляне, соседи полян, занимавшие лесные пространства на юг от Припяти по Тетереву и Ужу и являвшиеся племенем, занимавшим как бы промежуточное положение между северной и южной группами. Границы отдельных племен южной группы на основании археологических данных могут быть намечены лишь с большим трудом. Их культура была очень схожа, племенные особенности на юге стирались значительно быстрее, чем на севере.

Карта расселения восточнославянских племен в первом тысячелетии н. э.



Деревянный сруб в кургане у с. Боршево Воронежской области с урнами, наполненными жженными костями (VIII—X века)



Остатки печи в жилище на городище у с. Петровского Харьковской области (VIII—X века)

На основании археологических данных можно предполагать, что в области среднего Поднепровья, кроме племен, известных летописцу, было еще одно племя, занимавшее юго-восточную окраину славянских земель— области между Средним Днепром и бассейном Верхнего Донца. Этому племени принадлежали клады славянских вещей V—VII веков, а также поселения и поля погребения этого времени, известные на Харьковщине, скажем, поле у с. Ново-Покровского около Чугуева. Люди этого племени проникали, повидимому, далеко на юг, на Тамань и в Крым, основывая там свои поселения.

Приведенные выше наблюдения археологов имеют особый интерес в свете сообщения автора VI века Захария Ритора, указывавшего, что где-то в этих местах жил народ рос — «люди, наделенные членами тела больших размеров».

Другой автор VI века, Иордан, в этих местах помещает племя росомонов. Все это приводит к предположению, что здесь обитало восточнославянское племя росов, или русов, которое в VIII веке передвинулось на запад и слилось с полянами. Недаром летопись говорит иногда о полянах — руси.

В отличие от северных и восточных племен, спокойно сидевших в своих лесах в течение многих веков, восточнославянские племена южной группы в I тысячелетии н. э. развивались в сложных и напряженных исторических условиях. Еще и раньше, как мы видели выше, они так или иначе сталкивались со скифами, создавшими в северном Причерноморье раннерабовладельческое государство, а затем ассимилировали какую-то часть скифского земледельческого населения. Они издавна знали пашенное земледелие. В I тысячелетии н. э. они торговали с причерноморскими городами и римскими провинциями на Дунае, вели войны с готами и гуннами, а позднее вступили в борьбу с Византийской империей. Все эти события, речь о которых пойдет ниже, ускорили экономическое и социальное развитие южных восточнославянских племен.

Южные племена жили обширными поселениями, имели развитое сельское хозяйство, вооруженное не только ралом — примитивным деревянным плугом, но и тяжелым плугом, влекомым несколькими парами волов. Оформившееся ремесло распространялось у них не только на область металлургии—железоделательное и ювелирное производства, но и на область керамического дела. Их глиняная посуда, начиная со II—III веков н. э., изготовлялась с помощью гончарного круга.

Из погребального сооружения VIII века у села Вознесенка

Пятьдесят лет назад украинский археолог В. В. Хвойко узнал, что на одном из городищ в бассейне р. Тясьмина — Пастерском городище, или

«Жарище», часто встречаются бронзовые и серебряные изделия середины I тысячелетия н. э. Судя по рассказам местных жителей, В. В. Хвойко решил исследовать городище следующим образом. Площадь городища была вспахана плугом; было собрано много вещей. Несмотря на «первобытный» способ раскопок, В. В. Хвойко заметил, что здесь были остатки жилищ, в которых, кроме украшений, находились железные орудия, в том числе сельскохозяйственные.

Хотя находки серебряных и медных предметов имели место на Пастерском городище и позднее, среди археологов утвердилось мнение, что после «раскопок» В. В. Хвойко городище погибло для науки. Это мнение оказалось, однако, ошибочным: плуг В. В. Хвойко прошел далеко не везде и прорезал лишь верхнюю часть наслоений городища. В 1950 году киевский археолог М. Ю. Брайчевский произвел на городище новые раскопки и нашел остатки жилищ середины и второй половины I тысячелетия н. э., подтвердив тем самым наблюдения В. В. Хвойко.

Дальнейшие исследования на Пастерском городище, бывшем, повидимому, крупнейшим центром производства ювелирных изделий и торговли ими, обещают дать много новых данных для изучения культуры южных славянских племен. Найденные на Пастерском городище вещи поражают совершенством выделки. Мастера знали разнообразные приемы обработки металла, во многом не уступая мастерам-ювелирам феодального периода.

Постоянной находкой в землях южной группы восточнославянских племен являются римские монеты первой половины I тысячелетия н. э. Число найденных монет равняется нескольким тысячам. Нередко они составляют большие клады, насчитывающие десятки и сотни монет. Такой большой приток римских монет в славянские земли свидетельствует о том, что славяне вели большую торговлю с римскими провинциями на Балканах и с причерноморскими городами, в начале н. э. попавшими под власть Римской империи. Славяне торговали хлебом, медом и воском, вероятно, шерстью и кожей, пушниной, а также живым товаром — рабами, в которых нуждался рабовладельческий хищник — Римская империя. Римская монета имела, несомненно, широкое хождение в славянских землях и при внутренних торговых расчетах.

Более развитым производству и экономической жизни южных восточнославянских племен соответствовала и более высокая ступень общественных отношений. Патриархальные порядки были изжиты ими значительно раньше, чем северными славянскими племенами. Если на полях погребения первой половины I тысячелетия н. э. обнаружен более или менее однородный состав погребенных, то во второй половине I тысячелетия появляются погребения знати, сосредоточившей в своих руках большие богатства.

Например, когда строили Днепрогэс, у с. Вознесенка в районе порогов было обнаружено очень интересное погребальное сооружение, принадлежавшее какому-то весьма знатному лицу, умершему в начале VIII века. Вещи, побывавшие на погребальном костре, были сложены

Вещи из погребального сооружения VIII в. у села Вознесенка

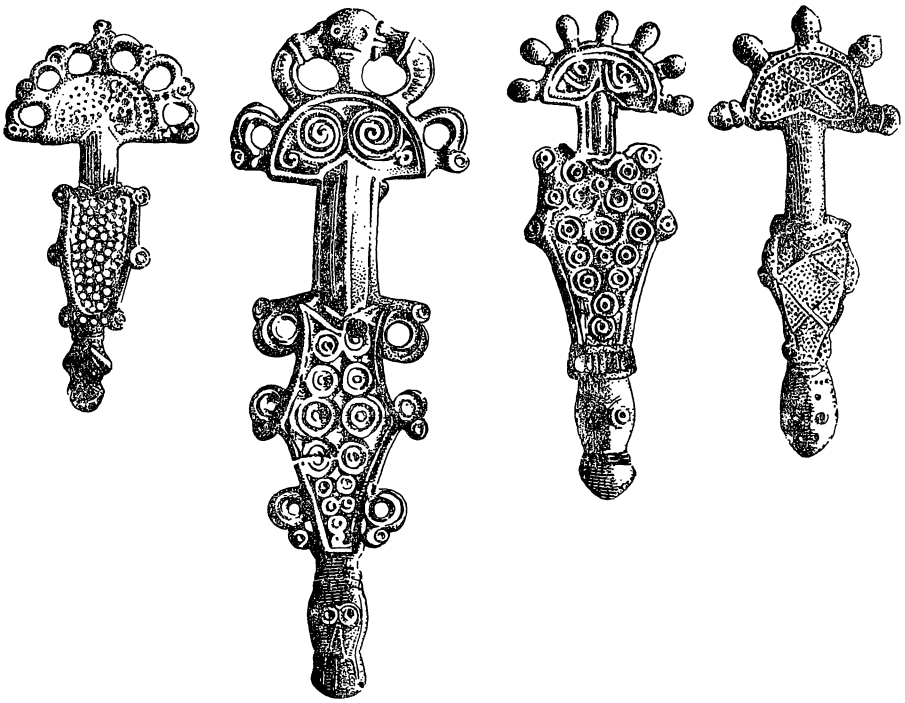
вместе. Кроме удил, дорогих стремян, наконечников стрел и копий, кинжалов и сабель, здесь были в большом числе бляшки от узды и поясного набора, в том числе серебряные и золотые, обломки дорогой византийской посуды, а также серебряный орел византийской работы. Подобные захоронения знати, относящиеся к VI—VIII столетиям, были обнаружены в среднем Поднепровье неоднократно.

О богатстве, сосредоточивающемся в руках знати, говорят и клады, состоящие из монет либо из предметов убора и украшения, дорогой посуды и предметов вооружения. Клад золотых изделий восточной, византийской и местной работы, найденный у с. Малая Перещепина, принадлежность которого к славянским древностям является очень вероятной, содержал 20 килограммов одних лишь золотых вещей.

Все это говорит о том, что южные восточнославянские племена к VI—VII векам достигли порога классового общества и государственности и в дальнейшем переступили этот порог. На это указывают и свидетельства современников, главным образом византийских авторов, хорошо знавших славян, совершавших в этот период свое историческое наступление на Балканский полуостров.

СОЮЗ АНТОВ И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В начале и середине I тысячелетия н. э. важнейшим явлением в истории Европы был кризис рабовладельческого строя в Римской империи. Он характеризовался не только глубоким упадком во всех областях экономической жизни империи, особенно заметным с III века н. э., но прежде всего революционными восстаниями рабов и колонов на территории империи. Одновременно с этим против Рима выступили европейские племена.



Вещи из Пастерского городища (V—VIII века)

В течение многих веков Римская империя была злейшим врагом обитавших к северу от ее границ многочисленных племен. Римские легионы не раз разоряли их землю, купцы за бесценок скупали у них большие ценности, дипломаты вызывали войны между племенами.

Характеризуя рабовладельческий строй, товарищ Сталин писал: «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»[1].

Европейские племена — кельты, германцы, славяне, фракийцы и другие — служили для рабовладельческой Римской империи тем резервуаром, откуда она черпала для себя подневольную рабочую силу — рабов. Десятки и сотни тысяч людей угонялись в рабство и гибли в рудниках, каменоломнях, на строительстве дорог, на аренах цирков Римской импе-

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 119.

рии. Когда «вечный Рим» вступил в период глубокого кризиса, наступил час расплаты за многовековое угнетение. Европейские племена «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»[1].

После падения в 476 году Западно-Римской империи и возникновения на ее территории ряда «варварских» государств, последним оплотом рабовладельческой системы в Европе осталась Восточно-Римская империя, владевшая тогда Балканским полуостровом и многими городами на берегах Черного моря. Разрушить эту последнюю крепость реакции и тем самым способствовать завершению ликвидации рабовладельческого строя в Европе выпало на долю славянских племен. В начале VI века они вступили в борьбу с Византийской империей на берегах Дуная и вели ее на протяжении 100 лет. Их победы содействовали успеху революционных сил внутри империи и ускорили превращение рабовладельческой Восточно-Римской империи в феодальную Византийскую империю. Вместе с тем славяне заселили Балканский полуостров и вскоре образовали там свои раннефеодальные государства.

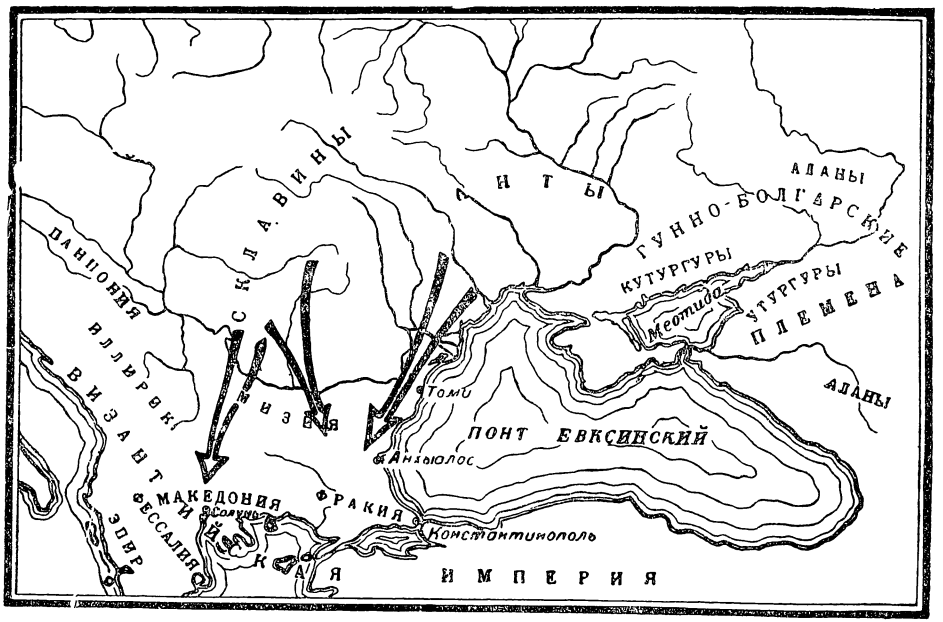
Рассказывая о славянских племенах, живших у северных границ Византийской империи, современники называют их склавинами и антами. Склавины обитали к западу от Днестра, анты — между Днестром и Днепром, а также на север от Азовского моря. Современники отмечали, что склавины и анты говорили на одном языке и имели одинаковые обычаи. Следует думать, что склавины и анты — это два обширных племенных союза славян.

Племенной союз антов возник, вероятно, еще в III—IV веках, объединив восточнославянские племена для борьбы с готами, проникшими в это время в северо-западное Причерноморье. В начале VI века анты подступили к низовьям Дуная и начали свои вторжения на территорию полуострова. Антский флот, состоявший из множества больших лодок, неоднократно выходил на Черное море, не раз угрожал самому Константинополю. Полагают, что анты сыграли крупную роль в заселении славянами Балканского полуострова.

---

[1] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11 изд., стр. 432.

Посуда III — V веков из области среднего Поднепровья



Балканские войны VI века

Трудно сказать, какие именно восточнославянские племена входили в состав антского союза. Обычно считают, что антами были племена южной группы, более передовые и уже давно знакомые с римскими провинциями на Балканском полуострове. Возможно, однако, что к антскому союзу имели отношение и некоторые северные восточнославянские племена. Во всяком случае, в числе племен, заселивших полуостров в VII веке, были известны северы — северяне и драгувиты — дреговичи, в которых видят, и не без оснований, переселенцев из земли восточнославянских северян и дреговичей.

Мы не будем рассказывать здесь историю племенного союза антов и его столетней борьбы с Византийской империей, аварами и гунно-болгарскими племенами Приазовья, которая восстанавливается по данным византийских, сирийских и латинских авторов VI—VIII веков и отголоски которой сохранила наша летопись в предании об обрах (аварах) и в рассказе о походах Кия на Дунай. Мы ограничимся здесь лишь рассмотрением той характеристики, которую дали современники экономическому строю и социальным отношениям антов, что дополнит приведенные выше археологические данные о производстве, культуре и степени общественного развития восточных славян в VI—VII веках и придаст им большую историческую конкретность.

Византийские авторы VI века Прокопий Кесарийский и Маврикий Стратег описывают антов, как племена земледельческие, владеющие большим количеством хлеба (пшеницы и проса), а также обладающие разнообразным скотом. Историк Менандр сообщает, что авары, стремясь нанести славянам как можно больший урон, прежде всего разоряли их поля, вероятно, предавая посевы огню или вытаптывая их конями.

Общественный строй склавинов и антов рисовался современникам как демократический, совсем непохожий на порядки, господствовавшие в Восточно-Римской империи и на Востоке. «Эти племена, — говорит Прокопий, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим». «Их нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране», — пишет Маврикий. Он же указывает, что у славян «много предводителей и нет между ними согласия», и рекомендует византийским дипломатам не допускать объединения славян под властью одного вождя. Перед нами, следовательно, еще картина первобытного строя: много племен, много вождей, вероятно, народное собрание, славянин не может быть рабом в своей стране. Византийский «земледельческий закон» VIII века, в значительной мере основанный на обычном праве славян, заселивших Балканский полуостров, дополняет эту характеристику указанием на существование у славян поземельной территориальной общины — формы общественного устройства, свойственной самым последним ступеням в развитии первобытно-общинного строя.

Но наряду с этим современники сообщают и о таких чертах общественной жизни славян, которые никак не совместимы с первобытно-общинным строем.

Во время походов на Балканы славяне захватывали тысячи местных жителей, которых они обращали в рабов. Это делалось, правда, главным образом с целью получения выкупа или же с целью продажи рабов на невольничьих рынках Причерноморья. Однако иноплеменники-рабы имелись и у самих славян. Так, Прокопий рассказывает, что у одного склавина был раб, долго служивший своему господину. Затем раб этот был продан одному анту, после чего выяснилось, что этот раб был антом по происхождению и, «придя в родную землю, он в дальнейшем должен быть свободным». Следовательно, рабство у антов было; рабов покупали и продавали: порабощение же соплеменника запрещалось обычным правом. Другой формой эксплуатации, несомненно практиковавшейся у антов, было взимание дани с покоренных или зависимых племен.

Обращают также на себя внимание фигуры антских и склавинских вождей — Добрита (Лавриты), Ардагаста, Мусокия, Пирогоста и др. Их власть покоилась, повидимому, не только на общем признании их организаторских и военных способностей, как это было при первобытном строе, но главным образом на их имущественном положении. В их руках скапливались огромные богатства, они владели рабами, захватывали себе львиную долю даней и военной добычи, в их руки переходили земли, составлявшие раньше собственность общины. Крупное землевладение явилось

в данных условиях основой развития феодальных отношений. Именно им, представителям антской знати, принадлежали драгоценные клады, найденные в области среднего Поднепровья.

Если при первобытном строе вожди были выборными, то власть антских вождей становилась наследственной. В IV веке аварский хан убил Межимира — самого могущественного человека среди антов. Описывая этот случай, историк Менандр называет имя не только Межимира, но и его брата и отца. Перед нами, следовательно, династия антских вождей.

В поземельной сельской общине славян, судя по данным «земледельческого закона», в VIII веке обрисовывались отчетливые черты феодализации, разорения одних и обогащения других, использовавших с выгодой для себя безвыходное положение бедных членов общины. Начало этого процесса восходит несомненно к более раннему времени.

Все это вместе взятое подтверждает высказанное нами выше соображение, что южные восточнославянские племена во второй половине I тысячелетия до н. э. порывали с первобытно-общинным строем и вступали в классовое общество и государственную жизнь.

В начале VII века, после заселения славянами Балканского полуострова, племенной союз антов распался, и имя «анты» уже никогда более не встречалось на страницах истории. На Балканы переселилось в то время, повидимому, значительное количество населения из Поднестровья и Среднего Поднепровья, в том числе выходцы из племени северян и дреговичей. В это же время в среде восточнославянских племен имели место и другие передвижения. В начале VIII века, как предполагают некоторые археологи, на Днепр продвинулись русы. Северяне продвинулись к югу и начали осваивать лесостепные пространства в Левобережье. Продвигались к югу и правобережные днепровские племена — древляне и дреговичи.

Все эти события — война на Дунае, заселение славянами Балканского полуострова, передвижение ряда восточнославянских племен — не могли не способствовать консолидации племен, утере ими своих племенных особенностей. В основе этого процесса, который в конце концов, через два-три столетия, привел к слиянию восточнославянских племен в древнерусскую народность, лежал рост экономических отношений среди племен и распад в их среде родоплеменных связей. В конце I тысячелетия н. э. разница в уровне развития, наблюдаемая у северных и южных племен в более раннее время, в значительной степени сгладилась.

Однако более южные племена все же шли несколько впереди. Недаром именно в их среде возникли первые восточнославянские государства.

Еще некоторые русские дореволюционные историки утверждали, что в рассказе русской летописи о борьбе дулабов с аварами и в смутном сообщении некоторых арабских авторов о племени дулаба и его царе Ванджслава, а также о стране Валинана и его царе Маджаке скрываются известия о древнейшем восточнославянском государстве, возникшем на Волыни после распада антского союза. Летопись приурочивает свой рассказ ко времени византийского императора Ираклия, т. е. к 610 — 641 годам.

Арабский писатель X века Масуди, использовавший неизвестные нам более ранние источники, рассказывает о Валинане и племени дулеба следующее:

«Из этих (славянских) племен одно имело прежде в древности власть над ними, его царя называли Маджак, а само племя называлось Валкинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались. Затем следует славянское племя Астарбрана, которого царь в настоящее время называется Саклаик; еще племя, называемое Дулеба, царь же их называется Вандж-Слава... Мы уже выше рассказывали про царя, коему повиновались в прежнее время остальные цари их (славян), т. е. Маджак, царь Валкинаны, которого племя есть одно из коренных племен славянских, оно почитается между их племенами и имело превосходство над ними. Впоследствии же пошли раздоры между ними, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя...».

Если древнее волынско-дулебское государство, включавшее в свои границы несколько славянских племен, из-за недостатка фактических данных продолжает оставаться загадочным и вызывающим некоторые сомнения, то уж никаких сомнений не вызывает другое древнее восточнославянское государство, предшествовавшее возникновению Киевской державы. Речь идет о государстве народа рос, от «хакана» (князя) которого в 839 году прибыли послы к византийскому императору Феофилу. Приблизительно в это же время русы совершали большие походы на юго-западное побережье Черного моря и на города южного берега Крыма.

Проф. Б. А. Рыбаков, занимавшийся древними росами, полагает, что они обитали на Днепре, в бассейне реки Роси, и на восток от него, простираясь вплоть до верховьев Донца. На этой территории найдено много славянских кладов VI—VIII веков. Росы, по мнению Б. А. Рыбакова, являлись главой союза окрестных славянских племен.

Русская летопись сообщает, что у полян было свое «княжение», у древлян — свое, у новгородцев — свое, и что «княжение» было у полочан.

Наконец к периоду, повидимому предшествовавшему возникновению Киевской державы, относится интересный рассказ восточных авторов о трех центрах древней Руси — Куябе, Славии и Артании. По мнению ряда историков, речь идет здесь о трех древних восточнославянских государствах. Первое имело своим центром, повидимому, Киев и может быть связано с древним государством русов. Второе—Славия—связывают с новгородскими словенами, подчинившими себе ряд соседних неславянских племен. Что касается Артании, то она остается загадочной, несмотря на массу труда и остроумия, потраченных историками на разгадку ее имени и попытки определить ее местоположение.

О всех этих древних восточнославянских раннефеодальных государствах известно очень мало. Но для нас важно установить то, что Древнерусское, или, как его часто называют Киевское государство, отнюдь не было первым государством у восточных славян.

Мы постарались обрисовать археологические и иные данные, характеризующие жизнь, культуру и отчасти историю восточных славян в период, предшествовавший возникновению Древнерусского государства. В свете этих данных становится очевидным, что славянские племена, с глубокой древности обитавшие в Средней и Восточной Европе, к концу I тысячелетия н. э., т. е. ко времени возникновения древней Руси, прошли большой путь экономического, культурного и общественно-политического развития.

Являясь наследниками древней земледельческой культуры, возникшей еще в каменном веке, они совершенствовали свое земледельческое хозяйство и во второй половине I тысячелетия н. э. повсеместно овладели высоким для того времени пашенным земледелием. Они были искусными металлургами уже в начале нашей эры, когда в их среде, особенно на юге, возникает разделение труда и у них зарождаются ремесленные формы производства как в области обработки железа и цветных металлов, так и в ряде других. Вместе с тем развивается торговля как в своей среде, так и с соседними странами. Зародилось, следовательно, товарное производство. В течение I тысячелетия н. э. у восточных славян — у одних племен раньше, у других несколько позже — распадался первобытный строй жизни: на месте древних патриархальных порядков появилось рабство, появилась знать, владевшая большими богатствами, эксплуатировавшая своих бедных сородичей или соседей и захватившая в свои руки политическую власть. В политической жизни Европы восточнославянские племена также играли далеко не последнюю роль; а начиная с VI—VII веков н. э., выступив против Византийской империи и создав свои первые государства, они уверенно взяли в свои руки дальнейшую историческую судьбу Восточной и отчасти Средней и Южной Европы.

Таким образом, древняя Русь, ее феодальный строй, хозяйство, развитая культура в IX веке отнюдь не упали с неба в готовом виде и не были принесены откуда-то со стороны. Древняя Русь, ее культура и государственность явились закономерным результатом многовекового развития восточнославянских племен. Все это создано трудом и борьбой многих поколений наших далеких предков.

М. К. КАРГЕР

ДРЕВНИЙ КИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА.
ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ КИЕВА.
АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КИЕВА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК.
Развалины Десятинной церкви и княжеских дворцов.
Софийский собор и «город Ярослава».
Постройки Ярославичей.
Памятники XII— начала XIII вв.
ЖИЛИЩА-МАСТЕРСКИЕ КИЕВЛЯН XII—XIII вв.
КИЕВ И МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ.
Татары у ворот города.
Враги ворвались в Киев.
Последние часы сопротивления.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Разнообразные памятники Киева — величественные свидетели многовековой истории древнейшей столицы Русского государства— еще в глубокой древности привлекали к себе народное внимание. Пытливый ум народа искал у этих молчаливых свидетелей его далекого прошлого ответы на многие волновавшие вопросы.

Когда во второй половине XI века первые русские летописцы приступили в Киеве к созданию истории Русского государства, среди разнообразных исторических источников, к которым они обратились, были и различные памятники материальной культуры. На территории Киева, в различных его концах, в XI—XII веках возвышалось немало огромных курганов, которые для киевлян той поры были уже памятниками далекой седой старины. Языческие курганы напоминали о страницах древнейшей истории Родины.

Повествуя о захвате Киева Олегом и о смерти Аскольда и Дира, летописец не преминул вспомнить об их могилах — курганах, один из которых был расположен невдалеке от подгородного княжеского села Берестова и под названием урочища «Аскольдова могила» известен и поныне, а другой — «Дирова могила» — находился в XI веке в самом центре Ярославова Киева, возле церкви Ирины, построенной князем Ярославом.

Вспоминал летописец и могилу (курган) Олега, о которой заметил, что она существует «и до сего дне», т. е. до времени летописца.

Для подкрепления полулегендарных рассказов о деятельности первых русских князей IX—X веков летописец ссылался на языческие кур-

ганы, сохранившиеся не только в самом Киеве. Повествуя о смерти князя Игоря, убитого древлянами, он вспомнил о его могиле (кургане) у Искоростеня, также отметив, что она существует «и до сего дне». Упоминает летописец и о могиле князя Олега Святославича у города Вручего (Овруча) и о могиле Святополка, бежавшего после поражения в Лядскую землю, где в «пустыне межю Ляхы и Чехы» сохранился его курган, из которого, по словам летописца, и в его время «исходил смрад зол».

Не только древние курганы привлекали внимание летописца. Для подтверждения своего повествования о различных исторических событиях он ссылается и на древние городища, т. е. заброшенные, опустевшие города — немые свидетели бурных событий далекого и для времени летописца прошлого.

Широко пользуется киевский летописец ссылками на различные архитектурные памятники: древние укрепления, дворцы, храмы, сохранившиеся до его времени в Киеве, Тмутаракани, Корсуни и в других городах. Так, стремясь различными аргументами подтвердить версию о крещении князя Владимира в Корсуни, в противовес другим известиям о его крещении в Киеве, летописец для вящей убедительности развиваемой им концепции трижды ссылается на архитектурные памятники Корсуни, связанные с событиями корсунского похода князя Владимира. Памятники, увековечивавшие корсунский поход, были воздвигнуты Владимиром и в Киеве, украсив центральную площадь столицы. Летописец не преминул привлечь и их для подкрепления рассказа о разгроме Корсуни.

Наряду с ссылками на «археологические памятники» в прямом смысле этого слова излюбленным приемом летописца являются также попытки установить древнюю топографию частей города, его урочищ, сооружений, мест, где происходили те или иные события, с помощью сопоставления с современной для летописца топографией города, что для читателей XI—XII веков делало места тех или иных исторических событий конкретными, а самые события — более понятными.

Современный исследователь, решающий сложные задачи историко-археологического изучения древнего Киева, не может забыть огромного вклада, внесенного в дело изучения древнейшего, долетописного периода истории города киевским летописцем. Скромному печерскому летописцу, жившему во второй половине XI века, археологическая наука обязана замечательной по своей целостности и правдивости попыткой восстановления облика Киева IX—X веков, который для самого летописца был уже далеким историческим прошлым. Повествуя о прибытии к Ольге древлянских послов, летописец сделал большое отступление, посвященное характеристике Киева времен Ольги: «И приста под Боричевым в лодьи. Бе бо тогда вода текущи вздоле горы Киевьскыя и на Подолье не седяху людье, но на горе; град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княж бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града и бе вне града двор другый, идеже есть двор Деместиков за святою Богородицею над горою двор теремный, бе бо ту терем камен» (Лаврентьевская летопись, под 945 годом).

Под тем же 945 годом летописец рассказал о холме, «кде стояше Перун», перед которым, положив «оружье свое, и щиты, и золото», Игорь «и люди его» приносили клятву, заключая договор с греками (Лаврентьевская летопись, под 945 годом). Более подробно об этом холме «вне двора теремного» повествуется в связи с вокняжением Владимира в 980 году: «и нача княжити Володимер в Киеве един и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат и Хорса, Дажь бога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь. И жряху им, наричущи я богы оскверняху землю требами своими и осквернися кровьми земля Руска и холмо тъ» (Лаврентьевская летопись, под 980 годом). Летописец и в этом случае пытается уточнить местоположение холма с кумирами: «На том холме,— заключает он свое повествование, — ныне церкви стоить святаго Василья есть, якоже последи скажем» (Лаврентьевская летопись, под 980 годом).

Из летописного повествования мы знаем и о существовании древнейшего христианского храма в Киеве, выстроенного еще до официального «крещения» Руси. Рассказав о клятве Игоря и языческой части его дружины на Перуновом холме, летописец добавил: «а хрестьяную Русь водиша роте в церкви святаго Ильи, яже есть над ручаем, конець Пасынче беседы и Козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша Варязи хрестеяни» (Лаврентьевская летопись, под 945 годом). Все эти летописные упоминания о древних памятниках не потеряли своего значения и поныне и широко используются учеными при изучении древней истории Киева.

* * *

Археологическое изучение древнего Киева началось более 125 лет тому назад. С 20-х годов XIX века почти ежегодно, то специальными раскопками, то в результате случайных земляных работ, открывались разнообразные памятники, относившиеся к различным более или менее отдаленным периодам истории города.

Первый этап археологических работ в Киеве (20—40-е годы XIX века), большой размах которых был в значительной мере вызван работами по реконструкции города, дал значительное количество разнообразных материалов, наполнивших собрания музеев Киева и отчасти попавших в столичные музеи. Но материалы эти, большей частью случайные, были плохо систематизированы, исторически мало и слабо комментированы.

Методика археологических раскопок, осуществлявшихся в основном любителями дилетантами, стояла на крайне низком уровне. Нередко «раскопки» превращались в откровенное хищническое кладоискательство. Все это в значительной мере обесценивало добытые в ту пору многочисленные и разнообразные по характеру памятники древней истории Киева.

Археологические работы второй половины XIX столетия, немногим отличавшиеся по методике, проводились в значительно меньших масштабах, представляя обычно лишь наблюдения за различными земляными работами в городе.

Археологические исследования Киева были оторваны от основных

проблем, стоявших перед исторической наукой; археологические находки, как правило, не расценивались историками Киева как серьезные исторические источники. Отдельные, к тому же плохо изученные археологические памятники если и привлекались порой, то не столько в качестве полноценных исторических источников, сколько в виде иллюстраций к тем или иным теориям, уже сложившимся на основе письменных источников.

Впервые в 1907—1908 годах в раскопках киевского археолога В. В. Хвойко облик древнего Киева был раскрыт в больших и ярких комплексах. Идея раскопок на территории древнейшей части Киева возникла у В. В. Хвойко, повидимому, случайно. Осматривая обрывы киевских гор в поисках следов первобытного человека, В. В. Хвойко заметил в обнажениях на склоне Андреевской горы, на территории частной усадьбы доктора М. Петровского, остатки древних фундаментов, сложенных из красного кварцита. Это неожиданное открытие послужило толчком для пытливого и неутомимого исследователя, ранее увлеченного раскопками Кирилловской палеолитической стоянки и трипольских жилищ, заняться изучением древнего Киева.

Несмотря на несовершенство методики раскопок В. В. Хвойко, особенно в отношении фиксации процесса археологических исследований, несмотря на затруднительные условия, в которых протекали раскопки, проводившиеся в частновладельческих усадьбах, разрезавших территорию древнего Киева на маленькие участки, хозяева которых ставили ряд ограничительных условий, несмотря на то, наконец, что работы производились на скудные частные средства, — результаты их были поистине блестящи и неожиданны. Вскрытые в 1907—1908 годах в центре древнего Киева остатки разрушенных княжеских дворцов, жилищ, ремесленных мастерских, древних погребений и пр. вызвали живой интерес в широких кругах общественности и привлекли наконец внимание историков древней Руси. Участники XIV археологического съезда в Чернигове, осмотрев осенью 1908 года, после окончания съезда, раскопки В. В. Хвойко, дали высокую оценку результатов раскопок и характеризовали их, как «новую эру в русской археологии».

Под непосредственным воздействием исключительного успеха раскопок В. В. Хвойко в Киеве начались систематические и достаточно крупные по размаху работы Археологической комиссии, руководство которыми было поручено архитектору-археологу Д. В. Милееву. Раскопки эти велись ежегодно по широко задуманному плану, рассчитанному на 10 лет. С 1908 по 1914 год были осуществлены раскопки на различных участках древнего Киева, давшие огромный материал для характеристики истории города в различные периоды его существования. Трагическая смерть исследователя во время раскопок в 1914 году и начавшаяся война не позволили завершить план работ.

Совершенно иное содержание и масштаб археологические исследования Киева приобрели после Великой Октябрьской социалистической революции. Огромный размах работ, не стесненных границами частновладельческих усадеб, сочетался не только с новыми задачами исследования, но

и с новой методикой раскопок. Вместо узких траншей, прорезавших и разрушавших целостность открываемых комплексов, постепенно внедрялась методика раскопок широкими площадями с задачей охватить по возможности полностью изучаемые комплексы.

Но главной особенностью советских археологических исследований в Киеве, как и всей советской археологической науки, была подчиненность раскопок задачам исторической науки, постановка и решение на археологическом материале больших исторических проблем. Новые раскопки позволили во многом переоценить, осмыслить, по-новому комментировать и результаты предшествующих исследований.

Археологи дореволюционного времени увлекались главным образом парадной стороной жизни города, их интересовали пышные церковные и дворцовые постройки, клады драгоценных вещей, богатые погребения и т. п. Интересы и задачи советской археологии стали шире и многостороннее. Особое внимание советских археологов, изучающих древнерусские города, привлекли памятники, характеризующие жизнь и производственную деятельность эксплуатируемого ремесленного населения города, составлявшего основное ядро городского посада. Раскопки последних двух десятилетий в Киеве, как и в ряде других городов древней Руси, позволили нарисовать правдивую картину жизни феодального города, городское ремесленное производство, тяжелую трудовую подневольную жизнь эксплуатируемых классов феодального общества.

Раскопки, прерванные Великой Отечественной войной и временной оккупацией Киева фашистскими варварами, возобновились тотчас же после освобождения города от захватчиков и с успехом продолжаются поныне.

Основные этапы исторического развития города, его яркая, своеобразная культура раскрылись в результате исследований последних двух десятилетий с исключительной убедительностью и полнотой, которой нельзя было достичь ранее, при изучении одних письменных источников.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ КИЕВА

История Киева, как и история других крупнейших городов древней Руси, уходит своими корнями в далекое прошлое нашей Родины. Повествуя о происхождении Киева и о древнейших страницах его истории, древнерусские летописцы опирались главным образом на народные легенды и предания. К числу таких легенд относится сказание о трех братьях — основателях Киева — Кие, Щеке и Хориве, занесенное в «Повесть временных лет».

Историки XVIII — XIX веков, с различной степенью доверчивости относившиеся к этой легенде, все же именно на ней в основном строили все свои выводы и предположения. Одни из них приписывали основание Киева гуннам, другие — готам, третьи — аварам. Против этих антиисторических утверждений решительно возражал еще Н. М. Карамзин. «Не видим мы нужды, — писал он, — отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева славянским полянам».

Языческое капище (по рисунку В. В. Хвойко)

Древнейший период истории города носил полулегендарный характер до тех пор, пока историческая наука пользовалась лишь одними сведениями, почерпнутыми из летописей, игнорируя или не умея использовать вещественные — археологические памятники в качестве исторических источников. В результате археологических исследований сказочный туман легенд, которым была овеяна древнейшая история Киева, постепенно развеивается. Археологические раскопки помогли восстановить подлинный исторический облик древнего Киева.

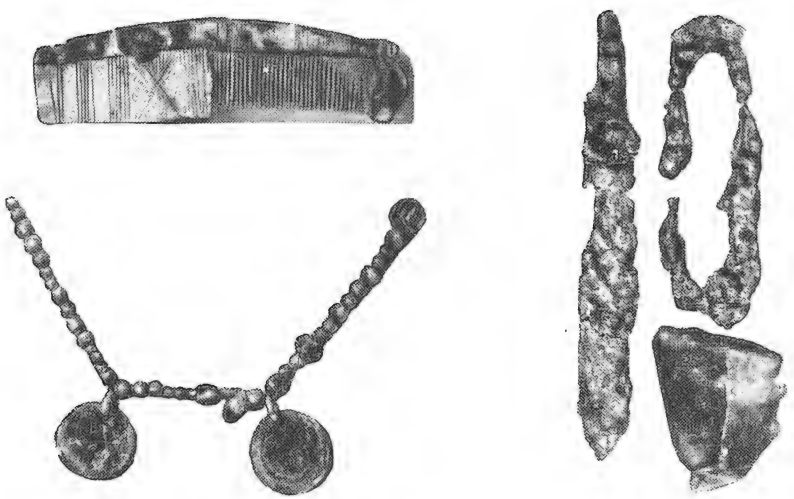
До недавнего времени считалось, что первоначальным ядром Киева был так называемый «город Владимира», то есть город, который при князе Владимире Святославиче был огражден земляным валом. Остатками этого древнейшего, как тогда считалось, города являются развалины каменной воротной башни, известной под названием «Батыевых ворот». Развалины этой башни были обнаружены раскопками на углу Владимирской и Б. Житомирской улиц.

Раскопки на территории «Владимирова города» показали, что этот город не может быть признан древнейшим ядром Киева. Раскопками был обнаружен глубокий ров, проходивший вблизи северной стены Десятинной церкви, построенной князем Владимиром Святославичем после принятия христианства. Ров был засыпан во время строительства Десятинной церкви, то есть в конце X века. Этот ров ограждал древнейший Киев, территория которого была значительно меньше территории «города Владимира».

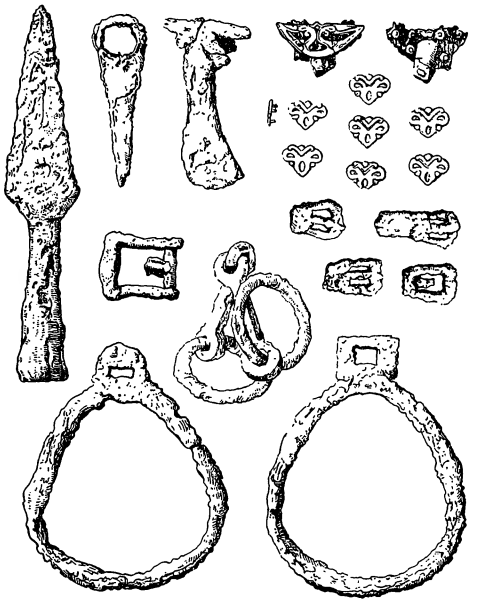
В центре этого маленького, но прекрасно укрепленного городка, расположенного на Андреевской горе, еще в 1908 г. раскопками В. В. Хвойко были обнаружены развалины языческого капища — жертвенника, сложенного из глыб неотесанного камня. Возле святилища были найдены многочисленные обломки костей жертвенных животных и фрагменты лепной керамики, то есть керамики, сделанной без применения гончарного круга.

Еще бóльший интерес для исследователей древнего Киева представляют раскопки языческого курганного могильника, который был расположен за рвом и валом древнейшего городища. Территория этого могильника была, повидимому, очень велика: отдельные погребения, относящиеся к IX — X векам, попадаются при различных земляных работах во многих частях современного города, вплоть до Золотых ворот — по направлению на юг, и до Михайловского Златоверхого монастыря — по направлению на восток. Главная часть этого могильника была, повидимому, расположена на площади, примыкавшей непосредственно ко рву и к валу древнейшего городища. Эта территория уже в конце X—XI веков была застроена княжескими дворцами и Десятинной церковью. На большой глубине, под фундаментами этих построек, раскопками было обнаружено более полутораста древних погребений IX — X веков.

В большей части этих могил погребены представители «черного» люда города. Вместе с погребенным в могилу обычно клали вещи, которые, по языческим религиозным представлениям, были необходимы покойнику в загробном мире. В мужских погребениях, относящихся



Инвентарь женского погребения X века: ожерелье из бус и двух арабских монет. Инвентарь двух мужских погребений X века: гребень, железный нож, кресало для высекания огня, кремень



Инвентарь погребения знатного дружинника X века. Предметы вооружения и снаряжения коня

к тому времени, были найдены такие предметы, как железный нож, стрелы, кресало и кремень для высекания огня, костяной гребень, клыки дикого кабана; в женских погребениях — перстни, ожерелья, височные кольца и другие украшения.

От этих погребений горожан сильно отличаются немногочисленные погребения дружинной знати. Устройство самой могилы в погребениях этого типа отличается от устройства могил рядовых погребений. Вместо простого деревянного ящика, скрепленного железными гвоздями, обычного для массовых погребений, для погребения княжеских дружинников устраивались большие подземные склепы в виде деревянных срубов, над которыми насыпались огромные земляные насыпи-курганы. В этих склепах вместе с погребенными клались их парадные одежды, украшения и оружие: меч, боевой топор, колчан со стрелами, копье; различные бытовые предметы, начиная с разнообразной посуды, деревянной и глиняной, и кончая набором игральных костей. Нередко вместе с дружинником в могилу клали его боевого коня в полном богатом снаряжении (седло, стремена, удила и пр.). В нескольких случаях рядом с погребенным знатным воином был обнаружен скелет женщины, иногда в сидячем положении. Из рассказов арабских писателей мы знаем о том, что при погребениях знатных людей русы убивали одну из молодых рабынь, принадлежавших покойному, и хоронили ее вместе с господином. Погребения женщин рядом со знатными воинами, найденные не только в Киеве, но и в ряде других древнерусских городов, подтверждают эти рассказы современников. Среди погребений киевской знати исключительный интерес представляет погребение ребенка, вместе с которым его заботливые родители положили в могилу все, в чем нуждался он при жизни, начиная с костяной ложки и вплоть до игрушек.

Инвентарь погребений древнего киевского некрополя позволил восстановить яркую картину жизни города в IX — X веках. Среди этих погребений особенный интерес представляют описанные выше богатые погребальные комплексы, принадлежавшие дружинной знати Киева. Изучение характерных для восточных славян той поры инвентаря и погребальных обрядов киевского некрополя IX — X веков позволило окон-

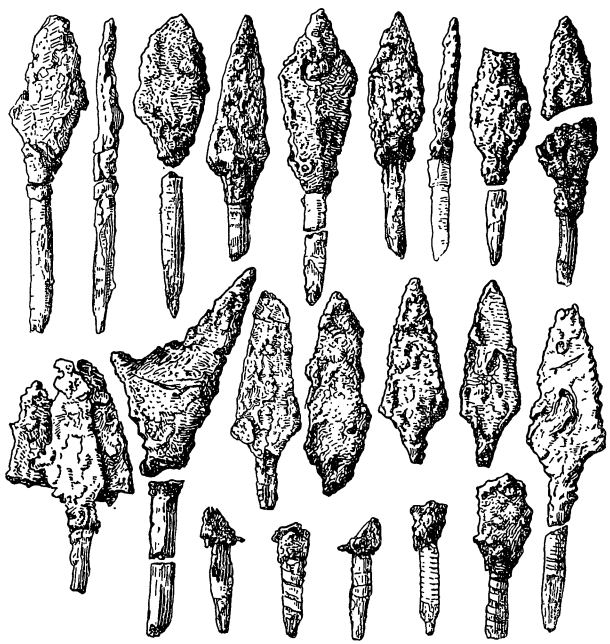
чательно разоблачить буржуазные «норманистские» теории. Буржуазные ученые без всяких к тому оснований приписывали все достижения русской культуры влиянию норманнов, в действительности стоявших в то время на более низком уровне общественного развития.

Археологическими исследованиями последних лет было установлено существование на территории современного города Киева нескольких (не менее трех) славянских поселений, относящихся к концу VIII — X векам. Эти поселения предшествовали образованию в конце X века Киева как единого городского центра.

Кроме древнего городища VIII—X веков на Андреевской горе и примыкающего к нему огромного могильника, поселение того же времени было обнаружено раскопками на горе Киселевке. На северо-западной окраине современного города, на возвышенностях, тянущихся вдоль бывшей Кирилловской улицы (ныне улица Фрунзе), еще в конце XIX века был обнаружен огромный могильник, по характеру погребального обряда и инвентаря напоминающий некрополь на Андреевской горе. В этом же районе, на Щековицких высотах, еще в XIX веке существовало теперь совершенно разрушившееся городище.

Легенда о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве — основателях Киева отражала, повидимому, реальный факт существования нескольких самостоятельных поселений на территории будущего города. Только к концу X века одно из этих поселений, расположенное на Андреевской горе, объединяет вокруг себя остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр.

Археологические исследования древнего Киева позволили также установить, что городища VIII—X веков, о которых шла речь, отнюдь не были древнейшими славянскими поселениями на территории Киева. Систематизация и изучение случайных находок и, в частности, многочисленных кладов римских монет первых веков нашей эры, обнаруженных в черте современного города, поз-



Наконечники железных стрел X века

волили составить представление о еще более древнем периоде в истории Киева. Решению этой задачи особенно способствовало открытие нескольких славянских погребений, относящихся к первым векам нашей эры, и одного жилища; на полу этого жилища найдена керамика такого же типа, какой характерен и для сосудов, найденных в составе погребального инвентаря.

Все это позволило с несомненностью установить, что уже в первые века нашей эры на территории будущего города существовало несколько небольших славянских поселений. Вместе с тем исследованиями последних лет окончательно разоблачена полная несостоятельность сфабрикованной буржуазными учеными легенды о существовании на месте будущего Киева «Днепровского города» — мифической столицы «Готской империи».

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КИЕВА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Развалины Десятинной церкви и княжеских дворцов

Раскопки советских археологов дали исключительно ценные материалы и для истории Киева в X—XIII веках. На той территории, которая в IX — начале X века была занята небольшим городком с раскинувшимся за его рвом курганным языческим могильником, уже в конце X века вырос новый центр столицы древнерусского государства. Несколько пышных каменных дворцов и блиставшая золотом своих куполов Десятинная церковь высились там, где еще недавно были курганные насыпи языческого некрополя. На этом участке современного города на поверхности земли не сохранилось никаких следов от великолепных построек Киева XI—XIII веков. Но уже с начала XX века эта территория, разбитая заборами частновладельческих усадеб на мелкие участки, служила неисчерпаемым источником археологических открытий, продолжающихся и по настоящее время.

Раскопки, проводившиеся В. В. Хвойко в 1907 — 1908 годах в усадьбе М. Петровского, раскопки Д. В. Милеева, производившиеся с 1908 по 1914 год на территории Десятинной церкви и в примыкавших к ней частновладельческих усадьбах, и, наконец, раскопки, проводимые с 1938 года по настоящее время Киевской экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института археологии Академии наук УССР, шаг за шагом раскрывают изумительные памятники древней истории Киева, скрытые почти 1000 лет в культурных напластованиях этого замечательного уголка столицы Советской Украины.

В центре этого городского участка раскопками 1938—1939 годов открыта древнейшая каменная постройка Киевской Руси — Десятинная церковь. Развалины этой постройки более 100 лет были скрыты под безвкусной новой церковью, выстроенной в 20-х годах XIX века в ложновизантийском стиле. Исследователи начала XX века могли раскопать лишь те

Шиферный саркофаг возле Десятинной церкви.
(XI — XII века)

части древнего памятника, которые выходили за пределы новой церкви, так как древняя церковь по площади была значительно больше новой. В настоящее время раскопками 1938 — 1939 годов развалины древнейшего памятника открыты полностью, и первоначальный план здания перестал быть загадкой, которую безуспешно пытались решить исследователи XIX — начала XX веков. При раскопках развалин было найдено огромное количество остатков былого убранства Десятинной церкви. Капители колонн, мраморные и шиферные карнизы, украшавшие дверные и оконные проемы, мраморные парапеты, фрагменты фресок и мозаик, куски мозаичного пола древней церкви, собранные в процессе раскопок, — все это позволяет наглядно представить облик этого замечательного памятника древнейшего зодчества Киевской Руси.

Внутри церкви и у стен ее найдено несколько погребений в шиферных саркофагах. Эти погребения относятся к тому времени, когда Десятинная церковь была главным княжеским храмом-усыпальницей Киева. В 1939 году внутри церкви было найдено погребение в деревянном саркофаге. Около скелета сохранился меч в богатых ножнах, отделанных серебром с чернью[1].

В процессе археологического исследования было собрано много наблюдений, касающихся вопроса о технике сооружения здания, выяснены

[1] Чернь — один из излюбленных приемов древнерусских ювелиров. На серебряных изделиях вокруг рельефного изображения фон заполняется черной пастой.

Серебряный наконечник ножен из княжеского погребения в Десятинной церкви

причины разрушения церкви, которое произошло в 1240 году во время осады Киева татарскими полчищами Батыя.

Вокруг Десятинной церкви в 1907—1908 годах и в 1936—1939 годах было раскопано несколько дворцовых зданий X—XI веков. От некоторых из них сохранились только фундаменты, позволившие восстановить план этих сооружений. Значение обнаруженных памятников исключительно велико, если учесть, что от гражданского зодчества древней Руси сохранилось очень немного зданий.

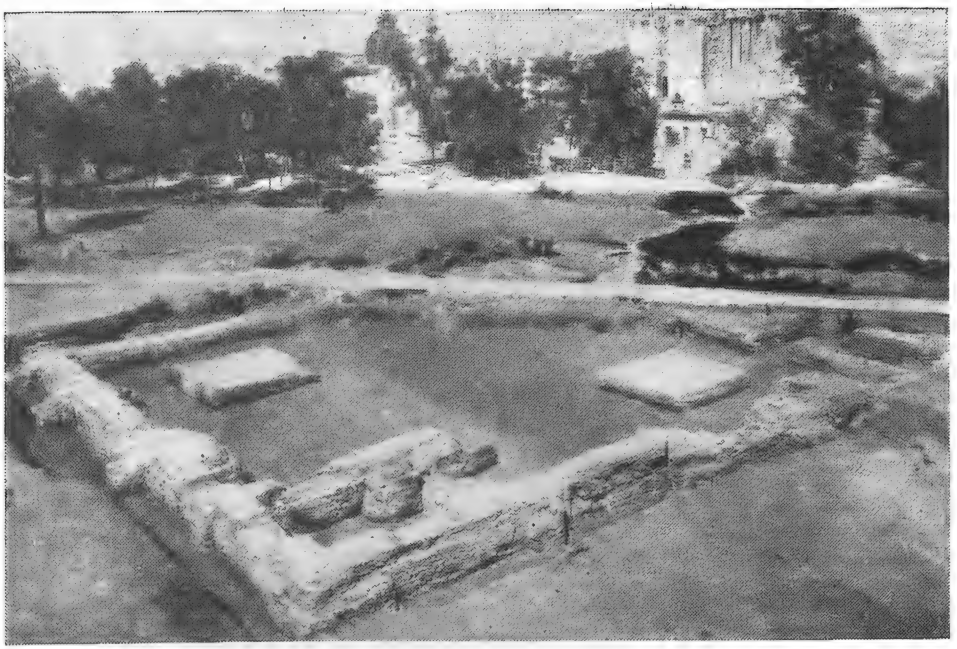
В непосредственном соседстве с роскошными дворцами ютились жалкие полуземляночного типа жилища, в которых жили и работали княжеские ремесленники-холопы. Раскопками было обнаружено большое количество разнообразных ремесленных мастерских. Среди них были мастерские, изготовлявшие тончайшие ювелирные изделия, мастерская по обработке мрамора и шифера, мастерская по изготовлению стеклянных изделий и пр. В мастерских было найдено много орудий производства, заготовок и готовых изделий. Около одной мастерской был найден хорошо сохранившийся древний горн для плавки цветных металлов.

Софийский собор и «город Ярослава»

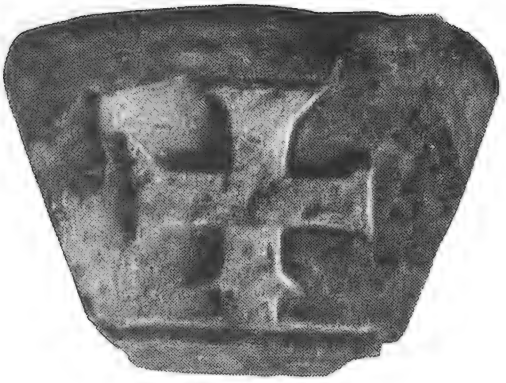
Археологические исследования значительно обогатили наши представления о разнообразных архитектурных памятниках древнего Киева. От большей части этих памятников до наших дней сохранились лишь незначительные остатки нижних частей стен, а чаще лишь фундаменты, скрытые под многовековыми напластованиями. Эти остатки древних построек стали достоянием исторической науки лишь в результате археологических раскопок.

Нужно также иметь в виду, что и те сооружения древнейшей поры русского зодчества, которые сохранились в Киеве и его пригородах доныне и бережно охраняются Советским государством как исторические памятники, представляют собой обычно весьма сложные комплексы, первоначальное, древнейшее ядро которых нередко бывает скрыто под разновременными, значительно более поздними реставрациями и перестройками. Для того чтобы восстановить хотя бы теоретически первоначальный облик этих древних сооружений, нужны были кропотливые, порой чрезвычайно сложные археологические исследования.

Подлинным шедевром русского зодчества XI века является сохранившийся до наших дней Софийский собор в Киеве. Выстроенный князем Ярославом Владимировичем в 30—40-х годах XI века, Софийский собор в течение последующих двух столетий, вплоть до татаро-монгольского



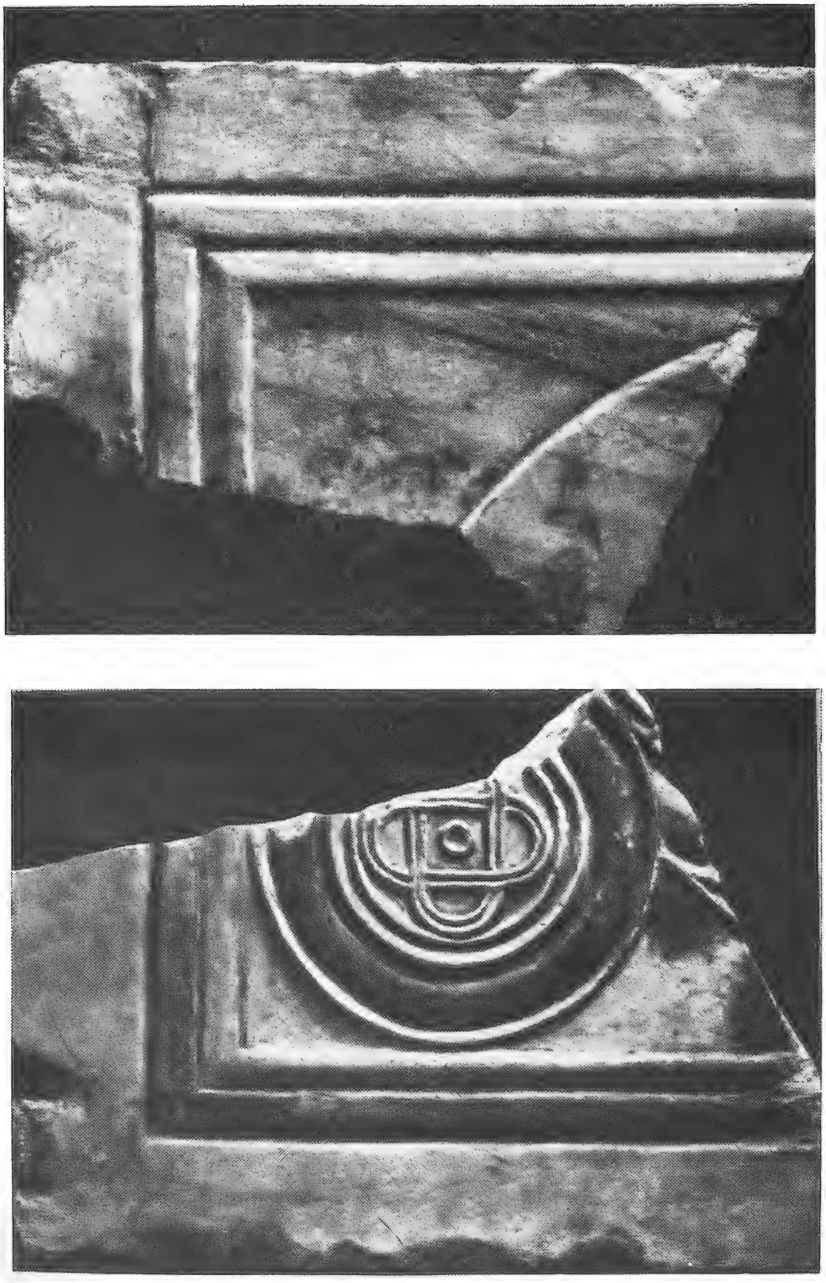
Развалины Десятинной церкви (X—XIII века)



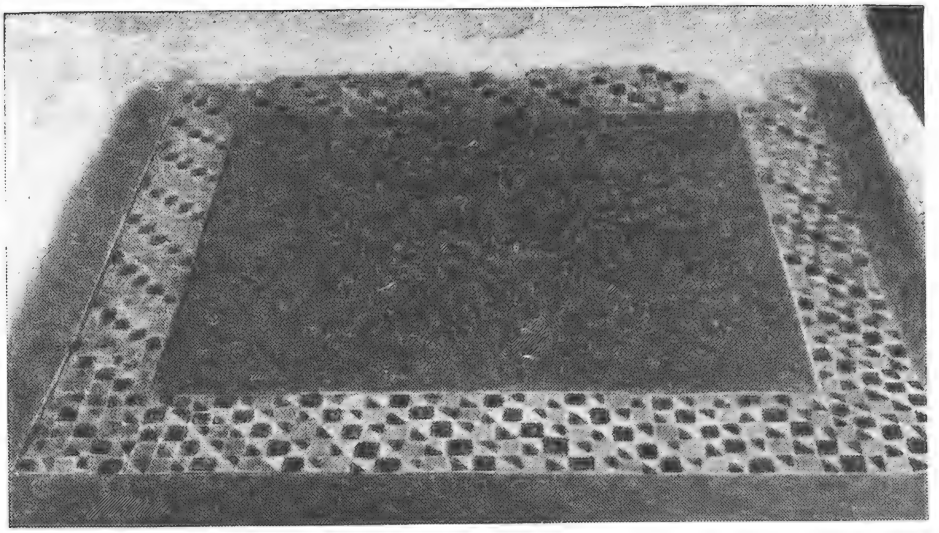
Капитель из Десятинной церкви

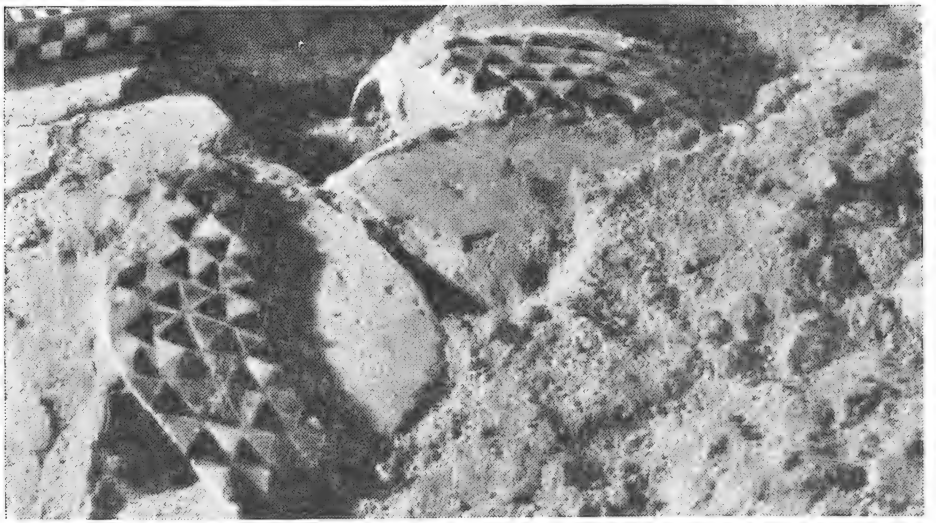
Софийский собор. Современный вид

Софийский собор. Реконструкция



Мраморные плиты из Десятинной церкви





Софийский собор. Фрагменты древнего мозаичного пола

нашествия, играл значительную роль, как один из важнейших центров церковно-политической жизни Киевского государства.

Заложенный в 1037 году во вновь строившейся части верхнего Киева Софийский собор по замыслу строителей архитектурного ансамбля нового «Ярославова города» должен был стать архитектурным центром нового детинца, или, как обычно называли его киевские летописцы, «Горы». Великолепный Софийский собор вместе с выстроенными в ту же пору возле него фамильными княжескими монастырями Георгия и Ирины действительно становится наиболее ярким архитектурным ансамблем древнего Киева, затмившим старый центр «Владимирова города» — Десятинную церковь с окружающими ее дворцами.

Строительство Киевской Софии было завершено при Ярославе. Собор был украшен внутри мозаиками и фресковой росписью. Однако вскоре, повидимому в конце XI столетия, были предприняты крупные работы, сильно изменившие внешний облик храма. Он был опоясан с трех сторон вторым рядом одноэтажных открытых галерей; тогда же, повидимому, над первоначальными галереями были надстроены вторые этажи и выстроена вторая, юго-западная, башня для входа на полати собора. Этот новый облик храма, сложившийся к началу XII века, в основном не подвергался существенным изменениям вплоть до монгольского нашествия.

Основной удар татаро-монгольских полчищ, ворвавшихся в Киев в декабре 1240 года, был направлен в сторону «Владимирова города», за стенами которого укрепились киевляне после падения основной линии обороны «Ярославова города». Софийский собор, оставшийся в стороне от главного плацдарма боя, не был разрушен татарами. Киевский летописец вообще умолчал о судьбе собора, а летописец северо-восточной Руси сообщил лишь о разграблении храма. Очевидно, в результате монгольского нашествия храм не был превращен в руины, подобно многим другим древним постройкам Киева, хотя и лишился, повидимому, значительной части своих сокровищ, накопленных за два века.

С конца XIV века, когда Киев подпал под власть Литвы, а потом Речи Посполитой, Софийский собор, разоренный и заброшенный, скоро пришел в состояние полного разрушения.

Путешественники, посещавшие Киев в XVI — XVII веках, не раз, описывая руины киевских храмов и прежде всего руины Софии, отмечали крайнюю степень разрушения этого прославленного храма.

Брошенное на произвол судьбы здание собора разрушалось с катастрофической быстротой. В начале XVII века рухнула западная стена храма. Начиная с 30-х годов XVII века и вплоть до середины XIX века храм неоднократно реставрировался, в результате чего первоначальный облик его сильно изменился.

Попытки представить древнейший архитектурный облик этого памятника предпринимались давно. Еще первые исследователи храма пытались реконструировать древнейший план храма, его внешний облик, внутреннее убранство. В течение многих лет эти попытки основывались

либо исключительно на материалах письменных источников, либо на весьма поверхностных наблюдениях, не подтвержденных глубоким исследованием разновременных и в различной степени сохранившихся частей памятника.

Тщательное научное исследование памятника, требующее точных обмеров, зондажей, археологических раскопок, было почти невозможно в дореволюционное время, так как Софийский собор был тогда одним из важнейших центров церковной и религиозной жизни царской России.

Единственная возможность исследовать архитектурные памятники прошлого представлялась при крупных ремонтно-реставрационных работах. Но, к сожалению, реставраторы прошлого века, производившие эти работы, варварски разрушали древние части памятников без какого-либо научного наблюдения и фиксации. Именно так поступили и реставраторы, работавшие в Софийском соборе в 40-х и в 80-х годах XIX века.

Положение резко изменилось после Великой Октябрьской социалистической революции. Софийский собор и окружающая его территория были объявлены архитектурно-историческим заповедником. Открылись широчайшие возможности и перспективы подлинно научного изучения памятника.

За истекшие годы проделана огромная работа по исследованию памятника. Детальные обмеры, зондажи, археологические раскопки внутри храма и возле него, расчистка фресковой росписи и мозаик, изучение письменных и графических материалов по истории памятника — все это обогатило нашу науку новым материалом.

Исследования и археологические раскопки внутри собора позволили выяснить первоначальный архитектурный облик этого выдающегося памятника древнерусского зодчества. Софийский собор в своем первоначальном виде представлял огромное здание, опоясанное двумя рядами открытых галерей. Аркады этих галерей в настоящее время заложены, а над крайними галереями в конце XVII века были надстроены вторые этажи.

Внутреннее пространство здания расчленено вереницами столбов на пять продольных нефов, заканчивающихся алтарными абсидами[1]. Над боковыми нефами и над западной частью здания расположены огромные полати-хоры, предназначавшиеся для князя, его семьи и придворной знати. На полати попадали через две лестничные башни, одна из которых была выстроена несколько позже. Стены башен были украшены росписью светского содержания.

Входивший в собор попадал в расчлененную столбами подхорную часть здания, тонущую в полумраке. Центральное подкупольное пространство храма, наоборот, было залито светом. Стены храма были декорированы мозаиками и фресками. Суровые монументальные фигуры святых, изображенные на столбах, и сложные композиции на евангельские и библейские темы, располагавшиеся на стенах и сводах храма, подчеркивали ритм основных архитектурных членений здания. Украшенные

[1] Абсида — полукруглый алтарный выступ.

барельефной скульптурой шиферные парапеты хоров, богатейшая церковная утварь, созданная руками русских мастеров ювелирного дела, драгоценные заморские ткани дополняли сказочно пышный и вместе с тем торжественный облик соборного храма столицы Киевской Руси.

Археологическими раскопками, проведенными внутри собора, были открыты фрагменты первоначального мозаичного пола, сохранившиеся под поздними полами XVII, XVIII и XIX веков. Роскошный ковер древнего мозаичного пола Софии по богатству и разнообразию орнаментальных мотивов превосходил все другие памятники этого рода в Киевской Руси.

Огромный массив пятинефного храма, опоясанного открытыми галереями, завершался тринадцатью куполами, напоминая в этом отношении дубовый храм Новгородской Софии «о тринадцати верхах», выстроенный еще в конце X века. Едва ли можно сомневаться в том, что именно под воздействием русского деревянного зодчества и сформировался художественный образ киевского собора, столь необычный для византийской архитектуры. Сложная и выразительная архитектурная композиция Софии с характерными для русского деревянного зодчества чертами — ступенчатой пирамидальностью масс, живописной динамикой куполов, асимметрично поставленными башнями — свидетельствует о том, что с поразительной быстротой освоенное русскими зодчими византийское наследие было уже в эту раннюю пору творчески переработано на основе традиций древнерусского деревянного зодчества.

Невдалеке от северной стены Софии раскопками 1946 года были обнаружены развалины большой керамической печи, предназначенной для обжига кирпича. Возле нее, в глубокой яме, найдено огромное количество обломков лопнувшего в результате пережога и потому забракованного кирпича. Печь, судя по характеру этих обломков, относится ко времени больших строительных работ, которые велись в Софийском соборе в конце XI века в связи с постройкой второго пояса галерей, окружавших первоначальное ядро собора.

В 1948—1950 годах на различных участках территории Софийского заповедника раскопками были открыты остатки мощной каменной стены, окружавшей, повидимому, некогда огромный двор-замок киевского митрополита.

Недалеко от храма, к югу, юго-востоку и юго-западу от него, в разное время были раскопаны руины трех каменных храмов XI века. Очевидно, один из этих храмов, развалины которого были обнаружены на месте существовавшей до недавнего времени Георгиевской церкви, и есть упоминаемый в Киевской летописи храм Георгия; он был выстроен Ярославом «пред враты св. Софии» в качестве монастырского храма в честь своего патрона — святого Георгия. Второй из этих храмов, руины которого были открыты впервые еще в 1833 году раскопками киевского археолога дилетанта К. Лохвицкого, а позже раскопаны С. Вельминым (в 1913—1914 гг.), был назван К. Лохвицким без особых к тому оснований «храмом Ирины», хотя с не меньшим правом упоминаемую в летописях мона-

Керамическая печь для обжига кирпича

стырскую церковь Ирины, выстроенную князем Ярославом в честь патронессы его супруги, можно видеть в развалинах другого большого храма, обнаруженных впервые в 1731 году и раскопанных полностью Д. В. Милеевым в 1909—1910 годах.

Вне зависимости от решения вопроса о связи раскопанных возле Софийского собора руин с теми или иными упоминаемыми в письменных источниках сооружениями, перечисленные выше постройки, судя по строительной технике, следует без всякого сомнения отнести к середине XI века, то есть ко времени Ярослава Мудрого.

Эти памятники позволяют до некоторой степени судить о характере градостроительной деятельности князя Ярослава Мудрого.

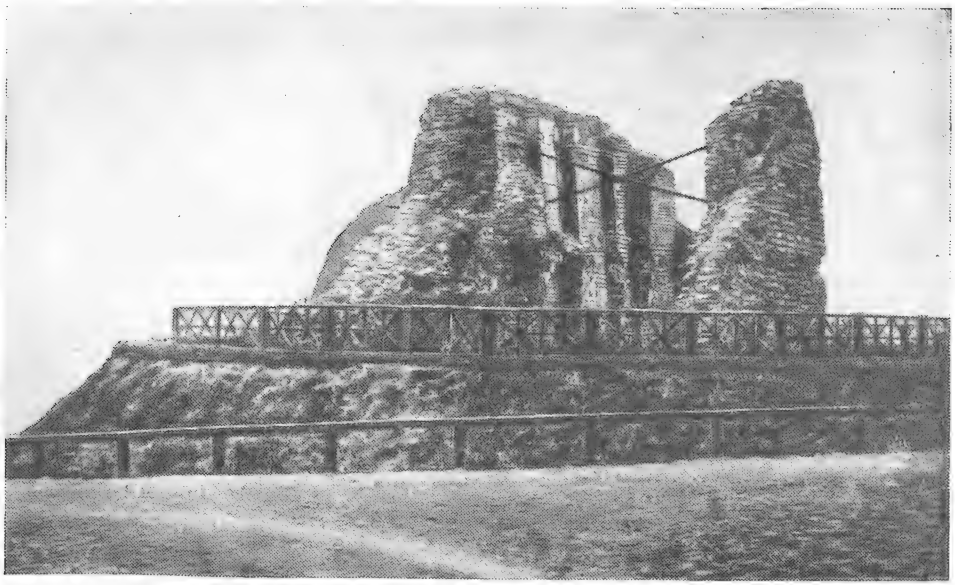
Новый «город Ярослава», заложенный в 1037 году, расширил в несколько раз территорию старого «Владимирова города». Архитектурным центром нового города должен был стать заложенный одновременно с постройкой новых городских укреплений Софийский собор. Собор был расположен в середине «города Ярослава». Все остальные крупные постройки Ярослава находились ближе к южным границам новых городских укреплений.

Главными воротами города становятся южные Золотые ворота. Только эти ворота особо упомянуты в летописях и других литературных памятниках той эпохи; только над этими воротами Ярослав соорудил надвратный храм; именно с этими воротами связано наибольшее количество древних киевских легенд; здесь киевляне не раз устраивали торжественные встречи, именно в эти ворота стремились войти непрошенные гости, чтобы тем самым продемонстрировать свою победу над Киевом.

Золотые ворота представляли собой некогда мощную кирпичную башню с проездом в нижней части и надвратным храмом вверху. В XVIII веке остатки ворот были засыпаны землей, а в 1832—1833 годах они были раскопаны К. Лохвицким. Руины Золотых ворот бережно охраняются и поныне.

Все парадное строительство Ярослава развертывается в южной части города между Золотыми воротами и собором Софии. В настоящее время эта часть города совершенно изменена более поздними перепланировками, а от большей части древних построек сохранились лишь жалкие остатки, глубоко скрытые под землей.

Золотые ворота, городской соборный храм Софии, вышеназванные храмы княжеских фамильных монастырей, дворцовые постройки, остатками которых являются фундаменты большого каменного здания, раскопанные возле развалин храма на Б.-Владимирской улице, и, наконец, огражденный мощной каменной стеной митрополичий двор — весь этот



Развалины Золотых ворот (XI век)

грандиозный архитектурный ансамбль «Ярославова города» сейчас может быть восстановлен лишь графически или описательно. Исследования памятников монументального зодчества эпохи Ярослава вносят ценный вклад в изучение архитектуры Киевской Руси.

Постройки Ярославичей

Киевское зодчество 60—70-х годов XI века продолжало и развивало традиции эпохи Ярослава.

Сыновья Ярослава, конкурируя между собой, создают в Киеве и его предместьях свои фамильные монастыри. Монастырские соборы Ярославичей по масштабу и пышности оформления немногим уступали фамильным монастырям Ярослава Мудрого.

В начале 60-х годов XI века подле городской стены князь Изяслав Ярославич заложил большой трехнефный шестистолпный храм Дмитрия — соборную церковь Дмитриевского монастыря. Этот храм был богато декорирован мозаиками и фресками, мозаичными полами и плитами с барельефными скульптурами. Интересно отметить, что этот собор сохранился до нашего времени под названием Михайловского собора. Сейчас установлено, что это название ошибочно приписывалось храму. В 1118 году сын Изяслава князь Ярополк Изяславич построил около Дмитриевского монастыря собор архангела Михаила. Собор, повидимому, был разрушен во время разгрома Киева монголами. Впоследствии, при восстановлении киевских руин, его название перешло к сохранившемуся собору Дмитрия. Изучение топографии древнего Киева, плана и особенностей техники кладки собора, изучение стиля его мозаик привело к выводу, что дошедшая до нас под названием Михайловского собора постройка в действительности представляет собор Дмитриевского монастыря князя Изяслава Ярославича. У юго-западного угла собора раскопками были найдены фундаменты круглой башни с лестницей внутри, которая вела на полати-хоры собора.

В 1070 году князь Всеволод Ярославич заложил подле своего загородного Красного двора собор архангела Михаила во Всеволоже монастыре на Выдубичи. Собор строился очень долго и был освящен лишь 18 лет спустя, в 1088 году. Выстроенный на высокой горе над Днепром, собор Михаила уже к концу XII века оказался в опасном положении: крутой берег, сильно размываемый полноводным Днепром, угрожал собору катастрофой. По повелению князя Рюрика Ростиславича прославленный киевский зодчий Петр Милонег в 1199 году укрепил берег, выстроив каменную подпорную стену. Летописец с восторгом и изумлением описал это невиданное дотоле инженерное сооружение.

Впоследствии и стена, построенная Милонегом, и восточная часть собора все же рухнули с днепровской кручи. Сохранившаяся часть собора была реставрирована в начале XVIII века. Как установлено раскопками, проведенными в 1945 году, эта часть собора была лишь западной половиной древней церкви. В первоначальном виде собор представлял собой необычно удлиненное трехнефное восьмистолпное сооружение.

К юго-восточному и северо-восточному углам собора примыкали различные по высоте и по площади пристройки, служившие княжескими усыпальницами. Башня с лестницей внутри, ведущей на полати собора, как бы несколько вдавлена в тело здания, благодаря чему она лишь незначительно выступает за линию северной стены собора. Храм представлял собой огромную по размерам парадную постройку, богато декорированную внутри.

Второй фамильный монастырь, выстроенный князем Всеволодом для своей дочери Янки, по имени которой он назывался Янчин, до нас не дошел, и даже местоположение его точно не установлено.

Большим шестистолпным трехнефным храмом была и выстроенная на рубеже XI и XII веков церковь Спаса на Берестове — собор фамильного монастыря князя Владимира Мономаха. Как и в соборе Выдубицкого монастыря, лестничная башня церкви Спаса как бы вдавлена внутрь здания и лишь наполовину выступает за линию южного фасада постройки. Крещальня, расположенная в северо-западном углу собора, также несколько выступает за линию северного фасада здания. В усы-

Развалины храма на улице Вознесенский спуск (XII век)

пальнице церкви Спаса на Берестове в середине XII века был погребен основатель Москвы — князь Юрий Долгорукий. Восточная половина собора, не сохранившаяся до нашего времени, была открыта раскопками. Сложность и совершенство строительных приемов в эпоху Ярославичей говорят о высоком уровне развития зодчества этой поры, традиции которого сохранились и совершенствовались в русской архитектуре последующих веков.

Памятники XII — начала XIII веков

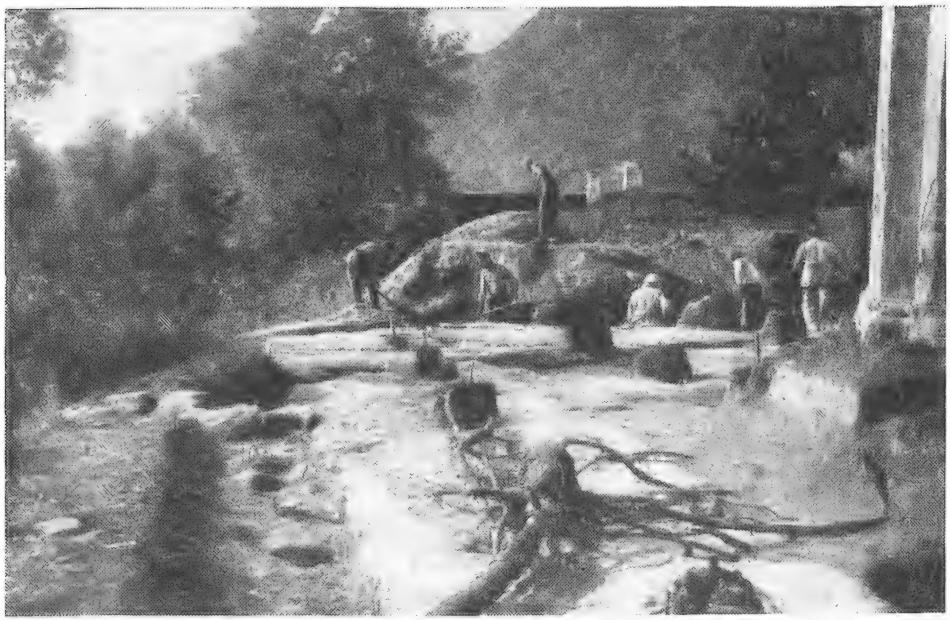
Во второй половине XII века в киевском зодчестве получает развитие новый тип малого четырехстолпного храма. К этому типу относится небольшая, квадратная в плане, четырехстолпная церковь, известная под именем Васильевской или Трехсвятительской. Раньше считалось, что эта церковь относится к числу древнейших построек Владимира Святославича, в действительности же, как установлено исследованиями, она была выстроена князем Святославом Всеволодовичем в 1183 году на «Великом дворе». Эта небольшая скромная дворцовая церковь мало чем напоминает пышные постройки княжеского двора XI — начала XII веков.

К этой же поре относятся обнаруженные впервые еще в 70-х годах XIX века и раскопанные в 1947 году развалины маленькой четырехстолпной церкви на Вознесенском спуске. Эта церковь имеет черты, не свойственные постройкам киевской школы зодчества. Боковые абсиды ее, прямоугольные снаружи и полуциркульные внутри, сближают эту постройку с некоторыми смоленскими храмами той же эпохи. Еще убедительнее об этом же свидетельствуют характерные лопатки сложного профиля с полуколонкой на фасадах храма.

Не характерный для киевского зодчества облик храма на Вознесенском спуске может быть понят только в обстановке последнего периода истории Киева. Для политической и культурной жизни Руси второй половины XII века характерен бурный рост ряда крупнейших городов — удельных центров, оттеснявших древнюю столицу Руси на второй план. С XII века Киев постепенно теряет свое значение как центр политической и культурной жизни древней Руси. Киевское зодчество, сыгравшее в XI — начале XII веков такую важную роль в формировании всех без исключения местных школ древнерусского зодчества, уже во второй половине XII века уступает свое передовое место другим школам зодчества: галичской — на юго-западе, владимиро-суздальской — на северо-востоке, новгородской, полоцкой и смоленской — на северо-западе.

Крайняя ограниченность наших знаний о киевском зодчестве конца XII — начала XIII веков до недавней поры не позволяла осветить вопрос о том, какое влияние на киевскую архитектуру имели местные школы зодчества. Развалины храма на Вознесенском спуске дают возможность сделать первую попытку в этом направлении. Открытый раскопками 1947 года памятник убедительно свидетельствует об участии смоленских мастеров в киевском строительстве накануне монгольского нашествия.

Выдубицкий собор. Современный вид



Выдубицкий собор. Раскопки восточной части (XI век)

ЖИЛИЩА-МАСТЕРСКИЕ КИЕВЛЯН XII — XIII ВЕКОВ

Чрезвычайно ценные материалы для изучения истории Киева в XII—XIII веках дали раскопки 1938, 1940, 1948 и 1949 годов на территории бывшего Михайловского Златоверхого монастыря. Эта территория в древности, повидимому, примыкала к стенам княжеского Дмитриевского Изяславля-монастыря, выстроенного во второй половине XI века на окраине города сыном Ярослава Мудрого князем Изяславом Ярославичем, а отчасти входила и в границы монастырских владений. Раскопанный на этой территории целый комплекс жилищ-мастерских и хозяйственных сооружений при них дал богатейший материал для характеристики городского ремесленного населения Киева в XII — XIII веках. Разнообразные вещи, найденные в жилищах-мастерских, наглядно рисуют быт и производство городских ремесленников XII — XIII веков. В постройках и возле них обнаружено огромное количество глиняной посуды, ручные жернова, запасы хлебных злаков и другие разнообразные предметы. Особое значение имеют находки орудий производства, запасов сырья и заготовок для производства различных изделий.

Большой интерес для изучения древнерусского зодчества представляют самые постройки; они позволяют восстановить архитектурный облик городских жилищ, столь отличных от пышных парадных сооружений, которые строились в ту же пору князьями и боярами.

Массовые жилища Киева, как и других городов южной Руси, принадлежали к тому типу построек, который своими корнями уходит в предшествующий период истории культуры восточных славян.

Жилые и хозяйственные постройки восточных славян, издавна населявших южные лесостепные районы Восточной Европы и, в частности, район среднего Поднепровья, известны нам по материалам раскопок городищ. Основным типом жилища у славянских племен была постройка, которую несколько условно принято называть «полуземлянкой». Нижняя часть полуземляночного жилища вырезалась в материковом грунте[1], стенки этой углубленной части жилища либо обмазывались глиной, либо обкладывались деревом. В грунте же вырезались и ступени входа, а также лежанки-скамьи и площадка для печи, а порой и сама печь. Жилища эти, обычно прямоугольные в плане, близки по форме к квадрату.

Наземная часть этих жилищ восстанавливается далеко не во всех деталях. Судя по отдельным остаткам обрушившихся частей построек, наземная часть здания представляла собой обычно деревянный каркас, состоявший из вертикально врытых столбов, расположенных по углам жилища и в середине стен, соединенных более тонкими жердями и нередко плетнем из ивовых прутьев. Деревянный каркас обмазывался глиной. Кровля опиралась на вертикальные столбы и была либо односкатной, либо двухскатной. Характерной особенностью жилищ этого типа была глинобитная печь, часто со сферическим сводом на каркасе из прутьев.

---

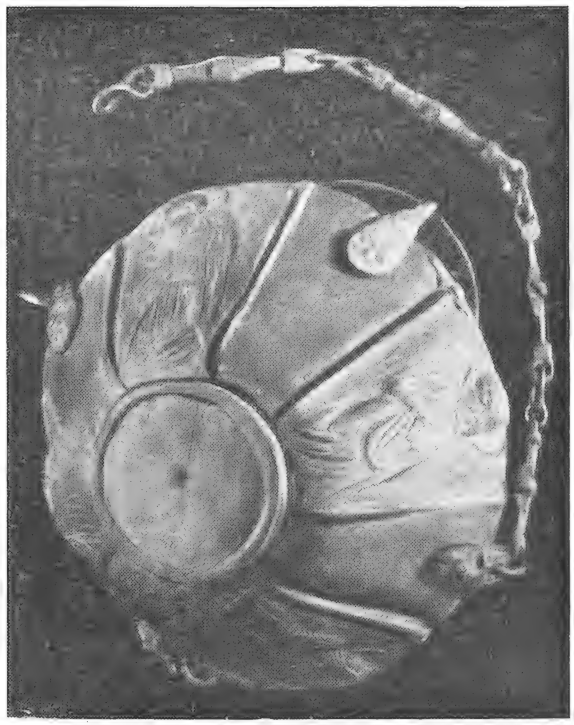
[1] Материковый грунт — грунт, который не содержит остатков материальной деятельности человека.

«Жилище художника» (XIII век)

Описанный тип жилища, широко распространенный в славянских поселениях VIII—X веков, оказался чрезвычайно устойчивым. С небольшими изменениями именно этот тип жилищ продолжал существовать и в Киевской Руси в X—XIII веках, причем не только в сельских поселениях, но и в крупнейших южнорусских городах. Массовые жилища, раскопанные на городищах Шаргород, Княжа Гора (древний город Родня), Белгород, Вышгород, Райки, Колодяжин, и, наконец, замечательный комплекс жилищ Киева XI — XIII веков по их конструктивным особенностям, плану, внешнему и внутреннему оформлению в основных чертах повторяют или развивают традиции восточнославянских жилищ VIII — X веков.

Разумеется, сказанное не исключает того, что наряду с описанным массовым типом жилищ, в Киеве, как и в других древнерусских городах, существовали и большие деревянные постройки, в том числе терема и хоромы знати.

Среди жилищ-мастерских, раскопанных в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, особое внимание привлекла полуземлянка, тогда же получившая название «жилища художника». На полу этого замечательного жилища-мастерской под обвалом верхних сгоревших частей постройки сохранился полностью весь инвентарь, находившийся там в момент катастрофы.



«Жилище художника». Бронзовая лампада (XIII век)

В жилище найдено большое количество разнообразной глиняной и деревянной посуды. В большом глиняном сосуде, стоявшем под столом, сохранилось более пуда пшеницы; в кухонном горшке, найденном у печки, сохранились обуглившиеся остатки каши и воткнутая в нее деревянная ложка. В том же жилище были найдены топор, сверло, скобель, тесло, ручной жернов, обломки стеклянных браслетов, серебряная подвеска — лунница с изображением двух птиц, бронзовая лампада и много других предметов. Исключительный интерес представляет находка четырнадцати маленьких глиняных горшочков с различными красками. В другом месте было найдено свыше 600 г янтаря в виде необработанных кусков, заготовок и изделий: бус различной формы, крестиков и пр. Очевидно, хозяином

«Жилище художника». Горшочки с красками (XIII век)

жилища-мастерской был ремесленник-художник. Жилище его сгорело во время большого пожара, которым были охвачены и остальные жилища, раскопанные поблизости. Под развалинами описанного жилища было погребено все имущество его владельца и даже его кот, обгорелый скелет которого был найден на полу, под обвалом.

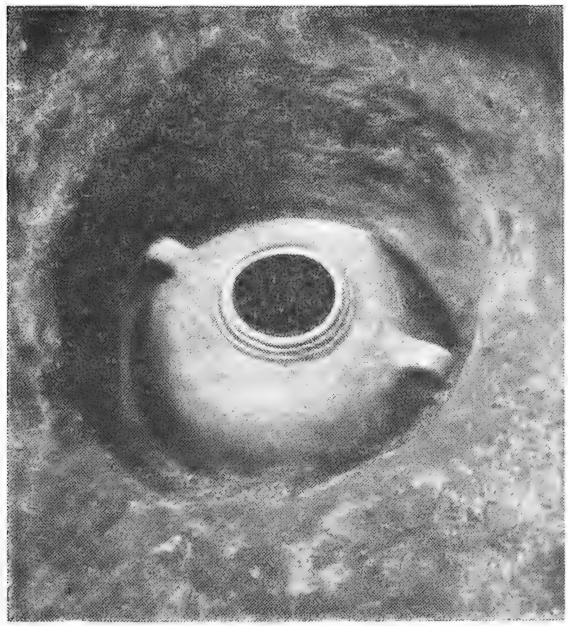
Значительный интерес представляет еще одно жилище, раскопанное в 1949 году неподалеку от «жилища художника». На полу этой полуземлянки, состоявшей из двух смежных помещений, глубоко опущенных в материковый грунт, под обвалом обгоревших деревянных и глинобитных верхних частей постройки был обнаружен разнообразный инвентарь. Как и почти во всех других жилищах древнего Киева, открытых раскопками последних лет, инвентарь, найденный в описываемом жилище, можно разделить на две группы: к первой относятся предметы, связанные с хозяйственным и личным бытом его обитателей, ко второй — предметы, характеризующие раскопанную полуземлянку как ремесленную мастерскую.

К первой группе относятся прежде всего остатки разнообразной глиняной посуды, представленной как многочисленными обломками, так и целыми или почти целыми сосудами. Основную массу их составляла кухонная посуда. К числу распространенных в Киеве XII—XIII веков типов глиняных сосудов нужно отнести также белоглиняный ковш для питья и обломки столовой керамики, покрытой зеленовато-желтой или зеленой одноцветной поливой.

«Жилище художника». Глиняная посуда (XIII век)

К числу обычных для киевских жилищ XII—XIII веков глиняных изделий относится отлично сохранившийся большой толстостенный сосуд с широким и низким горлом и двумя маленькими ручками-ушками. Сосуд был врыт в земляной пол жилища так, что горловина его находилась ниже уровня пола и была прикрыта плиткой. Сосуд несомненно предназначался для запасов зерна. В аналогичном сосуде, найденном на полу под столом в «жилище художника», как отмечалось, сохранилось более пуда обгорелой пшеницы.

Наряду с глиняной посудой в жилище находились и различные деревянные сосуды и ларцы, от которых сохранились лишь обуглившиеся кусочки дерева. В жилище обнаружены обгоревшие остатки запасов зерна, две пары жерновов, различные железные изделия, в частности замки, ключ, ножи, гвозди, две бронзовые чашечки от весов, обломки стеклянных витых браслетов и даже серебряная монетная гривна киевского типа и одна золотая серьга. Все эти предметы относятся к числу широко распространенных в XII—XIII веках в Киеве и других городах среднего Поднепровья изделий, изготовлявшихся многочисленными городскими ремесленниками.



Жилище XIII века. Сосуд для хранения зерна

В том же жилище была сделана совсем необычная находка. На ступенях входа в жилище были обнаружены обломки амфоры-корчаги[1], возле которых лежали рассыпавшиеся при падении этого сосуда хрустальные и сердоликовые бусы. На ступенях и отчасти на полу жилища были найдены 1274 бусины из горного хрусталя и 65 — из сердолика.

Бусы, судя по обстоятельствам находки, несомненно находились в амфоре-корчаге. Выбегавший в спешке из горевшего жилища владелец захватил с собою корчагу с бусами, как самую драгоценную часть своего имущества. Он был уже на верхней ступени лестницы, когда корчага вывалилась у него из рук и разбилась на мелкие куски. Около полутора тысяч бус рассыпались по лестнице, где и пролежали в полной сохранности более 700 лет.

Как попали почти полторы тысячи хрустальных бус в убогое жилище киевского горожанина XIII века? Не может быть и речи о том, что они составляли какое-то ожерелье. Из такого количества бусин, судя по известным нам погребениям этой поры, можно изготовить сотню, а то и две ожерелий.

---

[1] Большие глиняные сосуды для хранения припасов.

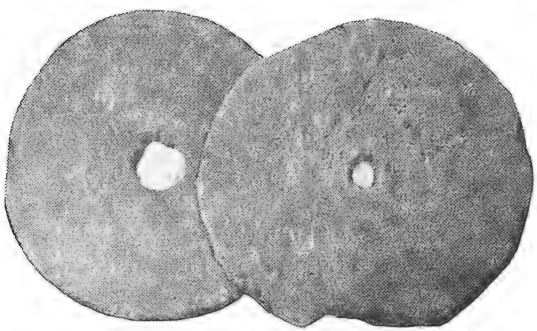
Нельзя не обратить внимания на тот факт, что среди найденных на ступенях лестницы бус некоторые бусины не просверлены насквозь, следовательно, не закончены и к употреблению еще не годны. Некоторые бусины в процессе производства расколоты пополам. Все это свидетельствует о том, что в жилище или где-то поблизости от него находилась специальная мастерская по изготовлению бус.

Находки разнообразных мастерских являются показателем высокого уровня развития ремесла в древнем Киеве и далеко зашедшего разделения труда у ремесленников. Множество орудий труда и изделий различных ремесленников, а также остатки производственных сооружений, обнаруженных раскопками в Киеве, дали неоценимый материал для исследования характера производительных сил, экономической и социальной истории древней Руси.

Раскопками последних лет в различных районах Киева обнаружено значительное количество древних жилищ, мастерских, различных хозяйственных построек.

Под развалинами многих из этих сооружений, как показано выше, сохранился многочисленный и разнообразный инвентарь, находившийся в них в момент разрушения. Запасы зерна, муки, глиняная и деревянная посуда, нередко с остатками обгоревшей пищи, разнообразные бытовые предметы, найденные в жилищах, свидетельствуют о том, что разрушение значительной части жилищ, раскопанных в верхнем Киеве, произошло в результате какой-то стихийной катастрофы, после которой разрушенные постройки не восстанавливались.

Характерной чертой раскопанных в Киеве построек является обилие в них и возле них большого количества разнообразных орудий ремесленного производства: различных инструментов по обработке дерева, тиглей для плавки металла, матриц и многочисленных литейных формочек для отливки разнообразных украшений. Все это встречается в развалинах жилищ и мастерских столь часто и в таком количестве, что невольно возникает мысль о том, что владельцы этих предметов не только вынуждены были бросить их вместе со своим кровом на произвол судьбы, но и не смогли позже вернуться на развалины своих жилищ за этими ценными для них вещами.



Жилище XIII века. Пара жерновов

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что обнаруженные раскопками предметы, принадлежащие к одному виду производства, по своей форме очень сходны между собой. Это наблюдение касается керамики, железных и костяных изделий, различных орудий ремесленного

производства и, в частности, весьма многочисленных литейных формочек.

До недавнего времени многие материалы из киевских раскопок было принято относить к периоду с XI по XIII век. Более тщательное изучение как продукции, так и орудий производства киевского ремесла заставляет думать, что в действительности значительная часть киевских находок относится в основном к последней поре истории города и потому хронологически может быть определена в более узких границах: XII—начало XIII века.

Это важное наблюдение привело к выводу, что значительная часть обнаруженных раскопками жилищ, мастерских, развалин каменных дворцов и храмов была разорена и заброшена во время монгольского нашествия в 1240 году.

Однако вопрос о роли монгольского нашествия в истории Киева может быть освещен на археологических материалах с еще большей убедительностью и наглядностью. К этой теме мы и обратимся

КИЕВ И МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Татары у ворот города

Разгромив в 1236—1238 годах Болгарское царство, опустошив затем Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли, татаро-монгольские полчища хана Бату (Батыя) повернули на юго-восток. Разбив половецкого хана Котяна, татары удалились за Волгу. Здесь, в половецких (кипчакских) степях, оставались они около года, очевидно собирая силы для нового и окончательного удара. Отсюда Батый посылал пока отдельные отряды в южную Русь — «на грады русьскые». Один из таких отрядов захватил и разрушил Переяславль южный (ныне г. Переяслав-Хмельницкий) и Чернигов.

Повидимому, во время этого набега на крупнейшие южнорусские города один из татарских отрядов под командованием хана Менгу, двоюродного брата Батыя, подошел к самому Киеву. Красота и величие древней столицы Руси произвели огромное впечатление на татар. По словам русского летописца, хан Менгу, остановившись на берегу Днепра против Киева, «удивися красоте его и величеству его».

Татары, повидимому, не решились штурмовать огромный, хорошо укрепленный город.

Менгу-хан сделал попытку «прельстити» киевлян и князя Михаила Всеволодовича, сидевшего тогда на киевском столе. Однако попытка эта не имела успеха: татарское предложение о сдаче города было решительно отвергнуто.

Смертельная опасность нависла над Киевом. Киевский князь Михаил бежал «в Угры» (в Венгрию). После его бегства, воспользовавшись сложившейся обстановкой, может быть, не без участия самих киевлян, оказавшихся накануне надвигавшихся грозных событий без военачаль-

ника, на киевский стол сел один из смоленских князей, Ростислав Мстиславич. Однако его пребывание на киевском столе было недолговременным.

Вскоре в Киев явился галицкий князь Даниил; он низложил Ростислава, но сам в Киеве не остался, а посадил там тысяцкого Дмитра, поручив ему «объдержати противу иноплеменных язык безбожьных татаров» древнюю столицу Руси, судьбой которой сам Даниил был, повидимому, не слишком озабочен.

Осенью следующего, 1240 года основные силы татарской орды во главе с самим ханом Батыем двинулись на запад. Первый и основной удар был направлен на Киев. Поздней осенью полчища монголов подошли к Киеву, переправились через Днепр и окружили город. Современник этих грозных событий — русский летописец кратко, но с потрясающей силой описал появление невиданного войска, расположившегося табором под стенами города в походных кибитках с бесчисленными стадами ржущих коней и ревущих верблюдов.

«Приде Батый Кыеву в силе тяжьце многомь множьствомь силы своей и окружи град и остолпи сила татарская и бысть град в объдержаньи велице. И бе Батый у города и отроци его объседаху град и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его и рьжания от гласа стад конь его и бе исполнена земля Русская ратных...». В этом выразительном и правдивом описании осажденного Киева и особенно в дальнейшем повествовании о штурме города слышится взволнованная речь современника-очевидца, а может быть, и участника событий.

Вскоре киевлянам удалось захватить в плен татарина по имени Товрул, от которого осажденные узнали имена важнейших «воевод» татарского войска. Среди них, по рассказу Товрула, были знаменитые монгольские полководцы: Бурундай-багатур, разгромивший Болгарскую и Суздальскую земли, Себядяй-багатур, двоюродный брат Батыя —хан Менгу, «и инех бещисла».

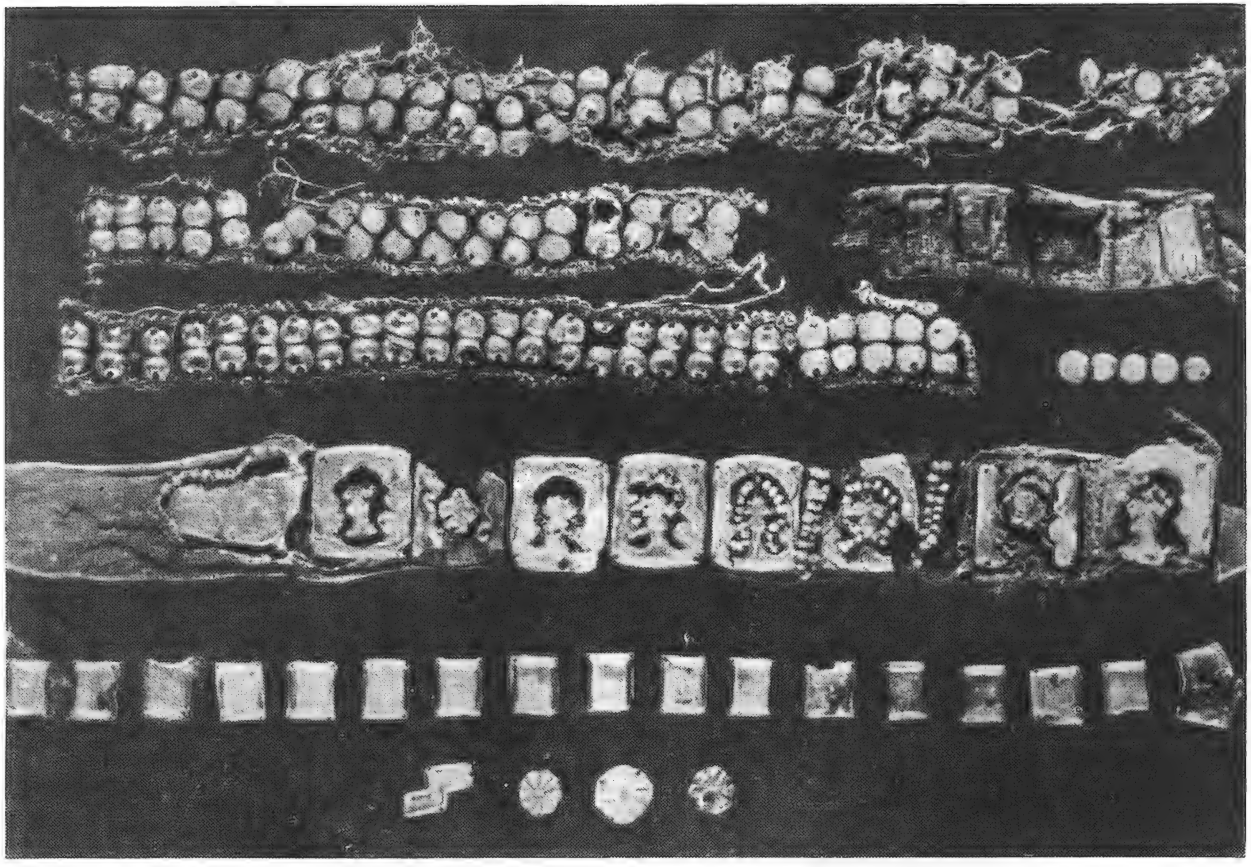
Враги ворвались в Киев

Наступил роковой день штурма. Основной удар татары наносили с юго-востока. Батый поставил стенобитные орудия («пороки») против Лядских ворот. Ворота эти вели из «Ярославова города» в Крещатицкую долину (ныне главная улица Киева — Крещатик), густо поросшую лесом. Прикрываясь сильно пересеченной и лесистой местностью, здесь сосредоточились несметные полчища татаро-монгольского войска.

Непрерывно, днем и ночью, метательные орудия били огромными камнями по воротам и деревянным стенам, стоявшим на земляных валах «Ярославова города». Когда стены были пробиты, киевляне продолжали сражаться на остатках крепостных укреплений: началась ожесточенная рукопашная схватка. По словам летописца, слышен был «лом копейны и щет скепание; стрелы омрачиша свет побеженым».

Амфора с бусами из жилища XIII в. Реставрация

Хрустальные бусы



Золотая нашивка на ткани из тайника (XIII век)

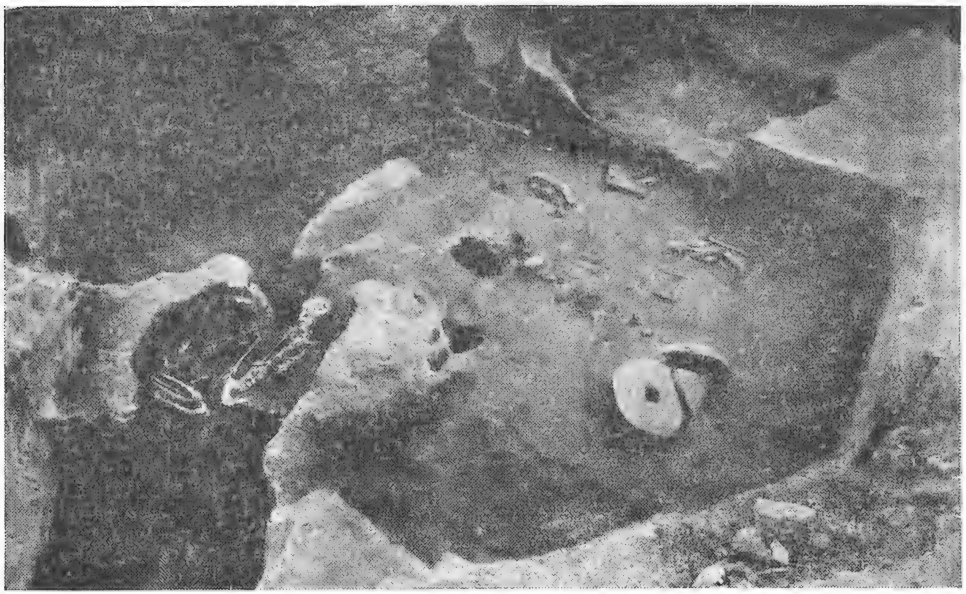
Руководивший обороной города тысяцкий Дмитр был ранен. Преодолев ожесточенное сопротивление, татары ворвались на стены «Ярославова города». Главная оборонительная линия Киева была прорвана.

Однако татарские полчища, утомленные отчаянным сопротивлением киевлян, вынуждены были временно приостановить дальнейшее наступление. К концу дня и в наступившую ночь сражение затихло. Воспользовавшись небольшой передышкой, киевляне укрепились на новой, последней для них оборонительной линии древнего «Владимирова города».

На утро сражение возобновилось со все возрастающим ожесточением. Вскоре и укрепления «Владимирова города» были прорваны. Бой продолжался за валами «Владимирова города». Отступавшие горожане пытались использовать в качестве оборонительных рубежей каждую улицу, каждый дом. Летописец крайне скупо повествует о ходе ожесточенного сражения киевлян за свой родной город. Тем большее значение приобретают результаты археологических раскопок, проведенных на территории древнего «Владимирова города», позволивших нарисовать изумительную по своей убедительности картину трагических событий последнего дня ожесточенного сражения за Киев в декабре 1240 года.

На небольшом дворике дома № 4 по Б.-Житомирской улице в 1946 году были обнаружены драгоценные памятники, наглядно рассказавшие о том, что летописец выразил лишь несколькими скупыми словами. Раскопками был открыт очень небольшой участок древнего города. Обнаруженные здесь остатки двух жилищ сохранились так хорошо, будто катастрофа произошла совсем недавно. Оба жилища по своему характеру относились к широко распространенному в Киеве типу полуземляночных построек с глинобитными стенами, возведенными над вырезанным в плотном материковом грунте прямоугольным углублением. Одно из жилищ было несколько больше по площади, чем другое; оно превосходило по своим размерам все известные доныне киевские жилища.

На полу обоих жилищ, под обвалом сгоревших деревянных верхних частей стен и кровли, был найден разнообразный бытовой инвентарь, находившийся в жилищах в момент катастрофы. Внутри одного горшка, лежавшего у самой печи, находились обуглившиеся зерна проса; повидимому, в горшке варилась каша. Кроме многочисленных обломков глиняной посуды, в обоих жилищах найдено несколько целых глиняных сосудов. В числе разнообразных железных изделий, обнаруженных на полу жилищ, следует отметить две косы, серп, безмен, замки, железные оковки деревянных заступов, дверную цепь, несколько ножей и инструменты для обработки дерева: долото, сверло, скобель. Найдены также многочисленные остатки обуглившейся ткани, крест с изображениями, сделанными чернью, стеклянные витые браслеты, шиферные пряслица, хрустальные шаровидные бусы, множество обгоревших деревянных предметов; среди последних — обгорелые стенки небольшого деревянного ларца, обломки небольшого сосуда с остатками обгорелого зерна на дне, обломки ведра с железными обручами, сундук с железными угольниками.



Жилище на Б.-Житомирской улице. В печке два скелета (XIII век)

Большой интерес представляют многочисленные находки обгорелых зерен различных злаков (пшеница, просо, горох и др.), запасы которых хранились, повидимому, в большом деревянном ларе. Днище этого ларя, состоявшее из восьми обгорелых плах разной ширины и одной поперечной балки, находилось в углу жилища. Зерна были найдены на днище и особенно в большом количестве в щелях между плахами. На полу меньшего жилища были найдены два каменных жернова. Весь инвентарь обоих жилищ относился к широко распространенным в Киеве и Киевской земле типам вещей XII — XIII веков. Все вещи в обоих жилищах носят на себе следы действия огня, которым и были уничтожены деревянные части самих построек.

Наиболее неожиданной была находка, сделанная при исследовании глиняной печи в одном из жилищ. В печи лежали на боку скелеты двух прижавшихся друг к другу людей с поджатыми ногами. Антропологические данные свидетельствуют о том, что скелеты принадлежали двум девочкам-подросткам. На шее у одной из них сохранились два миниатюрных крестика — медный и янтарный.

Необычная находка в печи рассказала о трагической гибели обитателей жилища. С не меньшей убедительностью об этом свидетельствовало также значительное скопление человеческих скелетов, лежавших в два-три, четыре слоя один над другим на завале обгорелого дерева и пере-

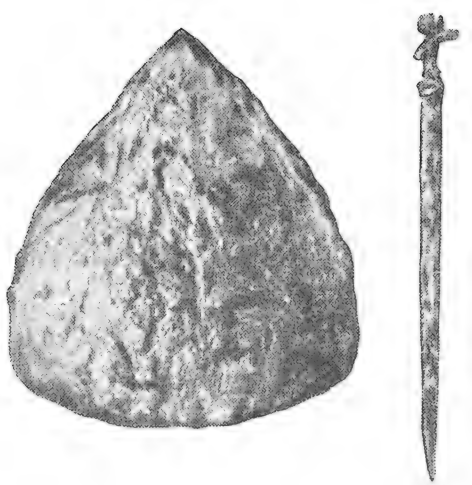
жженной глины в другом жилище. Некоторые скелеты лежали ничком, нередко с широко раскинутыми ногами, с разнообразным положением рук; среди них два скелета резко отличались от остальных характерным монгольским типом черепа.

Жилища, раскопанные в 1946 году, расположены за рвом и валом «Владимирова города», в непосредственной близости к «Батыевым воротам», через которые татары прорвались в последнюю цитадель Киева. На развалинах сгоревшего жилища лежат в беспорядке многочисленные скелеты последних защитников города. Неожиданно ворвавшиеся в ворота «Владимирова города» татары были так близко, что почти никому не удалось спастись. Взрослые погибли в рукопашной схватке, дети спрятались в глиняной печке, где их и застигла смерть.

Последние часы сопротивления

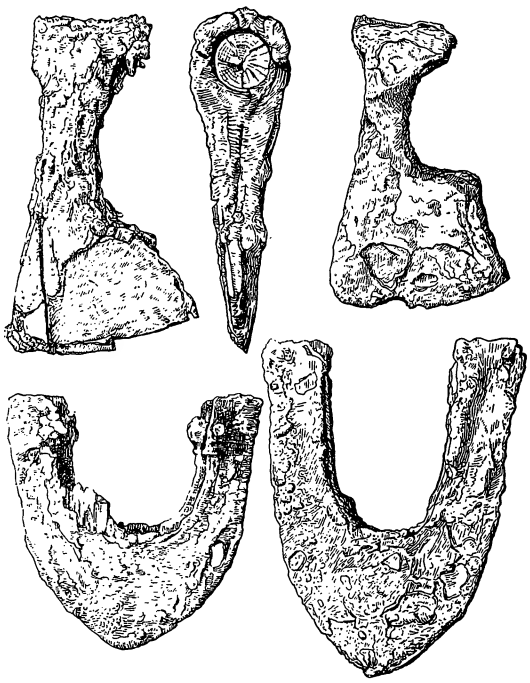
Последние часы ожесточенного сопротивления киевлян летописец связывал с судьбой древнейшего храма Киева. В северо-западном углу «Владимирова города» стоял каменный храм Богородицы Десятинной, выстроенный еще в конце X века князем Владимиром Святославичем. Когда весь город был уже в руках победивших татар, последняя горстка оставшихся в живых защитников Киева оборонялась в этом храме от разъяренных врагов, предвкушавших уже близость грабежа богатейшего города. Храм был наполнен людьми, сбежавшимися сюда со своим имуществом. Летописец рассказывал: «Людем же узбегшим и на церковь и на комары (своды) церковные и с товары своими. От тягости повалишася с ними стены церковные и принят бысть град сице воими».

Едва ли летописец правильно объяснил причину разрушения здания. Каменный сводчатый храм не упал бы под тяжестью забравшихся на его своды людей. Использованная обороняющимися в качестве последней цитадели Десятинная церковь, повидимому, подверглась действию таких же стенобитных орудий — «пороков», которыми до этого уже были разбиты Лядские ворота и ворота «Владимирова города», позже называвшиеся «Батыевыми», через которые татары прорвались к стенам Богородицы Десятинной.



Шлем и меч из тайника под развалинами Десятинной церкви

Раскопки развалин храма позволили разгадать еще один трагический эпизод декабрьских событий 1240 года. В западной части



Заступы и топоры из тайника под развалинами Десятинной церкви

центрального нефа развалин Десятинной церкви раскопками 1939 года был открыт вырытый в материковом лёссе почти квадратный в плане тайник глубиной около 5 метров. Он был заполнен обломками древних строительных материалов: кирпича, камня, кусков известкового раствора, мрамора, шифера, фрагментов штукатурки, покрытой фресковой росписью, и пр. Иногда в этом завале строительных материалов попадались крупные блоки кладки стен.

Под этими завалами в нижней части тайника были найдены скелеты нескольких человек, возле которых обнаружены разнообразнейшие предметы. На различных уровнях в тайнике найдены железный меч и шлем, фрагменты различных богатых тканей, среди которых лежали шесть серебряных медальонов с черневыми изображениями святых; рядом лежала целая груда кусков кожи и тканей с нашитыми орнаментированными золотыми бляшками, с нитями мелкого жемчуга. Под тканями — плетеная серебряная шейная гривна, венецианская монета дожа Дандоло (1192—1205 гг.) с припаянным ушком для подвески, золотой перстень со сканью[1] и драгоценными камнями, обломки серебряных украшений, несколько крестиков и любопытная «ладанка», представляющая две плотно сложенные тонкие дощечки с вырубками по краям для перевязки шнурком. Между дощечками хорошо сохранились высохшие листья растения, произрастающего только на далеком юге. Кроме того, в тайнике были найдены обгоревшие обломки двух деревянных блюд, покрытых резным орнаментом, стеклянный браслет, бронзовый наперсток, несколько железных ножей, четыре ключа.

Особый интерес представляет находка 36 фрагментов литейных формочек, вырезанных из сланца. Из этих фрагментов удалось собрать и склеить шестнадцать формочек для отливки различных украшений: трех-

[1] Скань — ювелирный прием: узор из крученой серебряной проволоки, припаянной к основе.

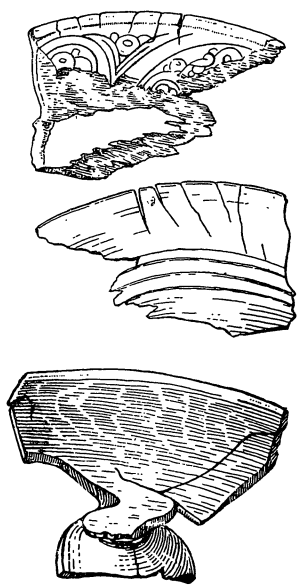
бусинных серег, звездчатых колтов, колтов с изображениями зверя, витых браслетов.

У самого дна тайника начинался ход в сторону, под северную его стенку, однако этот ход был прорыт всего на 1 метр и не был закончен. Тут же, в нижней части тайника, в слое рыхлого лёсса были обнаружены два вертикально воткнутых в землю деревянных заступа с железной оковкой, железный топор и железная дужка от деревянного ведра. Второй топор и остатки еще одного ведра были найдены несколько выше. Там же были обнаружены обгорелые, плетенные из лыка веревки.

Тщательное изучение найденных в тайнике разнообразных предметов позволило отнести их к XII — началу XIII века. Об этой же дате свидетельствовала найденная в тайнике венецианская монета начала XIII века. Строительные материалы, обнаруженные в верхней части тайника, явно происходили из самой Десятинной церкви, обвалом стен и сводов которой тайник был засыпан.

Вернемся к летописному рассказу о разрушении Десятинной церкви. Спасавшиеся от гибели люди спрятались в церкви; многие из них забрались даже на церковные «комары» (своды). Вполне естественно, что люди воспользовались в качестве убежища и тайником, который до этого служил, повидимому, потайным хранилищем церковных драгоценностей. О существовании тайника, конечно, знали далеко не все, и церковное духовенство могло предоставить его лишь наиболее избранной знати. Обилие драгоценностей — золота, серебра, тканей с золотыми нашивками, — найденных в тайнике, не оставляет сомнения в том, кому был предоставлен тайник в качестве убежища.

Укрывшиеся в тайнике люди, повидимому, хотели прорубить глубоко под землей, в плотном лёссе, выход из церкви к склону горы. Выше отмечалось, что у самого дна тайника начинается ход под его северную стенку (то есть к обрыву киевской горы). Именно в этом же месте были найдены два воткнутых в землю заступа. Напомним, что в тайнике были найдены, кроме того, два деревянных ведра с железными обручами и дужками и возле одного из них целая куча плетенных из лыка веревок. Повидимому, с помощью этих приспособлений стоявшие наверху люди вытаскивали землю. Рыхлый лёсс, лежавший на дне тайника, выбранный из бокового хода, не успели еще поднять из тайника, так как в этот момент разразилась катастрофа. Не столько под тяжестью огромного количества людей, забравшихся со своим имуществом на церковные «комары», сколько, повидимому, от ударов стенобитных



Обломки деревянных блюд из тайника

Литейные формочки из тайника (XIII век)

орудий осаждавших татар здание рухнуло. Обвалившиеся своды и стены засыпали тайник доверху. Находившиеся внизу люди не успели осуществить свой безрассудный план — пробиться к склону горы.

Среди находок в тайнике выделяется по своему характеру набор литейных формочек, обнаруженных к тому же значительно выше других находок, непосредственно в слое обвала строительных материалов. На этой же глубине лежали скелеты трех человек, среди которых был один подросток. Люди эти и набор формочек не находились в момент катастрофы на дне тайника. И люди и формочки, несомненно, упали сверху в уже более чем наполовину заваленный тайник. Были ли они среди тех, которые вытаскивали деревянными ведрами на веревке, плетенной из лыка, землю из тайника, или же случайно находились в момент катастрофы над тайником — трудно сказать что-либо определенное, но несомненным является факт, что разбившиеся на 36 кусков литейные формочки принадлежали одному из этих людей и были принесены им в церковь как самое ценное из всего имущества.

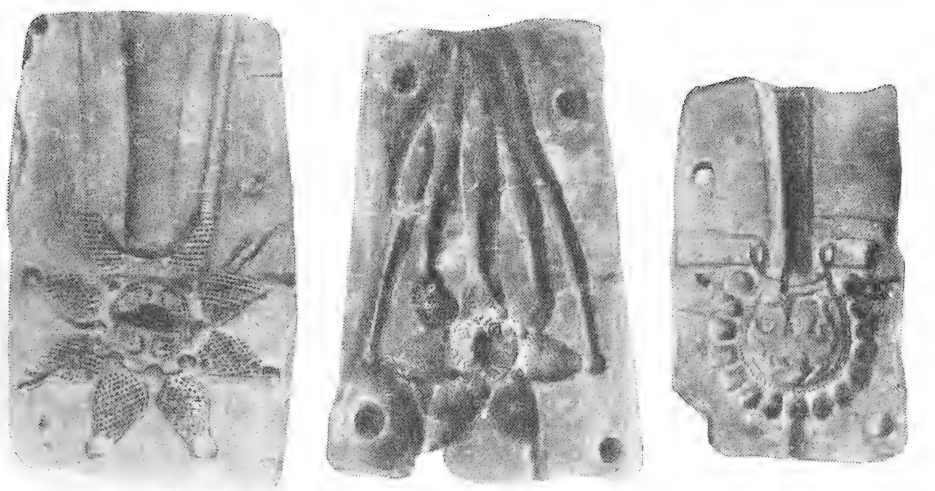
Сопоставление одной формочки из тайника с другими подобными формочками, найденными раскопками разных лет на территории, окружающей Десятинную церковь, позволило обнаружить различные части одних и тех же формочек. Одна из них, найденная нашими раскопками 1948 года на полу жилища-мастерской, расположенного неподалеку от церкви, позволила установить, откуда прибежал в Десятинную церковь ремесленник-ювелир, погибший под развалинами храма. На одной из формочек, принадлежавшей к разнообразному ассортименту орудий производства той же мастерской, сохранилась процарапанная древним почерком надпись «Макосимов». Цепь археологических документов замкнулась. Имя ремесленника, жившего и работавшего в мастерской на кня-

жем дворе и погибшего в тайнике под развалинами храма, было Максим. К числу немногих известных нам имен прославленных киевских ремесленников-мастеров, создавших в XI—XIII веках бессмертную славу своему городу, как одному из крупнейших мировых центров культуры и искусства, прибавилось еще одно имя.

Тайником, открытым под развалинами Десятинной церкви, и развалинами разоренных жилищ, о которых была речь выше, отнюдь не исчерпываются археологически установленные свидетельства грозных событий 1240 года.

К востоку от руин Десятинной церкви еще раскопками В. В. Хвойко в 1907—1908 годах была обнаружена большая братская могила. В могиле, по словам исследователя, было найдено огромное количество человеческих скелетов обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Некоторые черепа были рассечены и разломаны, у некоторых на шеях оказались кресты, а на руках нескольких детских костяков были найдены стеклянные браслеты. Над этой грудой костяков, на небольшом расстоянии от поверхности земли, лежал скелет татарина, характерный монгольский череп которого был рассечен боевым топором. На дне братской могилы был найден большой крест, на средней части которого был укреплен медальон с изображением св. Федора. В. В. Хвойко высказывал предположение, что крест, найденный на дне братской могилы, являлся «запрестольным крестом» Десятинной церкви и был положен в могилу последними оставшимися в живых защитниками Киева из опасения, чтобы эта почитаемая реликвия не попала в руки «неверных».

Недалеко от описанной могилы в 1892 году, при земляных работах в усадьбе Кривцева, была обнаружена еще одна такая же братская могила. По описанию наблюдавшего за земляными работами И. Хойнов-



Литейные формочки из тайника (XIII век)

ского, «на глубине 3,5 арш. открылся сплошной пласт человеческих скелетов, сваленных в ров протяжением около 20 арш., при аршинной толщине слоя». И. Хойновский высказал правильное предположение, что скопление здесь огромного количества скелетов объясняется тем, что «монголы, избив киевлян в последний час борьбы и сняв с них одежду и все, что они при себе имели, снесли тела их в этот ров и присыпали землей». По-видимому, продолжение этой же могилы было открыто раскопками Д. В. Милеева на углу Б.-Владимирской и Трехсвятительской улиц.

Картина страшной катастрофы, превратившей огромный цветущий город в дымящиеся развалины, раскрывающаяся с исключительной яркостью и документальной убедительностью в описанных выше комплексах, находит подтверждение и в целом ряде других не менее выразительных фактов, установленных раскопками жилищ, мастерских, развалин каменных дворцов и храмов, о чем была речь выше.

В летописных рассказах о хозяйничании татар в захваченных ими городах нельзя не обратить внимания на различное отношение победителей к различным городам в зависимости от степени сопротивления, оказанного данным городом. Быстро сдававшиеся города отделывались, по-видимому, разграблением населения и особенно богатых монастырей и храмов. Но такие города на Руси татары встречали редко.

Судьба Киева больше напоминает судьбу маленького городка Козельска, героическое население которого выдержало семинедельную осаду, после чего в жесточайшей рукопашной схватке «козляне» с мужеством отчаяния «ножи резахуся» с татарами и, истребив до четырех тысяч монгольских воинов, «сами же избьени быша». Взяв город Козельск, Батый, по словам летописца, «изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко».

Разыскивая после боя трупы своих трех «темников», татары «не могоша их изнайти во множестве труп мертвых». Летописец добавляет, что с той поры татары «не смеють его нарещи град Козлеск, но град злый, понеже бишася семь недель».

Раскопанное в 1929—1934 годах городище Райки (Житомирская область УССР) свидетельствует о том, что летописный рассказ о трагической судьбе Козельска отнюдь не является гиперболическим преувеличением реальных исторических событий.

Маленький пограничный городок-крепость, оказавшийся на пути движения монгольских полчищ из Киева на запад, был полностью превращен в руины. Вся площадь городка, как показали раскопки, представляла картину ожесточенного боя. Всюду — на центральной площади, в жилищах-мастерских, на развалинах крепостных стен — лежали скелеты уничтоженного населения этого городка, не исключая женщин и маленьких детей. Городок, живший до 1241 года полнокровной жизнью, о которой убедительно говорят многочисленные находки в жилищах и мастерских, был превращен в заброшенное мертвое городище.

Вскоре после татарского разгрома, в 1246 году, через южную Русь пробирался в ханскую ставку францисканец Плано Карпини. Проезжая

по разоренной татарами недавно еще цветущей стране, Карпини мог видеть все ужасы татарского погрома, о чем он и писал в своем донесении: «...они (татары) произвели великое избиение в стране Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».

Захватив и разорив Киев, Батый, продолжая свой поход на запад, огнем и мечом прошел по Волынской и Галицкой землям, откуда направился в Польшу, Венгрию и Чехию. Татаро-монгольское вторжение в Центральную Европу повергло в ужас народы всей Западной Европы. Однако, истощенные тяжелыми кровопролитными боями на Руси, татары уже не смогли преодолеть сопротивления чехов и их союзников и летом 1242 года повернули обратно.

На Нижней Волге образовался центр «Золотой Орды». Все русские земли, включая незавоеванный Новгород, подпали под господство татар. Начался продолжительный период истории русского государства, названный К. Марксом «кровавым болотом монгольского ига». Это иго, продолжавшееся более двух столетий, по словам К. Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».

Татаро-монгольское нашествие, обрушившееся на древнейшую столицу Руси, превратило в руины этот величественный город. Значение Киева, заметно упавшее уже к середине XII века в связи с ростом экономического и политического влияния других центров Руси и прежде всего Владимира-на-Клязьме, после 1240 года окончательно упало, а некоторое время спустя Киев вместе с другими крупнейшими городами юго-западной Руси подпал под власть литовского, а потом польского государства.

Только в 1654 году решением Переяславской рады Киев как возрожденная столица Украины вновь вошел в состав Русского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные и весьма разнообразные памятники, открытые и исследованные советскими археологами, наглядно свидетельствуют о том, какие огромные исторические перспективы открывают раскопки древнего Киева.

Глубокое и всестороннее освещение древней истории Киева, как и разрешение основных проблем истории культуры Киевской Руси, в настоящее время немыслимо без широкого привлечения в качестве исторических источников различных археологических памятников. Материалы, добытые археологическими раскопками последних лет, позволили по-новому поставить, а отчасти и решить ряд важнейших вопросов древнейшей истории Киева.

Раскопки на территории Киева убедительно свидетельствуют о том, что древний Киев в XI — XIII веках был одним из крупнейших городов Европы, молва о богатстве, красоте и яркой своеобразной культуре которого доходила до самых отдаленных стран и народов. Иностранцы не случайно называли Киев «соперником Константинополя».

По словам современника Ярослава Мудрого — митрополита Илариона, киевские князья еще в X веке «владычествовали не в худе... и не в неведоме земли... но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля...»

О Киеве времен Ярослава тот же проповедник говорил, как о «граде величеством сияющем».

О славе Киева последующих времен образно сказал русский летописец: «И кто убо не возлюбит Киевского княжения, понеже вся честь и слава и величество и глава всем землям русским — Киев».

Археологические раскопки позволили внести существенные дополнения и поправки к этим восторженным отзывам. Наряду с изумительным богатством и неповторимой роскошью дворцовых и церковных каменных построек вскрытые раскопками жилища-мастерские рисуют тяжелую, подневольную жизнь их обитателей, руками которых создавалось не только пышное великолепие древнего Киева, но и вся замечательная, своеобразная культура древней Руси.

Археологическое изучение Киева еще далеко не закончено. Можно с уверенностью сказать, что дальнейшие систематические раскопки несомненно дадут новые богатые и разнообразные материалы, которые позволят осветить наиболее трудные, до сих пор не решенные вопросы истории Киева — древнейшей столицы Русского государства.

Б. А. РЫБАКОВ

СТОЛЬНЫЙ ГОРОД ЧЕРНИГОВ И УДЕЛЬНЫЙ ГОРОД ВЩИЖ

ВВЕДЕНИЕ
ЧЕРНИГОВ
Чернигов в эпоху образования древнерусского государства
Чернигов в XI—XIII веках
Рассказы летописцев
ВЩИЖ
Археологические раскопки
Языческое святилище на «Благовещенской горе»
Вщиж — княжий двор XI и удельный город XII—XIII веков

ВВЕДЕНИЕ

Русские средневековые города были вызваны к жизни настоятельной экономической потребностью феодального общества. Здесь, в окружении городских укреплений, расцветало ремесло (несравненно более совершенное и развитое, чем в деревне), здесь завязывались нити торговых связей, здесь, в крепостях, накапливалась реальная военная сила князей, способная противостоять полному разброду боярских вотчин и объединить их в государство. В городах расцветала яркая культура. Прогрессивная роль класса феодалов в эпоху становления и первоначального развития феодальной формации сказалась в строительстве больших и малых городов.

Передовая роль русского средневекового города всегда осознавалась современниками; городами гордились, о городах рассказывали потомкам. Воспевая «светло светлую и украсно украшенную землю Русскую», безымянный поэт XIII века на первом месте среди «многих красот», которыми «удивлена» Русь, назвал «городы великие».

Русь была богата городами. Одни из них, такие, как Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, славились далеко за пределами родной земли, другие же имели значение лишь для своей небольшой округи, но все они представляют значительный интерес для историка и археолога. Изучать города удобнее во взаимном сопоставлении, сравнении их.

Попробуем сравнить два города разного масштаба — Чернигов и Вщиж. Один из них был несколько столетий столицей большого княжества — стольным городом. Мы хорошо знаем по летописям его историю,

его политических деятелей. В народном эпосе до сих пор сохранился целый цикл былин о славном городе Чернигове. Другой город — Вщиж — возник в глубине Черниговского княжества, в брянских лесах, куда черниговские князья езживали «орудий своих деля». Такие городки далеко не всегда упоминались летописцами, но, по счастью, для Вщижа мы располагаем несколькими свидетельствами 1142—1160 годов.

Вщиж — центр маленького удельного княжества, входившего на правах вассала в великое княжество Черниговское.

Сопоставляя планы двух городов, мы видим, что удельный город был несравненно меньше по размерам, чем стольный. Все Вщижское городище XII—XIII веков, состоящее из детинца [1] и посада, по площади равняется одному черниговскому детинцу XI века. Весь же Чернигов XI—XIII веков с его несколькими исторически сложившимися поясами укреплений, широко раскинутыми посадами—«окольным градом» и «передгородьем»— во много раз превосходит площадь городка Вщижа.

Весьма различно соотношение между детинцем и посадом: в удельном городе посад лишь в 2 раза превышает детинец, а в стольном — в 12—15 раз, следовательно, Вщиж в XII веке стоял ближе к феодальному замку, чем Чернигов.

Чернигов как город создавался одновременно с русским государством; поэтому вокруг его стен возвышаются величественные курганы, земляные мавзолеи князей IX—X веков. Некрополь Вщижа несравненно беднее и скромнее.

ЧЕРНИГОВ

Чернигов — один из старейших русских городов, время основания которого теряется в глубокой древности. Древнейшие подлинные документы знают уже Чернигов, как один из крупных городов Руси. Договор Олега с византийскими императорами Львом и Константином 907 года ставит Чернигов тотчас после Киева в перечне городов, получающих контрибуцию с Византии. В середине X века император Константин Багрянородный упоминает его в числе важнейших городов Руси.

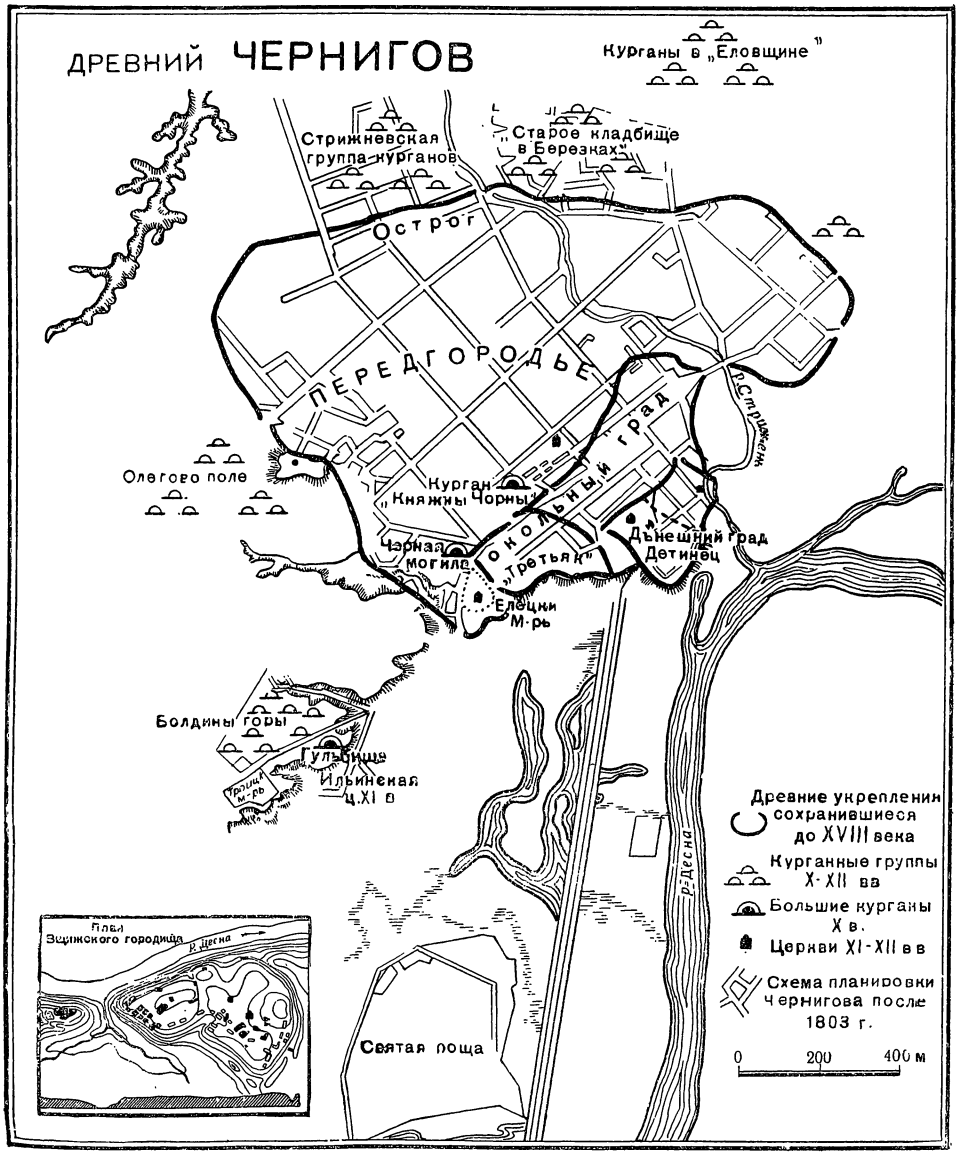
В 1024 году князь Мстислав Тмутараканский отдает своему брату Ярославу Киев, а себе выбирает Чернигов, превращая его в столицу всего днепровского левобережья, всей лесостепной полосы, донских степей и стратегического ключа Причерноморья — Тмутараканской земли (русское княжество на реке Кубани).

Черниговская земля всегда была открыта со стороны степи, и у стен ее столицы часто появлялись воины далекого юго-востока: то ясы (аланы) и касоги (черкесы), то загадочные «были, могуты и татраны».

В конце XI века в Чернигове княжит Владимир Мономах, а в XII веке город переходит в руки потомков князя Святослава Ярославича — сначала Давыдовичей, а потом беспокойных Ольговичей, родовым гнездом которых Чернигов стал на целое столетие.

---

[1] Детинец — кремль, укрепленная центральная часть древнего города.



План древнего Чернигова и план Вщижского городища
Оба плана даны в одном масштабе

Наряду с Киевом Чернигов прочно вошел в русский былинный эпос. В Чернигове создавалась своя литература, известная нам, к сожалению, лишь в отрывках.

Чернигов был центром большого княжества, границы которого на севере проходили через вятские леса, а на юге совпадали с общими границами расселения русских. Черниговская епархия простиралась вплоть до Рязани. Наличие вокруг древнего Чернигова обширного некрополя с княжескими и боярскими курганами, самыми богатыми на Руси, сохранность на территории города самых древних из русских архитектурных памятников — все это придает Чернигову особую ценность как важному объекту разностороннего изучения.

Город Чернигов расположен на высоком холмистом берегу реки Десны, в том месте, где она делает крутой поворот к юго-западу, к Киеву.

Местные краеведы насчитывают на территории Чернигова до четырех древних городищ, образовавших характерное гнездо родовых крепостей. Здесь и мог развиваться позднейший летописный Чернигов. Именно путем сращения воедино нескольких небольших родовых укрепленных поселков и образовались такие древние города, как Киев или Искоростень. Берега Десны, изрезанные глубокими оврагами, давали возможность создать одновременно несколько укреплений по соседству друг с другом.

На устье реки Стрижня, впадающей в Десну справа, расположен детинец.

К его северо-западной стороне примыкает древний посад, по площади вдвое превосходящий детинец; восточная граница посада также опирается на Стрижень. С запада к посаду и детинцу примыкает третья часть города, носившая название «Третьяк», по площади равновеликая детинцу, но вытянутая вдоль берега с востока на запад. Еще дальше, на запад, как бы продолжая Третьяк, находится территория Елецкого Успенского монастыря, основанного в XI веке. Каждый из участков города занимает естественный отрог берега и отделен от соседних глубокими и широкими оврагами.

Далее на юго-запад, вниз по течению Десны, располагаются на следующих отрогах берега (уже за пределами города) обширная курганная группа на Болдиных горах и у подножья холма — церковь Ильи (XI век).

От Елецкого монастыря начинался последний пояс черниговских укреплений. Вал, следы которого кое-где сохранились до сих пор, идет от монастыря на север, перпендикулярно линии берегового обрыва, и затем поворачивает к востоку, охватывая значительную территорию на севере от перечисленных прибрежных частей города (Третьяк, детинец и др.). Линия этих укреплений пересекает реку Стрижень и идет по Застрижению, поворачивая затем на юг и смыкаясь с посадом недалеко от северо-восточного угла детинца. Общее протяжение этого вала около 6,5 километра. Внутри этого северного полукольца укреплений находится

церковь Параскевы Пятницы на Торгу, построенная в самом конце XII века, остатки двух больших курганов X века — «Княжны Черны» (разрытый в 1851 году) и знаменитой «Черной Могилы» (языческое погребение в кургане славянского князя).

За пределами северного полукольца (назову его условно вторым посадом) до XIX века сохранялся ряд курганных групп, тянувшихся далеко в стороны от Чернигова и представлявших остатки огромного кладбища, окружавшего город со всех сторон.

На левом берегу Десны, невдалеке от церкви Ильи, на песчаной возвышенности, окруженной со всех сторон протоками и болотами, находилась «Святая роща»[1]. Древний город был окружен пригородными селами, боярскими усадьбами, курганными кладбищами.

Термины, которыми летопись обозначает различные части города, объясняются следующим образом:

1. «Детинец», или «дънешний град», — это то, что в XVII—XVIII веках называлось старой крепостью, фортецией.

2. «Окольный град» — второй пояс городских укреплений, примыкавший с севера к детинцу, а возможно простиравшийся и далеко на запад (Третьяк) до Елецкого монастыря, возникшего во второй половине XI века. Следы укреплений «окольного града» были заметны еще в XVIII веке.

«Окольный град» на востоке упирался в реку Стрижень, и здесь были ворота.

3. «Передгородье с острогом». К середине XII века объем столицы Черниговского княжества должен был сильно расшириться. Судя по тому, что передгородье было взято одними половцами (плохими мастерами штурма городов), без участия основных войск князя Долгорукого, надо думать, что острог не был особенно прочной фортификационной преградой.

Бесспорное приурочение летописных терминов к известным нам частям черниговских укреплений вряд ли возможно. По своим абсолютным размерам черниговский детинец вместе с окольным градом (включая в его состав и Третьяк) равновелик Киеву во времена Ярослава Мудрого.

Чернигов в эпоху образования древнерусского государства

Древний Чернигов IX—X веков известен нам еще недостаточно; остатки его жилищ, улиц и дворцов скрыты под позднейшими наслоениями, и лишь кое-где при раскопках на большой глубине открываются глинобитные печи, врезанные в землю дома и лепная (т. е. сделанная просто руками, без применения гончарного круга) керамика VIII—IX веков. Остатки культурного слоя этой эпохи прослежены в черниговском детинце на

[1] Подобные урочища, связанные с языческим культом «рощений», имеются почти около каждого древнего русского города. Близ Новгорода Великого, при выходе из Волхова в Ильмень-озеро, находилась «Перунья роща», а позднее Перынский скит. По преданиям, это место связано с культом Перуна.

Боярские курганы IX—X веков на Болдиных горах у Чернигова

значительном пространстве вверх по реке Стрижню и в других частях города.

Судя по тому, что две богатые княжеские могилы Чернигова X века расположены у самых стен «Окольного града», можно думать, что и возникновение этой линии укреплений относится к тому же времени. Город составился из ряда древних городищ, возникших на живописных отрогах высокого берега Десны, и земляной вал «окольного града» объединил и холм Елецкого монастыря, и Третьяк, и «дънешний град» на устье реки Стрижня.

Мало зная о самом городе и его постройках, мы можем составить себе представление о его населении по обширному некрополю.

Знаменитые черниговские курганы когда-то широкой дугой окаймляли городские стены и расходились лучами в направлении важнейших

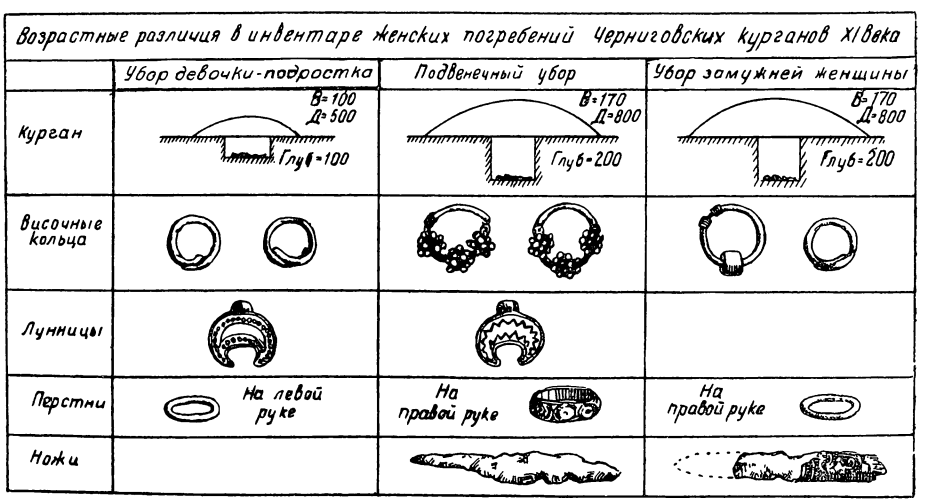
дорог — на юго-запад, на северо-восток и на север. Размеры некрополя в настоящее время не поддаются никакому точному определению, так как тысячи курганных насыпей, существовавших еще в XIX веке, уничтожены и сравнены с землей.

Мы не можем определить, как близко подходил некрополь к стенам детинца, но можем утверждать, что район кургана «Княжны Черны» и «Черной Могилы» в X веке находился уже за городскими стенами.

Анализ черниговского некрополя дает возможность осветить ряд важных исторических вопросов, как, например, о боярском и княжеском быте, топографии пригородных сел и боярских усадеб и времени их возникновения, о языческих обрядах и т. п. Ответ на все эти вопросы может быть получен только в результате датировки курганов и разностороннего изучения инвентаря и погребального обряда. Иногда удается уловить по погребальному инвентарю возрастные различия.

В IX—X веках одновременно существовало два обряда погребения: трупосожжение и погребение в просторной яме со срубом. Срубные гробницы, встреченные в ближайших окрестностях Чернигова, содержали погребения воина с конем. Рассмотрим курган у села Гущина. Оседланный и взнузданный конь помещен в северной части погребальной камеры, а в южной части — сам воин с боевым топором, копьем и другими предметами снаряжения дружинника. В ногах покойника по славянскому обычаю был поставлен горшок, украшенный линейно-волнистым орнаментом, и деревянное ведро.

Срубные гробницы русских воинов отражены в былинах; такова, например, былина о Михайле Потоке.



Возрастные различия в украшениях, найденных в курганах XI—XII веков на городском кладбище Чернигова

А и тут стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую.
Глубиною, шириною по двадцати сажень,
И тут Поток Михайло Иванович
С конем и сбруею ратною
Опустилися в тое жь могилу глубокую.
И заворочали потолком дубовыми
И засыпали песками желтыми.

В черниговском некрополе часто встречалось и трупосожжение.

Оба эти обряда погребения у русов описаны арабскими писателями X века.

Черниговские курганы IX—X веков с трупосожжениями являются драгоценнейшим историческим источником. Они, во-первых, вводят нас в сложный мир языческих представлений и обрядов, во-вторых, раскрывают перед нами быт дружинников, бояр и князей с такой полнотой, какая недоступна всем другим видам источников, и, в-третьих, позволяют сделать ряд очень важных выводов о характере размещения дружинников и бояр в окрестностях стольного города, то есть размещении, связанном с боярскими загородными вотчинами.

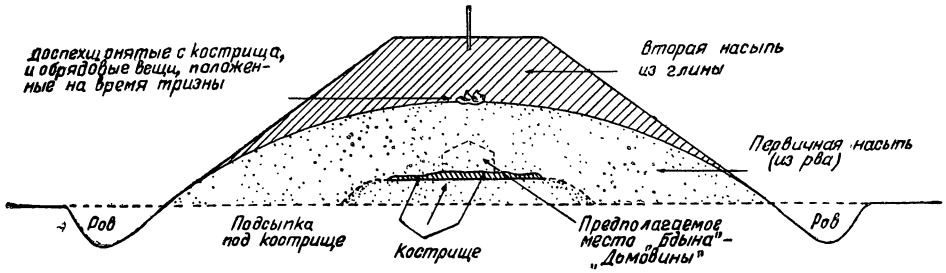
Погребальный обряд был сложен и различался в зависимости от социального положения погребенного. Образцами погребений дружинников IX—X веков можно считать курганное кладбище, расположенное на север от черниговского «острога» XII века.

Насыпи этих курганов высотой от 3 до 7 метров и диаметром от 10 до 25 метров прикрывали собой остатки костров, образовавшиеся от сожжения «домовин», или, как летописец называл их, «столпов» — небольших погребальных домиков, сооружавшихся из тонких, легко воспламеняющихся бревен.

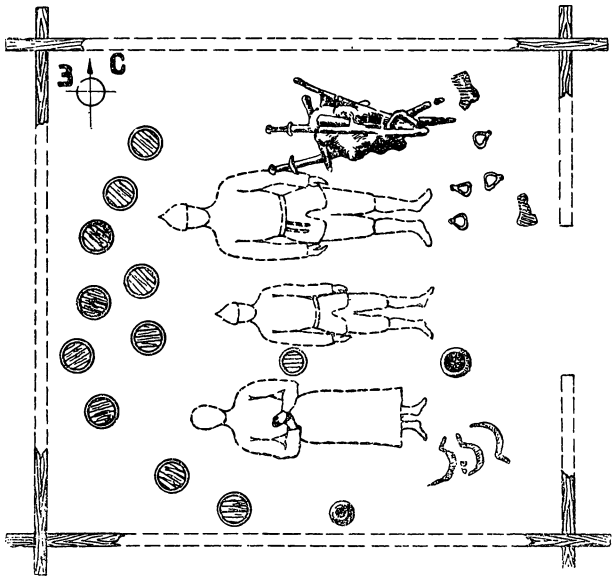
Идея «дома мертвых» одинаково присуща и погребениям в ямах, когда выкапывают могилу в виде большого дома, и трупосожжениям, когда от домовины остаются лишь бревна. Исключительный интерес представляют боярские и княжеские курганы Чернигова, имеющие свои особые имена. Остановлюсь на двух из них — «Гульбище» и «Черной Могиле».

Обряд погребения производился так: на месте будущего кургана, в центре его, сооружалась насыпь в виде усеченного конуса высотой около 1,5 метра и 10 метров в диаметре. На этой насыпи (которая, возможно, называлась в древности «крада») строился дом для покойника и его жены; в дом укладывались все вещи, необходимые для обряда (оружие, посуда, кони, быки, седла, орудия труда), и все это, окруженное хворостом и соломой, поджигалось при погребальных плачах и воплях многочисленных сородичей.

После того как костер прогорал, родственники умершего изымали из кострища его останки: кольчугу с прикипевшими к ней полусожженными костями и шлем с остатками черепа. Все это временно относили в сторону и на месте костра сооружали огромную насыпь с утолщенной вершиной. Окружность такой насыпи в «Черной Могиле» достигала 125 мет-



Разрез кургана «Черная Могила» по уточненным данным

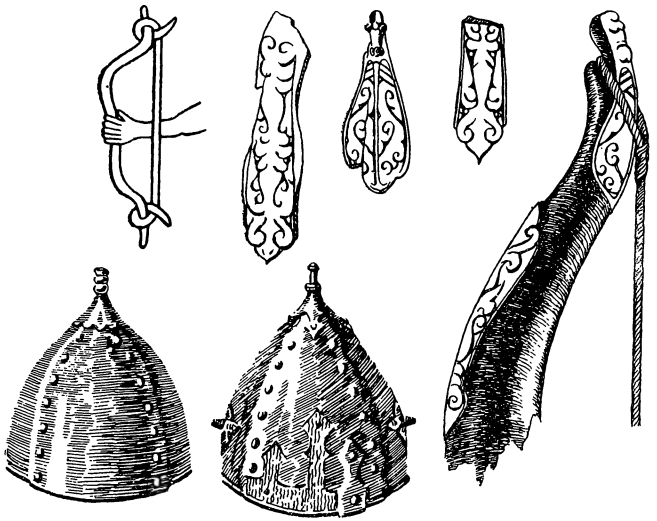


Реконструкция княжеского захоронения в «столпе» по данным раскопок кургана «Черная Могила» в Чернигове (середина X в.)

ров и внутри нее могли поместиться, например, кафедральный собор Чернигова (Спасский собор, 1036 г.) и две церковки.

Наверху образовывалась площадка около 1 000 кв. метров, в центре которой укладывали доспехи, или, точнее, останки умершего вместе с доспехами, снятые заранее с кострища.

Площадка вокруг этих останков сильно утрамбована; это позволяет думать о том, что она служила местом выполнения какой-то части погребального ритуала. По всей вероятности, в это время производились «страва» и «тризна» по умершему. Страва — это поминки, погребальный пир, для которого было достаточно простора на вершине насыпи. Триз-



Шлемы и части лука из черниговских курганов IX—X веков

на — это борьба, состязание, ристание — военные игры в честь умершего воина.

Тризна справлялась очевидно тогда, когда вершина насыпи была увенчана доспехами.

После этих торжеств курганную насыпь еще увеличивали почти вдвое, доводя ее высоту до 11—12 метров, а объем до 6 000 куб. метров земли и глины.

На самой вершине окончательно насыпанного кургана ставили столб с именем умершего. Остатки такого столба сохранились в «Черной Могиле».

Курган «Гульбище» на Болдиных горах в окрестностях Чернигова может служить образцом богатого боярского погребения. Дата его — конец IX—начало X века. На вершину полунасыпанного кургана родичи вынесли здесь не только останки умершего (в кольчуге и в шлеме), но и предметы вооружения: огромный меч в ножнах, копье, большие стремена, удила, стрелы, топор и щит.

Курган «Черная Могила», датируемый золотой византийской монетой 945—959 годов, содержал три погребения: мужчины, юноши и женщины. Ряд соображений заставляет нас думать, что здесь был похоронен не просто знатный и богатый человек, а именно князь. В пользу этого говорит назначение вещей, водруженных на полунасыпанном кургане.

При насыпке «Черной Могилы» люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить наверх все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога (обязательные атрибуты славянских божеств), два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью «Черной Могилы» лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны [1] для провозглашения благоденствия соплеменникам.

[1] Ритоны — питьевые сосуды из рога.

Такое сочетание воина и жреца могло быть только в лице князя. Мы знаем, что у славян князья нередко выполняли функции верховных жрецов. Думаю, что мы вправе признать княжескими курганами Чернигова только два — курган княжны Черны, где был похоронен знатный воин, снабженный турьим рогом, и «Черную Могилу», где похоронили одного или двух знатных воинов с турьими рогами.

«Гульбище» следует считать могилой боярина, черниговского богатыря, но не князя, так как в инвентаре его отсутствуют ритуальные вещи.

Курганы «Гульбище» и «Черная Могила», а также ряд других близких к ним черниговских курганов IX—X веков, дали науке сотни ценнейших вещей, позволяющих восстановить виды одежды и вооружения русского боярства и князей того времени. Остановимся на таких редких предметах, как турьи рога из «Черной Могилы» (середина X века).

Воспетые в былинах древнерусские пиры сами по себе являются остатком языческого ритуала; возможно, что и питье из рогов, как наиболее архаичного типа посуды, было одним из элементов языческого праздника.

Турий рог впоследствии становится обязательным атрибутом славянских богов.

Наиболее яркими и интересными по художественному исполнению бесспорно являются два турьих рога из «Черной Могилы». Эти турьи рога впервые стали известны из работ Д. Я. Самоквасова (в 1874 г.). С тех пор они часто привлекали внимание историков искусства. Рога эти различной величины: один из них 54 сантиметра в длину, а другой 67 сантиметров. Никаких следов огня на тонкой серебряной оправе рогов нет. Страшный жар грандиозного погребального костра, сплавивший в стекловидные слитки все украшения покойников, не коснулся хрупкого серебра турьих рогов. По всей вероятности, они были положены после того как были закончены все погребальные обряды. Возможно, что, прощаясь с умершим, перед тем как окончательно засыпать землей его останки, родичи, поминая его, пили из рогов и положили их рядом с оружием. Оба рога одинаково окованы серебром вокруг устья и украшены квадратными накладками в средней части. Один из рогов (меньший) орнаментирован сочным растительным узором, переплетенным в гирлянды. Этот узор, близкий к иранскому, был очень распространен в древней Руси и встречается на вещах не восточного, а местного происхождения. Такова, например, рукоять меча, найденного в Киеве, близ Золотых Ворот.

Другой турий рог больших размеров орнаментирован значительно сложнее. Мастер-чеканщик сделал здесь замечательный фриз из различных чудовищ, птиц и людей.

Центральное место в орнаментике оправы отведено композиции из двух человеческих фигур и орла. Эта композиция находится как раз на противоположном конце оправы от разделительной пальметки; она обращена к лицу пьющего из кубка и является центральной и основной.

Внимание исследователей давно привлекали две маленькие фигурки людей, затерявшихся среди огромных чудовищ, цветов и трав, покры-

вающих поле серебряной оправы. Их считали то охотниками, то детьми, заблудившимися в лесу. Обе фигурки обращены вправо, в сторону орла, склонившего голову.

Левая фигурка изображает бородатого мужчину в малопонятной одежде вроде длинной рубахи (кольчуга), без шапки. Правая рука протянута вперед и как бы ловит что-то. В левой руке — большой лук сложной системы с ясно обозначенным способом прикрепления тетивы; около охотника, за его спиной, в воздухе две целые стрелы и одна разломанная пополам. Одна стрела как бы направлена в затылок мужчине.

Правая фигурка—женская, с колчаном у пояса, держит лук в левой руке, а правая рука согнута таким образом, как будто охотник только что спустил тетиву.

Отличием этой фигурки являются длинные косы, спускающиеся от правого виска к бедру. Можно даже разглядеть нечто вроде двух височных колец в том месте, где прическа переходит в косу. Судя по косам, это девушка.

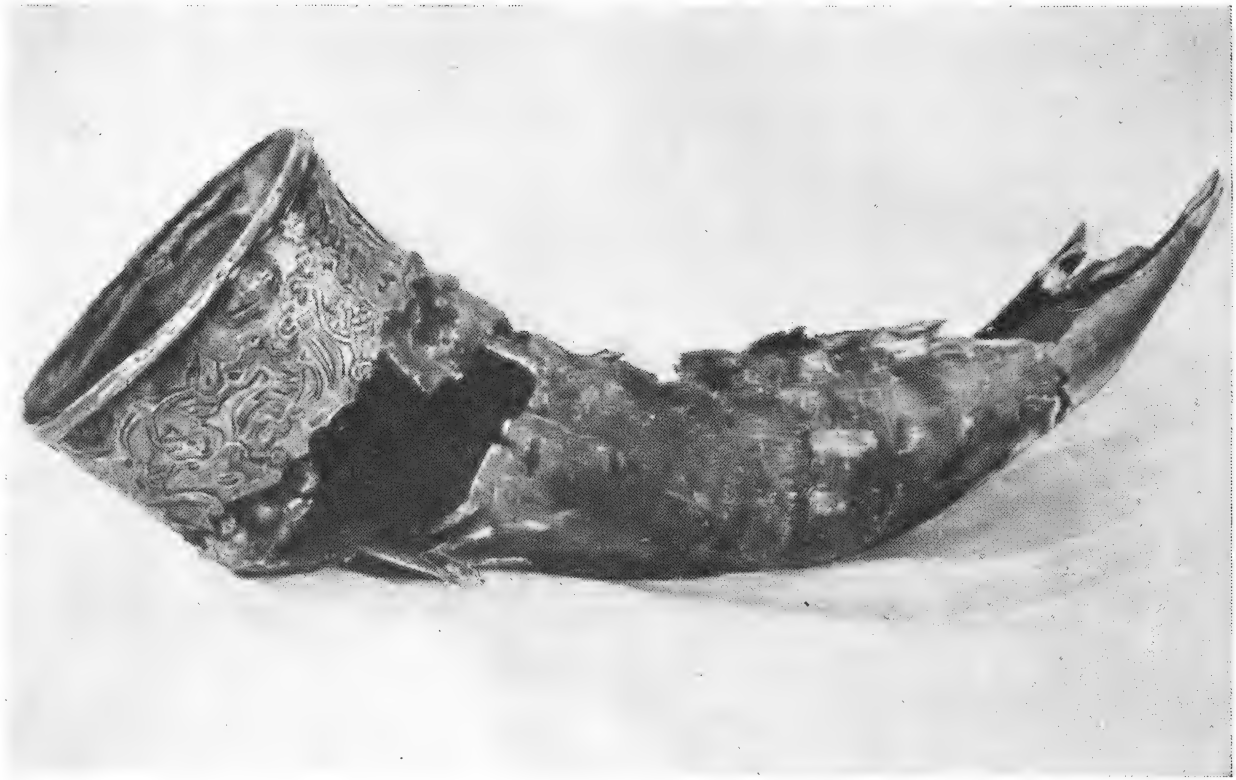
Орел изображен непропорционально большим; голова его склонена вправо, крылья распростерты. При общем взгляде на всю композиционную группу из двух охотников и орла создается следующее впечатление: охотники стреляют в хищную птицу; но ни в птице, ни около нее стрел нет— они как бы возвращаются обратно к охотникам и изображены за их спинами летящими в обратном направлении, в беспорядке, оперением вперед и частично поломанные. Все это напоминает сказочные сюжеты о заколдованной птице и о возвращающихся стрелах. В русских сказках и былинах мы найдем много эпизодов, героями которых являются птица (вещая), мужчина и девушка. Часто мужчина или лебедь освобождает девушку от когтей хищного коршуна-колдуна.

Но наиболее полную аналогию черниговскому рогу представляет черниговская же былина об Иване Годиновиче. Место действия во всех вариантах былины — Чернигов. Сюжет былины таков: молодой киевский дружинник Иван Годинович приехал в Чернигов за понравившейся ему Настасьей (или Марьей Дмитриевной) — дочерью черниговского гостя, уже просватанной за Кащея Бессмертного. Иван силой и угрозами увозит в Киев Настасью. По дороге на него нападает Кащей, который с помощью Настасьи побеждает Ивана и привязывает его к дубу.

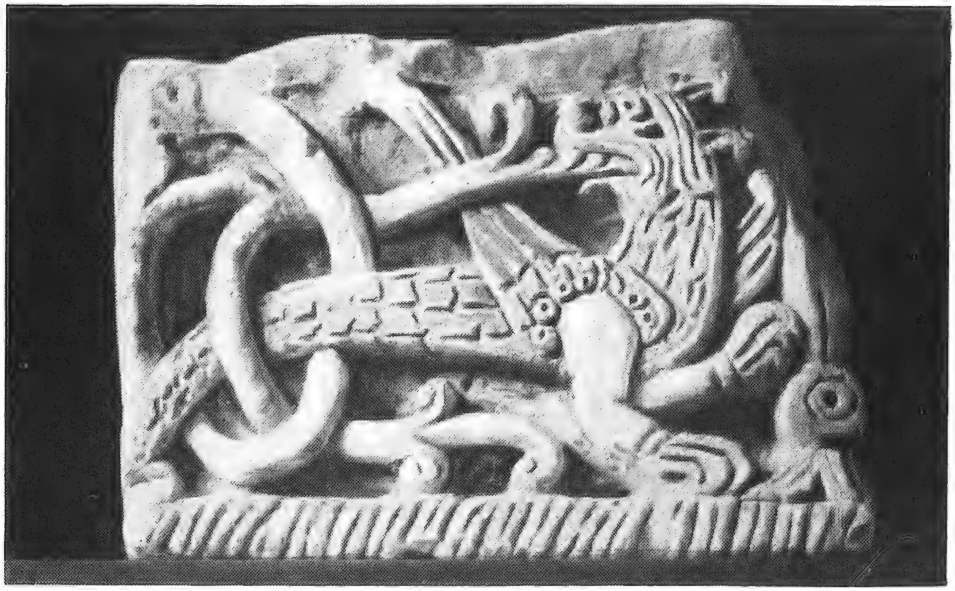
Здесь в былину вводится новый элемент:

На ту пору на то времечко
Налетала птица, черный вран,
Садился он, вран, на сырой дуб,
Проязычил языком человеческим:
«А не владеть-то Марьей Дмитриевной
Царю Кащею Трипетову,
А владеть Ивану Годиновичу».

Кащей пытается застрелить из лука птицу, но выпущенные им стрелы, не тронув ее, возвращаются и поражают в голову насмерть самого Кащея. Иван освобождается.



Священный сосуд — турий рог из «Черной Могилы»



Резные камни XII в. из Борисоглебского собора в детинце

Сказочный мотив возврата стрел к стреляющему, так хорошо изображенный чеканщиком турьего рога, в былине является одним из центральных моментов. Он имеется решительно во всех вариантах этой былины (исследователи насчитывают их до 30).

На черниговском турьем роге изображен бородатый мужчина в длинной рубахе или кольчуге, только что спустивший тетиву своего лука, — Кащей Бессмертный, стреляющий в вещую птицу. Девушка с длинными косами и с колчаном через плечо — черниговская красавица Настасья (Марья), предмет спора двух мужчин. Здесь она изображена также с луком в левой руке. Вещий вран (или орел) как бы собирается взлететь. Его крылья распростерты и одно из них приподнято.

Серебряная оковка турьего рога из «Черной Могилы»
Наверху — общий развернутый вид оковки; внизу — деталь (заколдованная стрела поражает самого стрелка)

В вещую птицу на изображении было пущено три стрелы, как и полагается в настоящей былине или сказке, и все они оказались за спиной Кащея.

Одна из стрел переломилась «наполы» за спиной Кащея. Другая полетела прямо в небо. Третья стрела летит в затылок Кащею, выбежавшему стрелять птицу без шлема, без шапки, с непокрытой головой. Сердце убитого Кащея должно достаться волкам, и на турьем роге волк с разинутой пастью как бы ожидает добычи.

Совпадения исключительно полные. Нет только второго героя, Ивана Годиновича. Черниговский мастер все свое внимание сосредоточил на моменте наказания Кащея Бессмертного высшими силами за посягательство на птицу.

Кто такой Кащей? Какая птица пользуется таким покровительством колдовских сил? Почему именно смерть Кащея изображена на священном ритоне черниговского князя X века?

В былине, древность которой насчитывает тысячу лет, мы вправе искать не жанровую сценку, а какой-то скрытый, более глубокий смысл. Быть может, чеканная иллюстрация к былине позволит нам установить ее литературную историю.

Важнейшим персонажем рисунка турьего рога является вещая птица, враждебная Кащею. Именно она олицетворяет высшие силы, побеждающие Кащея Бессмертного. На роге она больше всего походит на орла.

Орел известен как герб города Чернигова. Доказанная советским ученым, доктором исторических наук А. В. Арциховским глубокая древность многих русских городских гербов заставляет внимательнее отнестись к этому совпадению. Орел, из-за которого на турьем роге находит свою смерть Кащей Бессмертный, — вещая птица черниговской былины, и орел — герб Чернигова. Все это позволяет предполагать, что орел в древности особо почитался черниговцами, может быть, как покровитель города или племени.

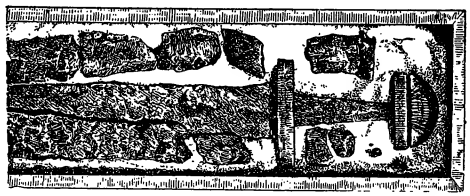
Царь Кащей Бессмертный, Кащей Трипетович — это, возможно, один из образов степных кочевников, образ хана, возглавляющего набег, ускользающего от смерти и укрывающего у себя полоненную русскую красавицу. В XII веке «кощеями» называли иногда и ханов; так, например, Кончак назван в «Слове о полку Игореве» «поганым кощеем».

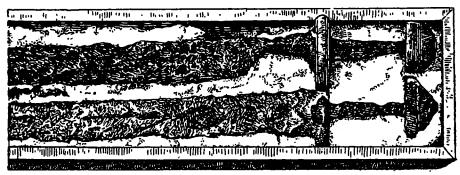
Может быть, и вся сцена, вычеканенная на священном ритоне, — это изображение простой, исторически оправданной мысли: поганый «кощей-печенежин» поднял руку на черниговского орла, но сила вещей птицы направила стрелы обратно в обидчика.

Мастер-чеканщик, считавшийся с ритуальным характером рога, хотел показать не столько реальную смерть Кащея, сколько именно действие невидимой, но властной силы заклинания.

Независимо от правильности высказанных выше соображений турий рог из «Черной Могилы» останется одним из самых интересных предметов древней Руси, который долго еще будет привлекать внимание историков искусства, знатоков быта и исследователей славянского язычества.

Черниговские курганные кладбища IX—X веков свидетельствуют о важном значении Чернигова в древнерусском государстве. В распоряжении черниговского князя были тысячи дружинников. Попытки норманистов объявить часть курганов вокруг Чернигова скандинавскими потерпели полную неудачу.





Мечи X века из боярских курганов в окрестностях Чернигова (Шестовицы)

Оба обряда — и трупосожжение и захоронение в срубах — засвидетельствованы письменными источниками X века как русские.

Подводя итоги беглому обзору курганов IX—X веков, хотелось бы остановиться на вопросе о расселении дружинников и бояр в Чернигове и в его окрестностях.

В IX — X веках население Чернигова хоронило своих покойников не у самых стен детинца или окольного града, а несколько дальше, на выездных путях из города. Кладбище распадается на несколько отдельных групп, которые раскинуты на очень большом пространстве, а вниз по Десне тянутся на 18 километров до Шестовиц. Такая рассредоточенность черниговских дружинных погребений может быть объяснена появлением у дружинников земельных владений вокруг города, часть которых известна нам по именам (Гюричев, Семынь и др.). Обращает на себя внимание, что в каждой курганной группе есть много обычных могил небольшого размера и несколько крупных курганов с богатым инвентарем.

Произведем примерное сопоставление черниговских курганных групп, окружающих город, с древними летописными названиями сел.

1. Курганы на восток от Чернигова, среди которых есть несколько IX—X веков, — это некрополь летописного Гюричева, пригородного села.

2. Дружинные курганы IX—X веков «в старом кладбище в Березках» — это кладбище древнего села Семынь, упоминаемого в летописи. В этой группе господствовало несколько больших курганов.

3. Соседняя группа курганов X века около «Пяти Углов» — это, возможно, некрополь того древнего села, которое в XII веке стало называться селом Святого Спаса.

4. Курганы на Олеговом Поле, группировавшиеся вокруг огромной овальной могилы, может быть, следует связывать с каким-либо княжеским селом, принявшим впоследствии имя Олега (современное село Ольгово). Здесь, на земле села Ольгова, был найден клад княжеских серебряных вещей XII века.

5. В древнем урочище Болдино возвышался курган богатого и знатного боярина конца IX — начала X века («Гульбище»), окруженный менее значительными насыпями.

6. Соседняя Троицкая группа тоже имела свой боярский курган. Ее можно сближать с древним пригородным селом Гостиничами.

7. Некрополь села Гущина (близ которого находится село с многозначительным наименованием Киенки) возглавляется большим курганом со срубной гробницей. Здесь же, в этом селе, был найден в 1934 году клад серебряных украшений гнездовского типа X века.

Расширяя радиус наших наблюдений, двигаясь по древним дорогам из Чернигова на Киев, на Любеч, на Стародуб, мы увидим, что некрополи пригородных сел незаметно переходят в городские с большими и малыми курганами: Оргощ на северо-западе, Седнев на северо-востоке, Шестовицы на юго-западе.

Вся эта картина никак не укладывается в представление о черниговском князе как о единственном центре притяжения дружинников. Наоборот, мы видим вокруг Чернигова своего рода «солнечную систему»: город — резиденция князя — окружен несколькими вторичными центрами, границы которых подступают почти к самому городу; у этих вторичных боярских центров есть свои «спутники», окружающие их, входящие в их орбиту.

Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами могли создать такую яркую картину феодального рассредоточения черниговского некрополя. Никакого единого аристократического кладбища здесь нет. Огромные боярские курганы типа «Гульбища», Безымянного и больших курганов Гюричева рассредоточены в отдельных группах, как бы возглавляя их. Археологические материалы позволяют сделать следующие выводы о социальной структуре. Черниговские бояре-воины IX—X веков — это не толпа безземельных княжих мужей, окружающих князя, — это землевладельцы, сюзерены своих дружинников, господари сел, известных нам по летописи. Вассалитет без земельных пожалований был, очевидно, уже пройденным этапом к началу X века для феодалов второго города в древней Руси — Чернигова, уступавшего первенство только Киеву. Черниговское боярство далеко за пределами города осуществляло власть над окрестными селами, над землей, превращая ее в свою феодальную собственность, являвшуюся основой феодального строя.

Княжеские курганы — курган княжны Черны и «Черная Могила», которые местная легенда всегда хотела связать с основателем города Чернигова князем Черным, не связаны ни с одним из пригородных сел. Они, как и подобает княжеским курганам, связаны с самим городом, у стен (а может быть у ворот) которого они и выросли.

Чернигов в XI—XIII веках

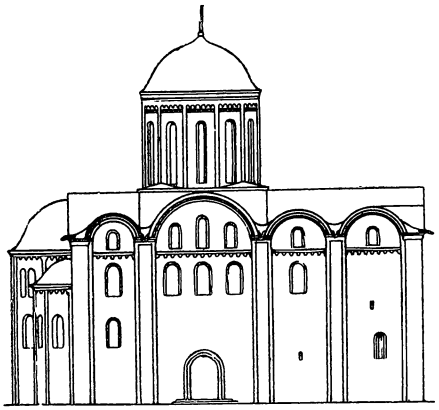
Первым исторически известным князем Чернигова, сменившим безыменных князей, современников Святослава (известных нам лишь по богатым курганам), был сын киевского князя Владимира Святославича, знаменитый Мстислав Тмутараканский, связавший воедино бассейн Десны и «устье реки русов» — Керченский пролив.

На протяжении XI века, вплоть до того, как Чернигов был превращен в вотчину мятежного и хищного Олега Гориславича, Чернигов оставался одним из крупнейших русских городов, жизнь которого была тесно связана с жизнью всей Руси.

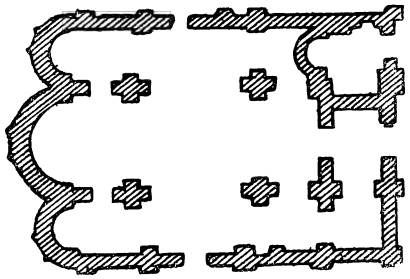
Крещение Руси в конце 980-х годов резко изменило облик города. Исчез обряд трупосожжения. Рядом с огромными земляными холмами-курганами, возвышавшимися над домами и стенами города, появились христианские церкви. У источника, протекающего у подножья Болдиных гор с их курганами богатырей, очевидно на месте древнего капища Перуна, близ «Святой рощи» была поставлена небольшая церковь Ильи. В центре детинца, на самом видном месте, князь Мстислав Владимирович начал строить большой кафедральный собор своего стольного города. Спасо-Преображенский собор ко времени смерти Мстислава (1036 г.) был выведен уже на высоту «как всаднику рукой достать». Собор построен из кирпича и отчасти крупных камней на хорошем известковом растворе с примесью толченого кирпича.

Медный штамп и оттиснутое при помощи этого штампа серебряное украшение XII века

Пятиглавый величественный храм русские зодчие украсили высокой круглой «вежей» (башней), пристроенной к северо-западному углу. Вежа уравновешивалась отчасти зданием крещальни, пристроенной к юго-западному углу. Внутреннее убранство собора сохранило фрески, мраморные



Реконструкция внешнего вида церкви.



План. В северо-восточном углу видно особое помещение для крещения язычников

и шиферные резные плиты. Орнаментика внутренней отделки этого здания лишена языческой сочности и дает нам византийскую засушенность. Творчество черниговских мастеров, воспитанных на прекрасном орнаменте типа турьих рогов, оказалось временно скованным и вновь проявилось несколько позже, в чудесной каменной резьбе Борисоглебского собора.

Позднее, в XII веке, к восточным углам собора были пристроены еще два небольших погребальных склепа. В одном из них был найден замурованный в стену клад серебряных женских украшений XII века.

В окончательном виде Спасский собор приобрел известную пирамидальность объема; три маленькие угловые пристройки образовали постепенный переход от вертикали стен к горизонтали городской площади.

Вероятно, к XI веку относится основание Елецкого монастыря на крутом берегу Десны.

В окрестностях Чернигова, на берегах реки Белоуса (летописного Белевоса), где великий князь Владимир Мономах охотился на туров и вепрей и вязал руками диких коней, был найден в 1821 году золотой массивный змеевик (т. е. медальон с изображением змей) с греческой и славянской надписями. «Черниговская гривна», как стали называть в науке этот змеевик, датируется временем Мономаха.

В XII—XIII веках Чернигов был стольным городом большого княжества, раскинувшегося от берегов Днепра до области одного из славянских племен — далеких вятичей на Оке и Москве-реке. Черниговские князья из «хороброго Олегова гнезда» были сюзеренами многих удельных князей. Крупнейшим из уделов, впоследствии обособившимся, было княжество Новгород-Северское, прославленное «Словом о полку Игореве». Одним из небольших окраинных уделов было княжество Вщижское.

Город Чернигов достиг в это время своего наивысшего расцвета. Территория города вместе с острогом и укрепленным «передгородьем»

была такой же, как и много позднее, в XVIII веке. Раскопки в разных концах города выявили боярские дома с разнообразной утварью и интересными архитектурными деталями.

В качестве примера можно привести остатки богатой усадьбы, частично раскопанной в 1946—1947 годах в северо-восточной части детинца, близ Благовещенского собора 1186 года.

Здесь обнаружен маленький земляной вал для забора и ровик за ним — остатки жилого комплекса XII века. Особенно интересны здесь керамические поливные плитки с тонким и выпуклым рельефным цветным узором.

Эти плитки по характеру своей орнаментации не могли быть вымосткой пола и должны быть признаны украшением печей или стен. Обычай украшения стен многоцветными керамическими плитками подтверждается рядом зданий XII века (например, Коложская церковь в Гродно).

На юге Руси деревянные здания могли иметь глиняную обмазку и побелку. В тех редких случаях, когда летописец описывает деревянные здания, он восхищается тем, что они «уболены яко сыр» (т. е. творог). В таких случаях вкрапление ярких цветных пятен в белую гладь стены было вполне оправдано. Возможно, что продолжение работ в этом направлении заставит нас существенно изменить наше традиционное представление об облике древнерусских домов.

При случайных земляных работах в Чернигове часто находили различные вещи боярского обихода XII—XIII веков. Таковы, например, рукомойники-водолеи XII века. При раскопках найдено много керамики, ключей, набалдашник от посоха, дужки ведер, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, пуговицы и др. Большой интерес представляют штампы для тиснения женских украшений — «колтов» со знаком одного из черниговских князей. Сделанные при помощи именно этих штампов колты найдены в самом Чернигове и в загородном селе.

Художественное зодчество Чернигова в эту эпоху переживало свой расцвет. Некоторые черниговские здания конца XII века вызывали подражания у других князей. Раскопки 1946—1947 годов и последующих лет значительно пополнили наше представление о черниговском зодчестве и белокаменной резьбе XII века.

К середине XII века относится одноглавый храм Елецкого монастыря, построенный из красного и желтого кирпича. Это здание интересно наличием внутри его крещальни с отдельным ходом в нее извне. Очевидно, у черниговских епископов, распоряжавшихся и рязанской землей, населенной вятичами-язычниками, и в середине XII века была потребность в специальном сооружении для крещения взрослых людей. Связи Чернигова с Рязанью выразились и в том, что в Старой Рязани тогда же, в середине XII века, была выстроена церковь, совершенно тождественная Елецкой, с такой же крещальней.

К первой половине XII века относится Борисоглебский собор в детинце, построенный, очевидно, на месте какого-то языческого святилища: в XVII веке при земляных работах близ собора были найдены два серебря-

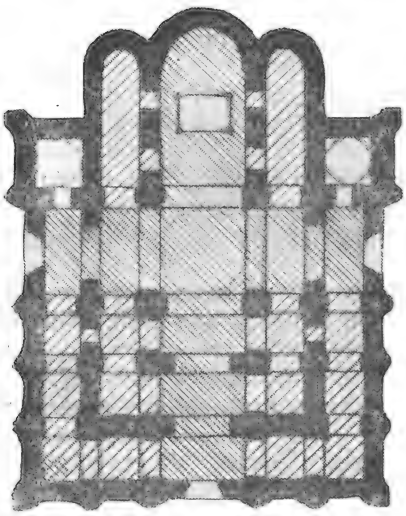


Схема реконструкции плана Благовещенского собора, построенного героем «Слова о полку Игореве» Святославом Всеволодичем в 1186 году (по данным раскопок 1909, 1946 и 1947 гг.)

ных идола; может быть, святилище было посвящено каким-то парным божествам, языческим предшественникам Бориса и Глеба.

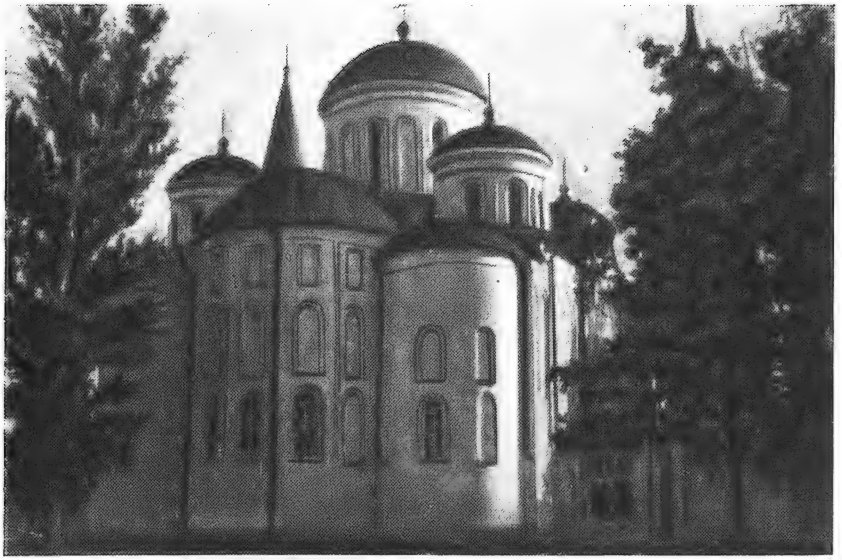
Борисоглебский собор представляет собой одноглавое здание с шестью столпами внутри. Раскопки Украинской Академии архитектуры открыли остатки галереи вне собора и замечательную резьбу. Капители пилястр и портал были украшены резьбой, воскрешающей звериный стиль турьих рогов «Черной Могилы» и сходной со звериным стилем черниговских колтов.

Мы видим здесь барсов и птиц, оплетенных характерной плетенкой, которая позднее перешла и в орнаментику рукописей.

К 1186 году относится окончание постройки «великим и грозным» князем Святославом Всеволодичем Благовещенского собора в детинце над рекой Стрижнем. Вскрытая раскопками 1909 и 1946—1947 годов, эта постройка свидетельствует о новых веяниях в архитектуре. Зодчие хотели возродить пышность грандиозных зданий эпохи Ярослава Мудрого. Благовещенский собор — трехнефное здание с галереей-усыпальницей, построенной одновременно с основным массивом. Собор был пятиглавым. Центральный неф его был особенно широк и богат отделкой, а пол вымощен цветной керамикой и мозаикой из крупных смальтовых плиток русской работы. Под главным куполом, в центре собора, находился особенно интересный мозаичный ковер из трех квадратов 200×200 сантиметров. В центральном квадрате было изображено, очевидно, дерево, а в боковых — павлины; сохранился лишь правый павлин. В Благовещенском соборе был похоронен знаменитый «Буй-Тур» — Всеволод Святославич, воспетый в «Слове о Полку Игореве». При раскопках 1947 года юго-восточной части усыпальницы в гробнице был найден череп мужчины, который по ряду антропологических признаков и обстоятельств погребения в гробнице конце XII века принадлежал Всеволоду.

Грандиозная постройка Святослава Всеволодича вызвала подражания. Все князья, к которым он обращался в своем «златом слове», вскоре украсили свои столицы зданиями с галереями.

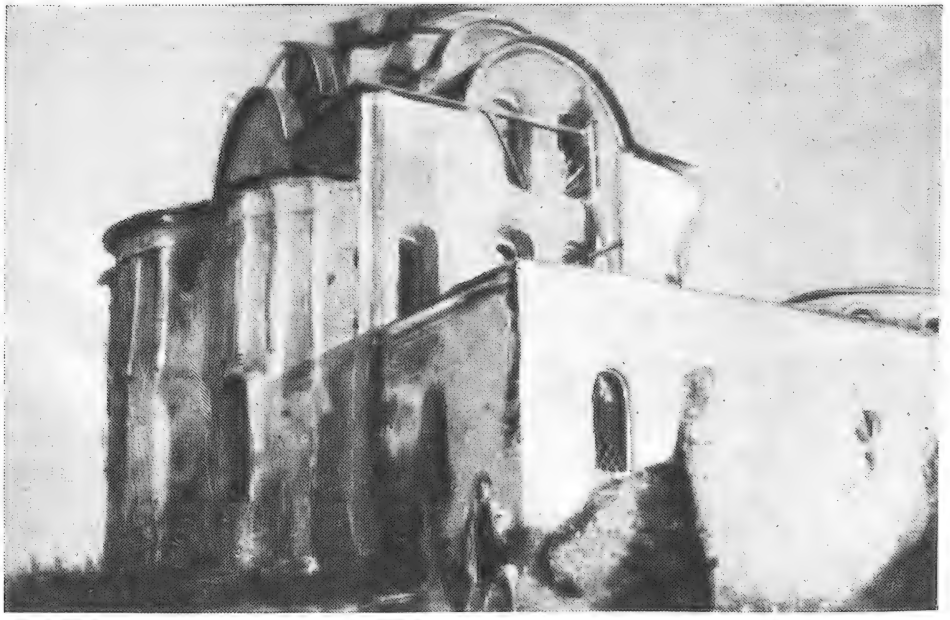
Кроме княжеского и епископского строительства, мы видим в Чернигове в конце XII века и посадское строительство. На торговой площади за пределами детинца была выстроена церковь в честь покровительницы



Спасский собор 1036 г., построенный князем Мстиславом Владимировичем в центре черниговского детинца. Сохранился почти без перестроек

Успенская церковь Елецкого монастыря середины XII в. Современный вид

Скульптурная реконструкция, произведенная по черепу из гробницы № 4 (Благовещенский собор, 1186 год). Предположительно — князь Всеволод Святославич («Буй-Тур»). Скульптура М. М. Герасимова



Пятницкая церковь «на Торгу», построенная черниговскими посадскими людьми на рубеже XII и XIII веков

Цветное мозаичное изображение павлина из собора в Чернигове (1186 год)

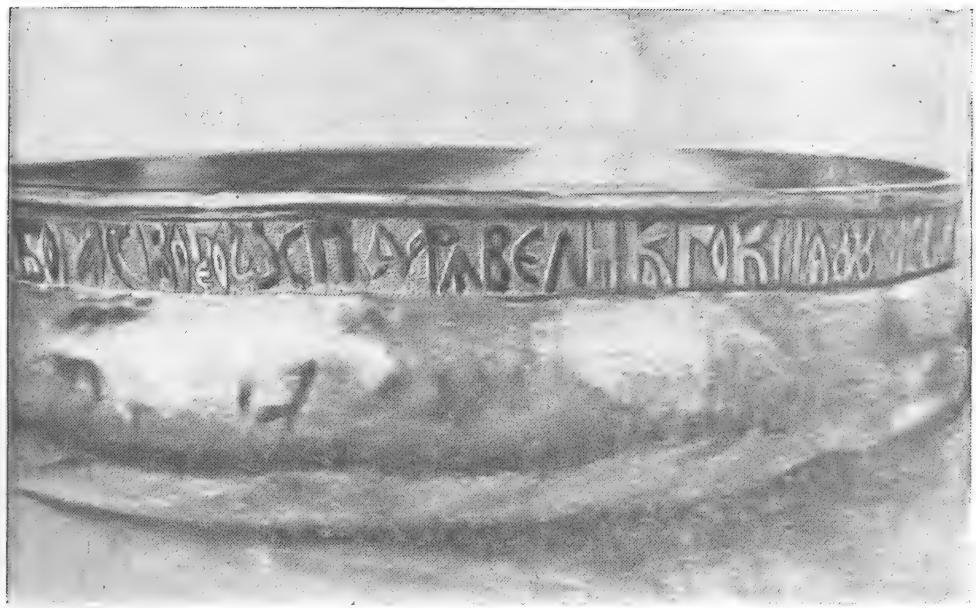
торговли — Параскевы Пятницы. Судя по обилию и разнообразию клейм на кирпичах, ее строили посадские мастера.

Для этого небольшого, но очень пропорционального здания характерно стремление ввысь, некоторая «башенность», которая впоследствии приведет к русским национальным формам, воплощенным в архитектуре Коломенского. Истоки этого национального зодчества уводят нас к XII веку, и черниговская церковь Пятницы на Торгу является одним из лучших памятников этого типа.

В 1239 году Чернигов был взят войсками Батыя, топтавшими прекрасную и высокую русскую культуру. Жители этого богатого и цветущего города торопливо прятали свои сокровища, зарывая их в землю, но владельцам этих кладов не суждено было вернуться и вырыть их из земли. Судя по обилию кладов золотых и серебряных вещей XII—XIII веков, уничтожение или пленение населения Чернигова было беспощадным.

Одним из памятников времен батыева нашествия на Чернигов является большая серебряная чара емкостью около восьми литров, предназначенная для торжественного заздравного питья вкруговую. На тулове чары вычеканена надпись:

А се чара кня володимиро
ва давыдовича кто из нее
пьтому на здоровье а хваля
бога своего осподаря великого кня.



Серебряная застольная круговая чара черниговского великого князя Владимира Давыдовича (Около 1151 г.). Найдена при раскопках столицы Золотой Орды — Сарая-Берке

В этой надписи мы ощущаем и живой окающий язык древних черниговцев и своеобразие древнерусского пира, где дружинники поднимают чару, хваля своего господаря. Мы узнаем из нее, что в середине XII века черниговский князь именовал себя «великим князем».

Владелец чары, князь Владимир Давыдович, упоминается в летописи с 1139 по 1151 год, когда он погиб в бою, защищая Юрия Долгорукого. В эти годы он большей частью княжил в городе своего отца и брата — в Чернигове.

Чара черниговского князя была найдена в прошлом столетии при раскопках в Сарае-Берке, столице Золотой Орды, куда она попала как вещественное доказательство грабительских походов на Русь и разорения богатого и славного Чернигова.

Раскопки в Чернигове открыли новые, не известные ранее по другим источникам, стороны блестящей древнерусской культуры и искусства, одним из центров создания и развития которых был Чернигов, и внесли ясность в историю Черниговского княжества, в особенности в ее древнейший долетописный период.

В Щ И Ж

Развитие и углубление феодальных отношений в XI—XII веках вызвало к жизни сложную систему организации княжеских владений в каждом русском княжестве.

Наряду с пригородными селами создается целая сеть далеко раскинутых княжеских городков, служивших опорными точками хозяйственной политики киевских, черниговских, смоленских, ростово-суздальских князей. Создавая причудливую феодальную чересполосицу, такие городки на многие сотни верст уходили от стольного города в стороны. К сожалению, мы очень мало знаем о внутренней организации княжеской вотчины XI—XII веков, но даже отдельные, случайно упоминаемые факты говорят о сложности и разветвленности этой организации, о неудержимой энергии княжьих тиунов и воевод, пробиравшихся из Чернигова на Белоозеро, из Ростова на Северную Двину, а из Смоленска на Верхнюю Волгу.

Княжеские городки, как явствует из древних грамот, покрывали равномерной сетью территорию княжества, как бы разбивая ее на округа по 50 километров в поперечнике. Представителем феодального начала в таких городках мог быть или боярин или княжеский посадник, посаженный сюда для сбора доходов. Между князьями и боярством в глубине княжеств шла глухая долгая борьба, отголоски которой мы слышим, например, в сказаниях о ранней истории Москвы. Наиболее сильные князья прибирали к своим рукам такие городки, иногда находившиеся в большом отдалении от их родовых гнезд. В руках крупных князей в XII веке накопился значительный фонд далеко раскинутых городков-уделов, которыми они распоряжались по своему усмотрению, то сосредоточивая их под своей властью, то бросая по частям в политическую

игру в качестве взятки предполагаемому союзнику или компенсации настойчивому сопернику.

Судьбы этих маленьких русских городков-крепостей были различны: одни из них оставались долго всего-навсего маленькой административно-хозяйственной точкой княжеского владения и постепенно замирали, другие превращались из городка-крепости в резиденцию какого-нибудь князька младшей ветви княжеского дома и иногда перерастали в настоящий город с развитыми ремеслами, с обширным посадом и становились центром небольшого феодального государства. Путь превращения усадьбы-замка в город — это лишь один из вариантов происхождения города, вариант наиболее исторически ясный. Так как такой путь был пройден многими русскими городами, в том числе и Москвой, изучение его необходимо. Но на примере Москвы мы не сумеем проследить все этапы постепенного перерастания усадьбы в город. Полнокровная жизнь столицы Руси за восемь веков заслонила собой далекую эпоху Москвы-усадьбы XII века. И лишь на современниках Москвы-усадьбы, на примере городков, исторический путь которых начался в XII веке и внезапно был оборван нашествием татар, мы сможем представить себе ранние этапы этого варианта происхождения города.

Одним из таких городков, который на глазах одного поколения летописцев проделал путь от великокняжеского опорного пункта до столицы микроскопического княжества, был городок Вщиж на Десне, в 50 километрах на северо-запад от Брянска.

Летописные сведения не раскрывают нам ранней истории городка; Вщиж выступает перед нами сразу как значительная сила в распоряжении киевского князя. Только 25 лет жизни этого города освещены летописными известиями, но и эти немногие строки в сочетании с археологическими данными (а отчасти и благодаря им) становятся драгоценными.

Название города Вьсчижь должно было произноситься в древности как Усчиж, так как летопись дает нам много примеров такой замены: Въсвять — Усват, Въслонимь — Услоним, Въсохь — Усох и т. п. Возможно, что имя городка дано по ручью (ныне безымянному), у устья которого он расположен. Современное народное название тождественно летописному — Усьчиж.

В 1819 году Н. М. Карамзин получил письмо от владельца села Вщижа М. Н. Зиновьева. В письме говорилось: «В здешней стороне есть предание, что село Вщиж было городом особенного удельного княжения.

Еще до ныне в окрестности видны следы земляных укреплений и находятся большие гранитные кресты (на курганах), весьма не худо выделанные. Никто не знает, когда и кем сии кресты поставлены. Должно заметить, что в наших местах совсем нет гранита. На полях много курга-

Глубокий ров Вщижского городища. Вид с севера

Вид Вщижского городища со стороны реки Десны (с северо-запада)

нов; один из них в самом селе и наполнен старинными кирпичами: сказывают, что тут была церковь.

Выкапывают также не мало медных крестов, икон, железной конской сбруи и прочее» [1].

С тех пор в течение целого столетия Вщижское городище интересовало ученый мир, но проводившиеся на его территории небольшие и случайные раскопки не могли этот интерес удовлетворить.

В настоящее время Вщижское городище хорошо сохранило валы и рвы, составлявшие в XII—XIII веках мощную оборону города.

Городище расположено на высоком мысу правого берега Десны в 50 километрах выше Брянска [2].

Форма городища близка к равностороннему треугольнику, северная сторона которого (длиной около 350 метров) омывается Десной, юго-западная (тоже около 350 метров) проходит над впадающим в Десну ручьем, а восточную сторону (250 метров) образует вал и глубокий ров шириной 18 метров.

---

[1] Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПБ, 1830, т. II, стр. 103, примеч. 341.

В первом издании своей «Истории» (1861 г.) Карамзин еще не мог отождествить летописный Вщиж с каким-нибудь реальным населенным пунктом. Письмо М. Н. Зиновьева, не читавшего летопись, но знавшего устное предание о княжеском городе, помогло этому отождествлению.

[2] Село Вщиж Дядьковичского сельсовета Жуковского района Брянской области. Ближайшая железнодорожная станция — Ржаница.

Внутри городище разделено на две неравные части невысоким валом и рвом, отсекающими западную часть мыса.

По всей вероятности, это — детинец города, а восточная часть — посад. Площадь детинца примерно 12 000 кв. метров, посада — 26 000 кв. метров. Въезд в город был, по всей вероятности, со стороны ручья, где и в настоящее время существует въезд в село. На территории городища сейчас расположено два десятка домов и огороды. Заселенная в древности площадь не ограничивалась укрепленной частью: как показали разведки, вещи XII—XIII веков встречались и восточнее тыльного вала и по другую сторону ручья, где были урочища «Прастица» и «Городец». Наиболее интересным за пределами городских валов является городище «Благовещенская гора», расположенное рядом со Вщижем, через ручей, на расстоянии 40 метров от города. На территории Вщижского городища часто находили различные древние вещи. Помимо раскопок «Заветного кургана», оказавшегося церковью XII века, местными жителями были найдены в разное время меч, топоры, золотой перстень, матрица для колтов и замечательный бронзовый водолей русской работы XII века. В 40-е годы XIX века был найден «кованый сундук с истлевшим платьем».

Рассказы летописцев

Значение Вщижского городища раскрывается при ознакомлении с летописными сведениями о нем.

Впервые летопись говорит о Вщиже под 1142 годом, когда Всеволод Ольгович, ставший незадолго до того великим князем киевским, решил обезопасить себя от недовольных и воинственных родственников. Всеволоду приходилось бороться с родными и двоюродными братьями, которым он усиленно предлагал далеко разбросанные уделы «не хотя того, оже ся братья совокупила во едину мысль»[1]. Ему удалось в конце концов очень остроумно рассадить братьев: наиболее мятежного Игоря Ольговича (убитого впоследствии киевлянами) он посадил недалеко от Киева в Юрьевом Городце и Рогачеве, второго Ольговича — Святослава — послал в Пинские болота, в Клеческ и Черторыйск. Давыдовичей он также разъединил расстоянием в 800 километров: одному (Изяславу) дал крайние западные города Берестье и Дрогичин, а другому (Владимиру) Вщиж и Ормину на восточной окраине своих владений.

«Всеволод же рад быв разлученью их».

Летописец не говорит о том, кому именно из Давыдовичей достался Вщиж, но, судя по тому, что в дальнейшем Вщиж принадлежал потомству Владимира Давыдовича, можно думать, что и при этом разделе Владимир получил города по Десне, а Изяслав по Западному Бугу. Выделение западных областей Изяславу находит подтверждение в том, что при

---

[1] Ипатьевская летопись под 6650 (1142) г.

посылке войск в Польшу великий князь направил туда именно Изяслава. Есть указание на то, что Вщиж еще в XI веке выделялся в особый удел. В. Н. Татищев сообщает крайне интересный факт, к сожалению не подтверждаемый известными нам источниками. Перечисляя потомство Ярослава Мудрого, Татищев в списке сыновей Святослава Ярославича Черниговского помещает на пятом месте Бориса Святославича Вщижского, убитого в борьбе с дядьями в 1078 году[1].

К середине XII века деснинское Полесье стало ареной борьбы между Святославом Ольговичем и его бывшими союзниками Давыдовичами.

В 1156 году Вщиж впервые упоминается как местопребывание Святослава Владимировича, который остается во Вщиже до своей смерти. Здесь он женится на дочери Андрея Боголюбского Марии, здесь отсиживается от нападений, здесь же он умирает в 1167 году.

Правда, был один момент, когда Святослав Вщижский оказался на черниговском престоле. Это произошло в 1157 году, но уход Святослава Владимировича из Вщижа был очень кратковременным.

Рассказ о событиях 1160 года, тесно связанных с историей Вщижа, дошел до нас в изложении двух различных летописцев, принадлежавших к двум враждовавшим тогда группировкам. Один из них симпатизировал осажденному во Вщиже Святославу Владимировичу и его высокому покровителю — великому князю Андрею Боголюбскому, а другой выражал интересы Святослава Ольговича, осаждавшего Вщиж во главе восьми дружин. Оба рассказа механически слиты в тексте Ипатьевской летописи. Первый рассказывает о том, что Изяслав Давыдович в союзе с половцами завоевал Смоленскую землю, где наемники-половцы полонили более 10 000 человек. Тогда же Святослав Ольгович осадил Вщиж, а Изяслав пошел к Вщижу на выручку племяннику и одновременно отправил гонцов к Андрею Боголюбскому, прося выдать дочь за Святослава Вщижского и помочь будущему зятю войсками. Помощь пошла из Ростова и из Мурома. Ожидая ее, Святослав Вщижский долго оборонялся за стенами своего города.

Когда сын Боголюбского Изяслав Андреевич с ростовскими и муромскими полками был уже недалеко от Вщижа и осаждавшие узнали об этом, осада была снята: «убоявшеся, давше ему (Святославу Вщижскому. — *Б. Р.*) мир, возворотишася».

После этого брат невесты вщижского князя — Изяслав Андреевич вернулся к своему отцу, а Изяслав Давыдович пошел «в Вятиче». Из последнего мы заключаем, что Вщиж находился вне земли вятичей.

В Волоколамске произошла встреча («снем») Изяслава Давыдовича с Андреем Боголюбским, и тогда же дочь Андрея (по В. Н. Татищеву —

---

[1] Татищев В. Н. История Российская, т. 1, стр. 558.
Возникает сомнение, не перепутал ли В. Н. Татищев Бориса Святославича с Борисом Вячеславичем, который действительно был убит на Нежатиной Неве в бою с Изяславом и Всеволодом из-за Чернигова.

Железная «личина» от шлема, украшенная серебром и позолотой, из богатого дома во Вщиже. Середина XII века

Мария) была выдана замуж за Святослава Владимировича. Свадьба происходила во Вщиже.

Таков рассказ, вышедший из-под пера летописца, преданного интересам Андрея и Изяслава.

У враждебной им коалиции князей был свой летописец, прославлявший прежде всего Святослава Ольговича Черниговского. Он перечисляет подробно всех союзников и вассалов этого князя, стоявших под стенами Вщижа.

Войска восьми князей не могли овладеть Вщижем и пять недель простояли под городом.

Этот летописец ни слова не говорит о том, что Святослав Ольгович снял осаду, «убояшася» приближения войск Андрея Боголюбского. Здесь, наоборот, подчеркнуты тяжелые для вщижского князя условия мира: «и на том целова хрест Володимерич к Святославу, яко имети ему (Святославу Владимировичу Вщижскому. — *Б. Р.*) его в отца место и во всей воли его (Святослава Ольговича Черниговского. — *Б. Р.*) ему ходити»[1].

Длительная и упорная осада Вщижа хорошо подтверждена археологическими данными (раскопки 1948—1949 гг.): сгоревшие дома, стрелы в крышах, покойники, зарытые на дворах и улицах.

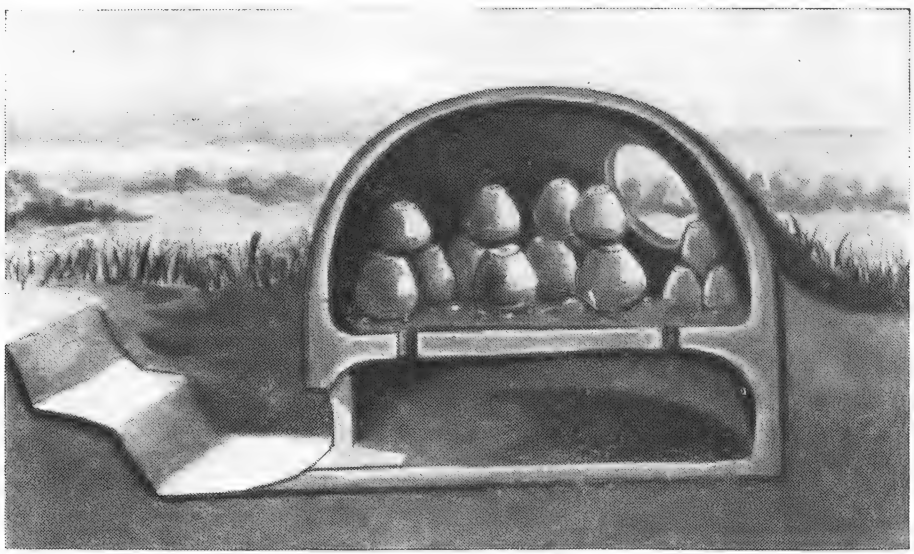
Вщижский князь Святослав Владимирович умер в 1167 году, и после этого из-за Вщижского княжества возникла усобица, в результате которой во Вщиже вокняжился один из сыновей тогдашнего князя Святослава Всеволодича (вероятно, Олег). С тех пор Вщиж исчезает со страниц летописей. Мы можем только догадываться о том, что он долго сохранял важное значение как город, лежавший на пути из Чернигова в богатые вятичские земли, принадлежавшие князьям черниговской династии Ольговичей. Мы можем догадываться и о том, что весной 1238 года войска Батыя, шедшие из Смоленской округи на Козельск, не могли миновать городов Подесенья. Это блестяще подтверждается наличием на Вщижском городище второго слоя пожарища с вещами 30-х годов XIII века.

Летописная история Вщижа ограничена временем от 1142 до 1167 года; ее данные важны для установления точных датировок, но история города и выяснение его происхождения могут быть даны только на основе археологических раскопок.

---

[1] Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 88.

Страница русской летописи (Радзивилловская рукопись) с изображением событий 1160 г. Миниатюры изображают свадьбу во Вщиже Святослава Владимировича и дочери Андрея Боголюбского (вверху) и победу вщижского князя над осаждавшими Вжищ (внизу)



Посуда из гончарного горна начала XIII века. Внизу — реконструкция горна

Подсвечник лиможской работы (XII — начало XIII века).
Найден во Вщиже.

Археологические раскопки

Систематические работы во Вщиже и его окрестностях были начаты под руководством автора этих строк в 1940 году и, будучи прерваны войной, возобновились в 1948 году. В 1949 году Вщижская экспедиция называлась Деснинской; в работах ее принимали участие ИИМК АН СССР, Московский университет, Государственный Исторический музей и Московский областной педагогический институт.

В задачи экспедиции входило широкое изучение всех археологических памятников на берегах реки Десны, в районе Вщижа. Разведки по Десне и ее притокам, начатые в 1940 году, велись и в дальнейшем. Обнаружены неолитические стоянки и поселения эпохи бронзы.

В 1940 году были раскопаны: кирпичная церковь середины XII века (удалось значительно выправить ее план, опубликованный ранее), гончарный горн XIII века с обжигавшейся в нем посудой двух мастеров, жилой дом XII века с ручными жерновами, на примере которых впервые удалось установить все детали конструкции мельничного постава.

Во время раскопок выделялись в основном два слоя, содержащих вещественные остатки человеческой деятельности: один из них, подстилаемый внизу отдельными находками керамики роменского типа (один из типов русской керамики VIII—X веков), содержал жилые сооружения с массивными печами, ориентированные по берегу Десны. Он датируется X—XII веками. Второй слой характеризуется сооружениями, расположенными по крепостному валу, обилием и разнообразием вещей и тонкостенной звонкой керамикой. К этому слою относится дом с жерновами, обнаруженный раскопками 1940 года.

Работы 1948 года производились в детинце и на посаде вокруг церкви. Задача заключалась в продолжении рекогносцировок и в нащупывании места для широких многолетних работ. Четыре стометровых раскопа, заложенных на огородах в районе церкви XII века, должны были определить границы центральной городской площади и начало жилых кварталов XII—XIII веков. Выяснилось, что на север и на восток от церкви простиралось кладбище, возникшее в XII веке (с клейменой керамикой), за пределами которого были жилые дома. В одном из раскопов среди поздних ям XX века удалось обнаружить остатки жилища X века с характерной грубой гончарной керамикой, орнаментированной крупноволнистым узором. Другой раскоп, заложенный в достаточном отдалении от церкви, к сожалению, дал мало интересного. Здесь оказались остатки избы XVII века с лощеной керамикой. Нигде в других местах Вщижа ее нет. Очевидно, поселение XII века, упоминаемое в грамоте 1623 года, было очень небольшим.

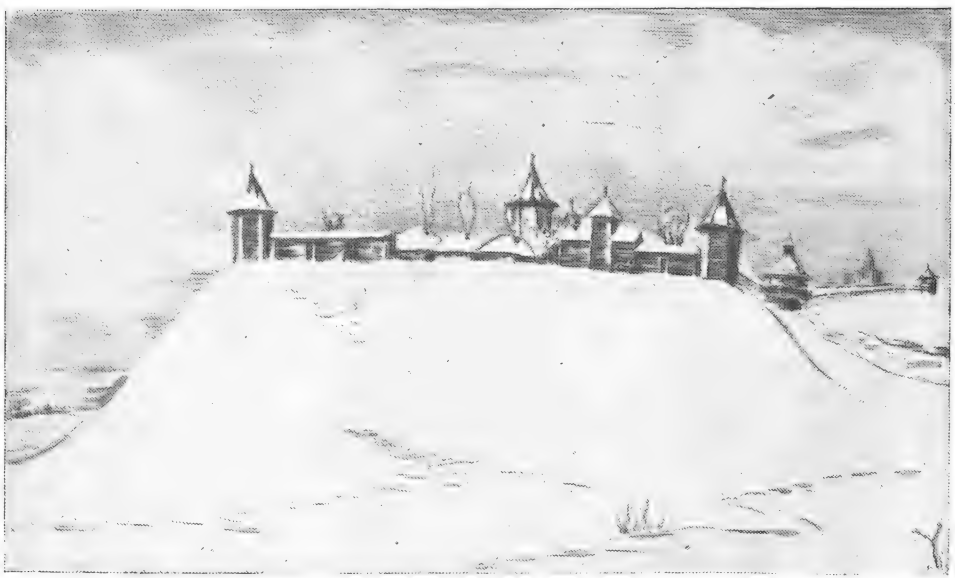
Значительно интереснее были результаты работ в детинце. Здесь по северному и юго-западному обрывам городища была произведена зачистка края обрыва общим протяжением около 100 метров; на обеих сторонах городищенского мыса после зачистки его краев было заложено по раскопу.

Раскоп на северном краю, над Десной, содержал остатки слоя с роменской керамикой, слой XI—XIII веков с печью и остатки жилища и позднее жилище XIX века с ручными жерновами и керамикой, близкой к средневековой.

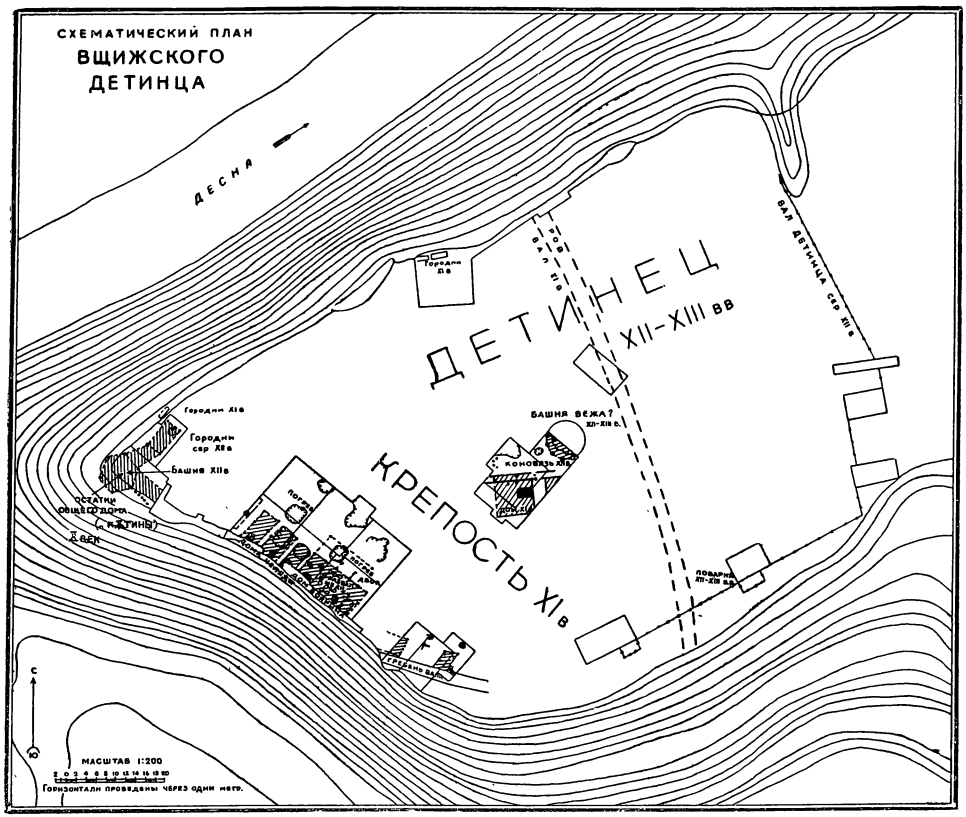
Самым важным для выяснения района будущих широких работ явился раскоп, заложенный после зачистки юго-западного края детинца, обращенного к ручью. Край городища здесь, как и на берегу Десны, давно осыпается, и современный обрыв обнаруживает в разрезе разрушенные жилища. Укрепления в обрыве уже незаметны; очевидно, они давно рухнули в Десну и в ручей. С точки зрения рекогносцировки городища, такой край, где при незначительной зачистке видны разрезы жилищ и печей, представляет большие удобства, сразу открывая все напластования культурного слоя.

Один из раскопов был заложен в том месте, где в профиль обрыва выходили остатки печи, жернов и другие явные признаки жилища. Это жилище оказалось самым значительным по размерам и самым богатым по находкам. В раскоп 1948 года попала только третья часть его; исследование жилища завершилось в 1949 году.

Разведывательные работы двух лет позволили выбрать наиболее интересный участок городища для будущих широких раскопок. Вопреки ожиданиям, площадь вокруг древней церкви, где предполагался центр



Реконструкция городка Вщижа в XII веке по данным раскопок 1948—1949 годов



План Вщижского детинца с указанием основных раскопанных сооружений

городка, оказалась мало интересной. Наибольших результатов можно было ожидать от изучения территории детинца, где и были сосредоточены все работы 1949 года.

На Вщижском городище слой с роменской керамикой (сильно нарушенный) сменяется слоем с керамикой XI—XII веков, сооружения которого были сменены новыми постройками, погибшими впоследствии от пожара. Жизнь после пожара продолжалась и через значительное время была прервана новым пожаром, приведшим к запустению города.

В 1949 году перед экспедицией стояла задача — проверить наметившиеся сопоставления и широко исследовать детинец. Особое внимание хотелось обратить на составление послойно-хронологической шкалы керамики. В настоящее время при раскопках древнерусских городов керамика великокняжеской эпохи обычно рассматривается суммарно за XI, XII и XIII века, без расчленения на более узкие отрезки времени, хотя не-

сомненно, что на протяжении трех столетий и керамика и другие вещи существенно менялись. Для хронологического расчленения керамики и разработки шкалы часть лабораторных работ производилась в 1949 году в поле. Художник экспедиции Ю. Р. Берковский зарисовал типичные для каждого слоя образцы и вел статистические подсчеты.

Раскопки 1949 года велись в четырех местах: в центре детинца для выяснения планировки центральной части; по двум углам детинца для изучения укреплений; на юго-западном обрыве детинца, где в 1948 году был открыт так называемый «дом воина». Общая площадь всех раскопок в детинце — 1200 кв. метров. Основной раскоп близ «дома воина» состоял из пяти раскопочных квадратов по 100 кв. метров каждый, вплотную соприкасавшихся друг с другом.

В результате удалось создать шкалу керамики, выделив типы раскопок, датируемые временем: а) до середины XII века, б) 1142—1160 годы, в) 1160—1238 годы, и восстановить историю древнего Вщижа, начиная с IX века.

Языческое святилище на «Благовещенской горе»

Раскопки позволили выяснить тысячелетнюю предисторию княжеского Вщижа. Удалось не только обнаружить следы пребывания человека здесь в древности, но и объяснить причины тяготения к данному пункту задолго до образования феодального города.

На территории самого Вщижского городища древнейший нижний слой содержит керамику роменского типа IX—X веков. Более древних находок здесь нет. Но зато на примыкающем вплотную к Вщижу городище — «Благовещенская гора» — есть и керамика XI—XIII веков (в небольшом количестве), и роменская керамика IX—X веков, и значительно более ранняя керамика типа Юхновского городища, датируемая примерно от V века до н. э. и до V—VII века н. э. Юхновской керамики на Вщижском мысу нет совершенно; он был в эту эпоху, очевидно, необитаем. Следовательно, зародышем Вщижа, возникшим в глубокой древности, мы должны считать Благовещенский мыс, расположенный на том же берегу Десны, через ручей в 40 метрах от Вщижского городища. Самые древние вещи с «Благовещенской горы» — это кремневые клинья, относящиеся к бронзовому веку. Они близки к вещам из курганов в урочище Белынец на левом берегу Десны напротив Вщижа. Благовещенское городище сохранилось менее чем наполовину, так как находится на излучине реки, разрушающей северную часть мыса. Уцелевшая часть городища имеет всего 45 метров в длину и 20 метров в ширину. Городище отделено от плато валом высотой 3—4 метра и глубоким рвом 18 метров ширины. В северной части сохранились остатки земляного моста через ров — «гребли».

Среди населения села Вщижа бытует предание о существовании на этом мысу Благовещенской церкви.

Раскопки не обнаружили на самом городище остатков этой церкви; возможно, что она находилась западнее, за валом, на плато. Но на горо-

дище, раскопанном полностью, обнаружено целое кладбище XI—XIII веков. При погосте была церковь, давшая имя всему мысу. Кладбище перестало функционировать, очевидно, одновременно с гибелью всего Вщижа в 1238 году, а в XVI веке, с возникновением села на старом Вщижском городище, новое кладбище с новой церковью было создано далеко от «Благовещенской горы».

Обычай предписывал на месте разрушенной церкви ставить часовню или крест. Такая часовня в 1840 году (до раскопок) стояла на месте церкви XII века на посаде и примерно до середины XIX века стояла деревянная церковка на «Благовещенской горе». Причины, побудившие древних вщижан поставить церковь на этом городище, стали ясны для нас лишь после того, как была раскопана вся площадь городища.

Раскопки определили, во-первых, что Благовещенское городище по керамике относится несомненно к юхновской культуре и существовало на протяжении тысячи лет, а во-вторых, что оно не похоже ни на одно из известных до сих пор городищ юхновского типа. Отличие от обычных городищ, имеющихся и в окрестностях Вщижа, заключается в отсутствии здесь жилищ и следов хозяйственной деятельности. На каждом Юхновском городище встречаются остатки легких плетеных жилищ с вертикальными столбами и множество глиняных рыболовных грузил. За время долгой жизни поселка, укрепленного валом и плетнем, в культурном слое накопились многочисленные прослойки пожарищ (до 16) и необычайное изобилие грузил.

Ни небольших плетеных хижин, ни грузил на Благовещенском городище не найдено. Основной материал здесь — глиняная посуда, ножи. Создается впечатление, что здесь только потребляли, но не производили. Посуда встречена разных типов — есть очень большие, объемистые сосуды, украшенные характерным юхновским орнаментом, и есть небольшие кубки, находимые иногда в целом виде.

Единственным видом производства на городище было литейное дело: найдено несколько обломков глиняных литейных форм для украшений. В этом тоже отличие от обычных жилых городищ, где нет следов литья металла.

Совершенно исключительный интерес представляют сооружения, открытые на Благовещенском городище. К подковообразному валу, ограждавшему городище со стороны плато, вплотную примыкал с его внутренней стороны огромный, тоже подковообразный, дом со входом посредине в том месте, где к валу примыкал земляной мост — гребля. Сохранившаяся часть дома имеет протяжение 26 метров; общая его длина была, вероятно, около 60 метров. Ширина внутреннего пространства 6 метров. Основу этого дома составляло длинное продольное углубление шириной 4 метра, с плоским полом; вдоль этого углубления по обеим сторонам его шли широкие земляные седалища. На полу на расстоянии 6 метров друг от друга найдены небольшие скопления углей, возможно от светцов с лучинами. Никаких очагов или печей в этом доме нет. Стены были различной конструкции: задняя, примыкавшая вплотную к внутренней дуге вала,

состояла из плетня, а передняя стена, обращенная к площадке городища, — из плотно поставленных вертикальных бревен. В обеих стенах, на расстоянии 4—5 метров друг от друга, поставлены массивные столбы, державшие стропила крыши. Вход разделял дом на два крыла. Со стороны городища вход имел какое-то крыльцо с массивными столбами. Пол в районе входа сильно повышался и был на уровне площадки городища. Кроме этого дома, на городище было еще одно такое же длинное сооружение, шедшее также вдоль вала; от него остались только следы одной стены. За более чем тысячелетнюю жизнь городища его внутренние сооружения перестраивались.

На внутренней площадке городища обнаружены остатки отдельно стоящих массивных вертикальных столбов, глубоко врытых в землю. Они идут полукругом, повторяя дугу вала и дома. Соответственно двум домам имеются и два ряда столбов: очевидно на городище было два строительных периода, причем при вторичной переделке был воспроизведен план первоначального строительства. У подножья столбов найдены в целом виде небольшие глиняные сосуды простой баночной формы. В южной части городища, на самом краю, обнаружено огромное кострище и скопление золы; около кострища найдено много обломков «рогатых кирпичей» — подставок под вертела для жаренья мяса.

Из отдельных находок на Благовещенском городище наибольший интерес представляют просверленные медвежьи клыки, бронзовое кольцо и горло необычного сосуда, украшенное стилизованным изображением медведя, костяная головка птицы и др.

Что же представляло собой Благовещенское городище две или полторы тысячи лет назад? Зачем понадобилось сооружать дом, если в нем не жили и не работали, что означал полукруг массивных столбов посредине городища, чем объяснить особый потребительский подбор вещей (посуда, ножи, подставки под вертел)? Единственным объяснением может быть признание культового назначения сооружений на «Благовещенской горе».

Это древнее славянское языческое святилище, «требище» для потребления священных жертв. Полукруг столбов — это хорошо известное по письменным источникам окружение главного идола изображениями второстепенных богов. Шестидесятиметровый дом — это вместительное помещение для племенных собраний, жертвенных пиров, разделенное на два крыла.

Существование здесь в древности языческого святилища объясняет нам и наличие в XI—XIII веках церкви. Обычно христианские церкви, ставившиеся на месте разрушаемых капищ и кумирниц, нарекались в честь того святого, который замещал в христианском пантеоне соответственное языческое божество. Так, например, церкви Ильи ставились на месте капищ Перуна, церкви Власия — там, где были идолы Велеса. Церковь Благовещения, т. е. девы, становящейся матерью, могла быть поставлена только на месте святилища богини-девы, каковою считалась богиня земли Берегыня.

Языческое святилище на «Благовещенской горе»
Наверху — вид раскопок; рабочие с лопатами в руках стоят на местах обнаруженных в процессе раскопок ям от столбов (вероятно, идолов); внизу — реконструкция святилища

Русские книжники знали Берегыню как одно из наиболее архаичных славянских божеств и сопоставляли ее с греческой Артемидой, культ которой, по свидетельству античных авторов, был широко распространен у народов Северного Причерноморья. Культ девы-матери как богини плодородия известен нам по русским вышивкам, сюжет которых насчитывает двухтысячелетнюю давность, по главному изображению Збручского идола IX—X веков (каменный идол, покрытый разными изображениями славянских языческих богов, найденный у реки Збруч).

Быть может, не случайно в центре городища оказался сосуд с изображением медведя. Медведь считался зверем, принадлежавшим Артемиде. В русском христианско-языческом народном календаре XIX века рядом стояли два праздника: благовещение — 25 марта и «комоедицы» (праздник пробуждения медведя) — 24 марта. Огромное святилище на Благовещенской горе, посвященное деве-матери, богине плодородия земли, предназначалось не для жителей одного поселка, так как здесь нет жилого городища, а, очевидно, для целой округи, может быть, для целого племени.

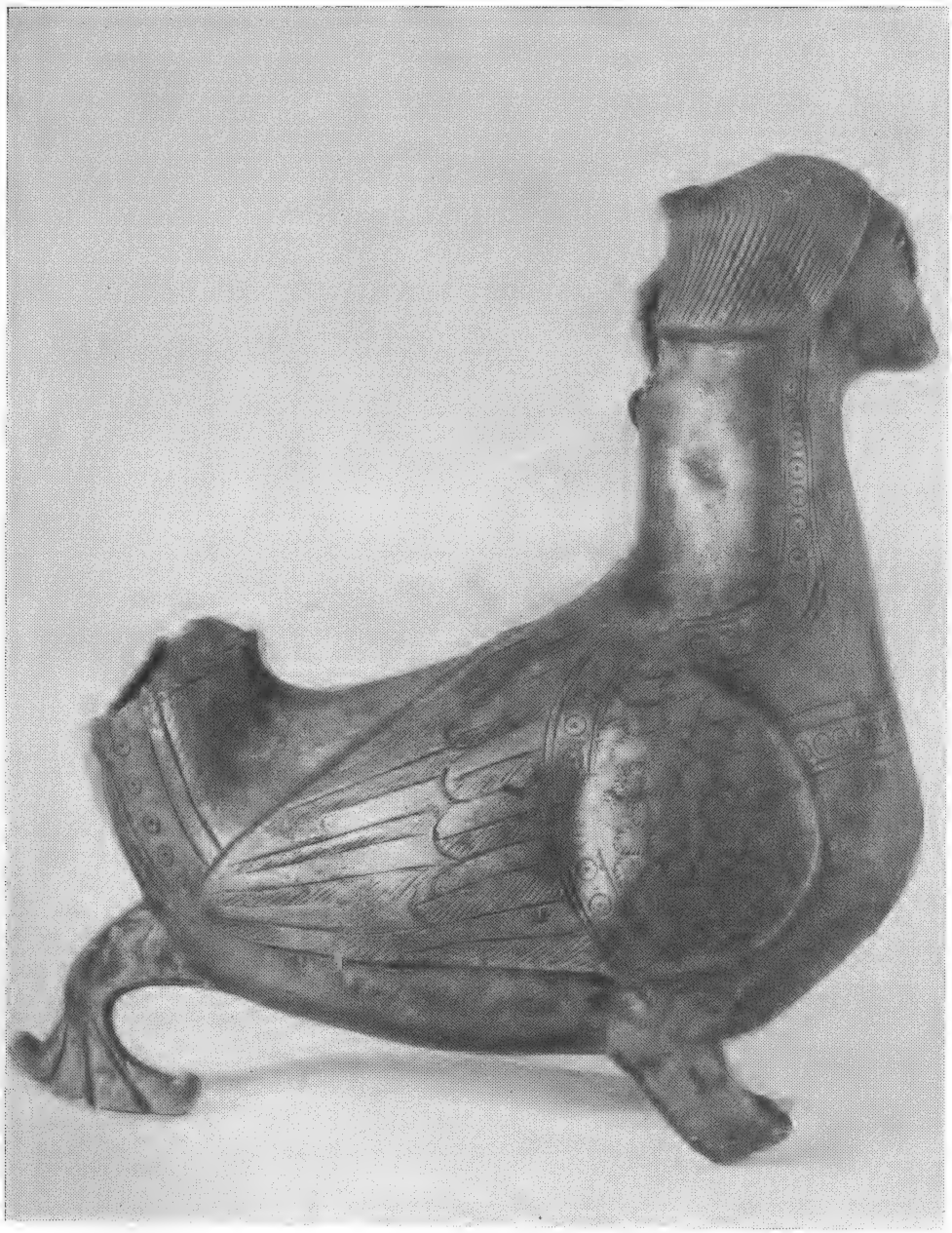
Географически Вщиж лежит в северной части узкой полосы бывших лесостепных земель; далее на север от Вщижа, вверх по Десне, находятся безлюдные болотистые лесные массивы. Святилище на Благовещенской горе находилось в самой глубине населенной полосы, в укрытом, безопасном месте. Раскопки на ближайших ко Вщижу городищах с юхновской керамикой дали картину обычных жилых поселков. Жители этих поселков и сходились на свои языческие празднества и игрища к святилищу девы и медведя. Здесь приносили жертвы и поедали жертвенное мясо, пили священное пиво и обсуждали дела племени, собираясь в огромном доме.

Городище-святилище было центром притяжения для целой округи, определить размеры которой можно будет лишь после того, как будут исследованы все соседние городища и найдено второе подобное святилище, служившее религиозно-племенным центром другой округи. Такое обследование может привести нас к очень важному историческому вопросу о размерах племенных территорий.

Возможно, что древние погосты являлись именно такими центрами небольшого племени; здесь собиралось племенное вече, здесь производилась выплавка металла и могли впоследствии селиться ремесленники, здесь производился торг и здесь же совершались магические обряды, заклинание благодетельных сил природы.

«Благовещенская гора» была обитаема (или посещаема людьми) уже в бронзовом веке. В железном веке, в эпоху юхновской культуры, которую мы можем связывать с земледельческими славянскими племенами V века до н. э. — V—VII веков н. э., на этой горе находилось племенное святилище богини Берегыни. Очень важен вопрос о конечной дате юхновской культуры: существует ли разрыв между юхновской и роменской культурами или нет?

На городище Воробейне, близ которого находилось летописное село (1160 г.), наши разведки обнаружили в верхних слоях бронзовый коло-



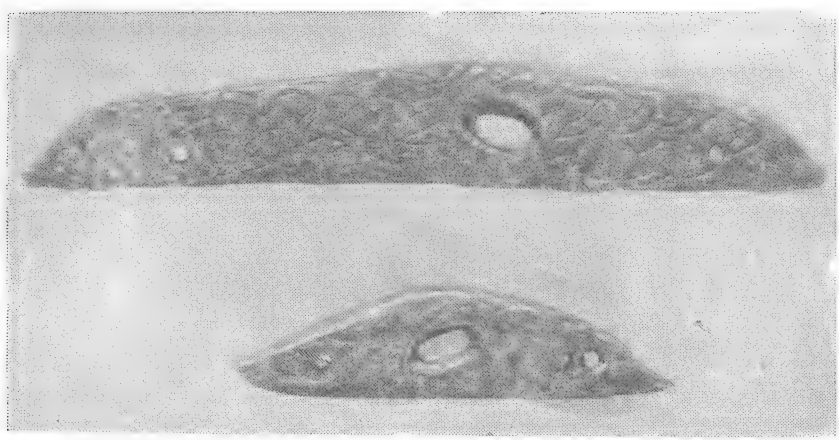
Бронзовый водолей русской работы XII века

Бронзовая арка XII века работы русского мастера Константина.
Найдена при раскопках во Вщиже в 1844 году

Дружинные вещи из Вщижского городища (XI век). Пряжка с накладным серебром и золотым изображением оленя.

Золотой перстень из Вщижа (XII—XIII век).

кольчик с перехватом, совершенно аналогичный подобным вещам из кладов VII века (например, клады из Суджи, Новой Одессы и др.). Этот единичный факт вносит много нового в датировку юхновской культуры. Роменская культура, по всей вероятности, должна датироваться с VIII—IX веков до X века и таким образом смыкается с поздней датой юхновской культуры. Переход от юхновских форм керамики к роменским, замена наземных плетеных жилищ деревянными хатами и ряд других изменений свидетельствуют о каких-то внутренних сдвигах. В эту новую эпоху по соседству с древним святилищем, на другом берегу устья ручья, на высоком и просторном мысу возникло большое село «Вьсчижь» (может быть, Усть-Чиж?). Раскопки пока обнаружили наличие роменской керамики на протяжении 250 метров на восток от мыса, то есть на территории будущего детинца и посада. Из построек удалось проследить (и то не полностью) лишь одну, расположенную на самом мысу, в углу городища, в его остром конце. Часть этой постройки обрушилась уже давно в овраг. Позднее на этом месте стояла угловая крепостная башня XII века, и поэтому постройка IX—X веков сохранилась плохо. Удалось проследить нечто похожее на дом для собраний Благовещенского городища, но значительно более скромное. Здесь тоже был удлиненный дом с продольным углублением и тоже без следов печи. В районе этого «дома в углу» найдено много амулетов из просверленных клыков, бобровых позвонков, камней с прочерченными на них крестовидными знаками и гребень с двумя конскими головами. Возможно, что перед нами — общий дом данного села, «контина», как называли такие дома у западных славян или «обчина», куда собирались для обсуждения дел, для пиров, празднеств и заклинаний. Назначение его близко к назначению большой постройки «Благовещенской горы», но масштабы иные: вщижская «обчина» IX—X веков обслуживала только один поселок, а не целое племя.



Дружинные вещи XI века из Вщижского городища: костяные пластинки от колчана

Вщиж — княжий двор XI века и удельный город XII—XIII веков

В XI — начале XII века Вщиж представлял собою небольшую крепость с посадом за ее стенами. Стены были выстроены из небольших деревянных городен 1×3 метра.

Состав населения в это время был двоякий: с одной стороны, встречаются вещи, совершенно аналогичные деревенским вещам X—XI веков из окрестных радимичских (одно из восточнославянских племен, центр поселения которого был на реке Сож) курганов, а с другой стороны — много находок дружинного характера: меч, костяные части седла, с орнаментом X—XI веков, посеребренная железная пряжка с золотым изображением оленя и другие вещи. Керамика этого времени уже достаточно разнообразна по своим формам и вся сделана на ручном кругу. По всей вероятности, Вщиж в XI — начале XII века входил в состав княжеского владения черниговских князей Святославичей и затем Ольговичей, державших здесь укрепленный «двор» и посадников с дружиной. Такими княжескими городками в этих местах, кроме Вщижа, были Карачев, Дебрянск, Трубеч, Воротынск, Ормина и др.

В середине XII века, судя по археологическим данным, во Вщиже происходят крупные изменения и перестройки, связанные с превращением его в удельный княжеский город.

Стратиграфия городища (система расположения культурных слоев), особенно хорошо прослеживаемая у обрывистого края, дает нам ряд четко разграниченных слоев, условно приуроченных к столетиям:

1. Слой XI века завершается линией древней нивелировки, когда ряд старых строений был снесен и площадь выровнена.

2. Слой XII века с небольшим количеством вещей и очевидно недолговечный. Резко отличается от предшествующего богатством сооружений и вещей. Завершается прослойкой мощного пожара, наиболее интенсивного на краю города, близ крепостных стен.

3. Слой XIII века дает несравненно большее количество вещей такого же качества, как и предыдущий, — очевидно длительность бытования сооружений этого слоя большая, чем предшествующего, так как уровень культуры в это время повышался. Слой этот также завершается пожарной прослойкой, хорошо датируемой вещами 1230—1240 годов.

Медные котлы из боярской или княжеской поварни (XII—XIII века)

Сопоставление археологических данных с летописными сведениями о Вщиже позволяет уточнить дату каждого из слоев и исторически истолковать их. В 1142 году Вщиж переходит от Всеволода Ольговича во владение Владимира Давыдовича, который вскоре выделил Вщиж в удел своему сыну Святославу. В 1160 году Святослав Вщижский был осажден войсками восьми князей, которые после пятинедельной безуспешной осады ушли, заключив с ним мир.

Уточненные даты слоев должны выглядеть так:

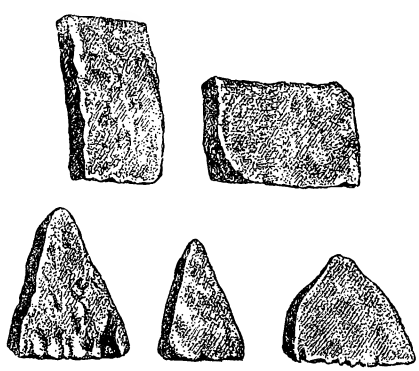
1. Слой XI века — до 1142 года.
2. Слой 1142 — 1160 годов.
3. Слой 1160—1238 годов. Последняя дата указана предположительно, так как есть косвенные соображения в пользу того, что Вщиж был разорен Батыем на пути из окрестностей Смоленска к Козельску.

В середине XII века, когда небольшая вщижская крепость из резиденции княжеского посадника превратилась в резиденцию удельного князя, здесь были произведены значительные изменения, увеличившие размеры городка в несколько раз.

Старые стены из небольших городен были сломаны, ров с «приступа» был засыпан и границы детинца были раздвинуты. Обширный посад был укреплен мощными двойными валами и глубоким рвом, имеющим в настоящее время 18 метров ширины. Стены детинца были срублены из дубовых городен 3×5 м. На углу городища (на месте древней «контины») прослежены стулья шестиугольной башни. В центре детинца обнаружена часть фундамента какой-то массивной восьми- или двенадцатиугольной башни, опиравшейся на мощные опоры (60 см в диаметре). Центральная башня, расположенная на расстоянии «перестрела» от каждой стены, представляла собой нечто вроде западноевропейского замкового донжона. В Галицкой земле также упоминаются такие крепостные вежи. Вокруг вежи вщижского детинца была расчищена площадь и расположены коновязи: здесь найдено много удил, стремян, шпор и впервые найдена железная скребница и инструмент для очистки копыт. Срединный двор детинца, очевидно, служил местом сбора княжеской конницы.

В башнях и городнях удалось проследить в профилях рухнувшие вниз деревянные перекрытия с остатками культурного слоя; это, очевидно, слелы пребывания здесь городской стражи. В центральной веже среди другого материала верхнего яруса найдена прочная глиняная фляга XII—XIII веков.

В XIII веке укрепления Вщижа были оснащены «самострелами коловоротными» — арбалетами с шестереноч-



Кирпичи, из которых строились дымоходы во Вщиже в XII веке

Образцы посуды (XI—XIII века)

ным механизмом для натягивания тетивы. Такая зубчатая шестерня была найдена на краю городища в 1940 году в слое XII—XIII веков.

Удельный город Вщиж в XII— XIII веках рисуется нам в следующем виде: напротив заброшенного языческого святилища (где было кладбище и стояла, очевидно, деревянная благовещенская церковь) возвышались неприступные стены детинца, над которыми господствовала огромная срединная вежа.

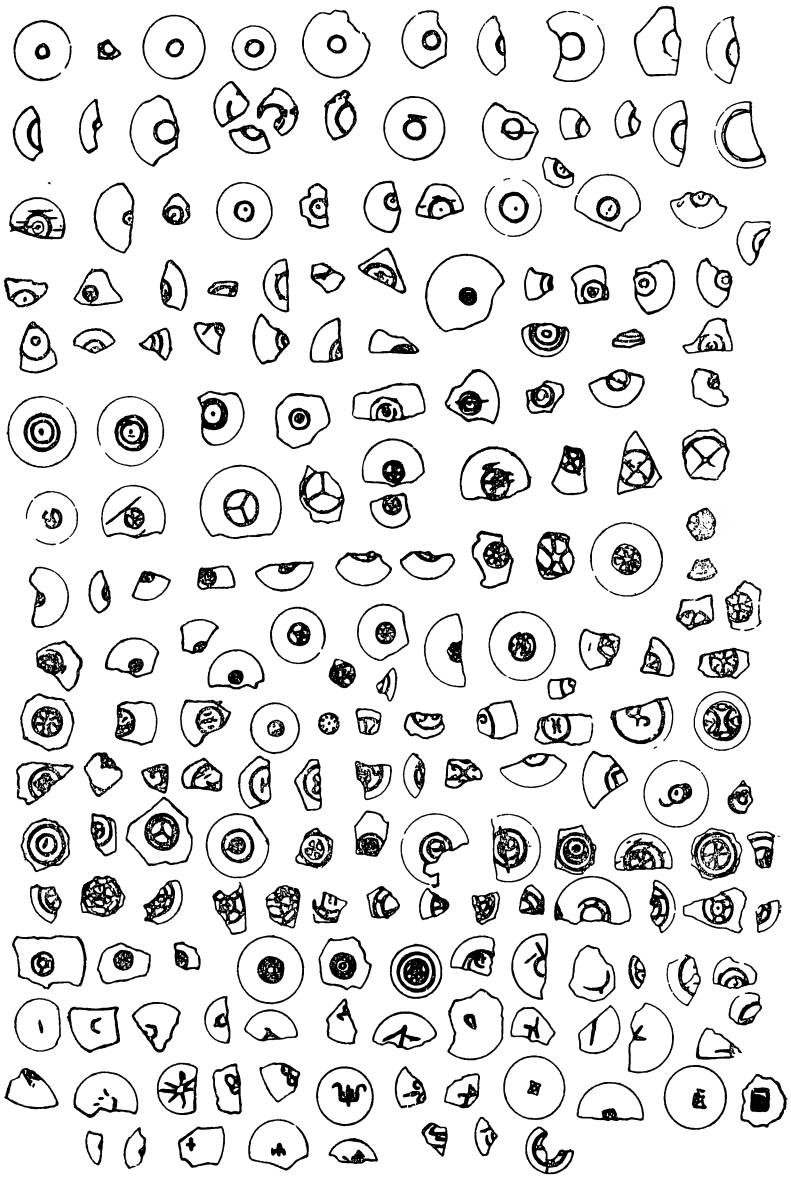
Дома в детинце шли вдоль стен, оставляя середину его свободной для сбора дружины. Небольшой внутренний вал отделял детинец от посада. Возможно, что близ этого вала в наиболее безопасной части детинца и находился княжеский дворец (здесь встречены гончарные клейма с княжескими знаками).

Центром посада была каменная церковь середины XII века с небольшим кладбищем близ нее. На окраинах его, у вала, селились ремесленники; обнаружена кузница и гончарная мастерская. У восточного вала найден инструмент мастера серебряных дел — штамп для колтов.

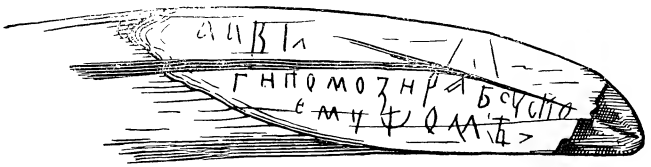
Въезд в город был, по всей вероятности, со стороны ручья, там, где посад примыкал к детинцу.

Внутренняя планировка посада пока не выяснена. За городом шли неукрепленные слободы и небольшие земледельческие поселения, разбросанные по берегам Десны и ручья. В двух километрах от города, по дороге в летописный город Воробейню, есть курганы, которые в XII—XIII веках были увенчаны большими каменными крестами, в чем сказалась близость к городу.

Большой научный интерес представляют вскрытые во Вщиже жилища. Лучше всего они сохранились там, где были в свое время пожары. Пожар во время безуспешной осады 1160 года затронул только юго-западную окраину города, обращенную к ручью.



Клейма вщижских гончаров (XII—XIII века)



Надпись, выцарапанная на кабаньем клыке

Уяснению конструкции древних домов XII—XIII веков помогли этнографические сопоставления. Все дома ставились на «стульях» — вертикальных столбах, следы которых хорошо сохраняются в материке; почти все дома — пятистенки с одной теплой камерой (истъбой) и холодными сенями. Потолок всегда засыпался толстым слоем земли. Дома-пятистенки делятся на два подтипа: одни из них, близкие ко вщижским избам XIX века, имели вход с широкой стороны через сени и внутри — печь и подполье справа от входа. Таков был просторный дом у церкви, при раскопках которого удалось впервые точно проследить сложную конструкцию ручных жерновов. К дому примыкала крытая обширная зерновая яма, вмещавшая около двух тонн зерна. Другой тип домов, прослеженный в детинце,— узкие, плотно прижатые друг к другу избы с соломенными кровлями и печью у задней, узкой стены. Теплой половиной они обращены к городской стене, а сенями — во внутренний двор детинца. Сени служили, очевидно, и хлевом. Это были, по всей вероятности, избы боярской или княжеской челяди.

Старинный головной убор из Вщижа

Печи во вщижских домах были очень фундаментальны и ставились, как изба, на «стульях» и на срубе.

В детинце все дома с середины XII века имели высокие кирпичные дымоходы, выведенные выше кровель. Дымоходы вщижского городища — первые в истории изучения древнерусского жилища; до сих пор считалось, что на Руси всегда топили по-черному. Дымоходы делались из специального тонкого кирпича прямоугольной и треугольной формы и клались на глиняном растворе. Сохрани-

лись железные вьюшки. Развал дымохода при гибели жилища образовывал широкую полосу длиною 7 метров.

В жилищах и на дворах найдено множество разнообразной посуды, орудий труда и бытовых предметов (ключи, замки, рукомойники, черпала, пряслица, браслеты и др.).

Рядом с тесными избами челяди в детинце удалось раскопать огромный дом, крытый деревом и медью, имевший по фасаду 14 метров. Обычай насыпать землю на потолок позволил установить, что дом этот был двухэтажным, а в центре его возвышался еще небольшой «эласоверхий терем», обитый медными листами. В этом боярском или княжеском доме употреблялась стеклянная посуда, здесь ели кур и гусей, пекли блины, здесь варили обеды в огромных медных котлах. Найденная здесь железная личина от шлема (см. стр. 104) покрыта серебром и позолотой; богатство отделки свидетельствует о знатности владельца. Дом отапливался тремя печами; для освещения применялись бронзовые паникадила.

Реконструкция церкви (XII—XIII века)

Из всех видов производства во Вщиже обильнее всего представлено гончарное дело. Близ вала раскопан горн, принадлежавший двум мастерам.

Гончары метили свои изделия клеймами; в раскопках найдено около двухсот различных клейм. Очевидно, одновременно в городе работало всегда около 15—20 мастеров. В разных местах городища встречены клейма одного мастера; они позволяют уточнить датировку жилых комплексов. Клейма в виде княжеских знаков могут указывать на местонахождение княжеского двора.

Из отдельных вещей заслуживает внимания бронзовый водолей XII века русской работы, изображающий птицу с головой юноши. К богатым княжеским вещам следует отнести золотой перстень.

Интересен кабаний клык с заклинательной надписью: «...г (оспод)и помози рабу своему Фоме».

К дружинным вещам более раннего времени нужно отнести орнаментированные костяные детали колчанов и изящную железную пряжку, окованную серебром с золотым изображением оленя.

В центре посадской части города в середине XII века была выстроена кирпичная церковь, близкая по плану к покровской церкви на Нерли близ Владимира, а по профилированию пилястр к смоленским зданиям середины XII века. Вскоре после постройки она была окружена гульбищем с кирпичной же аркой на 12 устоях; следы этих колонн были видимы еще в XIX веке.

В настоящее время сохранился только фундамент гульбища.

Внешний облик вщижской церкви был своеобразен (см. попытку реконструкции на стр. 119).

Судя по раскопкам 1840-х годов, церковь погибла во время осады (1238?) и погребла под собой десятки вщижан, спасавшихся здесь от врага.

Из уцелевшей утвари особенно интересны подсвечник с эмалью лиможской работы XIII века и великолепные бронзовые арки (от «царских врат»?) работы русского мастера Константина середины XII века, являющиеся прекрасным образцом русского литейного дела.

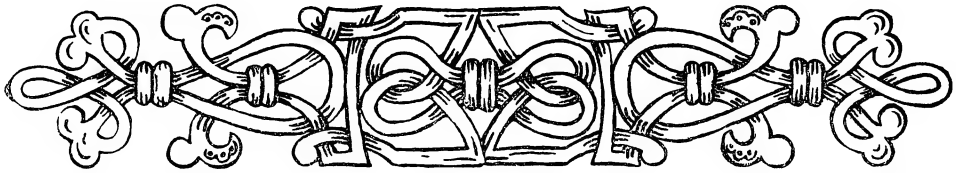
* *
*

Археологические раскопки во Вщиже раскрывают интересную историю развития одного из русских летописных городов от племенного святилища к маленькому городку в системе княжеской вотчины, от городка — к удельному городу с разнообразной застройкой, мощными укреплениями, развитым ремеслом. Татарское нашествие оборвало жизнь этого цветущего города и разрушило его феодальную культуру. Но раскопки показали, что затерянный в брянском Полесье Вщиж XII—XIII веков — яркий образец высокого общего уровня и самобытности русской культуры, проявлявшейся в самых различных областях быта и искусства.

Г. Б. ФЕДОРОВ

СЛАВЯНЕ ПОДНЕСТРОВЬЯ

ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА
НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ
ДНЕСТР — ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНСКАЯ РЕКА
ЕКИМАУЦКОЕ ГОРОДИЩЕ
ПОЖАР И БИТВА
СТРОИТЕЛИ И ВОИНЫ
РЕМЕСЛО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ОТНОШЕНИЯ ТИВЕРЦЕВ С КИЕВСКОЙ РУСЬЮ
И ЗАПАДНЫМИ СЛАВЯНАМИ
РОЛЬ СЛАВЯН ПОДНЕСТРОВЬЯ В ФОРМИРОВАНИИ
МОЛДАВСКОЙ КУЛЬТУРЫ



ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА

Древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет» перечисляет четырнадцать восточнославянских племен — предков русского, украинского и белорусского народов, указывая и места их расселения. Археологическими разведками открыты вещественные памятники большинства из этих племен. Карта расселения этих племен, составленная на основании археологических раскопок, полностью совпала с картой расселения их, сделанной на основании летописных сведений, что подтвердило правильность указаний летописи.

Памятники материальной культуры двух из упомянутых летописью племен — уличей и тиверцев — были до последнего времени не только не изучены, но и не открыты. Между тем открытие и изучение их особенно важно ввиду скудости и отрывочности письменных источников.

Тиверцы (а после 940 года и уличи), занимая земли по Днестру на запад до Дуная, а на юг до Черного моря, были крайним юго-западным форпостом древней Руси. Территория уличей и тиверцев — плодороднейшие земли Поднестровья — имела огромное экономическое, политическое и стратегическое значение, прикрывая Русь от западных и юго-западных противников. Она являлась необходимым звеном в культурных, экономических и торговых связях центров Киевской Руси с западными и южными славянами, с Византией и с другими странами. Из этого ясно, какое большое значение для изучения исторического прошлого русского народа, его культуры и экономики, его связей с другими славянскими народами имеет восстановление истории славян Поднестровья.

Наиболее подробные сведения об уличах и тиверцах сохранились в русской летописи. Летописец начала XII века сообщает о них следующее: «Уличи и тиверьцы седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне». В летописи сохранились и краткие известия о более ранней истории этих племен.

В процессе создания и укрепления Киевского государства киевские князья вели упорную борьбу за покорение и объединение всех восточнославянских племен. Одними из первых племен, втянутыми в этот процесс, оказались уличи и тиверцы.

Киевские князья Аскольд и Дир во второй половине IX века вели борьбу за покорение уличей, ее продолжил Олег, стремившийся покорить, как сообщает летопись под 885 годом, не только уличей, но и тиверцев. Преемник Олега — князь Игорь также начал свое княжение (в первой четверти X века) с борьбы за покорение уличей. Воевода Игоря — Свенельд, «примучи» уличей, возложил на них тяжелую дань. Один из городов уличей — Пересечен — был взят Свенельдом лишь в 940 году в результате трехлетней осады. После взятия Пересечена уличи, жившие до того в Поднепровье («По Днепру вниз»), переселились на запад, на территорию между Бугом и Днестром. Борьба киевских князей за покорение уличей и тиверцев в целом была, видимо, удачной и привела к включению их в Киевское государство.

Описывая поход Олега в 907 году на столицу Византии — Царьград, летописец упоминает в числе других восточнославянских племен, участвовавших в походе, и уличей и тиверцев, называя последних «толковинами». Относительно значения последнего термина в исторической литературе существуют две точки зрения. Одни из исследователей считают, что термин «толковины» в данном случае значит «переводчики», другие, — что он означает «союзники». Проф. Б. А. Рыбаков в своем историко-географическом труде об уличах убедительно доказал, что термин «толковины» означает «союзники», ибо этот термин связан с древнерусским словом «толока» — общественная помощь. Это объяснение является наиболее правдоподобным. Странно было бы, если бы целое многочисленное племя тиверцев называлось переводчиками. Определение же их летописцем, как союзников, вполне понятно и отражает их, видимо, не полное в то время подчинение киевскому великому князю.

В походе 944 года князя Игоря на Царьград тиверцы, вместе с другими племенами, упоминаются уже в составе основного русского войска, в то время как наемные союзники — печенеги особо оговариваются в летописи.

После 944 года тиверцы, как и ряд других восточнославянских племен, исчезают со страниц летописи, что, очевидно, отражало их полное подчинение киевским князьям и окончательное включение их в состав Киевского государства.

Об уличах и тиверцах упоминает и анонимный баварский географ второй половины IX века, сообщающий о том, что «многочисленный на-

род уличей имел 318 городов, а свирепейший народ, — как выражается географ, — тиверцы — 148 городов».

Византийский император Константин Багрянородный в середине X века также писал об области уличей, пограничной с одним из округов, занимаемых кочевниками-печенегами. Глухо упоминают об уличах и некоторые восточные авторы. На этом исчерпываются сведения письменных источников об уличах и тиверцах. Несмотря на краткость и отрывочность этих сведений, можно, однако, судить, что племена эти были весьма многочисленными, имели в большом количестве хорошо укрепленные города, упорно отстаивали свою независимость, принимали участие в далеких и трудных, требующих боевой выучки, походах киевских князей на византийскую столицу.

Письменные источники упоминают об уличах и тиверцах лишь на протяжении одного столетия — с середины IX до середины X века. Более ранние и более поздние упоминания о славянах в Поднестровье также весьма ограниченны и отрывочны.

Впрочем, если уличи перешли в Поднестровье лишь после 940 года, то тиверцы упоминаются в летописи именно как жители Поднестровья, да и самое их племенное название нужно, вероятно, связывать с древним названием Днестра — Тирас.

Посмотрим, какие сведения в письменных источниках сохранились о славянах в Поднестровье в более раннее время, чем о них сообщает русская летопись.

Трудно судить точно о том, жили ли в Поднестровье венеды и другие славянские племена, упоминаемые Тацитом и рядом римских историков первых веков нашей эры.

В VI веке в связи с особенно сильным отпором, который оказывали славяне агрессивным стремлениям Византии, неоднократно вторгаясь в ее пределы, византийские историки Прокопий, Иордан, Маврикий и другие, вплоть до начала VII века, довольно подробно сообщают о славянах. Иордан называет Днестр пограничной рекой, разделяющей два крупных славянских племенных объединения — антов и склавинов, из которых первые жили на левом, а вторые на правом берегу Днестра. Таким образом, судя по письменным источникам, Поднестровье в этот период находилось в самом центре расселения славянских племен. Византийские историки рисуют антов и склавинов, незадолго до VI века составлявших единое целое под именем споров, как отважных и мужественных воинов, прекрасно владеющих оружием, ведущих успешные войны с готами, с Византией, с аварами и с другими противниками, причем военной силой их была не профессиональная армия, а вооруженный народ. Основой хозяйственной жизни славян было земледелие, особенно возделывание зерновых — пшеницы, проса и других злаков, а также скотоводство, охота, рыболовство и военная добыча, в том числе выкуп, получаемый за военнопленных.

Свободолюбивые и гостеприимные склавины и анты не держали в вечном рабстве врагов, попавших к ним в плен, как другие племена, а,

ограничив срок пребывания в рабстве определенным временем, потом предлагали на выбор либо уплатить выкуп и вернуться на родину, либо оставаться с ними на положении свободных и друзей.

По сведениям тех же византийских историков, склавины и анты не управлялись одним лицом, но с давних пор имели демократический образ правления, причем все важнейшие вопросы у них решались на народных собраниях, в которых участвовали все вооруженные мужчины. Вожди племенных объединений и отдельных племен (основу которых составляла патриархальная семья и объединяющая семьи территориальная соседская община) имели ограниченную власть, усиливающуюся только на время военных походов. Захват добычи во время войн играл большую роль у склавинов и антов. В VI веке, когда византийские историки описывали склавинов и антов, у них под влиянием развития производительных сил наступили новые порядки. Вместе с ростом производительных сил и накоплением богатств росло имущественное и социальное неравенство, увеличивалась и становилась наследственной власть вождя, укреплялась привилегированная военная дружина, шел процесс классообразования и феодализации общества, создавались впервые более или менее прочные государственные объединения. Религия антов и склавинов была языческой, с поклонением силам природы и культом предков, а язык, судя по немногочисленным дошедшим до нас именам и названиям, был безусловно славянским. Византия, испуганная их могуществом, приглашала к себе на службу отдельных славянских вождей и целые отряды. Следует отметить, что войны славян с Византией сыграли решающую роль в крушении рабовладельческого строя в этой империи и в торжестве новых, исторически более прогрессивных феодальных порядков.

В период балканских войн VII века славяне, сражаясь с Византией, заселили Балканский полуостров, решительно меняя социальный строй во вновь завоеванных областях. Антские и славянские племенные союзы распались, уступив место более мелким племенным объединениям, о которых упоминает уже русская летопись в IX веке.

Византийские историки впервые говорят об антах в VI веке в связи с борьбой их с готами, происходившей во второй половине IV века, а последнее упоминание относится к началу VII века. В VII—VIII веках письменные источники ничего не говорят о славянах в Поднестровье, и лишь к IX веку относится перечисление русской летописью ряда восточнославянских племен, в том числе уличей и тиверцев.

Таким образом, письменные источники, сообщая ряд ценных сведений об уличах и тиверцах, не позволяют все же из-за своей краткости и отрывочности ни восстановить всесторонне социально-экономическую, политическую и культурную историю этих племен, ни проследить их связь с антами и склавинами, а ряд столетий в истории славян Поднестровья оставляют совершенно неосвещенными.

Решающую роль в заполнении этих пробелов должна была сыграть археология — открытие и изучение памятников материальной культуры славян Поднестровья различных эпох. Попытки археологического изуче-

ния их начались еще более ста лет назад. В 1837 году бессарабский губернатор по циркуляру министерства внутренних дел предписал начать по всей территории Бессарабии сбор сведений о всех древних строениях, городищах, курганах и других древностях. Сведения собирали люди, как правило, не квалифицированные в археологии — земские судьи, старосты, учителя и т. п., которые, составляя иногда очень добросовестные описания древних памятников, имеющие значение и поныне, не смогли, конечно, сделать правильных и обоснованных выводов, оставив вопрос о славянских древностях в Поднестровье открытым. С тех пор поиски этих древностей предпринимались неоднократно и до последнего времени результатов не давали.

Нечего говорить о том, что в период временной оккупации Бессарабии боярской Румынией тогдашнее реакционное румынское правительство, стремясь скрыть от молдавского народа глубокие исторические корни связей его с русским народом, запрещало подобные археологические изыскания. Пребывание славян в Поднестровье либо совсем отрицалось, либо они объявлялись кратковременными пришельцами, бесследно исчезнувшими и не оставившими никаких следов в материальной культуре.

Скудность письменных источников и неудача поисков славянских древностей в Поднестровье привели к тому, что уличи и тиверцы получили в исторической литературе название «загадочных племен».

Наряду с учеными, стремившимися не без успеха наиболее четко и точно исследовать немногочисленные письменные источники, связать с пребыванием уличей и тиверцев в Поднестровье различные пункты, имеющие древние славянские названия и т. д., появились и другие «исследователи», ставившие под сомнение самое показание летописи о пребывании славян в Поднестровье. Они открещивались от проблемы изучения уличей и тиверцев или занимались бесплодными псевдонаучными домыслами. Так, историк Шлецер высокомерно называл тиверцев «бестолковыми» племенами, почти все упоминания об уличах и тиверцах в летописи считал «опиской» летописца, приходил к неутешительному выводу: «...а кто они таковы, никому не известно».

Некритическое чтение различных списков летописи, в одном из которых летописец, упоминая о борьбе Олега с уличами, ошибочно написал предлог «с» вместе с уличами, послужило поводом для измышления мифического племени «суличей», поисками которого занимался ряд историков в течение нескольких десятилетий, пока это недоразумение не было окончательно рассеяно.

Ряд буржуазных историков, отрицая ясное указание летописи о принадлежности тиверцев к восточнославянским племенам, называли их то скифами, то печенегами, то турками, то болгарами, то хорватами, то немцами-тюрингами, то конгломератом различных народностей и т. п.

Бесплодные, псевдонаучные споры о тиверцах ряда буржуазных ученых послужили предметом острой сатиры, написанной поэтом А. Н. Майковым, которая приводится ниже:

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСНА»

(Рассказ посвящается г. г. ученым)

Эпиграф:

Один ученый: А что, м. м. г. г., вы можете сказать о тиверцах?

Другой: По Нестору они жили...

Третий: Да что по Нестору, мы знаем, где они жили. Но откуда же они вышли? Не скрывается ли в их названии какого-либо указания?

Первый: Не указывает ли оно на Тавр, народы около Тавра — таверцы, а таверцы и тиверцы — одно и то же.

Четвертый: Не владели ли тиверцы нынешним Крымом, который греки и именовали Тавридой, по имени владетелей, т. е. Тивридой.

Пятый: Позвольте: по-итальянски Тибр Tevere, следовательно, народы, живущие по Тибру, будут теверцы, ergo тиверцы в России — выходцы с берегов Тибра, римляне. Если принять в соображение аналогию громадности древнеримской империи и нынешней российской, то эта догадка более чем несомненна.

(Заседание одного ученого общества)[1].

Конечно, подобные псевдонаучные лингвистические домыслы не могли продвинуть вперед изучение славян Поднестровья.

Небезинтересно, что последователи Н. Я. Марра таким же совершенно антинаучным образом пытались объяснить происхождение русского народа, связывая его с древнеиталийским племенем этрусков.

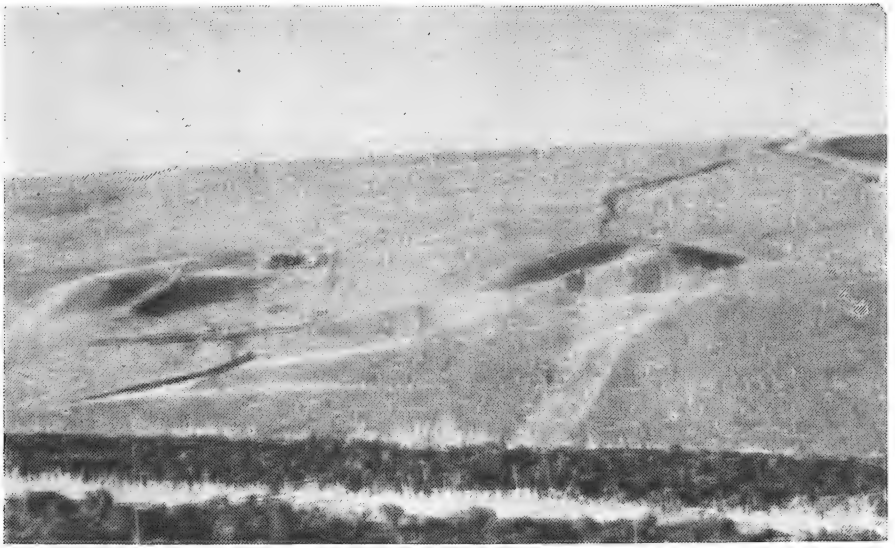
До последнего времени не была определена даже территория уличей и тиверцев, и различные специалисты по исторической географии помещали их попеременно то на правом, то на левом берегу Днестра.

НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ

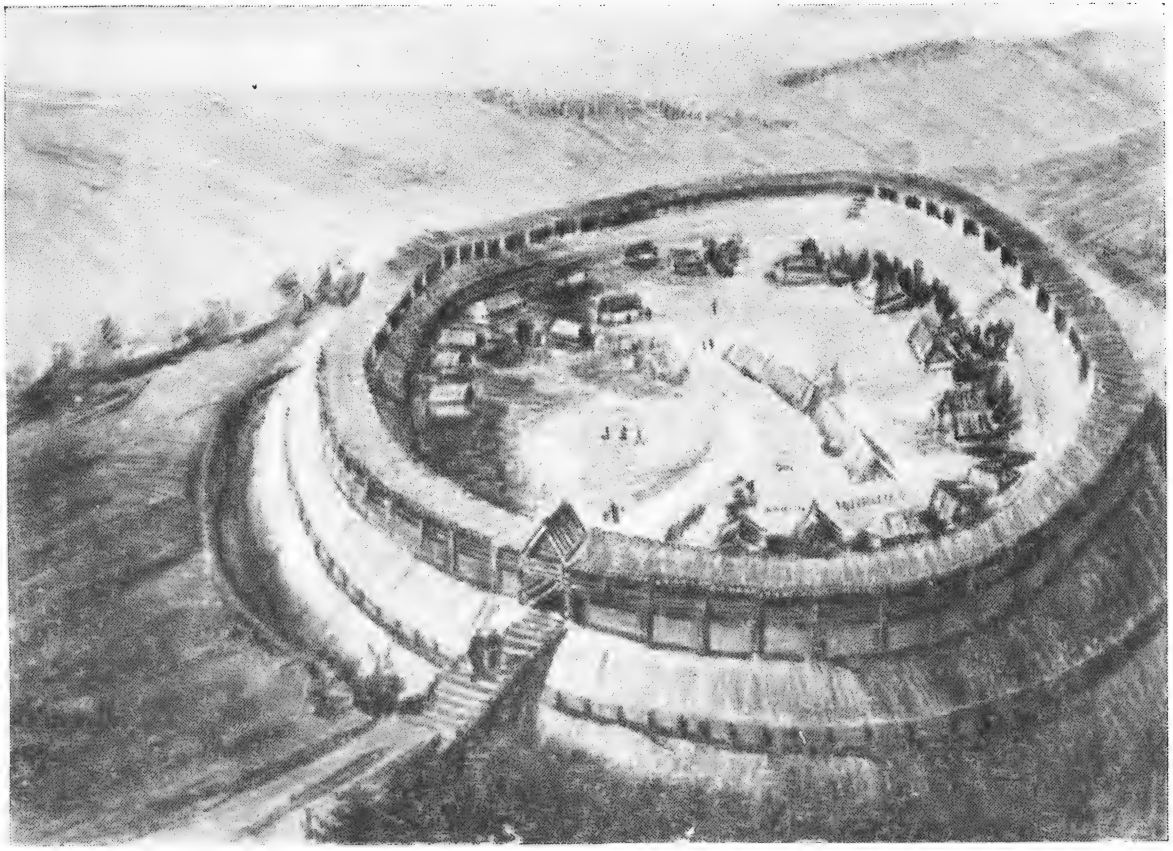
Разгадать тайну этих «загадочных» племен удалось только советским ученым. Используя и критически перерабатывая все то положительное, что было создано дореволюционной наукой, советские ученые, как правило, не занимаясь специально уличами и тиверцами, в своих исследованиях уделяли им более или менее значительное место. Разработкой общих проблем истории восточного славянства они способствовали разрешению этого вопроса. Здесь прежде всего необходимо отметить работы Б. А. Рыбакова, который в своих исследованиях «Анты и Киевская Русь», «Ремесло Древней Руси» и др. впервые четко показал, что анты являются не только предками восточнославянских племен, но и создателями всей культуры Киевской Руси. Памятники материальной культуры первой и начала второй половины I тысячелетия н. э., находимые в юго-западных лесостепных областях нашей Родины и условно называемые культурой полей погребений, профессора П. Н. Третьяков и Б. А. Рыбаков отнесли к антским древностям. Это открыло новые перспективы и облегчило задачу поисков памятников материальной культуры славян Поднестровья. Б. А. Рыбаков в своем уже упомянутом историко-географическом труде «Уличи» на основе мастерского сопоставления летописных текстов доказал, что уличи и упоминаемый летописью их город Пересечен находились первоначально в Поднестровье,

[1] А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 4, кн. 7. СПБ, 1914, стр. 125.

Общий вид Алчедарского городища (IX—XI века)



Общий вид Екимауцкого городища (IX—XI века)



Реконструкция общего вида Екимауцкого городища (IX—XI века)

ниже Киева, и лишь после взятия Днепровского Пересечена Свенельдом в 940 году уличи передвинулись в район Поднестровья. Село Пересечена Огреевского района Молдавской ССР, с которым ряд историков связывал летописный Пересечен, возможно, является свидетельством того, что после передвижения на Днестр уличи основали здесь в память днепровского Пересечена новый город с таким же названием. Правда, археологические разведки, проведенные Славяно-Днестровской экспедицией ИИМК АН СССР, не обнаружили пока в районе села Пересечена никаких остатков древнего поселения.

Помимо плодотворной разработки крупнейшими советскими археологами П. Н. Третьяковым, Б. А. Рыбаковым и другими вопросов истории материальной культуры восточного славянства в I тысячелетии н. э., разработки, облегчившей поиски древностей уличей и тиверцев, был сделан и ряд археологических находок в районе Поднестровья, имеющих важное значение для решения этой проблемы. К ним относятся прежде всего находки в верхнем Поднестровье памятников эпохи полей погребений, сделанные лауреатом Сталинской премии Т. С. Пассек, М. Н. Смишко и др. Исследование этих памятников помогло выявить историю уличей и тиверцев, которые, судя по летописи, занимали среднее и нижнее Поднестровье.

Археологами Кишиневского государственного музея было найдено два селища (неукрепленных поселения) эпохи полей погребений в среднем течении Днестра. В одном из них остатки сосудов этого времени были найдены вместе с славянскими сосудами VIII—IX веков, т. е. времени первого летописного упоминания славян Поднестровья.

В 1946—1947 годах научным сотрудником Молдавского филиала АН СССР Г. М. Смирновым было открыто два городища у сел Екимауцы и Алчедар в средней части Молдавии. Подъемный материал, т. е. собранные на поверхности городищ древние остатки, состояли из обломков славянской керамики.

Правда, находки керамики эпохи полей погребений в среднем Поднестровье были единичными, а материалы, полученные с указанных выше двух городищ, слишком незначительными, чтобы на основании их уверенно строить какие-либо выводы. Так, например, археологи расходились даже в датировке фрагментов славянской керамики, относя их то к XI—XII, то XII—XIII векам, т. е. ко времени, значительно более позднему, чем летописное упоминание уличей и тиверцев. Все же эти первые находки давали основание надеяться на успешность поисков памятников материальной культуры летописных уличей и тиверцев и их предшественников в Поднестровье.

ДНЕСТР — ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНСКАЯ РЕКА

В 1950 году Славяно-Днестровская экспедиция ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР, под руководством автора этих строк, впервые предприняла широкие разведки и исследования памятников материальной культуры славян Поднестровья. Молдавские и русские

советские археологи в тесном содружестве приступили к интереснейшей работе открытия тайны «загадочных» племен. Во время разведок, проведенных экспедицией в 1950—1952 годах в основном по правобережью Днестра, было открыто и обследовано около 80 славянских поселений различных эпох в среднем и нижнем Поднестровье, причем 6 из них представляли собой хорошо укрепленные городища.

Около 40 раннеславянских селищ так называемой эпохи полей погребений были обнаружены по всему течению Днестра и его притоков на территории Молдавской ССР от местечка Атаки на севере до села Тудорово, расположенного в 30 км от днестровского лимана, на юге. Глиняные сосуды, пряслица от веретен, костяные гребни и проколки, костяные лощила, глиняные сосуды для изготовления сыра с множеством мелких отверстий в донышке, керамический горн и гончарный брак, каменные тесла и различные изделия, найденные на этих селищах, относятся ко времени от I века до н. э. и до VI века н. э. Они представляют собой локальные варианты известных ранее в Поднепровье, в верхнем Поднестровье и в других местах типичных предметов эпохи полей погребений от более раннего их вида до самого позднего вида, т. е. от I века до н. э. и до V—VI веков н. э.

Наряду с грубыми лепными кухонными сосудами, сделанными без применения гончарного круга, во всех селищах преобладала превосходно сделанная на кругу из хорошо вымешанной и обожженной глины изящная посуда в виде вазочек на высоких ножках, небольших кувшинов с двумя ручками, низких разложистых мисок, больших сосудов с биконическим туловом и резкими гранями, отделяющими верхнюю часть сосуда от нижней, и т. д. Поверхность большинства из этих сосудов была черной или серой, вылощена до глянца, а иногда верхние части покрывались орнаментом из зигзагообразных процарапанных или лощеных линий. С течением времени, в IV—VI веках, т. е. в эпоху, когда византийские историки сообщают об антах и склавинах, эти сосуды становятся больше по размерам, постепенно исчезают лощение и утонченные изысканные формы, за счет некоторого огрубения выделки увеличивается прочность сосудов и очень возрастает их количество. Возможно, что эти изменения в керамике связаны с продвижением новых масс славянства на юго-запад, с рядом хозяйственных и социальных изменений и с включением этих масс в мощные племенные союзы антов и склавинов, ведущих борьбу с Византией.

Сосуды эпохи «полей погребений» из Поднестровья первых веков нашей эры

Селища эпохи полей погребений, поздние слои которых безусловно относятся к упоминаемым византийскими историками антам и склавинам, расположены обычно на склонах небольших

лощин или балок, вблизи ручьев или ключей, иногда на надпойменной террасе или в самой пойме, обычно неподалеку от пахотной земли и лугов. Размер селищ довольно обширен и в отдельных случаях достигает 3 га. Культурный слой, т. е. слой, содержащий остатки вещественной деятельности людей, обычно толщиной в 40—50 см и сильно насыщен. Подавляющее большинство селищ расположено в районе мелких и мельчайших притоков Днестра, но есть и на самом Днестре в его пойме. Самое расположение селищ свидетельствует о земледельческо-скотоводческом характере хозяйства его обитателей. Об этом же говорят разнообразие форм керамики и орудия труда; костяные изделия указывают на умение обрабатывать кость, пряслица — на ткачество.

Интересно, что селища эти большей частью расположены на склоне между двумя оврагами или балками или на мысу, образованном двумя оврагами или лощинами. Это как бы ограничивает территорию селища и служит ему некоторой естественной защитой.

В некоторых селищах под слоем со славянскими вещами находится слой, содержащий керамику более ранних — скифских поселений. Однако экспедиции не удалось проследить связи между ними.

Особенный интерес представляют те 8 селищ (Сакаровка, Гырбово и др.), в которых содержатся остатки славянских изделий, начиная с рубежа нашей эры до X—XI веков, в непрерывном культурном слое. Когда люди покидают по каким-либо причинам место своего поселения и оно длительное время остается необитаемым, над слоем, содержащим остатки их вещественной деятельности, постепенно образуется прослойка песка, земли и т. д., не содержащая никаких вещественных остатков, так называемая стерильная прослойка. Если же на этих местах опять поселятся люди, то над стерильной прослойкой снова образуется культурный слой. В раскопанных нами славянских селищах вещественные остатки имеются по всей толщине культурного слоя, который не содержит никаких стерильных прослоек. Это указывает на то, что славяне обитали здесь непрерывно в течение всего первого и начала второго тысячелетий н. э. Об этом же свидетельствует и постепенная эволюция материальной культуры, которая по формам орнаментов, способу изготовления и т. д. постепенно меняется от типичных раннеславянских сосудов так называемой эпохи полей погребений, через переходные виды, до типичной русской керамики X—XII веков так называемой великокняжеской эпохи, т. е. времени Киевского государства.

В этих переходных видах керамики, датируемых VI—IX веками, линейно-волнистый орнамент и техника выделки великокняжеской эпохи сочетаются с формами сосудов, типичными для эпохи полей погребений, или, наоборот, сосуды сохраняют ряд признаков формы и выделки эпохи полей погребений и уже имеют ряд признаков, характерных для великокняжеской эпохи. Находки таких памятников очень важны. Как известно, письменные источники, довольно подробно сообщая о славянах в VI веке и затем в IX—X веках, ничего не говорят о них в VII—VIII веках. Находки же вышеописанных переходных форм этого времени дают нам

возможность на фактическом материале увидеть, что между антами и славянами, упоминаемыми византийскими историками VI века, и славянами, упоминаемыми в летописи, имеется прямая связь, что памятники антского и великокняжеского времени представляют собой этапы в непрерывном развитии материальной культуры славянского населения на Днестре, что на Днестре раннеславянская культура эпохи полей погребения в VI—IX веках постепенно переходит в культуру великокняжеского времени и генетически связана с нею. Это дает нам право говорить о том, что тиверцы — носители древнерусской культуры на территории Молдавии — являются не кратковременными поздними пришельцами, а коренным древним славянским населением ее. Интересно, что во всех славянских селищах на протяжении всего I тысячелетия н. э. преобладает посуда, сделанная на гончарном кругу. Непрерывное существование гончарного круга у славян Поднестровья с первых веков нашей эры служит одним из показателей высокого уровня развития материальной культуры.

Кроме раннеславянских селищ эпохи полей погребений, экспедицией открыто и обследовано 34 поселения великокняжеского времени IX—XII веков, из которых 28 представляют собой селища, а 6, как уже говорилось ранее, городища. Как и славянские поселения более раннего времени, они встречены по всему течению Днестра на территории Молдавии и по его мелким притокам: от села Гырбово на севере до местечка Олонешты на юге. В нижнем Поднестровье предметы, найденные в этих селищах, датируются временем не позже IX — начала X века. Видимо, орды кочевников к этому времени вытеснили славян из степей нижнего Поднестровья. Возможно, что именно им принадлежат те запустевшие города на нижнем Днестре, о которых писал Константин Багрянородный в середине X века.

По своему положению селища великокняжеской эпохи не очень отличаются от селищ эпохи полей погребений. Селища обычно вытянуты вдоль реки или ручья. Ниже их, по склону, находятся заливные луга, выше — пашня, а еще выше — лес. Территория селища ограждена двумя оврагами или балками или слиянием двух рек; в районе селищ имеется обычно несколько родников или ключей. Отличают их от селищ эпохи полей погребений по внешним признакам бóльшие размеры (до 3—4 га), часто более близкое размещение друг от друга, так что они расположены с небольшими перерывами цепочкой вдоль берега ручья или дна лощины, а также то, что они нередко расположены вокруг городищ, которые как бы господствуют над ними. Например, в радиусе 5 км от городища Алчедар расположены 9 селищ, причем керамика и другие вещи, находимые на них, тождественны тем, которые имеются на городище.

Во время небольших раскопок, предпринятых экспедицией на селищах, обнаружены зола, уголь, древнерусская керамика с линейно-волнистым орнаментом, остатки керамического производства (керамический брак), остатки металлургического производства — железный шлак, руда, сыродутный горн, тигель; кости домашних животных, жернова, глиняная

обмазка и другие предметы, позволяющие судить о занятиях славянского населения селищ и уровне развития материальной культуры. Местоположение селищ и содержание культурного слоя позволяют говорить о том, что занятием их жителей было земледелие, скотоводство, гончарное и другие ремесла.

Наиболее развитые и совершенные формы имеет славянская материальная культура в междуречье Днестра и крупнейшего его правого притока Реута, где и расположена значительная часть селищ и все 6 известных пока городищ — Машкауцы, Алчедар, Екимауцы, Царевка, Лукашевка, Пояна-городка.

На ряде скифских городищ обнаружена верхняя прослойка со славянской керамикой, указывающая на то, что эти скифские городища позже использовались славянами для поселения.

Видимо, лесостепной район междуречья Днестра и Реута был центром или одним из центров древнерусской культуры в Поднестровье.

Городище Машкауцы расположено на мысу высокого берега Реута. Форма и местоположение остальных пяти городищ являются, видимо, типичными для Поднестровья. Они расположены на склонах пологих лощин возле многочисленных ключей и родников, неподалеку от леса и окружены пахотной черноземной землей. Городища эти овальной формы, окружены высокими (до 4 м) насыпными валами и рвами, ширина которых достигает 5—7 м, а глубина рва даже в настоящее время доходит до 2,5 м. На плато городища находится обычно небольшой водоем, питаемый ключами. Диаметры плато колеблются от 200 и 180 м до 60 и 50 м, а толщина культурного слоя от 40 до 180 см. Часто городища основывали на местах более ранних скифских и трипольских поселений, керамика которых встречается наряду с обожженной глиной, камнями в конструкции вала. Заселение городищ, судя по найденным в них предметам, относится ко времени с IX до начала XII века, причем имеются городища (Машкауцы, Екимауцы, Царевка), на которых жизнь прекратилась раньше, чем на других.

Во время раскопок на городищах были обнаружены в большом количестве различные виды русской керамики великокняжеской эпохи — от миниатюрных тигельков до больших глиняных сковородок, а также уголь, зола, обмазка, кости домашних животных и птиц, различные украшения, монеты, орудия труда и изделия ремесленников, жернова и т. п., — предметы, указывающие на интенсивную жизнь на этих городищах, на то, что у жителей их достигли высокого развития ремесла и сельское хозяйство. Целый ряд характерных признаков (орнаменты, формы, техника выделки и т. д.) свидетельствует о том, что эти городища принадлежат славянскому населению великокняжеской эпохи, т. е. упомянутым в летописи славянским племенам Поднестровья.

К какому же из них — к уличам или тиверцам — относятся эти поселения? Выше уже упоминалось, что, по сообщению летописи, уличи перешли в Поднестровье лишь после событий 940 года и, кроме того, заняли территорию между Бугом и Днестром, т. е. левобережье Днестра. Откры-

тые экспедицией славянские поселения великокняжеской эпохи органически связаны с более ранними славянскими поселениями, и кроме того, большинство из них находится на правом берегу Днестра, следовательно, они были заселены постоянными жителями Поднестровья — тиверцами.

Работами экспедиции было доказано, что Днестр — древняя славянская река, что славяне в Поднестровье не кратковременные поздние пришельцы, а постоянное население, густо — и в течение многих веков — заселявшее все Поднестровье, что культура, сельское хозяйство и ремесла развивались у них так же, как и у других восточнославянских племен. Поднестровье в I тысячелетии н. э. было не глухой кочевнической степью, как это считал ряд историков, а одним из развитых и обжитых центров славянской культуры.

Показания летописи были археологически полностью подтверждены, и получен ряд новых важных материалов, позволяющих судить о различных сторонах развития хозяйства и культуры у тиверцев. Таким образом, полученные материалы расширили и углубили наши знания о юго-западной части древней Руси, позволили открыть новую страницу в истории восточного славянства.

ЕКИМАУЦКОЕ ГОРОДИЩЕ

Следующей важнейшей задачей экспедиции было получение материалов, по которым можно составить наиболее полное и разностороннее представление о материальной культуре тиверцев, о их ремеслах, сельском хозяйстве, укреплениях, жилищах и т. д. Кроме того, ряд выводов, сделанных предварительно, на основании разведочных данных, мог быть подтвержден или опровергнут только в результате больших раскопок.

В качестве основного объекта раскопок на 1951 год и частично на 1952 год было выбрано городище у села Екимауцы, так как во время предварительных исследований именно здесь был получен наиболее интересный и богатый материал. Раскопки были осуществлены под общим руководством автора этих строк отрядами Р. Л. Розенфельдта и Т. В. Равдиной.

Екимауцкое городище находится в лесостепной части Молдавской ССР, в междуречье Днестра и Реута. Оно расположено в 2 км к северу от села Екимауцы, в урочище Четацуя-Турческа, на правом южном склоне широкой и пологой лощины.

Городище имеет небольшой склон с юга на север, оно овальной формы, вытянуто с запада на восток (диаметры плато 70 и 86 м) и окружено кольцевым валом и рвом. Выше городища, за валом, и на противоположном северном склоне лощины расположены селища, относящиеся к тому же времени, что и городище.

За время раскопок в 1950, 1951 и 1952 годах экспедиция вскрыла более 3 000 кв. м площади городища.

ПОЖАР И БИТВА

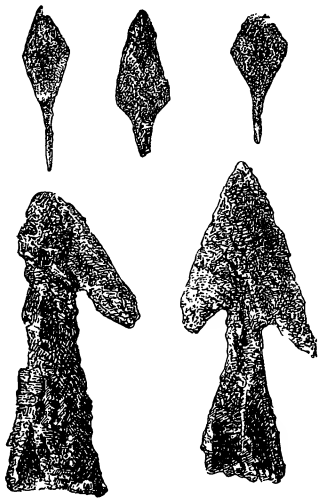
Под дерновым покровом и верхним перепаханным слоем на всей площади раскопок в большом количестве находили золу, уголь, куски обугленного дерева и бревен, обугленные зерна, пережженные кальцинированные кости, а также ряд предметов — керамику, бусы, пережженные, потрескавшиеся, изменившие естественный цвет, а иногда и форму под сильным действием огня. Таковы, например, перекаленная потрескавшаяся шлакированная керамика, прокаленные докрасна растрескавшиеся известняковые жернова, сердоликовые бусы, потрескавшиеся и приобретшие белый или серый цвет. Следы пожарища встречены по всей площади городища на бо́льшую часть глубины культурного слоя. Все это свидетельствует о сильном пожаре, бушевавшем на городище в последний период его обитания. О внезапном прекращении жизни на городище свидетельствует огромное количество вещевого материала, его местонахождение и характер. В самом деле, на городище было найдено свыше 2 000 одних только индивидуальных, т. е. особенно важных, вещей, в том числе разнообразные ценные орудия труда и оружие, ценные украшения и т. д. Серебряные зерненные серьги тонкой и сложной работы находились в одном комплексе с сердоликовыми и другими бусами, серебряными дирегемами, бронзовыми браслетами и т. п., в едином же комплексе находились и орудия труда, например набор кузнечных и ювелирных орудий. Всего на городище обнаружено пять больших комплексов орудий труда и украшений, не говоря уже о скоплениях десятков вещей в остатках сооружений и возле них.

О внезапном разрушении городища и прекращении жизни на нем свидетельствует и заполнение остатков жилищ углем, обугленным деревом, печной обмазкой, комплектами инвентаря и утвари, включая целые горшки, наборы украшений и инструментов. Об этом же говорят обугленные, распавшиеся бревна городен [1], обожженная до кирпично-красного цвета глина, зерновые ямы, полные обугленного зерна и т. д.

Находки множества ценных вещей и их скоплений в слое пожарища и заполнение этим слоем большинства сооружений позволили связать эти два явления — пожар и внезапное прекращение жизни на городище. В свою очередь эти два явления в соответствии с находками связываются с жестокой битвой, разыгравшейся на территории городища. Об этой битве свидетельствует прежде всего огромное количество оружия, найденного в слое пожарища. На городище найдено свыше 400 железных наконечников стрел и несколько костяных стрел, копья шиловидной и лавролистной формы, двуперые железные метательные копья — сулицы, боевые топоры, боевые гири, железные, свинцовые, известняковые и костяные кистени, наконечники ножен, перекрестье сабли, засапожные ножи и т. п.

---

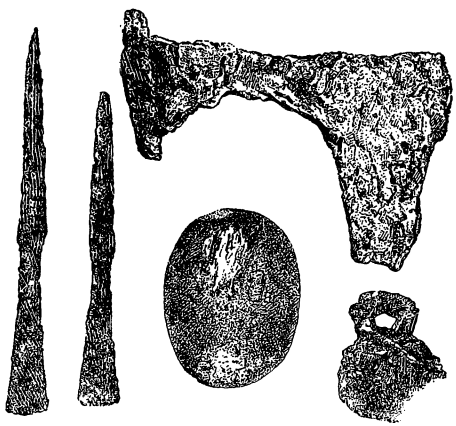
[1] Городни — срубы, заполненные глиной, землей, камнями и т. д. и составляющие основу вала.



Наконечники славянских стрел и метательных копий из Екимауцкого городища (X—XI века)

Большинство оружия, найденного на городище, безусловно является древнерусским. Это листовидные, ромбовидные и другие железные черешковые стрелы гнездовского типа X — XI веков, с валиками для упора в древко, боевые топоры, многочисленные аналогии которым можно привести из находок в других русских городах, как, например, из срубного погребения дружинника X века в Киеве, открытого М. К. Каргером в 1939 году, и т. д. Таков один из наконечников ножен, серебряный и позолоченный, с сочным растительным орнаментом, весьма близким к орнаменту серебряной оковки турьего рога из Черной Могилы и некоторым орнаментам Киевской Софии, суздальских храмов и к другим русским орнаментам X—XII веков.

Вместе с тем, наряду со славянским оружием X—XI веков, на городище найдено около ста стрел явно не славянского типа. Это втульчатые конусообразные, удлиненные железные стрелы, втулка которых в сечении представляет собой круг или многогранник. Такие стрелы совершенно не встречаются у славян и по самой своей форме являются противокольчужными. Нахождение большого количества оружия, в том числе оружия двух типов — русского и нерусского, свидетельствует о битве, разыгравшейся на городище. Об этом же говорит большое количество человеческих и конских костей. На городище, в различных местах, в слое пожарища обнаружено свыше 50 находок человеческих костей и целых скелетов, а также и огромное количество скоплений конских костей. Самое положение скелетов свидетельствует о внезапной гибели людей. Например, скопление человеческих костей, обнаруженное в одной из раскопок под обгорелыми бревнами городен и между ними на глубине 100 см, представляет собой скелет, лежащий на боку, с раздробленным черепом, с руками, согнутыми в локте, причем кисть правой руки лежит под головой, а левая рука откинута вперед и



Железный топор, кистень, боевая железная гиря и славянские копья — рожоны (X—XI века)

Серебряные, бронзовые украшения и сердоликовые бусы из Екимауц (X—XI век)

слегка согнута в локте выше головы. Под черепом обнаружена славянская ромбовидная стрела, а на расстоянии 15—20 см от головы — железный боевой топор. Скелет, обнаруженный в полуземлянке, лежал лицом вниз, затылочная часть черепа была раздроблена, правая рука согнута в локте и кисть ее лежала возле таза, а кисть согнутой левой руки находилась под локтем правой руки. Под черепом были обнаружены 2 втульчатые стрелы. Из 9 полностью или почти полностью уцелевших конских скелетов 7 были обнаружены на южном склоне вала городища и 2 в большой полуземлянке возле скопления человеческих костей. В позвонках одного из конских скелетов на южном склоне вала находилась славянская железная ромбовидная стрела.

В результате раскопок перед нами предстала картина битвы на городище, битвы, сопровождавшейся пожаром, разрушением сооружений и укреплений и поражением защитников. Жизнь на городище после битвы не возобновлялась, и выше слоя пожарища культурный слой на городище отсутствует, за исключением тех мест, где он перекрыт оплывами вала.

Таким образом, о прекращении жизни на городище из-за битвы и взятия его врагами свидетельствует мощный слой пожарища, состояние оборонительных и иных сооружений, большое количество человеческих и конских костей, целые скелеты, комплексы ценных вещей, изделий и инструментов, никогда не оставляемых при нормальных условиях переселения, большое количество разнообразного оружия и ряд других признаков.

Кто же были участники драмы, разыгравшейся на городище? Кто были его защитники, мужественно отстаивавшие свой город, и кто были их враги, нарушившие мирный труд жителей, разрушившие и сжегшие постройки и сооружения города? Когда и при каких обстоятельствах произошла роковая для жителей города битва, величественная и трагическая картина остатков которой открылась при раскопках?

Об этнической принадлежности жителей городища ярко и недвусмысленно говорят многие факты. Тысячи фрагментов славянской керамики с линейно-волнистым орнаментом, славянское оружие, славянские браслеты, бусы и другие украшения, находящие себе многочисленные аналогии среди славянских древностей Киева, Чернигова, Гнездова и других мест, овручские шиферные пряслица [1], характер земледельческих, ремесленных и других орудий, система оборонительных сооружений и жилищ — все это неопровержимо свидетельствует о том, что население городища было славянским, принадлежало к коренным славянским жителям Поднестровья — тиверцам. Культура великокняжеского времени на Днестре, возможно, была создана не только местными славянами, а и

[1] Биконические или цилиндрические кружки со сквозным отверстием, надеваемые на веретено для придания ему устойчивости при вращении. Пряслица делались из глины и различных пород мягкого камня. Выходы розового шифера имеются в Восточной Европе только в одном месте — в районе города Овруча, неподалеку от Киева. Там были расположены большие древнерусские каменорезные мастерские, снабжавшие своими изделиями весь славянский мир. В 1240 году мастерские были разрушены татарами и производство шиферных изделий, в том числе и пряслиц, прекратилось.

славянами, продвинувшимися во второй половине I тысячелетия н. э. с северо-востока на юго-запад, о чем имеются некоторые данные; но во всяком случае в создание славянской культуры великокняжеского времени местные славянские обитатели Поднестровья внесли свой ценный вклад и были главными ее создателями. Именно им, славянам Поднестровья, тиверцам-днестровцам, и принадлежало Екимауцкое городище. Оно было, видимо, одним из 148 тиверских городов, о которых писал анонимный баварский географ второй половины IX века, и одним из тиверских городов по Днестру, о которых упоминал русский летописец начала XII века.

Когда было основано Екимауцкое городище? Сколько времени оно существовало, и когда разразилась битва, в результате которой прекратилась на нем жизнь?

Во время раскопок был найден целый ряд материалов, позволяющих определить верхнюю и нижнюю дату обитания городища, т. е. время начала и конца заселения его людьми.

К таким датирующим вещам принадлежат прежде всего серебряные саманидские диргемы, чеканенные в Средней Азии. Из 19 прочтенных диргемов 4 принадлежат Исмаилу ибн-Ахмеду (892—907 гг.), 13 — Насру II (914—943 гг.), а остальные являются подражаниями их монетам. Большинство (16 из 19) диргемов имеет два круглых отверстия, указывающих на то, что эти диргемы употреблялись после их использования в качестве монет в орнаментальных целях, как украшения. Из Средней Азии в Поднестровье диргемы могли попасть через Киев и другие крупные центры Руси.

Итак, судя по диргемам, городище было основано в конце IX века. Наиболее поздние диргемы относятся к середине X века, но, принимая во внимание, что они использовались не только как монеты, но и длительное время после этого служили украшением, мы для определения верхней даты их бытования по установившемуся в нумизматике правилу должны прибавить 50—80 лет к году их чеканки. Следовательно, судя по диргемам, жизнь на городище прекратилась в первой половине XI века.

Датировку, установленную по диргемам (IX — первая половина XI века), подтверждает и ряд других материалов. О нижней дате — IX веке — говорит ряд данных. Керамика нижних слоев Екимауцкого городища весьма напоминает по форме, орнаменту и фактуре керамику славянских селищ Луки Райковецкой около Бердичева, датируемую украинскими археологами VIII—IX веками. Керамика нижних слоев Екимауцкого городища соответствует тем признакам, которые Б. А. Рыбаков считает характерными для керамики VIII—IX веков: толстостенность (до 2 см), плохой и неравномерный обжиг, примесь крупного песка, изготовление на примитивном гончарном кругу (о чем говорят заплывы глины донышка за края подставки), отсутствие клейм, широкий линейно-волнистый орнамент и т. д. О IX веке, как о времени основания Екимауцкого городища, говорит сходство ряда керамических форм с формами ранней керамики моравской блучинской культуры IX—XI веков, о чем подробнее будет сказано ниже. Об этой же дате свидетельствует и

нахождение в нижних слоях довольно большого количества глазчатых многоцветных пастовых бус, широко распространенных и известных в нижних слоях славянского городища Старой Ладоги, датируемых VIII—IX веками, в ряде славянских поселений Поднепровья, среди славянских, кавказских, хазарских, болгарских, венгерских, чешских, моравских и других древних поселений и могильников, датируемых, как правило, VIII—IX веками. О IX веке говорит и ряд других признаков, как, например, архаического облика медная лунница (привеска в форме полулуния) с язычком, имеющая форму, характерную для времени до X века, и т. д.

Бесконечное количество разнообразных форм керамики, оружия, серебряных, медных и других украшений, желтых стеклянных зонных пронизок (маленьких круглых бусинок), находящих себе аналогии среди восточнославянских древностей X века, говорят об интенсивной жизни на городище в эту пору.

О самом позднем времени существования городища, помимо дирхемов, свидетельствует и ряд других материалов. Об этой дате говорит керамика верхних слоев с клеймами, тонкостенная, из хорошо отмученной глины, без видимых примесей или с примесями мелкого песка и пирита, ровного и сильного горнового обжига, хорошо профилированная, с сильно отогнутым венчиком и подчеркивающим его валиком, с четким и ровным орнаментом и т. д.

Об этой же дате говорят серебряная литая гривенка весом в 9,27 г, т. е. того типа, который появляется не ранее начала XI века, шиферные пряслица, появление которых относится также к этому времени (предположения о их более раннем появлении я считаю недоказанными), зерненные серебряные серьги, бусы и лунницы, находящие себе аналогии в киевском, гнездовском и других древнерусских кладах, датируемых X—XI веками. Об этом же свидетельствует и сходство с наиболее развитыми формами блучинской, моравской керамики и украшений XI века, а также кубический замок, характерный для юга России того времени, бипирамидальные [1] сердоликовые бусы, появление которых также относится к XI веку, а в северных областях Руси и к более позднему времени. Помимо того, что последние являются датирующим материалом, они служат еще одним показателем того, что население Екимауцкого городища было именно древнерусским, так как такие бусы делались, как доказано учеными, только в древней Руси.

Итак, Екимауцкое городище было основано русскими славянами — тиверцами в IX веке и существовало до первой половины XI века, когда внезапное нападение врагов, штурм и пожар прекратили на нем жизнь.

Почему и как возникло Екимауцкое городище?

Славяне Поднестровья, находившиеся в исключительно благоприятных природных и географических условиях, на древних торговых путях рано достигли расцвета своей материальной культуры, выделения и развития ремесел. Это послужило, как явствует из большого количества ре-

[1] Т. е. в форме двух соединенных основаниями шестиугольных пирамид.

Кочевнические стрелы и сосуд (X—XI века)

месленных орудий, сооружений и изделий на городище, важнейшей причиной его основания. Для славян Поднестровья—юго-западного форпоста древней Руси — потребность в создании укрепленных городищ особенно усиливалась ввиду необходимости отражать нападения степных, южных и юго-западных кочевников: угров, печенегов, половцев и др. Екимауцкое городище и было одним из таких ремесленных и военно-административных центров, прикрывавших окрестные неукрепленные славянские поселения и господствовавших над ними.

Кем же были кочевники, нарушившие мирный труд жителей Екимауцкого городища и напавшие на него?

Ответить на этот вопрос трудно ввиду недостаточной изученности кочевнических древностей и, в частности, ввиду отсутствия описания типов вещей, характерных для различных кочевнических племен.

О том, что нападение на жителей Екимауцкого городища было совершено именно кочевниками, говорит ряд данных: кочевнический облик имеют найденные на городище противокольчужные стрелы, приспособленные к стрельбе с коня из легкого лука, а также остродонный сосуд восточного кочевнического типа, обнаруженный в слое пожарища. О кочевниках говорит характер набега, варварское и поспешное разрушение всего, что было на городище, с последующим немедленным оставлением его.

В первой половине XI века основными противниками Руси были именно кочевники. Иноземцами, напавшими на Екимауцкое городище, не могли быть ни болгары, ни мадьяры, ни чехи, ни какие-либо другие западные или юго-западные соседи, так как ни у кого из них не было ни таких стрел, ни таких сосудов, которые описаны выше.

В середине XI века Руси угрожали два грозных противника — печенеги и появившиеся в конце княжения Ярослава Мудрого половцы. В первой половине XI века печенеги особенно активно нападали на Русь. Достаточно вспомнить большой поход 1036 года. Половцы, в конце первой половины XI века перекочевавшие в причерноморские степи, сильно потеснили печенегов на юго-запад и север, и, вероятно, отошедшие под напором половцев (в нижнее Поднестровье, Подпрутье и Подунавье) печенеги и были теми кочевниками, которые напали на Екимауцкое городище.

СТРОИТЕЛИ И ВОИНЫ

Городище, как указывалось, было окружено кольцевым рвом и валом. Последний достигал наибольшей высоты, как показали раскопки, с южной напольной стороны, где его первоначальная высота равнялась 4—4,5 м.

Вал вместе со рвом, достигавшим глубины 4 м, составлял с напольной стороны 10—12-метровую отвесную стену. Она служила эффективной защитой от внешнего нападения.

С северной стороны, там, где, видимо, находился въезд в городище, вал был несколько ниже, так как доступ к городищу здесь преграждала еще и пересохшая в настоящее время речка, которая протекала по дну лощины.

Поверх городен, судя по аналогии с другими русскими городищами, возвышались заборола — высокие бревенчатые стены с прорезами для стрельбы и с покатой крышей.

Весь внутренний склон вала был на глубине 20—40 см усеян известняковыми камнями. Часто эти камни лежали в беспорядке, что является результатом естественного оплыва склонов вала и их многолетней распашки. Но встречались эти камни повсюду, местами оставляя покатую к центру городища каменную вымостку. Все это свидетельствует о том, что внутренний склон вала для укрепления и предотвращения его оплывания был, видимо, замощен камнями, как это имело место в ряде других древнерусских городищ.

Раскопки вала в южной части городища показали, что в конструкцию его входили городни — клети из массивных дубовых бревен диаметром в 30—40 см, заполненные глиной и камнями и представляющие собой прямоугольные срубы размером приблизительно 4×5 м, высотой около 4 м. Обугленные бревна городен в значительном количестве встречены при раскопках вала, причем они составляли клетки примерно вышеуказанного размера. О том, что городни эти были объяты пожаром в момент гибели городища, свидетельствует и обугленность остатков бревен, и множество древесного угля, и высыпавшаяся из городен обожженная до кирпично-красного цвета глина, перекрывшая слой пожарища с человеческими костями, стрелами и другими находками на внешнем склоне вала.

Такая же примерно картина обнаружена и при раскопках в северных частях вала, где, как уже говорилось выше, под развалинами городен в слое пожарища были обнаружены человеческие скелеты — останки защитников города, стрелы, топоры, копья и другое оружие. Как вал, так и ров для большей прочности укреплялись подпорными стенами-ряжами. Подпорные стены Екимауцкого городища сделаны из камней и из бревен с плетнем.

Следует отметить, что подпорные стены-ряжи X века впервые открыты во время раскопок Екимауцкого городища и служат ценным образцом при изучении древнерусской фортификации, а также свидетельством высокого уровня ее развития.

В реконструкции, выполненной в содружестве с архитектором Г. Б. Щукиным, восстановлен предполагаемый вид вала и рва и общий вид городища. Возможно, что вначале поверх городен был сделан простой частокол и лишь впоследствии возведено забороло.

В реконструкции имеется ряд условных деталей, как, например,

въезд и его перекрытие, сделанные на основании аналогии и данных, полученных из раскопок. Очень близким к Екимауцким были и оборонительные сооружения другого тиверского городища, раскопанного экспедицией у села Алчедар.

По знанию техники строительства оборонительных сооружений тиверцы находились на уровне развития других восточнославянских племен того времени. Созданная ими система оборонительных сооружений служила эффективной защитой. Как уже упоминалось, оружие тиверцев отличалось разнообразием. Для того времени оно находилось на высоком уровне как по ассортименту, так и по качеству. На вооружении были боевые гири, свинцовые, железные, каменные и костяные кистени, сабли, шиловидные граненые рожоны и листовидные копья, различной формы стрелы и метательные сулицы, боевые топоры и т. п.

Географическое положение тиверцев на юго-западной окраине русских земель, необходимость отражать набеги иноземцев и участие тиверцев в больших походах, как, например, в походах Олега и Игоря на Царьград, привели к выработке разнообразного совершенного оружия и соответствующих высоких боевых качеств, отмеченных их западными противниками. Напомним, например, что баварский географ второй половины IX века называл тиверцев «свирепейшим народом».

Внутренняя планировка городища представляется нам в следующем виде. По кругу, неподалеку от вала, на расстоянии от 4 до 10 м, располагались жилища полуземляночного типа площадью от 15 до 46 кв. м. Судя по большому количеству известняковых камней, найденных на плато городища, возможно, что оно было хотя бы частично замощено, однако проследить формы замощения, ввиду плохой сохранности, не удалось.

Полуземлянки были углублены в материк на 30—150 см; стенки их в материковой глине дополнительно обмазывались глиной и обжигались. Пол утрамбовывался. Иногда дно полуземлянки засыпалось золой для предотвращения промерзания, а сверху засыпалось глиной и трамбовалось. Остатки печей сохранились плохо, но, судя по ним, это обычные для того времени полусферические или удлиненно-овальной формы печи, которые делались из глины. Наземные части стен состояли из переплетения ивовых и других прутьев, скрепленных жердями и обмазанных глиной. Остатки этих жердей, а также многочисленные куски обмазки с отпечатками прутьев и жердей найдены всюду в развалинах жилищ. Стены снаружи понизу обкладывались известняковыми камнями и, возможно, служили отмосткой, как это и сейчас наблюдается в молдавских избах. Во внутренней конструкции жилищ и мастерских широко использовались врезы в материк в качестве компонента архитектуры и примитивной меблировки, образовывавшие столы, полки, лежанки, подставы печей и т. д., как это имеет место в полуземлянках, раскопанных в Суздале, Киеве, в Райках, частично на верхнем Днестре и в других древнерусских поселениях, а также в наиболее древних молдавских домах из ближайших к Екимауцкому городищу сел.

Раскопками вскрыты остатки 8 более или менее четко выраженных жилищ.

Внутри всех жилищ и вокруг них в большом количестве найдены, помимо остатков стен и перекрытий, вещевые материалы: орудия труда, оружие, украшения, жернова, утварь и т. д. Неподалеку от жилищ находились грушевидные, усеченноконические и цилиндрические хозяйственные и зерновые ямы и выносные летние очаги, представляющие собой небольшие ямы, заполненные углем и камнями. В центре городища, судя по особенно большим скоплениям костей домашних животных, возможно, был загон для скота, там же помещались: ключевой источник, большая, видимо общественная, зерновая яма, углубленная в материк до 2 м. Горловина ямы, имеющая наверху диаметр 2,5 м, сужается книзу до 1 м, а затем снова расширяется до 2—2,5 м, таким образом яма имеет кувшинообразную форму.

В северо-западной части городища обнаружены остатки большой полуземлянки, идущей с юго-востока на северо-запад, длиной около 30 м и шириной от 2 до 4,5 м, возможно, состоявшей из двух помещений, соединенных нешироким переходом. К сожалению, это сооружение, заполненное обмазкой, древесным углем, золой, печиной, керамикой, костями и другими находками, разрушено сверху многолетней распашкой, а изнутри разрушено, подмыто и деформировано грунтовыми водами и водой из источника, прежде огражденного, а ныне разлившегося по низменной части городища. Вода выступила в этой полуземлянке уже на глубину 40 см (максимальная глубина землянки до 1,5 м) и очень затруднила раскопки, не говоря уже о том, что и стенки и заполнение землянки оказались сильно подмытыми и разрушенными водой.

Можно предполагать, что это сооружение было языческим культовым местом, где совершались, как и полагается в таком месте, общественные трапезы. Об этом свидетельствует ряд данных: большие размеры и центральное местоположение этого сооружения, находка в нем большого количества керамики и костей животных, в том числе костей, расколотых вдоль конечностей, что указывает на употребление мясной пищи, находки подвесок-амулетов из клыков и костей животных с просверлинами для ношения, находки двух небольших (5 см в диаметре) керамических лепешек с изображением креста в круге и т. д. Показательна находка медвежьего клыка с просверлиной (как известно, медвежий культ был одним из самых распространенных в древней Руси), находки еще восьми таких же амулетов из костей и клыков собаки и других животных, находка двух маленьких керамических лошадок, имеющих дырочки для подвешивания и покрытых циркульным орнаментом, возможно, также ритуального значения.

Интересно, что наряду с многочисленными находками предметов языческого культа на городище найден только один небольшой медный нательный крест. Это дает основание предположить, что на юго-западных окраинах русских земель еще в первой половине XI века христианство не укрепилось и пережитки язычества еще играли большую роль.

Сотрудником экспедиции, архитектором Г. Б. Щукиным, вместе с археологами выполнены реконструкции наиболее сохранившихся жилищ, в частности реконструкция мастерской — жилища кузнеца и ювелира. Одна полуземлянка была обнаружена на глубине 40 см в южной части городища, неподалеку от вала, причем сверху она частично перекрыта оплывом, чем и объясняется ее довольно хорошая сохранность. Размеры ее 8×4,5 м, причем длинная сторона ориентирована вдоль вала. Различной формы площадки, вырезанные в материковой глине, служили столом, полками, лежанками, подставой для печи. Наземная часть жилища состояла из переплетений прутьев с жердями, остатки которых сохранились в виде столбовой ямы, кусков древесного угля и жердей, а также кусков обмазки с их отпечатками, найденных как в подземной, так и в наземной части жилища. Аналогии подобным конструкциям стен находят и сейчас в Молдавии.

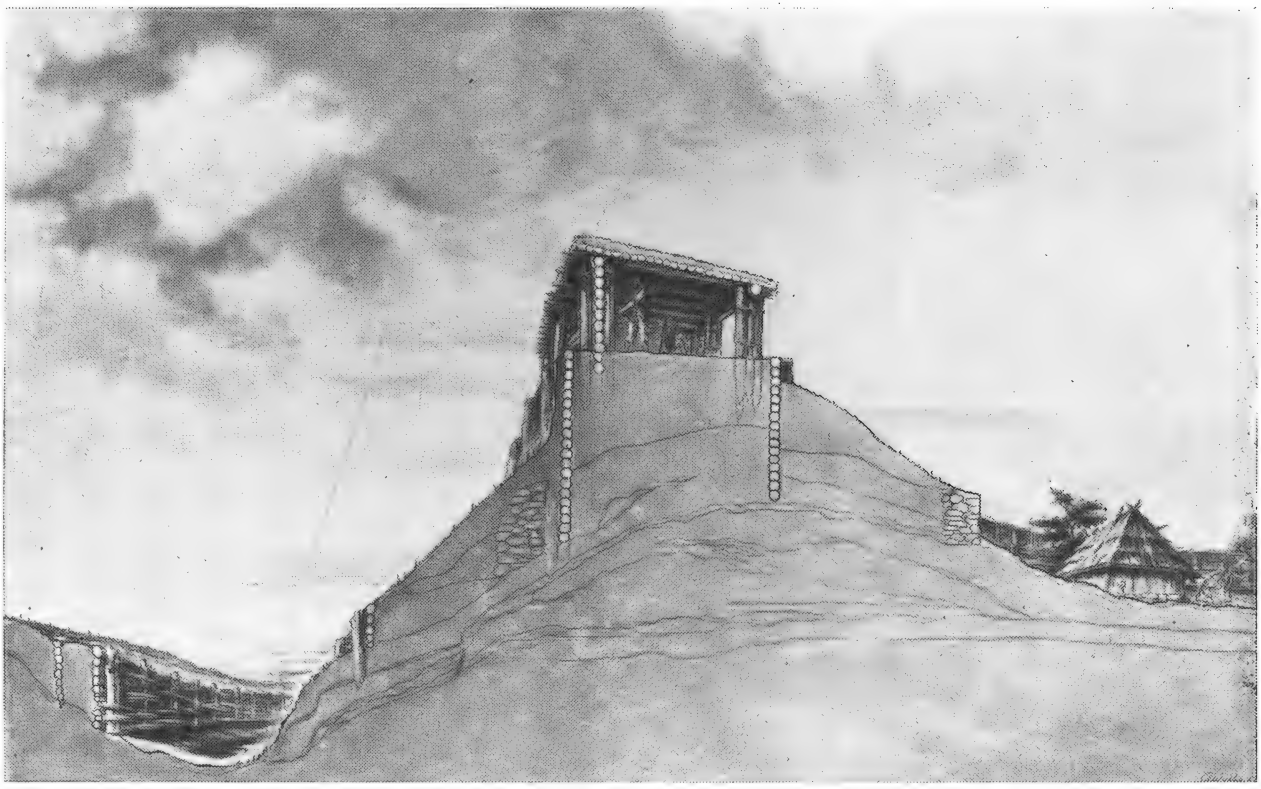
Печь, судя по скоплению угля, печины и золы, помещалась на одном из полуовальных врезов в материк. Под ней находилось скопление камней, поверх которого лежал большой слой золы и угля. Углубленные в землю стены жилища обмазывались глиной. Наземные стены жилища были обложены понизу известняковыми камнями, развалы которых более или менее хорошо сохранились. Выход был обращен к внутренней площадке городища и, вероятно, имел ступени, вырезанные в материковой глине. Они не сохранились, но сделаны в реконструкции по археологическим и этнографическим аналогиям, как и перекрытие и кровля.

Заполнение жилища состояло из угля, золы, обмазки, печины, костей черепной коробки и голени — останков погибшего в жилище человека, костей домашних животных, фрагментов керамики и множества вещей.

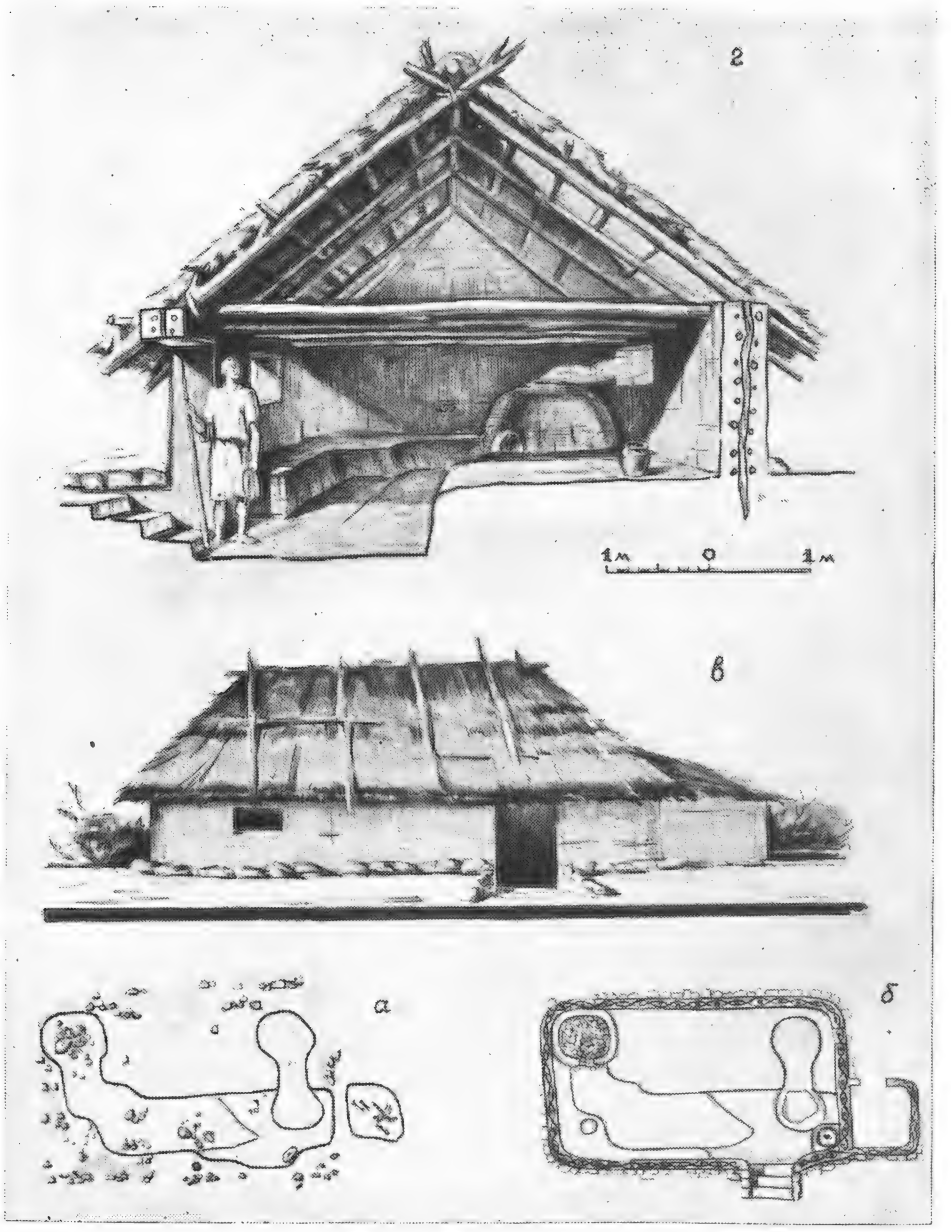
В одной только углубленной в землю части жилища были обнаружены 132 находки. Эти находки позволяют раскрыть быт и работу обитателей жилища. Из бытовых и хозяйственных предметов и украшений в жилище найдены жернова, скопление зерен пшеницы и других злаков, целые горшки различных размеров, комплекты обручей, ушек и дужек от нескольких деревянных ведер, железные ключи, сердоликовые, пастовые и другие бусы, различные медные и серебряные украшения, скобы от дверей, крюки, пряжки, кресала для высекания огня, пряслица, ножницы, серп, скобель, тесла, поясной набор из 40 сердцевидных бронзовых бляшек, медные бубенчики, железные кольца, гвозди, 26 железных заклепок, медные гривны, костяные проколки, топоры, удила и другие железные изделия; из оружия найдены стрелы, дротики, копья, боевые топоры, ножи, из которых один с костяной рукояткой.

Особенный интерес представляет найденный в той части жилища, где согласно реконструкции находился стол, набор кузнечных и ювелирных инструментов, а также найденные в других местах жилища аналогичные орудия труда, заготовки и отходы производства.

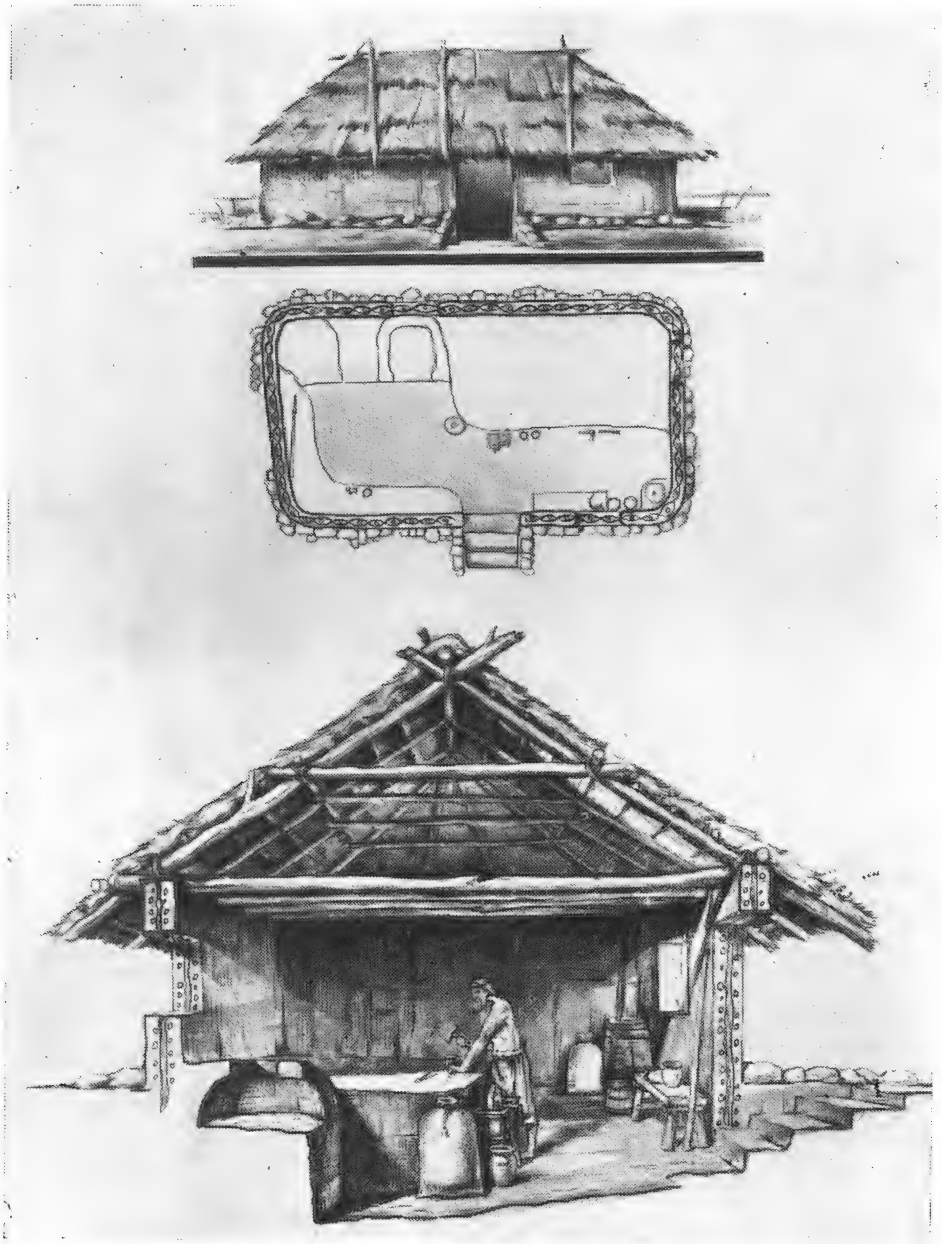
Среди этих орудий имеются 6 небольших тиглей для плавки цветных металлов, несколько точильных брусков, круглое точило, употребле



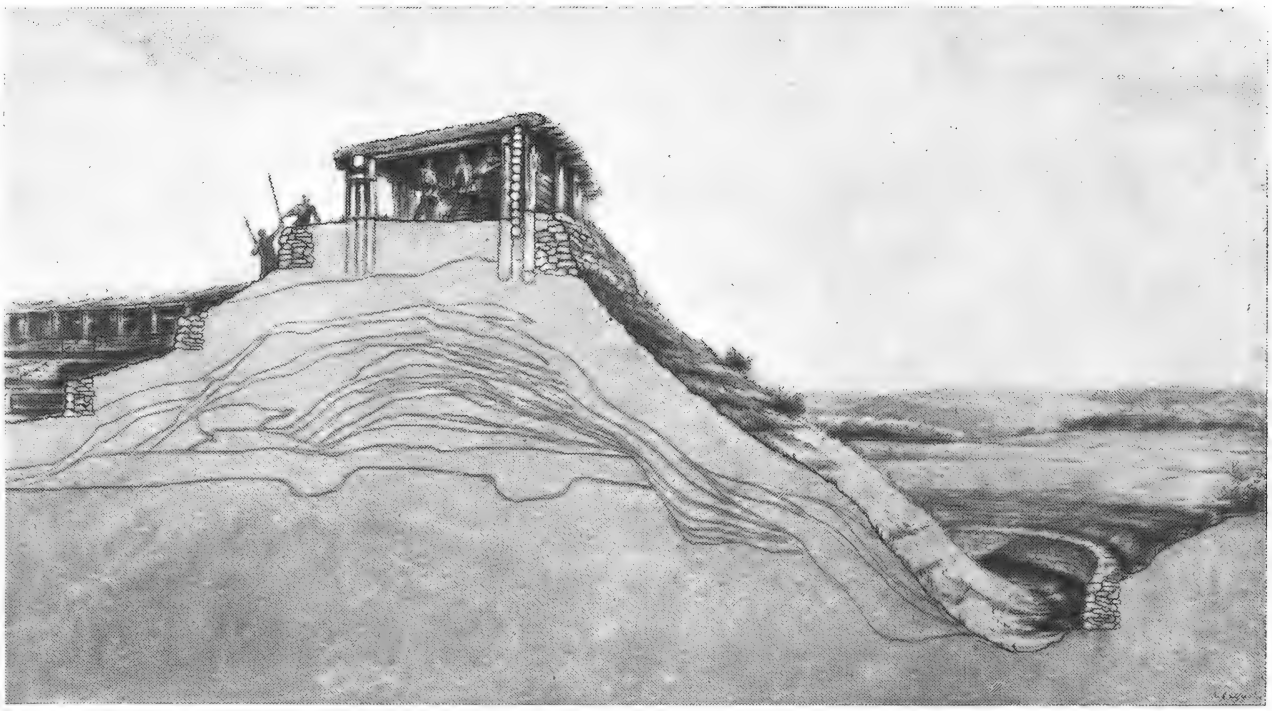
Реконструкция оборонительных сооружений Екимауцкого городища (X—XI века)



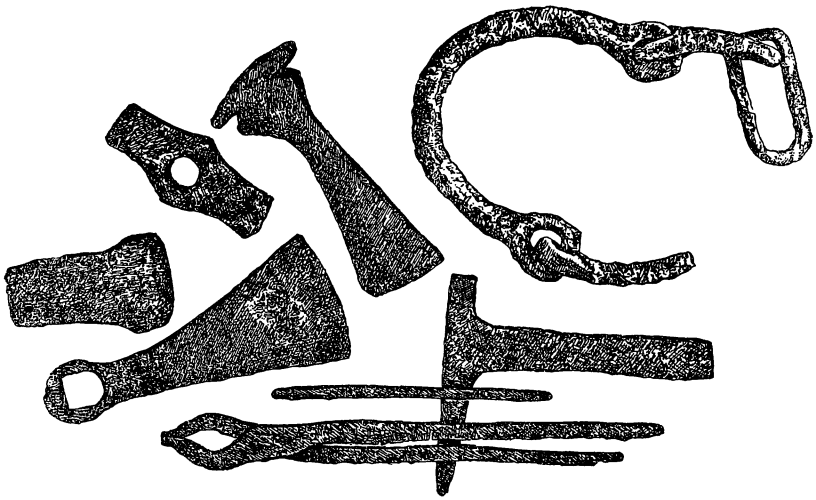
Реконструкция жилища (X—XI века)



Реконструкция жилища и кузницы (X—XI века)



Реконструкция оборонительных сооружений Алчедарского городища (X—XI' века)



Орудия труда, найденные в кузнице. Железные путы для лошадей из Екимауцкого городища (X—XI века)

ние которых в древней Руси по косвенным данным доказал Б. А. Рыбаков. Это точило, наряду с найденным в этом же году в Новгороде, в слое XI века, точилом и точилом из Белой Вежи, является одним из трех известных нам пока древнерусских точил. Найдено несколько железных пробойников, шило, зубило, стальной напильник, пирамидальная наковальня с рабочей площадкой в 50 кв. см, большие кузнечные клещи, аналогичные клещам из другого древнерусского городища — Княжей Горы, из Подболотьевского могильника, шперак (фигурная наковаленка) для ювелирных работ в сочетании с волочилом [1] с двумя отверстиями различных диаметров (2 и 3,5 мм). Отметим, что до сих пор известно было лишь три древнерусских волочила: два, имеющих вид доски (из курганных раскопок Н. И. Булычева и из Княжей Горы), и одно, аналогичное нашему, но с тремя отверстиями, также из Княжей Горы. Найденное в Екимауцах четвертое из известных пока древнерусских волочил имеет большое научное значение, равно как и весь комплекс кузнечных и ювелирных инструментов, обнаруженных в этом жилище. Они показывают высокий уровень развития ремесла у тиверцев в IX—XI веках. Интересно, что диаметры дужек серебряных зерненных серег, найденных на городище, ряда медных проволочных украшений и медной проволоки (заготовки для изделий), в том числе найденных в данном жилище, совпадают с выходным диаметром меньшего отверстия нашего волочила, что указывает на возможность изготовления всех перечисленных изделий именно в

[1] Инструмент для изготовления проволоки, имеющий ряд усеченноконических, последовательно уменьшающихся отверстий. Проволока изготовлялась путем вдавливания и протягивания металлических прутьев сквозь эти отверстия.

этой мастерской. Куски железного шлака, бесформенные куски железа весом до 200 г. (возможно, части криц), медная проволока и т. п. подтверждают производственное назначение этого сооружения.

Роль кузнечного горна, видимо, играла, как и в других древнерусских кузницах, простая жаровня или упомянутая печка.

Таким образом, в этом сооружении жили кузнец и ювелир, а скорее всего несколько мастеров. Они обладали полным набором совершенных для своего времени инструментов, требующих соответствующих производственных навыков и мастерства. Об этом красноречиво свидетельствуют как орудия труда, так и изготовленные, вероятно, здесь же высокого качества оружие, сельскохозяйственные орудия, бытовые предметы и тонкие ювелирные изделия, из которых отметим хотя бы найденные в одном комплексе в этом же сооружении шесть зерненных серебрянных серег. На существование имущественного неравенства указывают находки прекрасных зерненных и сканных серебряных серег наряду с грубыми медными литыми копиями с них.

Такая специализация ремесла, такое качество и количество орудий труда и изделий, а также употребление рублей и монет были возможны лишь при высоком уровне развития производительных сил, при работе на заказчика, на рынок, при наличии товарного производства, а это указывает на существование классового феодального общества у славян Поднестровья в X — первой половине XI века.

Тов. Сталин учит, что «...товарное производство существовало задолго до капитализма — и при рабовладельческом строе, и при феодализме» [1].

По археологическим данным можно установить наличие товарного производства. О нем свидетельствуют: наличие высокоспециализированных орудий труда различных ремесел, широкое распространение изделий, произведенных в определенных пунктах, процесс постоянного сглаживания разницы между однородными изделиями, наличие знаков собственности (клейма), а также монет и других денежных знаков, указывающих на денежное обращение. Так, совершенно ясно, что у тиверцев существовало товарное производство, что феодальные отношения у них были широко развиты.

РЕМЕСЛО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Многочисленные материалы, найденные на городище, позволяют судить о роде занятий его жителей. О развитии сельского хозяйства, в частности земледелия и скотоводства, говорят следующие находки. На городище в зерновых ямах, жилищах и т. п. обнаружено свыше 50 значительных скоплений зерен различных культурных растений; зерна были обуглены, что обусловило их сохранность. Среди них зерна мягкой пшеницы, которая стояла по мнению археолога реставратора А. В. Кирьянова, исследо-

[1] И. Сталин. «Экономические проблемы социализма в СССР». М. 1952, стр. 15. Госполитиздат.

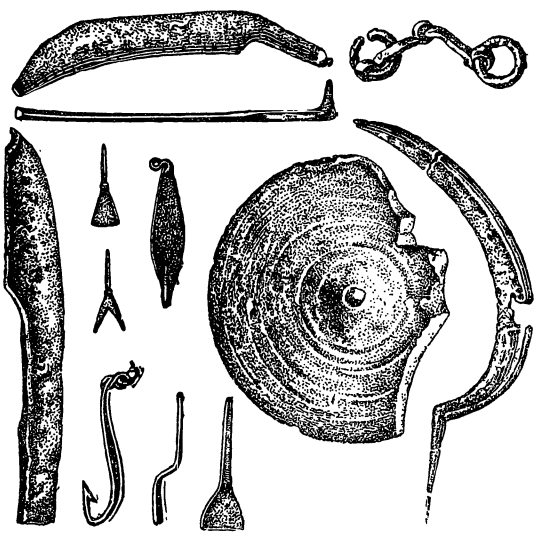
вавшего зерна Екимауцкого городища, на первом месте среди возделываемых культур у тиверцев, а также просо, рожь, горох, овес, а из технических культур — лен и конопля. А. В. Кирьянов предполагает, что тиверцы, кроме того, возделывали и ячмень, а систему земледелия у них определяет, как переложную. На городище найдены десятки обломков известняковых жерновов, в том числе несколько почти целых, диаметром около 50 см и толщиной 10 см, мотыги, серпы (3 целых и 5 фрагментов в разных местах), чересло (плужный нож) для тяжелого передкового плуга, аналогичное чересламиз Райковецкого городища, булгарским череслами т. д. На городище были найдены наральники, или лемехи, и орудие с плохо сохранившейся рабочей частью, возможно, служившие легким лемехом. Тиверцы имели дифференцированные сельскохозяйственные орудия: чересло — для тяжелого плуга упряжной тяги, для вспахивания целинных земель, лемех — для старопахотных земель и маленькие лемешки — для предпосевной обработки почвы.

О развитии скотоводства яркое представление дают находки железных удил, лошадиных железных пут, косы-горбуши, обычно применявшейся для косьбы сена, огромное количество костей домашних животных. Исследовавший эти кости доктор биологических наук В. И. Цалкин определил, что у тиверцев из домашних животных были: лошади, коровы, свиньи, мелкий рогатый скот и собаки.

Содержание скота было стойловым, на что указывает находка косы-горбуши, применявшейся для косьбы и заготовки сена.

О развитии охоты дают представление находки костей кабана, косули, оленя, а также различные виды охотничьих стрел-срезней.

О наличии рыболовства свидетельствуют находки остроги, трех рыболовных крючков, блесны для ловли крупной хищной рыбы; о бортничестве (собирании меда диких пчел) — медорезный нож типичной коленчатой формы и т. д.



Сельскохозяйственные и промысловые орудия тиверцев (X—XI века)

Однако основное содержание находок на Екимауцком городище составляют ремесленные орудия труда, изделия и заготовки различных ремесел, говорящие о высоком развитии материальной культуры у славян Поднестровья.

Об обработке железа свидетельствуют, помимо выше описанных инструментов, многочисленные (свыше 50) находк-

ки железного шлака и кусков железа, находки нескольких зубил, пробойников, клещей, железных клиньев, небольших клинышков для рукояток топоров и т. п.

Об обработке цветных металлов говорят находки шести тиглей, маленького ювелирного молоточка и зубильца, двух матриц с выпуклой рабочей и гладкой оборотной стороной, находки серебряной и медной проволоки и многочисленные изделия из серебра и меди, причем некоторые из них покрыты позолотой.

Железо добывалось на месте из болотных руд. Район поселения тиверцев входит в область распространения болотных руд, очерченную Б. А. Рыбаковым. Серебро тиверцы могли получать из Чехии и Трансильвании, медь могла поступать из Венгрии и других земель.

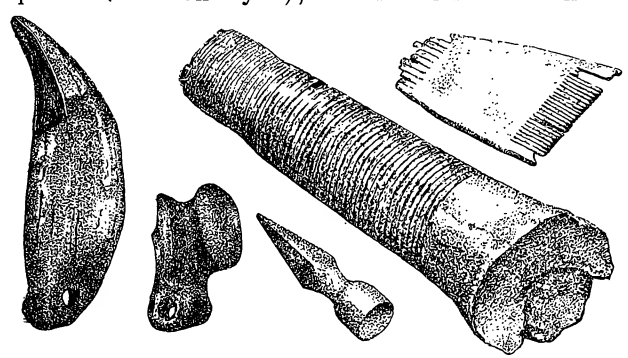
О деревообрабатывающем ремесле дают представление находки резца для токарного станка, аналогичного глазовским, старорязанскому и другим, находки топоров, тесел, долот, скобеля, деревянной обугленной ложки, деревянной пробки, рукояток ножей и топоров, остатки городен вала и стен домов, обручи от деревянных ведер и т. д.

Об обработке кости свидетельствуют находки железной пилы с закругленными зубьями, костяных изделий — гребня, орнаментированных накладок, наверший, рукояток, костяных стрел, — просверленных астрогалов и зубов, костяных кистеней, 31 костяной проколки и т. п.

Наличие дифференцированных костяных инструментов — резца, токарного станка и пилы, — а также совершенных изделий — гребня, рукояток, орнаментированных изящных наверший и накладок — позволяет предположить, что резьба по кости уже выделилась в ремесло.

О наличии каменорезного мастерства свидетельствуют найденные жернова, песчаниковое пряслице, свыше 20 точильных брусков, круглое точило, каменные кистени, сердоликовые бусы различных форм и т. п.

О ткачестве свидетельствуют находки 130 пряслиц (в том числе 22 шиферных овручских, указывающих на тесные связи тиверцев с центрами Киевской Руси), отпечатки ткани льняного переплетения на обожженной глине, находка льняной ткани, в которую был завернут диргем в одном из ювелирных комплексов, и находки обугленных семян льна. Судя по находкам большого количества костей мелкого рогатого скота, употреблялась и шерстяная пряжа.

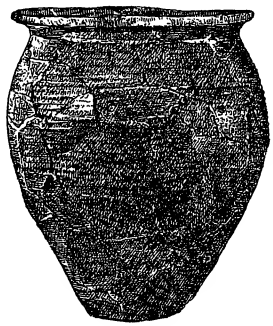


Костяной гребень, рукоятка ножа, навершие и языческие амулеты из Екимауц (X—XI века)

О существовании сапожного ремесла дает представление ра-

скроечный нож с типичным полулунным лезвием и удлиненным черенком.

Изделия гончаров представлены многочисленными сосудами (в том числе целыми) — от маленьких горшочков до громадных горшков для хранения припасов, высотой около 70 см, сковородами, клеймами на донышках сосудов в виде креста, креста в круге и т. д.



Славянский горшок из Екимауц (X—XI века)

Характерной особенностью Екимауцкой керамики является примесь пирита к глине многих сосудов. Благодаря этому керамика приобретает золотистый блеск, что в сочетании с линейно-волнистым орнаментом, покрывающим бóльшую часть многих сосудов, делает ее очень нарядной.

О том, что керамика изготовлялась на месте, свидетельствуют находки керамического шлака, шлакированной керамики и керамического брака.

Вся Екимауцкая керамика, кроме части сковород и тиглей, изготовлена на ручном гончарном кругу. О местном производстве свидетельствуют многочисленные заготовки для пряслиц из глины и трипольских черепков и пряслица, сделанные из черепков трипольской посуды. Это указывает на использование вещественных остатков трипольского поселения, на месте которого было основано городище.

Интересно отметить находку в славянском жилище небольшого целого трипольского сосуда, приспособленного к делу каким-нибудь хозяйственным славянином через несколько тысяч лет после изготовления этого сосуда.

Екимауцкое городище было средоточием различных ремесел, которые достигли у тиверцев высокого развития и находились на одном уровне с ремеслами других древнерусских земель. На развитие торговли и частной собственности указывают находки диргемов, серебряной гривенки, весовой гирьки обычного типа (вес в 5,27 г), замков, ключей от внутренних и навесных замков, клейма на сосудах и пряслицах, привозных вещей и т. д.

ОТНОШЕНИЯ ТИВЕРЦЕВ С КИЕВСКОЙ РУСЬЮ И ЗАПАДНЫМИ СЛАВЯНАМИ

Удаленные на тысячу километров от центра Киевской Руси, тиверцы достигли не только высокого развития материальной культуры, но и жили одной жизнью с остальными русскими славянами, составляя с ними одно единое культурное целое.

Весь облик материальный культуры, орнаменты и формы украшений и других изделий находят себе многочисленные аналогии в древностях Киева, Чернигова, Княжей Горы и других русских городов того времени.

Приведем в качестве примера 45 сердцевидных бляшек от поясного набора, найденных на Екимауцком городище. Они аналогичны бляшкам

Бронзовые накладные бляшки для пояса и медные шейные гривны из Екимауц (X—XI века)

из срубного погребения киевского дружинника X века, бляшкам из черниговского кургана Гульбище. Екимауцкие стрелы аналогичны гнездовским и другим русским стрелам. Зерненные серебряные бусы и лунницы аналогичны гнездовским, копиевским и другим. Серебряные зерненные бляшки аналогичны бляшкам из гнездовского клада 1868 года, бляшкам из Елецкого монастыря в Чернигове и т. д. То же можно сказать и о медных гривенках, браслетах, кольцах, бубенчиках, сферических пуговицах, серебряных гладких височных кольцах, о многих орудиях труда и оружии.

Вместе с тем тиверцы выработали у себя формы материальной культуры, которые, не теряя общерусского облика, имеют специфические, именно тиверцам присущие черты. Возьмем для примера хотя бы медные перстни со вставленными цветными стеклами, с закраинами, образующими розетку, или замечательные серебряные зерненные серьги тонкой и сложной работы, относящиеся к так называемому «волынскому» типу.

Этот тип серег, представляющих собой в схеме гладкую дужку с большой многобусинной привеской, широко распространен в юго-западных русских землях и найден в Гочеве, Киеве, Винницкой области, на Волыни, в том числе в одном из курганов Пересопницкого могильника, вместе со штампами и орудиями труда, а также в западно-славянских землях — в Чехии, Моравии, Болгарии, Польше и даже в Венгрии. Однако к серьгам «волынского» типа относят серьги различного вида, связанные лишь вышеуказанной схемой, возможно, ведущей свое начало, как предполагает ряд исследователей, от античных серег с изображением виноградной грозди.

Между тем среди этих различных видов два вида серег, найденных в Екимауцах, встречаются в нескольких экземплярах в Киеве, в довольно значительном количестве в копиевском кладе и в нескольких экземплярах в токайском кладе в Венгрии. Сами венгерские археологи считают и называют их славянскими.

В упомянутых находках серьги екимауцкого типа представлены, кроме копиевского клада, лишь единичными экземплярами.

В Екимауцком городище они найдены в количестве 32 целых экземпляров, вместе с орудиями их изготовления, что доказывает их местное бытование и производство и позволяет считать их специфической принад-

Ювелирные изделия тиверцев (X—XI века)

лежностью тиверцев, а единичные находки их в других местах — результатом торговли и обмена.

Памятники материальной культуры тиверцев, весь облик этой культуры, так же как и привезенные из Киева вещи, говорят о тесном культурном единстве с Киевской Русью. Вместе с тем необходимо отметить, что славяне Поднестровья имели определенные культурные связи с западными и южными славянами. Выше уже говорилось о сходстве между тиверской и моравской блучинской керамикой и украшениями (бусы, серьги, бляшки и т. д.). Но это сходство никогда не переходит в тождество.

О проникновении серег екимауцкого типа в Венгрию путем торговли уже упоминалось. Прослеживается также сходство тиверских серебряных и медных украшений с рядом чешских, польских, болгарских, венгерских украшений X—XI веков. Все это определяет круг культурных и экономических связей тиверцев.

Таким образом, раскопки Екимауцкого городища раскрыли перед нами совершенно неизвестную ранее, яркую, полноценную древнерусскую культуру славян Поднестровья.

Загадочные тиверцы бесплодных академических споров буржуазной науки в результате археологических исследований последних лет предстают перед нами во всем полнокровии и своеобразии своей материальной культуры. Более полно раскрываются их территориальные границы, экономическая и социальная история, ее истоки и политические и культурные связи.

Теперь мы можем уверенно сказать, что территория Молдавии была органической частью Киевского государства.

Дальнейшие археологические исследования позволят более полно воссоздать конкретную историю славян Поднестровья, историю их материальной культуры, их вклад в создание общерусской культуры, их исторические судьбы и их роль в образовании молдавского народа, его государственности и культуры.

РОЛЬ СЛАВЯН ПОДНЕСТРОВЬЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛДАВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наиболее поздние славянские поселения, отрытые нашей экспедицией в Поднестровье, относятся ко времени не позже начала XII века. Письменные источники сообщают о большом интересе, который проявляли киевские князья к району Подунавья в XI—XII веках. В XII—XIII веках значительная часть Молдавии входила в состав русского Галицкого княжества.

В начале второй половины XIV века было создано молдавское государство. Мы знаем по письменным источникам и главным образом по полученным в последние годы археологическим материалам, что молдавское государство, молдавская культура и экономика были созданы не на пустом месте. Им предшествовала в Поднестровье высокоразвитая местная культура славян-тиверцев. Перед археологами стоит серьезная задача—

заполнить пробел в изучении истории материальной культуры на территории Молдавии — в Поднестровье в XII—XIV веках. Открытие и исследование памятников материальной культуры этого периода поможет уяснению связей в развитии материальной культуры между тиверцами и молдаванами.

В открытых экспедицией славянских и молдавских селищах и городищах прослеживается сходство между рядом изделий, сельскохозяйственных и других орудий труда и т. п. На преемственность молдавской культуры от культуры славян Поднестровья указывает, кроме того, и сохранение строительных традиций тиверцев в сооружении молдавских жилищ, подпорных стен, зерновых и хозяйственных ям. Богатейшее материальное культурное наследие славян Поднестровья было воспринято молдавским народом и сыграло большую роль в формировании молдавской культуры. Однако для полного раскрытия этой роли, для выяснения исторических судеб славян Поднестровья в XII—XIV веках советским археологам предстоит еще многое сделать. Письменные источники почти ничего не сообщают нам об этом, а остатки материальной культуры славян в Поднестровье XIII—XIV веков еще ждут своего открытия.

Можно предполагать, что в результате распада Киевского государства и последующего нашествия татаро-монголов древнерусское население Поднестровья — юго-западного форпоста восточного славянства — оказалось оторванным от основного ядра русских земель и впоследствии вошло в состав молдавского народа. Это исконное древнерусское население Молдавии оставило в истории неизгладимый след. Судя по всему, оно сыграло большую роль в формировании самого молдавского народа, в развитии его языка, культуры и государственности. В самом деле, еще до XVI века языком молдавских летописей, грамот и договоров, т. е. государственным языком Молдавии был русский язык. Извлечения из молдавских летописей вошли в русскую — Воскресенскую — летопись, дошедшую до нас в списках XVI века. Это извлечение называется «Сказание вкратце о Молдавскых государех, отколе начася молдавская земля».

В современном молдавском языке имеется много слов славянского происхождения, в том числе почти все слова, относящиеся к земледелию. Славянскими являются наименования издревле существующих населенных пунктов Молдавии, как, например, Славянка, Черепкеу, Городишти, Белгород и др. Пять древнерусских городов на Днестре упоминаются в знаменитой «Книге Большому Чертежу», составленной около 1627 года. В известном списке русских городов конца XIV века, помещенном в нескольких летописях, упомянут и ряд русских городов по Днестру, Пруту, Дунаю и их притокам. Интересно, как перекликается этот список с молдавской летописью Симеона Даскола, составленной в XVII веке, но опирающейся в вводной части на более ранние источники XV века. В списке русских городов упомянут и город Сочава, теперешний город Сучава, расположенный в верховьях реки Сучавы, правого притока Серета.

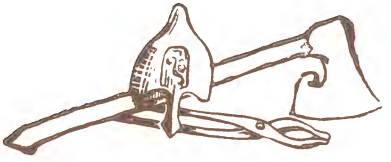
В вводной части летописи, Даскол, описывая, как первый объединитель и господарь Молдавии Драгош вместе со своими охотниками в

1352 году попал в Молдавию, сообщает следующее: «После того, как охотники убили тура, на обратной дороге они увидели прекрасные места. Идя потом в сторону, они подошли к месту, где сейчас находится Сучава (подчеркнуто мною. — *Г. Ф.*); там они вдруг почувствовали запах дыма (шедший) со стороны воды и темного леса. Они спустились на запад, к месту, где сейчас монастырь Ецкань. Там, на этом месте, они нашли пасеку и старого сторожа, оберегавшего улья. Родом он был русский. Звали его Ецко. Охотни(ка)м, задавшим ему вопрос, кем является он и из которой он стороны, он ответил, что он русский, из Польши (вероятно, из Украины, захваченной в то время польскими панами. — *Г. Ф.*). Они расспросили его также и о местности и о том, какому хозяину местность подчинена. Ецко ответил, что местность является пустошью, что здесь властвуют звери и птицы, что местность простирается до Дуная, а кверху к Днестру, что граничит она с Польшей и что местность имеет прекрасные природные богатства. Послушав его рассказ, охотники устремились к Марамурешу и привели (часть) своих людей сюда, а других уговорили (на это). Остановились они вначале у подножья гор, а затем распространились по долине вниз. Когда Ецко — пасечник разобрался в происходящем расселении мурамурешцев, он сразу ушел в Польшу, привел множество русских и посадил их на реке Сучаве и Серете в сторону Ботошана» (город в верховьях междуречья Прута и Серета — *Г. Ф.*).

Интересно, что и русская и молдавская летописи называют Сучаву русским городом, да и весь рассказ молдавской летописи в высшей степени интересен. В рассказе об образовании молдавского государства исконным местным жителем называется русский пасечник. Таким образом, как вещественные, так и письменные источники указывают на тесные древние связи молдавского народа с русским народом. Благодаря археологическим исследованиям советских ученых и в результате сопоставления их с письменными источниками получен большой материал, позволяющий проследить историю восточнославянской материальной культуры в Поднестровье, ранее совершенно неизученную. Поднестровье, в частности территория Молдавии, как это доказывается множеством фактов, было одним из центров образования и расцвета блестящей древнерусской культуры, частью Киевского государства, издавна русской землей. Полученные материалы показывают, что древней основой молдавской культуры была восточнославянская — тиверская культура. Эти исследования позволяют по-новому поставить вопрос об исторических связях и дружбе молдавского и русского народа. Нужно надеяться, что дальнейшие исследования подтвердят сделанные выводы и дадут возможность воссоздать и всесторонне осветить древнюю и средневековую историю юго-запада нашей Родины.

Б. А. КОЛЧИН

МАСТЕРСТВО ДРЕВНЕРУССКИХ КУЗНЕЦОВ



ВВЕДЕНИЕ
АРХЕОЛОГ СТАНОВИТСЯ МЕТАЛЛОВЕДОМ
ЖЕЛЕЗО И СТАЛЬ
ИНСТРУМЕНТАРИЙ КУЗНЕЦА
КАК КОВАЛИ НОЖИ
СЕРПЫ И КОСЫ
ДРЕВНЕРУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ
ИСКУССТВО ЗАМОЧНИКОВ
ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА
КАК ЗАКАЛИВАЛИ СТАЛЬ
РУССКАЯ ТЕХНИКА

ВВЕДЕНИЕ

Техника, являясь важнейшим элементом производительных сил, самым тесным образом связана с экономическим строем общества. Материальным воплощением техники являются средства труда, при помощи которых человек воздействует на предметы труда, на окружающую природу. Степень развития средств труда и в первую очередь орудий производства выражает уровень развития производительных сил.

Изменения в технике являются исходными моментами в развитии производства. Как указывает И. В. Сталин: «...*особенность* производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»[1].

В дореволюционной русской археологии, как и в современной буржуазной, преимущественно изучались различные украшения, раритеты и уникумы.

Советским археологам принадлежит заслуга серьезного изучения орудий труда. Это изучение, имеющее большое значение для раскрытия подлинной истории древней Руси, позволило опровергнуть ряд ложных антиисторических утверждений. Так, например изучение древнерусских орудий труда сельского хозяйства и различных ремесел опровергло точку зрения буржуазного историка Н. М. Рожкова и некоторых буржуазных историков, что якобы до XII—XIV веков основой хозяйственной жизни на Руси

[1] И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1950, стр. 23.

были охота и промыслы, а не земледелие и ремесло, и показало высокий уровень развития этих областей хозяйства в древней Руси еще с 1 тыс. н. э.

Все основные орудия труда древнерусских земледельцев X—XIII века, многочисленных ремесленников и строителей изготовлялись из железа и стали, в силу чего ремесло по добыче и обработке черного металла являлось одним из важнейших звеньев в производительных силах древней Руси. Поэтому изучение истории техники добычи и обработки металла имеет исключительный интерес для понимания процесса экономического развития древней Руси.

В работе лауреата Сталинской премии профессора Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» впервые в советской исторической литературе дана широкая картина развития древнерусского ремесла в целом, основанная на обобщении накопленного в течение многих десятилетий археологического материала. Изучив на основе марксистско-ленинской методологии огромное количество археологических источников, Б. А. Рыбаков сделал ряд важнейших общеисторических выводов, раскрыл самобытность развития русской культуры и показал высокую технику древнерусского ремесла.

Работа Б. А. Рыбакова наметила путь дальнейшего изучения русских древностей, направив его по линии всестороннего раскрытия и более полного исследования основного источника по истории древнерусского ремесла — самих археологических находок.

АРХЕОЛОГ СТАНОВИТСЯ МЕТАЛЛОВЕДОМ

Итак, основным источником для изучения техники производства древней Руси являются археологические памятники. Археологи используют, во-первых, остатки средств производства кузнеца и слесаря и, во-вторых, продукцию металлообрабатывающего ремесла в виде разнообразных изделий из железа и стали. Внешнее, морфологическое изучение предмета не всегда может раскрыть технику его производства. Пожалуй, кроме формы предмета, то есть внешней конструкции изделия, мы ничего установить не можем. Нам остается неизвестен материал (железо, сталь), его происхождение, нам неизвестно большинство элементов механической и тепловой обработки (сварка, паяние, цементация, закалка и т. п.). Поэтому археологи для изучения технологии изготовления изделий из черного металла применяют комплексный металловедческий анализ.

Эта методика исследования позволила археологам разрешить большинство вопросов техники древнерусского производства. Несколько сот древнерусских изделий из черного металла были подвергнуты микроструктурному[1], рентгеноструктурному[2] и спектральному[3] анализам и

[1] Изучение структуры, то есть строения металла или сплава под микроскопом. Наблюдение ведется на специально подготовленной путем полировки и травления особыми реактивами поверхности металла, называемой шлифом.

[2] Изучение с помощью рентгеновских лучей атомной структуры металлов.

[3] Исследование химического состава металлов на основании его спектра.

была измерена микротвердость металла этих изделий. Основным методом исследования и изучения техники производства явился металлографический микроструктурный анализ. Для анализа у каждого исследуемого изделия археологи вырезали образцы. В подавляющей массе образцы брались на рабочей части изделия в поперечном сечении. Так как большинство изделий в своей рабочей части представляет режущее или рубящее лезвие, то шлиф[1], сделанный на образце в поперечном сечении, выявлял наиболее полно всю гамму структур данного изделия—от острия до обуха клинка.

На шлифе, в зависимости от технологического строения изделия, выявлялись зоны с различными структурными составляющими (структуры чистого железа, сварочных швов, переходных слоев, структуры стали в отожженном или термически обработанном состоянии и т. п.). При нанесении этих зон на чертеж шлифа, обычно в масштабе 10:1, археолог получал схему технологического строения данного изделия.

Для проверки однородности технологического строения всего изделия (лезвия) на контрольных изделиях образцы для шлифов брались из разных мест. Во всех этих случаях на каждом отдельном изделии шлифы повторяли одну и ту же технологическую схему. Это позволило нам в дальнейшем на основании одного шлифа на одном образце говорить о строении всей рабочей части изделия. При определении микроструктур на образцах измерялась микротвердость данной структуры. Сопоставление структурных признаков с микротвердостью являлось решающим в определении структуры всего образца или зоны на образце.

Для контроля структурного состояния образцов, представляющих наибольший интерес в отношении термической обработки, некоторые шлифы подвергались рентгеноструктурному анализу. Рентгеноструктурный анализ позволил установить достоверность наличия структур закаленных сталей.

Определение содержания углерода как важнейшего элемента стали производилось металлографически. Был определен состав по углероду всех образцов, находящихся в отожженном состоянии. Часть термически обработанных изделий для определения в них количества углерода подвергалась отжигу. Определение других примесей производилось спектральным методом на спектрографе.

Очень важным результатом спектрального анализа явилось обнаружение в металле древнерусских изделий таких редких элементов, как никель, титан, молибден, хром, кобальт. В металл они попали естественным путем. Болотные и луговые руды при своем образовании часто концентрируют и окислы перечисленных металлов. При восстановлении железа часть этих окислов также восстанавливается и переходит в металл. Эти элементы в тех количествах, в которых они обнаружены, практически на качество металла не влияют. Но для археологов они представляют

---

[1] Шлифом называется поверхность, специально обработанная (шлифованием и полированием) и травленная особыми растворами.

интерес в том отношении, что при массовом анализе древнерусского металла могут служить определяющим элементом в вопросе местного происхождения того или иного изделия. Например, в металле изделий памятников северных районов Руси (Новгород, Новгородские курганы) встречается молибден. В других местах он не встречен. В металле изделий с памятников центральных районов Руси встречается никель. На севере и на юге никель встречается очень редко. Эти анализы в установлении местного происхождения того или иного изделия при обязательном исследовании местных руд имеют очень важное значение. В итоге комплексного металловедческого исследования большого количества орудий труда, оружия, ремесленного инструмента, утвари и прочих металлических изделий мы смогли сделать обобщение отдельных технических характеристик и выявить разнообразные технические приемы обработки металла в древней Руси.

ЖЕЛЕЗО И СТАЛЬ

Основой техники металлургического производства древней Руси являлось прямое восстановление железной руды в металлическое железо. Этот способ производства железа и стали, носящий в историко-технической литературе название «сыродутный», был крупнейшим изобретением в истории человечества и на протяжении почти 3000 лет, до появления чугунолитейной техники, являлся единственным способом получения черного металла.

Суть сыродутного процесса заключается в следующем:

1. В сыродутную печь загружается мелко измельченная железная руда в смеси с древесным углем.

2. В результате горения угля образующаяся и нагреваемая до высокой температуры окись углерода поднимается вверх, нагревает выше лежащие руду и уголь и вступает с ними в соответствующие химические реакции.

3. Окись железа в руде восстанавливается до металлического железа, в это же время порода руды шлакируется и отделяется от металла. Образующийся жидкий шлак стекает на дно печи, а восстановленные твердые зерна железа, опускаясь по мере выгорания угля в низ печи, слипаются и образуют крицу, которая остается еще пропитанной некоторым количеством расплавленного шлака.

Древнерусская сыродутная печь имела следующее устройство. Круглая или немного овальная в плане шахтообразная печь имела наружный диаметр от 85 до 110 *см*, а внутренний диаметр от 60 до 80 *см*. Печь ставилась на основание, чаще всего сложенное из булыжных камней и обмазанное сверху глиной. Стенки печи складывались из камня или сбивались из глины. Толщина стенок колебалась от 12 до 20 *см*. В передней стенке печи на уровне дна шахты делалось отверстие, через которое вынимали готовую крицу. В это же отверстие вставляли воздуходувные сопла. Высота шахты древнерусской печи колебалась от 0,8 до 1,2 *м*. Шах-

та имела цилиндрическую форму, сходящуюся кверху. Верх печи был широким и открытым, а иногда частично перекрывался куполообразным сводом. Реконструкция древнерусской домницы изображена на рисунке.

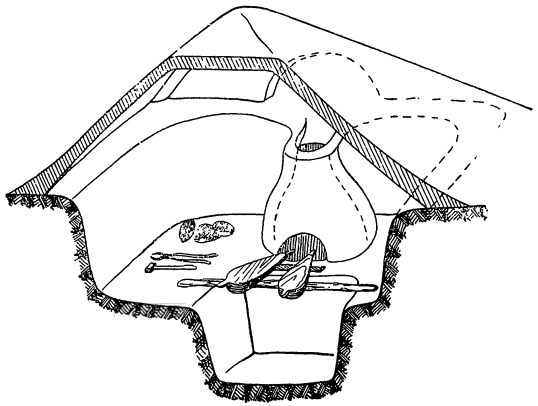


Рис. 1. Древнерусская домница (реконструкция)

При варке железа в сыродутной печи для повышения температуры горения, интенсивного образования окиси углерода и создания газовой тяги было необходимо искусственное нагнетание воздуха в печь. Можно сказать, что дутье являлось «душой» сыродутной печи. Это очень хорошо понимали древнерусские металлурги. В литературном памятнике XII века «Слово Даниила Заточника» автор, очень часто обращаясь в своем повествовании к сравнениям из жизни того времени, пишет: «...Не огнь творит ражежение железу, на надымание мешное». Дутьевое устройство состояло из воздуходувных мехов, нагнетающих воздух, и огнеупорных сопел, подводящих воздушную струю в печь.

Железные руды на территории древней Руси были распространены повсюду. Наиболее широко применяемой металлургами была болотная луговая руда. Для сыродутного процесса, дающего сильно железистый шлак, нужна очень богатая железом руда. Поэтому древнерусские металлурги обогащали железные руды, идущие в плавку, то есть удаляли пустую породу. Операция обогащения являлась очень важным техническим условием для производства железа в сыродутных печах.

Высокую температуру и обилие окиси углерода при горении в печи может давать только высококалорийное топливо, которое в то же время должно быть и легко добываемым. Таким топливом в древней Руси был древесный уголь. Обилие леса и простота углежжения обеспечивали древнерусскую металлургию дешевым и качественным топливом. Пережог дров на уголь совершался, вероятнее всего, в так называемых угольных ямах.

Восстановленные из руды твердые зерна железа по мере выгорания угля опускаются в низ печи, частично свариваются между собой и образуют рыхлую губчатую массу, называемую крицей. Вынутую из печи и пропитанную расплавленным шлаком крицу проковывали, освобождали от шлака и окончательно сваривали в монолитный кусок железа. Вес древнерусских криц колебался от 2 до 6 *кг*. Наиболее распространенными были крицы весом 5—6 *кг*. Товарным крицам металлурги придавали

округлую лепешкообразную форму. Обжатая и сваренная крица шла дальше в раздел на полуфабрикаты. Полуфабрикаты изготовлялись в виде дисков сферообразной формы диаметром 17—20 *см* и весом в 1,7—2,0 *кг*.

В древней Руси наряду с железом очень широко применялась углеродистая сталь. Как мы увидим ниже, режущие орудия труда, оружие и инструменты изготовлялись из стали. Древнерусские письменные памятники упоминают сталь под терминами «оцел» и «харалуг». В XVI веке в русских источниках появляется новый термин — «уклад», обозначающий понятие сталь.

Какова же была технология производства стали в древней Руси? Микроструктурный анализ металла древнерусских изделий обнаружил два вида структур стали. Первая структура — это сталь с однородным, равномерно распределенным по всей массе металла углеродом. В подавляющем большинстве она встречена на наварных или вварных стальных полосах всевозможных орудий труда и инструментов. Вторая структура — это неоднородная сталь с ферритными (чисто железными) полями и разными концентрациями углерода. Она встречена на цельностальных изделиях, например, копьях, топорах и т. п.

В металлургии сыродутного производства железа и его углеродистого сплава известны три способа получения такой стали:

1) получение стали непосредственно в сыродутной печи;

2) получение сварочной стали (уклада) из железа в кузнечном горне;

3) получение из железа цементованной (томленой) стали.

В сыродутной печи или в кузнечном горне древнерусские металлурги изготовляли сырцовую сталь, которая шла на цельностальные изделия и в дальнейшую переработку на лучшие сорта путем многократной кузнечной перековки или дополнительной цементации с продолжительным выдерживанием (томлением) в огнеупорном сосуде, нагреваемом в горне. Сорта стали, идущие на вваренные и наваренные лезвия, изготовлялись только путем цементации железа или сырцовой стали.

В общей массе черного металла кузнецы потребляли сталь относительно в небольшом количестве. Она шла только на качественные изделия и в них составляла в большинстве случаев только наваренные или вваренные лезвия или другие рабочие части. Исходя из весовых пропорций стали в весе качественных изделий и доли последних в общей продукции кузнечного ремесла, мы можем приблизительно определить количество стали в отношении к железу, как 1/8—1/10 часть, то есть стали в древней Руси требовалось в 8—10 раз меньше, чем железа.

Железо и сталь в жизни древнерусских людей имели широкое распространение и многообразное применение. Основные орудия труда земледельца и строителя были сделаны из железа и стали. Весь инструмент многочисленных ремесленников был из железа и стали, как и все оружие воинов. Железо не менее широко вошло и в домашний быт. В настоящее время только среди археологического материала мы насчитываем более 150 отдельных видов изделий из железа и стали.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ КУЗНЕЦА

В древнерусских городах кузницы, во избежание пожара, располагались на окраинных улицах, у городского вала, а иногда и за городскими стенами. Кузница была обычно отделена от жилища кузнеца и имела специально оборудованное помещение. Например, кузница Райковецкого городища, расположенного на Киевщине (XII—XIII века), находилась в помещении, рубленном из бревен и находящемся на городищенском валу, рядом с жилой клетью кузнеца. Размер кузницы был 3,4×3,1 *м*. В левом, дальнем углу помещения находился кузнечный горн. В этом же помещении были найдены две большие кузнечные наковальни, двое клещей, один молот, один молоток, зубило и готовые изделия — косы и серпы. Другая не менее интересная кузница обнаружена в городище Гать под Орлом. Городище, являвшееся, очевидно, убежищем, имело только одно строение — избу кузнеца. Изба представляла собой большое сооружение из двух срубов, разделенных сенями. В большом срубе находилось жилище кузнеца с обычной печью в углу, а в меньшем — кузница с каменным полом и кузнечным горном.

Важнейшим оборудованием кузницы были кузнечный горн и воздуходувные меха. Горн представлял собой жаровню, расположенную на глинобитном возвышении со стенкой у одного из краев. Около стенки имелось небольшое углубление для углей. Сюда, проходя через стенку, выходило сопло, через которое к углям подводили воздух.

Инструментарий древнерусского кузнеца состоял из наковальни, молота, молотка, клещей, зубил. Кроме того, кузнецы имели гвоздильни, подсеки, обжимки, подкладки, штампы напильники, тиски.

Наковальня — твердая опора, на которой происходит ковка изделия. Древнерусские письменные источники неоднократно упоминают наковальню. В текстах она имеет вполне современную терминологию: «хытрьць жестокое железо... кыемь и наковальньмь мячит». Наковальни встречаются как на городищах, так и в погребениях. Большинство дошедших до нас наковален — это маленькие наковальни ювелира и слесаря. Собственно кузнечных наковален нам известно всего лишь несколько штук. Они имели форму, изображенную на рис. 2. Например, высота наковальни с Княжей Горы равнялась 25 *см*, рабочая поверхность имела длину 18 *см* и ширину 11 *см*. Верхняя часть наковальни с узкой стороны имела клиновидный вырез, благодаря которому образовывались два рога. Наковальня весила около 13 *кг*. Наковальня с Райковецкого городища была однорогая. Слесари и ювелиры работали на фигурных наковальнях. Такая наковальня с Княжей Горы, хорошей сохранности, представляла собой массивный прямоугольный стержень высотой 19 *см* с отходящими от одного конца под прямым углом в разные стороны двумя рогами по 9,5 *см* каждый. Один рог в сечении круглый, другой с плоской поверхностью. В середине прямоугольного стержня имелись три отверстия разного диаметра. Это — глазки для волочения проволоки.

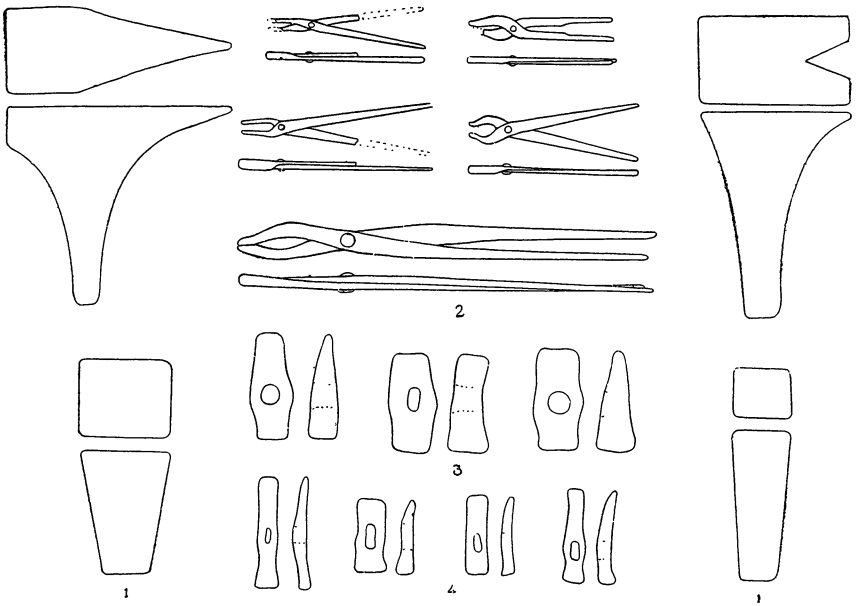


Рис. 2. Кузнечный инструмент: *1* — наковальни, *2* — клещи, *3* — молоты, *4* — молотки

Молот — инструмент для нанесения ударов при ковке. Наиболее распространенным среди археологических находок является молот следующего типа. На одном конце головки молота расположен боёк, а на другом остряк. Но встречаются молоты и с двумя бойками. Молоты различались по весу на молоты-ручники весом до 1 *кг* и боевые молоты-кувалды весом более 1 *кг*. Молоты насаживались на деревянные рукоятки длиной от 350 до 700 *мм*. Молоты-кувалды археологами найдены несколько раз. Все экземпляры массивны. Длина головки молота, например, с Княжей Горы равна 125 *мм*, размер бойков 45×50 *мм*. Вес 1550 *г*. Более многочисленны молоты-ручники. Вес их колеблется от 0,2 до 1 *кг*. Размеры головок варьируют от маленьких — длиной 80 *мм* до длинных, сильно вытянутых — размером более 200 *мм*.

Клещи — инструмент, которым кузнец держит в руках раскаленное железо. Они служат для извлечения поковки из горна, удержания и поворачивания ее на наковальне. В древней Руси клещи носили такое же название: «спадоша клеще с небесе, нача ковати оружье». Кузнечные клещи делались исключительно шарнирные, из двух половинок. По конструкции и размерам клещи резко разделяются на собственно кузнечные клещи и кричные клещи. Первыми работал кузнец в кузнице, вторые употреблял только кричник-металлург.

Кузнечные клещи по форме и размерам можно подразделить на группу больших грубых клещей для крупных поковок и группу малых одноручных клещей с хорошо подогнанными губами для средних и больших изделий. Губы у обоих видов на всех экземплярах ложатся одна на другую по всей широте щеки. Средний размер больших клещей по длине колеблется от 40 до 45 *см*. Средний размер малых клещей — около 20 *см*. Наименьший экземпляр подобных клещей имеет длину 14,5 *см*. Все клещи изготовлялись из обычного кричного железа.

Кричные клещи были крупного размера с характерными большими закругленными губами для обхвата крицы и длинными рукоятками. Например, новгородские клещи имели длину 77 *см*. Круглые губы для обхвата больших криц были длиной 16,5 *см*.

Зубило — режущий инструмент в форме клина. При работе зубилом по нему наносят молотком ряд ударов. Существовали два типа зубил: зубило для горячей рубки, которое употреблял кузнец, и зубило для холодной рубки, которое употребляли слесарь и ювелир. У зубил для горячей рубки обязательной деталью являлась рукоятка для держания зубила. Кузнечные зубила для горячей рубки всегда имели большой размер и массивные лезвия шириной до 50 *мм* и углом заточки 50—70 градусов. Зубила для холодной рубки отличались от кузнечных, во-первых, своими малыми размерами и отсутствием отверстий для рукояток и, во-вторых, повышенной твердостью лезвия. По длине эти зубила не превышают 75 *мм*. Ширина лезвий разнообразна. Она колеблется от 8 до 33 *мм*.

Слесари и специализированные кузнецы, кроме описанных зубил, применяли для рубки металла еще один вид инструмента. Это так называемая подсечка, или нижнее зубило. Предмет, который необходимо перерубить, кладут на лезвие зубила и по нему ударяют молотком. Подобные зубила являются одним из основных инструментов гвоздочника.

Бородки. Большое количество древнерусских железных изделий имеет на своем теле сквозные отверстия разных размеров и форм. Эти отверстия пробить можно, лишь применяя особый инструмент, называемый пробойником, или бородком. При работе с бородком под изделие, на месте, где нужно пробить отверстие, ставится подставка с отверстием соответствующего размера. Заостренный конец бородка должен был делаться из стали и термически обрабатываться.

Обжимки. Технологическое изучение фигурной кузнечной продукции выясняет наличие еще одного кузнечного инструмента, пока еще не имеющегося среди археологического материала. Речь идет о фигурных штампах — обжимках и подкладках. Ряд кузнечных изделий имеет такие фигурные детали, выполнить которые можно лишь путем давления фигурным штампом-обжимкой.

Технология работы со штампом-обжимкой заключалась в следующем. При одностороннем профилировании на наковальню клали кусок нагретого железа определенного размера. На него в требуемом месте

накладывали штамп-обжимку, на котором в негативном изображении был нанесен рисунок изделия, и затем ударяли молотом. Если предмет профилировали со всех сторон, то под штамп дополнительно ставили также фигурную подкладку.

Гвоздильня. Для изготовления головок гвоздей и заклепок требуется особое приспособление, называемое гвоздильней. Это — толстая, плоская пластина-планка с одним или несколькими отверстиями круглой или квадратной формы; на этой пластинке осаживают и расклепывают головки гвоздей и заклепок. Среди археологических материалов гвоздильня встречается редко.

Одним из наиболее сложных инструментов ремесленника по обработке металла является напильник. Он служит для опиловки и грубой шлифовки металла, находящегося в холодном состоянии. Среди археологических находок нам известно несколько десятков древнерусских напильников. Найдены они в городах, городищах и погребениях.

Напильник представляет инструмент в виде бруска того или иного сечения с насеченными на его поверхности зубьями и с черенком на одном конце для рукоятки. Длина полотна древнерусского напильника составляла от 70 *мм* до 135 *мм*. По сечению полотна напильники были квадратные, прямоугольные, ромбовидные, овальные и полукруглые. Древнерусские напильники имели как однорядную прямую или косую насечку, так и перекрестную. Древнерусские напильники изготовлялись цельностальными или железными с цементированной поверхностью. Затем они все термически обрабатывались. Основной структурой металла большинства напильников был мартенсит с троститом, то есть напильники закаливались без последующего отпуска.

Краткий обзор инструментария показал нам, что инструмент кузнеца и слесаря имел уже в XI—XII веках развитые, рационально разработанные формы и конструкции. Древнерусские кузнецы не позднее IX века выработали такие формы инструмента и оборудования, которые в русской промышленности просуществовали многие сотни лет. «Время от времени, — пишет К. Маркс, — происходят изменения, которые вызываются, кроме нового материала труда... постепенным изменением инструмента труда. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, застывает и рабочий инструмент, как это показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого». Такой качественный переход мог совершаться только в непосредственной связи с начавшимся разделением труда, отделением ремесленного производства от сельского хозяйства и с развитием техники городского ремесла.

Сохранились до наших дней созданные в то время технические элементы и конструкции наковален, молотов, молотков, кузнечных клещей, зубил, подсек, бородков, обжимок и подкладок, гвоздилен, напильников и т. п.

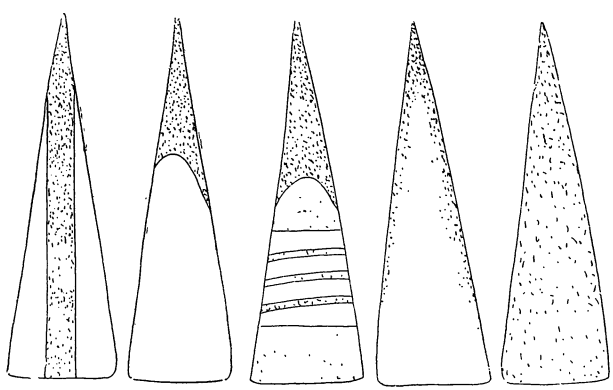
КАК КОВАЛИ НОЖИ

Нож — наиболее часто встречаемая находка. Археологи находят много ножей в древнерусских городах, городищах, селищах, курганах и могильниках. Наиболее универсальное орудие труда — нож был необходимой принадлежностью мужчины и женщины, земледельца и ремесленника, воина и охотника, в рукоделии и при приготовлении пищи. В курганах ножи составляют одну из самых массовых принадлежностей погребения. Все древнерусские ножи имеют клиновидное сечение, а поэтому спинка лезвия у них была толще, чем у современных. Размеры клинка по длине варьируются от очень маленьких, миниатюрных лезвий величиной 4 *см* до больших массивных полотен размером 18 — 20 *см*. Формы древнерусского ножа разнообразны, но в основном встречаются два типа ножей. Для одного из них характерен клинок с прямой спинкой и криволинейным лезвием и для другого клинок с криволинейной спинкой и криволинейным лезвием (кинжалообразные). На Киевщине и в Приладожье, на Смоленщине и в Поволжье мы встречаем совершенно одинаковые формы и размеры ножей. Такое же однообразие мы наблюдаем при сравнении городского и деревенского инвентаря. Рукоятки ножей делались из разных пород дерева и из кости. Очень часто рукоятки, особенно костяные, украшались циркульным или линейным орнаментом. Иногда деревянные рукоятки обматывались медной или серебряной проволокой. Применялись и цельнометаллические рукоятки, литые, медные, с плетеным орнаментом на концах.

Основой древнерусской технологии изготовления ножа было сочетание в изделии двух материалов — железа и стали механическим и химико-термическим путем с последующей термической обработкой. Древнерусские кузнецы, изготовляя ножи, применяли пять разнообразных технологических приемов, каждый из которых отвечал техническим условиям изготовления ножа. Эти технологические приемы заключались в следующем (рис. 3).

а) Сварка лезвия ножа из трех полос. В середине клинка проходила стальная полоса, по бокам железные.

б) Наварка стального лезвия на железную основу клинка ножа.



а *б* *в* *г* *д*

Рис. 3. Технологическая схема лезвий ножей: *а* — многослойное сварное лезвие, *б* — наварка стального острия, *в* — узорчатый обух и стальное лезвие, *г* — цементированное лезвие, *д* — цельностальное лезвие

в) Комбинированная сварка с изготовлением узорчатого обуха.

г) Цементация железного клинка ножа.

д) Цельностальные ножи.

Мы подробно опишем два технологических приема производства ножей, технику изготовления многослойных лезвий и узорчатых клинков.

Изготовление слоистого лезвия, у которого в середине клинка проходит стальная полоса, технически наиболее целесообразно, но в то же время более трудоемко и сложно. При таком строении нож приобретал наибольшую вязкость и упругость клинка и высокую твердость стального закаленного лезвия. Подобная конструкция лезвия позволяла пользоваться ножом до максимального стачивания всего клинка — сколько бы мы ни точили лезвие, на острие всегда будет сталь. Толщина вваренной стальной полосы колебалась от 0,5 до 1,1 *мм*.

При микроструктурном анализе ножей подобной технологии на поперечных лезвиях мы обнаружили следующую структуру. Посредине клинообразной фигуры проходила темная полоса стали (рис. 4, 5). В зависимости от условий находки ножа стальная полоса была в отожженном или в термически обработанном состоянии. По бокам от этой полосы располагались железные полосы. Между стальной и железными полосами проходили сварочные швы. Швы были, как правило, тонкие, без шлаковых включений (рис. 6).

На основании этой схемы техника изготовления ножа представляется следующей: 1) подготовка двух железных и одного стального брусков; 2) отковка-вытяжка железных и стального брусков в полосы толщиной 3 — 5 *мм*; 3) сварка полос; 4) проковка сваренной полосы до толщины, почти равной толщине спинки будущего ножа; 5) вытяжка черенка; 6) выточка лезвия клинка на точильном кругу; о том, что после сварки полосы лезвие клинка не выковывалось, а точилось, говорит форма вваренной стальной полосы, которая по всей поверхности сечения клинка имеет одинаковую толщину; за это же говорит и расположение волокон в железе — они всегда идут параллельно вваренному лезвию, а не вытягиваются клинообразно по форме ножа; 7) термическая обработка; все исследованные ножи этой группы были термически обработаны или сохранили следы термической обработки; 8) шлифовка и полировка; 9) насадка рукоятки; 10) отточка лезвия.

Большинство ножей описанной нами технологии датируется X веком. В эту группу вошли бытовые ножи с городищ и боевые ножи — «засапожники» из дружинных курганов.

Остановимся на втором технологическом приеме изготовления ножей, на комбинированной сварке с изготовлением узорчатого обуха. Образец подобной работы представлен ножом из Новгорода (рис. 7). Датируется он XI веком. Нож — славянского типа с деревянной рукояткой. Клинок по ширине состоит из двух полос: собственно лезвия и широкого обуха. Обух в свою очередь был сварен из трех полос: двух крайних и средней узорчатой. На шлифе этого ножа обнаружилась следующая структура. Нижняя часть клинка (само лезвие) имела структуру закален-

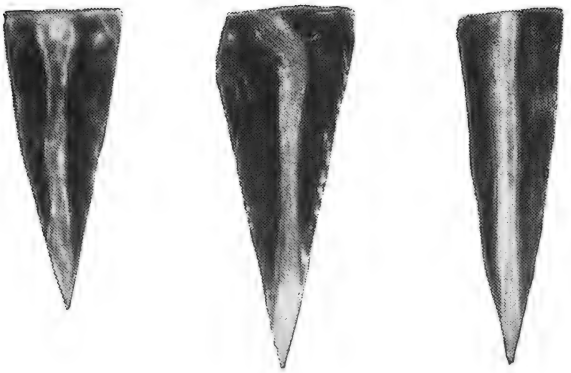


Рис. 4. Микроструктура многослойного лезвия. Средняя полоса — сталь. Ув. 3, 4

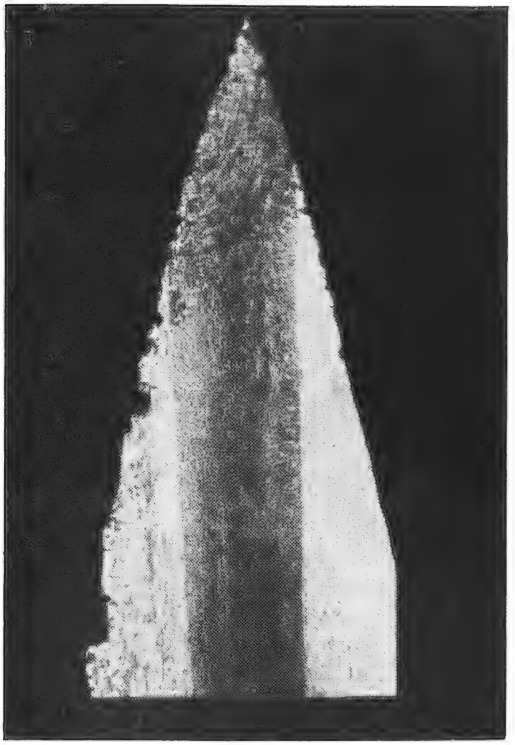


Рис. 5. Микроструктура многослойного лезвия. Темная полоса — сталь, белая — железо
Ув. 32

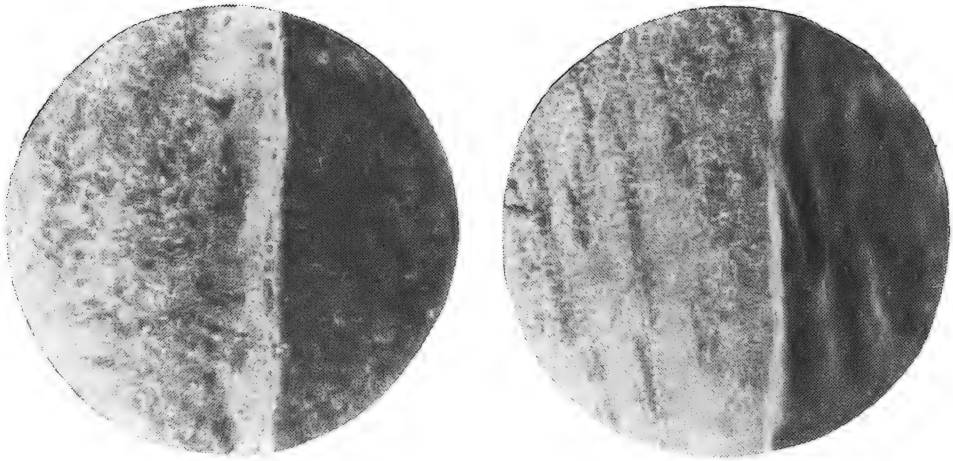


Рис. 6. Микроструктура лезвий ножей. Сварочные швы. Ув. 100

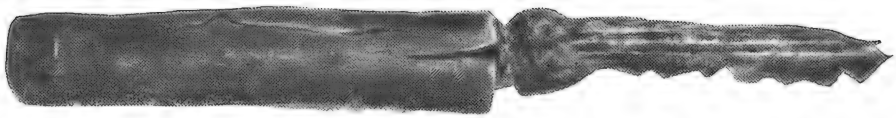


Рис. 7. Нож с узорчатым обухом. XI век. 1/2 натуральной величины.

Рис. 8. Микроструктура лезвия косы. Средняя темная полоса — сталь. Ув. 3, 4

ной стали. Выше находилась соединенная чистым сварочным швом нижняя полоса обуха, затем шла зона железа с четырьмя тонкими стальными полосками, расположенными параллельно шву (полоса с узором). Сверху у обуха была приварена еще полоса стали (см. рис. 3, *в*).

Наибольший технологический интерес в технике производства ножа представляет изготовление фигурной части лезвия. Она состоит из собственно узорчатой полосы с приваренными по краям стальными полосами. Узорчатая полоса изготовлялась следующим путем. Из трех полос — железной, стальной и железной — сварили брусок (пакет), затем его вытянули и, сложив вдвое, сварили, опять вытянули, затем опять сложили и опять вытянули. После этого при сильном нагреве (до сварочного жара) брусок по продольной оси скрутили винтом и обточили в прямоугольный брусок. Затем приварили два стальных бруска и опять обточили в прямоугольный брусок. После этого к полосе приварили стальное лезвие, грубо выковали клинок и приварили его одним концом к планке с черенком. Затем на точиле клинку придали окончательную форму и подвергли термической обработке. Закалка произведена была местная, то есть закалили только острие лезвия. О широком знакомстве древнерусских кузнецов с сложноузорчатой сваркой писал в середине XI века хорезмийский ученый Ал-Бируни. Но он упоминал лишь о производстве узорчатых мечей. Новгородский нож говорит нам о том, что сложную технологию комбинированной узорчатой сварки древнерусские кузнецы применяли и на таких массовых изделиях, как ножи.

Рассмотренные нами технологические приемы изготовления ножа показывают, что ремесленники применяли очень сложную, рационально разработанную технологию производства, вполне отвечающую техническим условиям, предъявляемым к ножу. В технологии производства ножей ремесленники виртуозно применяли сложные операции: сварку железа и стали (даже высокоуглеродистой), цементацию железа и термообработку стали. Часто исследователя поражает тонкость самой работы, например многослойная сварка двух железных и одной стальной полос при толщине стальной полосы 3—4 *мм* и длине 30—50 *мм*. Сталь на ножи шла хорошего качества, с однородной структурой. Содержание углерода колебалось от 0,35 до 0,85 процента.

Различия в технике изготовления ножей, найденных в городах и деревенских курганах X—XIII веков, мы не обнаружили. Также нет различия в технике производства и по территориям, но интересно изменяется технология во времени. В IX—X веках городские ремесленники, изготовляя ножи, применяют в основном довольно сложную технологию — сварку многослойного лезвия с последующей термической обработкой. Но в XI и особенно в XII веке эта технология целиком вытесняется более легкой, а следовательно, менее трудоемкой техникой наварки стального лезвия. Объясняется это явление следующим. В X веке, когда сбыт у ремесленника был еще очень ограничен и он работал по заказу очень небольшого круга потребителей, ножовник применяет в своем ремесле трудоемкую, тонко разработанную технологию. В XI и особенно в XII веке сбыт город-

ского ремесленника значительно расширяется, ножей в связи с расширением товарного производства стало требоваться больше, и он начинает работать на рынок. Вследствие этого он становится экономически более зависимым от производительности своего труда. Желая уменьшить себестоимость изготовления ножа, он упрощает технологию, делая своеобразную рационализацию техники производства. При этом следует заметить, что технология многослойной сварки лезвий древнерусскими ремесленниками в XI—XII веках совсем не отбрасывается, а в силу технической необходимости применяется при изготовлении других изделий.

СЕРПЫ И КОСЫ

Основой экономики древней Руси являлось сельское хозяйство. К IX—X векам почти на всей территории древней Руси господствующим видом хозяйства становится пашенное земледелие. Как известно, пашенное земледелие не может существовать не только без рационально устроенных пахотных орудий, но и без производительных орудий труда по уборке хлеба и трав. Подобные орудия труда в своей рабочей части могли быть сделаны только из железа и стали. Многочисленными железными и стальными сельскохозяйственными орудиями труда снабжали древнерусских земледельцев их соотечественники — русские кузнецы. К IX веку были созданы все основные виды сельскохозяйственных орудий труда. Конструкция и техника изготовления этих орудий сохранилась в истории русского земледелия на протяжении многих веков. Из обширного сельскохозяйственного инвентаря, изготовлявшегося в древней Руси из железа и стали, мы опишем только технику производства серпов и кос.

Из всех земледельческих орудий чаще всего археологи находят серпы. Они встречаются в городских и городищенских слоях, но чаще всего в курганах. Серп с глубокой древности до настоящего времени является орудием труда женщины.

Древнерусский серп имел вполне современную конструкцию. Кривой широкий нож, иногда с зазубренным лезвием, на одном конце имеет острие, а на другом переходит через колено в черенок. Подобная конструкция существовала уже в IX веке. Формы кривизны лезвий очень разнообразны, что является совершенно неизбежным при местном изготовлении серпов. Среди этого кажущегося многообразия кривизны форм можно выделить локальные типы. Один из ведущих советских археологов, А. В. Арциховский, методом аналитической геометрии вывел уравнение кривизны лезвий на ряде древних серпов. Полученные уравнения легко разбились на несколько групп, которые совпали с территориальным происхождением изученных серпов. Выявились три типа древнерусских серпов: новгородский, московский и днепровский. Кривая новгородских серпов — парабола, московских и днепровских — эллипсис.

Средний размер серпа колеблется по длине лезвия (по прямой) около 275 *мм,* по ширине 25—30 *мм* и толщине 3—4 *мм.* Иногда лезвие

древнерусского серпа насекалось. На черенок серпа надевалась деревянная рукоятка. Среди археологических материалов имеется несколько серпов с сохранившимися деревянными рукоятками.

Серпы изготовлялись при помощи знакомой уже нам технологии — соединения в изделии двух материалов: вязкого железа для основы клинка и твердой стали для режущего острия.

При изготовлении серпов применяли три технологических приема:

а) сварка лезвия из трех полос;

б) наварка на железный клинок серпа стального лезвия;

в) изготовление цельностальных серпов.

Одной из сложнейших технологических операций была термическая обработка. Трудности этой операции увеличиваются в силу большого размера изделия при его малой толщине и значительной кривизне формы. Основным термическим режимом обработки серпов была закалка с отпуском, но применялась и мягкая закалка. Сталь на серпы в большинстве случаев бралась среднеуглеродистая, с содержанием углерода от 0,35 до 0,7 процента. Встречен один серп с наваренным лезвием, которое после выкова было подвергнуто дополнительной цементации. Содержание углерода в лезвии этого серпа достигает 1,3 процента. Твердость лезвий серпов после термической обработки была довольно высокой.

Итак, изучение техники производства и конструкций серпов показало нам, что русский земледелец в X—XII веках получал от ремесленника по обработке железа и стали качественное и рациональное по форме орудие уборки урожая — серп.

Коса — режущее сельскохозяйственное орудие труда; применялась она при сенокошении. В древнерусском археологическом материале коса-горбуша появляется уже в IX веке. В противоположность серпу коса была орудием труда мужчины. В курганах косы клались исключительно в мужские погребения. Древнерусская коса по форме и конструкции очень похожа на косу-горбушу, бытовавшую в недавнем прошлом в северо-восточных районах европейской части СССР и частично в Сибири. Современная коса появилась на Руси в более позднее время. Длина древнерусской косы (по прямой) колеблется от 400 до 540 *мм*. Ширина лезвия у кос северных районов была около 30 *мм*, а у кос южных и юго-западных районов древней Руси — около 45 *мм*. Толщина лезвия на обухе 3—4 *мм*. Для увеличения продольной жесткости на косах по длине всего клинка иногда делали боковые долы или ребро на обухе. Эти конструктивные элементы позволяли облегчить вес косы, не уменьшая продольной прочности лезвия.

Среди многообразия форм и размеров древнерусских кос можно выделить два устойчивых типа — северный и южный. Северный тип кос характерен удлиненным узким лезвием и вытянутой черенковой частью — пяткой. Он широко представлен в древностях Новгородской земли и Верхнего Поволжья. Южный тип характерен более коротким, но широким лезвием и укороченной черенковой частью. Он представлен среди древностей Киевщины, Волыни, южной Белоруссии.

В технике производства кос применялись три технологических приема:

а) изготовление трехслойного клинка; в середине проходило стальное лезвие;

б) наварка на железный клинок косы стального лезвия;

в) изготовление цельностальных кос.

Технологию изготовления многослойного лезвия мы уже показали при описании техники производства ножей и серпов. Совершенно такая же структурная схема обнаруживается на таком более крупном и сложном изделии, как коса. Изученный нами экземпляр косы происходит из новгородских курганов (XI—XII века). На шлифе этой косы обнаружилась следующая структура. Посредине клинка, по всей его длине, идет темная полоса толщиной 0,75 *мм*. Это — вваренное стальное лезвие (рис. 8). Светлые бока — железная основа. Структурное состояние вваренной полосы — мартенсит и троостит, то есть термически обработанная сталь. Сварочный шов очень чистый. Перед нами очень сложная и интересная технология. Технология изготовления косы имеет те же операции и последовательность, что и у ножей, но здесь совершенно другие объемы работ. Все косы имели стальные, термически обработанные лезвия.

В древнерусской технологии обработки черного металла изготовление косы было довольно сложным и трудоемким делом. Здесь мастер должен был сочетать прочность и легкость конструкции с большой длиной клинка, максимальную твердость лезвия с вязкостью обуха. Как мы видели, древнерусский кузнец успешно справлялся со всеми этими техническими требованиями, применяя технологию наварки стального лезвия. Для изготовления лезвий применялась высокоуглеродистая сталь однородного строения. Содержание углерода в лезвии достигало 0,8 — 0,9 процента. Основным режимом термической обработки косы являлась так называемая мягкая закалка, то есть охлаждение нагретого изделия в специальной жидкой среде или подогретой воде. Такой режим значительно снижал хрупкость металла, что особенно важно в косах. Подобной термической обработке подвергались в первую очередь цельностальные косы, а также и косы с наваренными лезвиями.

Все это говорит о высоком для того времени уровне техники производства сельскохозяйственных орудий труда.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

Русское оружие IX—XIII веков было очень разнообразно по форме и по роду применения. Среди археологических находок мы встречаем мечи, сабли, копья, стрелы (из металла делались наконечники), боевые топорики, булавы, кинжалы, боевые ножи, шлемы, кольчуги, щиты. Основным оружием профессионального воина древней Руси — дружинника был меч, массовым же оружием, которым вооружался в бою рядовой воин, было копье и топор.

В области изучения оружия еще недавно господствовали разнообразные теории, принижавшие культуру и технику древней Руси. Все русское оружие из погребений дружинников норманистами рассматривалось как импорт из Скандинавии, а для видов, отсутствующих у скандинавов, — привезенным с Востока. Советские историки и археологи разоблачили все лжетеории норманистов как в вопросах происхождения русской культуры, так и в вопросах истории техники производства оружия и исчерпывающе доказали наличие в древней Руси местного — русского производства всех видов оружия, в том числе и мечей.

В настоящем очерке мы остановимся на технике производства некоторых видов оружия — мечей, стрел и кольчуг.

Меч — основное оружие русского воина-дружинника, символ княжеской власти и военная эмблема древней Руси. Русские летописи и другие письменные источники пестрят упоминаниями о мече. Не менее широко представлены мечи и в археологическом материале. Основная масса мечей, как и другого оружия, дошла до нас с X века. Погребения воинов-дружинников — Игоря, Святослава и Владимира Святославича включали богатый набор оружия и прочего военного снаряжения.

Древнерусский меч — оружие рубящее: «да не ущитятся щиты своими и да посечени будуть мечи своими» или «посекоша мечем нещадно». Но некоторые выражения летописи, правда более поздние, позволяют предполагать, что меч применялся иногда и для закалывания: «призвавше ко оконцю пронзут и мечем». Обычная длина меча X века была около 80—90 *см*. Ширина клинка равнялась 5—6 *см*, толщина 4 *мм*. Вдоль полотна на обеих сторонах клинка всех древнерусских мечей идут долы, служившие для облегчения веса клинка. Конец меча, не рассчитанного на колющий удар, имел довольно тупое острие, а иногда даже просто закруглялся. Навершие, рукоять и перекрестье меча почти всегда украшались бронзой, серебром и даже золотом. Меч носили в ножнах. В летописи встречается выражение «обнажи меч свой».

Технику производства клинков мечей мы также изучали путем металлографических анализов. На основании обнаруженных структурных схем технология производства клинка меча представляется в следующем виде.

Основа клинка меча делалась из железа или сваривалась из нескольких (трех) полос стали и железа (рис. 9). Когда основа клинка сваривалась только из стали, брали малоуглеродистый металл. Довольно широко применялась и узорчатая сварка. В этом случае основа клинка сваривалась из средней железной и двух крайних, специально сваренных узорчатых

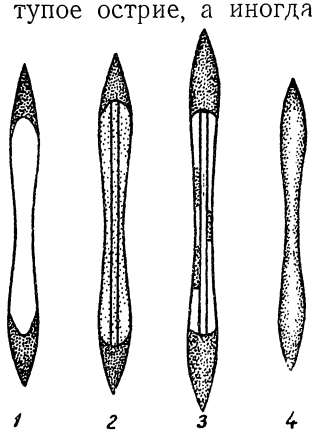


Рис. 9. Технологическая схема лезвия меча: *1*, *2*, *3*, *4* наварка стального острия

полос. Последние в свою очередь были сварены из нескольких прутьев с разным содержанием углерода, несколько раз перекрученных и раскованных в полосу. К предварительно сваренному и подготовленному бруску основы клинка наваривали в торец стальные полосы — будущие лезвия. После сварки клинок выковывали таким образом, чтобы стальные полосы вышли на лезвие. Отковав клинок заданного размера, вытягивали черенок рукоятки. Следующей механической операцией было выстругивание долов. Затем клинок шлифовали и подвергали термической обработке. После этого клинок полировали и, если основа клинка делалась из узорчатой стали, травили. Кузнец же делал и основу перекрестья и навершия рукоятки.

Иногда наваренные стальные лезвия подвергались перед термической обработкой дополнительной цементации. Сталь на лезвия клинков бралась высокоуглеродистая, с содержанием углерода от 0,85 до 0,9 процента. На двух клинках лезвия, подвергнутые дополнительной цементации, имели 1,1—1,2 процента углерода. Таким образом, перед нами опять типичная древнерусская технология изготовления качественного изделия — сварка мягкой вязкой основы клинка меча с стальными лезвиями и последующая термическая обработка всего клинка.

Очень интересные сведения о технике производства мечей мы находим в книге, написанной в 1048 году современником наших мастеров, упомянутым уже ученым-энциклопедистом хорезмийцем Ал-Бируни. В трактате «Книга собрания (очерков) о познании драгоценных камней» Бируни писал: «Русы выделывали свои мечи из шапуркана (стали. — *Б. К.),* а долы посредине их из нармохана (железа. — *Б. К.),* чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость. Ал-фулад (сталь тигельная. — *Б. К.*) не выносит холода их зим и ломается при ударе. Когда они познакомились с фарандом (то есть с узорчатым булатом. — *Б. К.),* то изобрели для долов плетение из длинных проволок (изготовленных) из обеих разновидностей железа — шапуркана и женского (то есть железа. — *Б. К.*). И стали получаться у них на сварных плетениях при погружении (в травитель) вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить. Ал-фаранд же (рисунок на булатной стали. — *Б. К.*) не получается соответственно намерению при изготовлении (меча) и не приходит по желанию, но он случаен». Этот текст для нас важен с двух сторон. Во-первых, он подтверждает наши выводы о технике производства клинков мечей. Технология наварки стальных («из шапуркана») лезвий на железную («из нармохана») основу клинка является, как мы видим, общерусской. Во-вторых, Бируни говорит о превосходстве русских оружейников в технике изготовления узора на клинках мечей.

При соответствующей комбинации железных и стальных полос на основе клинка древнерусский кузнец мог получить любой заданный рисунок с одинаковым ритмом по всей полосе, что особенно и удивляло Бируни. Булатный же рисунок, как мы знаем из опытов великого русского металлурга П. П. Аносова (1791—1851 годы) и сочинения ученого

хорезмийца Бируни (972—1048 годы), случаен, так как при кристаллизации тигельной стали в каждом отдельном случае получается свой рисунок структурной неоднородности (то есть узор на стали).

Итак, мы видим, что древнерусские кузнецы, ковавшие для своих соотечественников-воинов мечи, владели сложной технологией кузнечной ковки, узорчатой сварки и термической обработки и в технике производства и художественной отделки не уступали ни западным, ни восточным мастерам. В искусстве отделки клинков мечей они даже превосходили знаменитых восточных оружейников, делавших мечи из булатной стали. Добротные мечи с «удивительными и редкостными» узорами, изготовленные русскими кузнецами, пользовались широким спросом и на внешних рынках: в Византии, Средней Азии и других странах. Арабский писатель Ибн-Хордадбех в середине IX века писал: «Что же касается купцов русских — они же суть племя из Славян — то они вывозят меха выдры, меха лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румейскому морю».

Лук и стрелы с древнейших времен в течение многих тысячелетий являлись основным оружием дальнего боя. Сначала как охотничье, потом и как боевое оружие лук применялся вплоть до изобретения огнестрельного оружия. В обоих вариантах это оружие широко применялось в древней Руси. Из железа делались только наконечники стрел. Они среди археологического материала представлены многими тысячами экземпляров. Во время боя, особенно при осаде, противники выпускали такое обилие стрел, что летописец записывал: «Идяху стрелы аки дождь».

Форма и размеры наконечников стрел были очень разнообразны. Среди боевых господствовала ромбовидная форма, но применялись и другие типы (например, бронебойные различных форм.) Размеры наконечников варьировали от миниатюрных длиной 50 *мм* до больших, массивных длиной 175 *мм*. По сечению лезвия стрелы делались овальные, ромбовидные, квадратные, круглые, треугольные. В наконечниках стрел нас поражает высокая техническая культура кузнечного производства, тонкая обработка конструктивных и орнаментальных элементов.

Наконечники обычных боевых стрел изготовлялись из железа с последующим наклепом лезвий пера. Наконечники бронебойных стрел (рассчитанных на пробивание кольчуги) делались из стали с последующей термической обработкой. Из механических операций производства стрел наиболее интересными являются операции с применением обжимок и штампов. Многие стрелы при переходе лезвия в черенок имели фигурные, геометрически точно изготовленные бортики, венчики и другие орнаментальные детали. Сделать подобные фигуры в изделии можно только обжимкой или штампом. Обращает на себя внимание симметричность лезвий и очень тонкая заточка острия. Такая высокая кузнечная техника изготовления наконечников стрел была возможна лишь при массовом и специализированном их производстве.

Наконечники стрел часто покрывали цветными и благородными металлами. В «Слове о полку Игореве» мы встречаем выражение «злаченые стрелы». Такой наконечник железной стрелы ланцетовидной формы с позолоченной поверхностью был найден археологами на Райковецком городище. Вероятнее всего золотились парадные стрелы наподобие парадных инкрустированных боевых топориков.

В оборонительном доспехе древнерусского профессионального воина большое значение имела кольчуга. Это была боевая одежда в виде рубашки из мелких, плотно сплетенных железных колец. Термин «кольчуга» возник позднее, во время Московской Руси, а в письменных источниках древней Руси кольчуга упоминается под термином «броня». Множество фрагментов, а иногда и целые кольчуги встречаются среди археологического материала. Особенно много до нас дошло кольчуг X века в дружинных курганах. Кольчуга являлась достаточно надежной защитой от холодного оружия. В древней Руси она появилась на 200 лет раньше, чем в Западной Европе. Еще в XII веке во Франции кольчуги считались дорогими импортными доспехами, которые ввозили из Руси.

Кольчуга делалась из железных колец. Сплетение состояло из ряда целых колец и ряда колец на заклепках или на штифтах, то есть половина колец были целые, а половина разводные, которые после сборки соединялись заклепкой или штифтом. Каждое кольцо охватывало четыре соседних кольца: целое кольцо охватывало четыре разъемных, а разъемное — четыре целых. Иногда в качестве декоративного элемента в кольчугу вставляли несколько рядов медных колец.

Для того чтобы представить трудоемкость и сложность изготовления кольчуги, достаточно сказать, что обычная кольчуга на средний рост делалась примерно из 18 000—20 000 колец. Технология производства состояла из горячих операций — изготовления колец и заклепок или штифтов — и из холодных операций — сборки и склепывания разомкнутых колец. Технология изготовления колец состояла в следующем. Из железа изготовлялась горячей ковкой круглая или квадратная проволока диаметром около 2 *мм*. Затем она навивалась на круглую оправку диаметром 10—11 *мм*. Образовавшуюся спираль разрубали по одной стороне, в результате чего получались круглые разомкнутые кольца одинакового диаметра. Половину колец сваривали. Если кольчугу делали из плоских колец, то после сварки круглые в сечении кольца расплющивали и фигурным штампом наносили узор. Таким же путем расплющивались и орнаментировались разомкнутые кольца. После этого у колец дополнительно расплющивали концы на плашку и пробивали бородком отверстие под заклепки или штифты. Отдельной и довольно кропотливой операцией было изготовление заклепок и штифтов. Исследованная нами кольчуга с Княжей Горы была склепана заклепками с головкой. Диаметр заклепок был около 0,75 *мм*. Затем приступали к сборке кольчуги. Каждое разомкнутое кольцо после соединения его с четырьмя целыми кольцами склепывали. Последней операцией была чистка и шлифовка кольчуги.

В технологии производства древнерусских кольчуг нас поражают миниатюрность, тонкость и огромная трудоемкость кузнечных работ, например операция склепывания кольца заклепкой диаметром около 0,75 *мм*. Нужно заметить, что эта операция производилась не на отдельно лежащем кольце, а на уже вплетенном в кольчугу. И склепать нужно было около 10 000 колец.

ИСКУССТВО ЗАМОЧНИКОВ

Замки, появляющиеся в обиходе всех народов с возникновением частной собственности, в древнерусском городе и деревне широко встречаются уже в IX—X веках. В древнерусском археологическом материале особенно много замков встречается в городских слоях XI—XIII веков.

В обиходе древнерусских людей имелось множество систем и видов замков, сделанных из железа и стали. Мы встречаем большие врезные замки для дверей, маленькие врезные замки для сундуков, ларцов и множество систем висячих замков разных размеров. Ниже мы опишем конструкцию и технику производства цилиндрического пружинного замка, наиболее распространенного среди русских археологических древностей.

Прежде чем описывать технику изготовления замка, рассмотрим схему его конструкции. На рис. 10 изображена конструктивная схема цилиндрического пружинного замка. Фигура *А* показывает устройство корпуса замка и дужки. Корпус состоит из двух соединенных между собой цилиндров. Большой цилиндр имеет два донышка. В верхнем донышке имеется прямоугольный вырез (соответствующий размерам стальных пружин на дужке), а в нижнем прорез для ввода ключа. Малый цилиндр имеет только нижнее донышко. Дужка на одном утолщенном конце имеет специальный стержень (один или несколь-

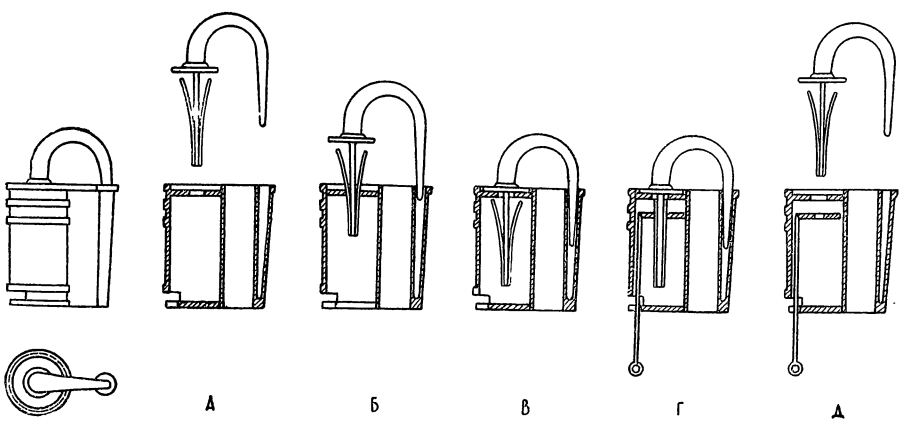


Рис. 10. Схема устройства пружинного замка

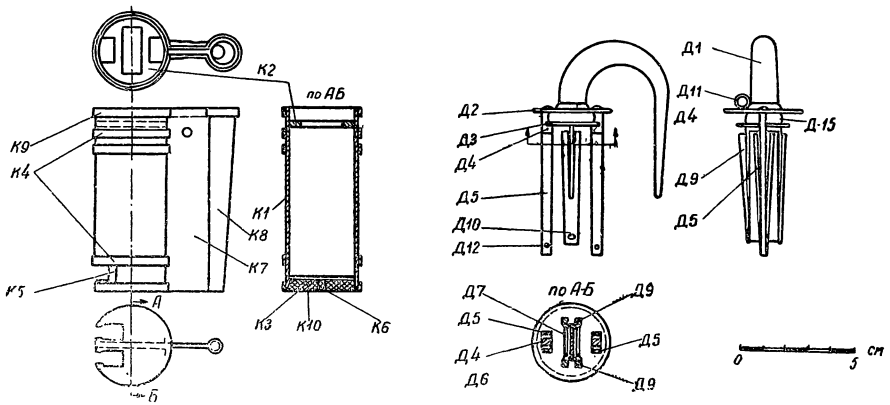


Рис. 11. Устройство пружинного замка (XI век)

ко), на который в нижней его части прочно прикреплены две пружины с расходящимися кверху концами. Фигура *Б* показывает момент начала вдвигания дужки в корпус. Один конец дужки свободно входит в малый цилиндр, другой — пружинами в прямоугольный вырез в верхнем конце большого цилиндра. По мере углубления дужки пружины все более и более сжимаются. Фигура *В* изображает момент, когда вся дужка вставлена в корпус и пружины свободно разошлись, заперев тем самым замок. Фигура *Г* изображает момент ввода ключа в корпус замка и сжатие пружины. В таком состоянии дужка может быть свободно вынута из корпуса. Фигура *Д* изображает вынутую — отпертую дужку и корпус замка с невынутым еще ключом. Количество стержней с пружинами и их расположение на крышке дужки в зависимости от формы и размеров замка сильно варьируются. Число стержней с многообразным расположением пружин часто доходило до четырех.

Конструкция и технология замков были подробно изучены на ряде экземпляров из Новгорода, Райковецкого городища, Старой Рязани, Княжей Горы и других мест. В качестве примера подробно опишем технологию трубчатого пружинного замка с Княжей Горы (рис. 11). Замок состоит из 35 деталей. Ключ к этому замку является 36-й деталью. Материалом для замка везде служит железо, а на пружинах — железо и сталь.

Корпус замка и дужку с пружинным механизмом замочник изготовлял отдельно, как две самостоятельные части замка. Корпус состоит из 14 деталей. Замочник после заготовки листового железа толщиной от 1 до 2,5 *мм* изготовлял каждую деталь отдельно. Все детали изготовлялись в холодном состоянии из железных заготовок путем обрубки зубилом и дальнейшей опиловки напильником. Возьмем, например, деталь *К-2*— дно верхнее и деталь *К-3* — дно нижнее. Прежде всего бросается в глаза правильность их круга и чистота отделки торцов. После изготовления такой шайбы мастер, разметив вырезы, вырубал их зубилом. Стенки вы-

резов получались скошенными и неровными. Их необходимо было опилить напильником, чем достигалась точность прямых углов и ровность поверхности. Большой и малый цилиндры после соответствующих вырезов и опиловки плоских заготовок сгибались на круглой оправке. Шов для пайки делался внахлест[1].

Интересно разобрать каждую деталь со стороны конструктивной целесообразности. Детали *К-1* и *К-8,* большой и малый цилиндры, являются основами корпуса. Деталь *К-2*— верхнее дно служит для упора пружины дужки. Деталь *К-3* — нижнее дно закрывает отверстие большого цилиндра, препятствуя тем самым возможности отпирания замка без ключа. Но так как тонкое дно, ослабленное ключевым вырезом, очень легко выломать, его усиливают деталью *К-6* — ребром и затем все оставшееся пространство заливают медью. Большой цилиндр делают из тонкого листа толщиной 1 *мм* и в целях усиления корпуса цилиндр в четырех местах охватывают поясами (деталь *К-4*) из железа толщиной 1,5 *мм.* Края нижнего бокового выреза в цилиндре для ключа также в целях предохранения от разрыва и вмятин усиливают деталями *К-5* — полосками железа толщиной около 1,5 *мм.* Деталь *К-7* служит для соединения большого и малого цилиндров. Верхние края цилиндров усиливают и взаимно связывают специальной деталью *К-9,* которая, обхватив большой цилиндр, идет вдоль верха детали *К-7* и обхватывает цилиндр *К-8.* Низ малого цилиндра заливают медью. Итак, наши наблюдения показали, что в корпусе цилиндрического пружинного замка мастером предусмотрены все необходимые элементы и не сделано ни одной лишней, конструктивно ненужной детали.

Изготовив все детали корпуса, замочник приступает к их сборке и спайке. Все детали замка были спаяны твердым припоем на медной основе. Затем поверхность корпуса была обмеднена.

Дужка с пружинным механизмом состоит из 21 детали. Замочник после заготовки материала каждую деталь изготовлял отдельно. Здесь так же, как и в корпусе замка, основная работа выполнялась зубилом и напильником. После изготовления всех деталей дужки их начинают последовательно собирать. Сначала соединили — спаяли — деталь *Д-1* — скобу дужки и деталь *Д-6* — центральную планку. Для этого в скобе сделали вырез, в который вставили планку и затем спаяли. Потом к планке на заклепке присоединили две детали *Д-7.* После этого замочник приступал к сборке другого пружинного узла дужки. В маленькие отверстия детали *Д-2* он вставлял шпенечки стержней — деталь *Д-4* — и их расклепывал. Потом вставлял между стержнями вторую крышку — деталь *Д-3.* Собрав этот узел, мастер продевал его через тонкий конец скобы дужки и, доведя до необходимого положения, припаивал, а пространство между первой и второй крышками заливал медью. Затем припаивалась к крышке дужки деталь *Д-11.* После этого скоба дужки и верхнее донце обмеднялись. Последней операцией была приклепка пружин.

---

[1] То есть внакладку один лист на другой.

Уже упоминалось, что все детали замка изготовлялись из обычного кричного железа. Исключение представляет пружина. Полоска пружины по толщине сваривалась из двух, примерно одинаковых по толщине половинок. Одна половинка, как правило, была железная, другая стальная (рис. 12). После сварки пружины термически обрабатывались. Следует отметить тонкость и миниатюрность кузнечной работы при изготовлении пружины. Толщина пружин колеблется от 0,8 до 2 *мм*. По толщине она сваривалась из двух полос, следовательно, каждая половинка имеет толщину от 0,4 до 1 *мм*. Если считать, что мастер сваривал болванки пружин более толстого сечения и потом их вытягивал, то все же железные и стальные заготовки пружин не могли превышать по толщине 2—5 *мм*. А сваривать такие тонкие полосы железа и высокоуглеродистой стали технически чрезвычайно трудно.

Резкого различия в технике изготовления замков в X—XII веках не было. Основное различие наблюдалось лишь в разнообразии форм и конструкций замков. Если в IX—X веках бытовал один тип кубического замка, то к концу XII—XIII веков замочники изготовляли уже около 12 типов замков разнообразного назначения и сложных конструкций. В замочном ремесле появляется серийность производства. В замках с Княжей Горы и особенно Райковецкого городища можно выделить экземпляры замков с совершенно одинаковыми основными деталями; они различались лишь рисунком ключа. Это позволяет нам предполагать, что замочник изготовлял сразу несколько замков, большинство деталей которых имело стандартную форму, а следовательно, они могли изготовляться сразу большой партией, что облегчало технологию и повышало производительность.

ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА

Основой механической обработки железа и стали была техника обработки металла давлением, то есть обработка металла в горячем состоянии путем ковки и штамповки. При этом существовал ряд операций обработки металла резанием (опиловка напильником, обточка на точильном кругу, рубка зубилом и т. п.), но они имели в большинстве случаев еще добавочное назначение.

В основе разнообразной и сложной техники обработки черного металла лежали следующие технологические операции:

1) всевозможные приемы свободной кузнечной ковки;
2) сварка железа и стали;
3) цементация железа и стали;
4) термическая обработка стали;
5) резание металла на точильных кругах и напильником;
6) паяние железа и стали;
7) покрытие и инкрустация железа и стали цветными и благородными металлами;
8) полировка железа и стали.

Механическая обработка нагретого металла давлением при помощи ударов молотом в современной технике называется свободной ковкой. Операции свободной ковки со времени появления железа до введения сталелитейной техники были основными технологическими приемами, которыми изделию придавали требуемую форму. Температура, при которой может происходить нормальная ковка, колеблется для железа между 900—1300 градусами и для стали между 775—1050 градусами. Повышение или понижение этой температуры отрицательно влияет на строение металла: его качество ухудшается. И, как нам показала структура металла исследованных предметов, кузнец всегда работал при этих температурах. Контролем температурного режима нагрева являлись цвета каления железа и стали. Деформирование нагретого металла производилось путем ударов молотом. Как мы уже упоминали, известные нам молоты имеют вес более 1,5 *кг*.

Сварка, особенно сварка железа и стали, была широко распространенным технологическим приемом в древней Руси. Основой древнерусской технологии изготовления режущего лезвия являлось сочетание в лезвии двух материалов — железа и стали путем механического соединения их сваркой. Именно поэтому в древней Руси технология сварки была хорошо разработанным и освоенным техническим приемом.

Сварить железо с железом или железо с малоуглеродистой сталью (до 0,3 процента С) не очень трудно. Труднее свариваются стали с содержанием углерода 0,4—0,6 процента. Очень трудно сварить сталь с содержанием углерода 0,8—0,9 процента и особенно трудно сварить эту сталь с железом. Чтобы сварить металл, необходим очень высокий нагрев. Для железа и стали с разным содержанием углерода температуры нагрева будут разными. Для чистого железа эта температура будет 1425—1475 градусов, для стали с 0,4 С — 1300—1350 градусов и для стали с 0,8 С — 1200—1250 градусов. Как показывает микроструктура сварочных швов, подавляющая их масса на древнерусских изделиях имеет очень чистое и тонкое строение, а следовательно, и прочное соединение. Обращают на себя внимание прочность и чистота швов при сварке железа и высокоуглеродистой стали. Трудность сварки железа и высокоуглеродистой стали заключается в необходимости очень точно определять наилучшие сварочные температуры того и другого металла и быстро производить сварку, иначе соединения металлов не произойдет. Со всеми этим древнерусский кузнец справлялся достаточно умело. Кроме того, в сварочной технике древней Руси нас поражает умение кузнецов работать с очень малыми объемами металла.

Сварочная техника древнерусских кузнецов уже в X веке была на высоком для того времени уровне. Хорошо освоенная и тонко разработанная технология сварки дала возможность древнерусским ремесленникам изготовлять высококачественные орудия труда, оружие и инструмент.

Цементацией называется процесс науглероживания железа или стали на некоторую глубину от поверхности для придания металлу сталистой

структуры. Непременным условием цементации является нагрев предмета до температуры не ниже 910 градусов. В древней Руси цементация применялась как для науглероживания железных изделий, то есть для придания им сталистых поверхностей, так и для дополнительного науглероживания наваренных стальных лезвий. Цементация была известна уже в X веке.

Операция обточки металла, относящаяся к технологии холодной обработки металла резанием, была в древней Руси широко распространенным техническим приемом. Технологически она простиралась от придания светлой и гладкой поверхности предмету до вытачивания форм и отдельных элементов в изделиях. Эта операция в технике производства сопровождала изготовление почти каждого предмета. Обточка металла, то есть снятие мелкой металлической стружки, производилась точильными кругами и брусками.

Материалом кругов и брусков являлся естественный камень нескольких видов: песчаник, наждак, корунд. Для более мягкой шлифовки применяли искусственные материалы.

Круглое точило встречается в древнерусских городищенских слоях несколько раз. Большое точило очень хорошей сохранности найдено на Екимауцком городище в Молдавии. Точильный круг диаметром 300 *мм* и толщиной 42 *мм* имел точно в центре квадратное отверстие для оси. Размер отверстия 40×40 *мм*. Точило было сделано из очень мелкого песчаника. Подобное точило было найдено в Новгороде в слоях XI века.

Опиловка металла напильником — основная операция слесарной обработки — была также широко распространена. Напильник применяли прежде всего замочники при изготовлении сложных и многообразных замочных механизмов. Употреблялся напильник и при производстве пил, отделке стрел и тому подобных изделий.

Паянием называется процесс, при помощи которого соединяются два или несколько металлических предметов путем ввода между ними более легкоплавкого металла или сплава (припоя). Этот процесс был известен человеку еще в глубокой древности. Техникой паяния хорошо владели уже металлурги бронзового века. В Киевской Руси технология паяния железа и стали была высокоразвитой. Исследования паянных швов (спектральный и структурный анализы) на древнерусских замках и ключах к ним показали, что древнерусский замочник применял для спайки железа и стали твердый припой на медной основе.

Каким же способом производилась спайка деталей замка, то есть каким путем нагревали места пайки до температуры расплавления припоя? Нагретым напильником или паяльной трубкой (их наличие в инструментарии древнерусского ювелира известно археологии) спаять 35 железных деталей замка, иногда с длинным и глубоким швом и широкой поверхностью, совершенно невозможно. Швы на исследованных замках очень прочные, всегда плотные, с малыми зазорами и целиком заполнены припоем (рис. 13). Единственным способом нагрева шва или одновре-

менно нескольких швов мог быть нагрев всего изделия или спаиваемых деталей в специальном горне или в специальном огнеупорном сосуде (муфеле), который в свою очередь нагревался в обычном кузнечном горне. Подобная пайка стальных и железных изделий в печах применяется и в современной технике.

Суть процесса заключается в следующем. Детали, очищенные в месте паяния от грязи, жира, окислов и окалины, обмазывают по шву медным порошком или прокладывают между ними медную проволоку или пластинку, затем соединяют, и, если необходимо, то временно чем-либо скрепляют и кладут в горн. При высокой температуре горна медь расплавляется и проникает в нагретое железо. Чем меньше зазор в собранных деталях, тем прочнее шов. Для нас неясно, каким путем мастер в процессе паяния избегал окислов или удалял их с поверхности деталей в месте паяния. В настоящее время в печах создают защитную атмосферу, чего нельзя было сделать в древней Руси. Вероятно замочник, собирая будущий шов, то есть соединяя детали и обмазывая или прокладывая их медью, в то же время вместе с припоем клал в шов и флюс [1], который уже в печи при высокой температуре, соединяясь с окислом железа, очищал шов.

Горновое паяние железа и стали, явившееся крупным техническим достижением древнерусской техники, позволило замочникам получать прочные соединения деталей из железа и стали и изготовлять надежные замочные механизмы, очень часто состоящие из 40 отдельных деталей.

Технологию покрытия цветными и благородными металлами железа и стали в древней Руси применяли оружейники, замочники и другие ремесленники по металлу. Оружейники чаще всего применяли покрытие из благородного металла. Более массовой была технология обмеднения. Особенно широко применяли ее замочники. Большинство древнерусских цилиндрических замков XII—XIII веков были обмеднены.

Технология обмеднения технически очень близка к технологии паяния и основана на тех же принципах. Обмеднение производилось, вероятно, горячим путем в горне. Кроме замков, обмеднялись и другие бытовые предметы, например, ножницы, пряжки, булавки, кресала, разнообразные накладки и т. п. Широко применяли древнерусские кузнецы покрытие железа и стали оловянисто-свинцовыми сплавами. Такие изделия, как, например, всевозможные булавки, пряжки, и т. п., покрывались сплавом целиком. Но иногда сплавом покрывали только часть изделия, в основном элементы украшения.

Полировку железа и стали, то есть придание блестящей поверхности изделию, применяли кузнецы многих специальностей. При производстве мечей и другого оружия они доводили поверхность металла до блестящего, зеркального состояния. Об этом свидетельствует летопись: «Обнажены меча имуще в руках блещащася аки вода».

---

[1] Флюсом называют вещества, которые применяют при сварке или паянии для расплавления окислов металла.

КАК ЗАКАЛИВАЛИ СТАЛЬ

В древней Руси ремесленники по обработке железа и стали — «кузнеци железу», эмпирически осмыслив многие свойства стали и влияние на эти свойства разных режимов нагрева и охлаждения, создали практическую, тонко разработанную технологию термической обработки стали.

Среди множества исследованных нами цельностальных изделий или изделий с стальными лезвиями более 90 процентов было термически обработано. Микроструктурные исследования, подтвержденные рентгеноструктурным анализом, и измерение микротвердостей образцов, находящихся в термически обработанном состоянии, показали, что к 28 процентам всего количества изделий был применен режим термической обработки — закалки, а к 72 процентам — режим термической обработки — закалки с последующим отпуском.

Микроструктура подавляющей массы термически обработанных изделий нам показывает, что при термообработке стали изделие подвергали нагреву при температуре 800—950 градусов. Лишь в некоторых экземплярах наблюдается структура, которая говорит, что температура закалки была выше указанной. Так же единичны структуры, получающиеся тогда, когда закалку производят при недостаточных температурах.

Структуры закалки свидетельствуют о применении быстрого охладителя, каким может быть вода при нормальной температуре. Структуры мягкой закалки свидетельствуют о применении закалочных сред, дающих более медленное охлаждение, чем вода. Такими средствами могли быть подогретая вода, растительное масло или животный жир. Кроме разнообразных охлаждающих жидкостей, древнерусский кузнец применял и разные другие способы охлаждения предмета. Многие изделия закаливались целиком, то есть целиком опускались в воду или жидкость. К ним относятся ножи, напильники, серпы. Другие изделия закаливались частично, только в рабочей части. К их числу относятся топоры, долота, копья, зубила и ряд подобных изделий. При такой закалке возможны два варианта обработки: нагрев всего изделия и частичное охлаждение (только лезвия) или нагрев только закаливаемой рабочей части и последующее охлаждение всего изделия. При обоих способах получалось твердое лезвие, мягкое тело изделия и плавный переход между ними. Особенно важна была такая закалка на цельностальных изделиях.

Наибольшее количество термически обработанных изделий находилось в отпущенном состоянии. Такая структура образуется при следующем режиме обработки. Изделие нагревают до 800—950 градусов и затем охлаждают в воде. После этого изделие подвергается вторичному, невысокому нагреву. При режиме закалки с отпуском важен контроль за температурой нагрева. Для температуры 800—950 градусов, как и при закалке, нагрев улавливается по цвету каления.

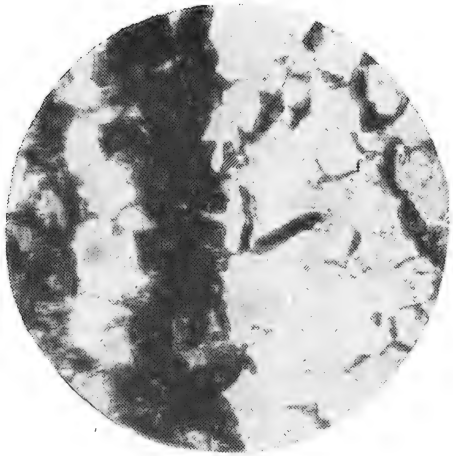


Рис. 12. Микроструктура замочной пружины. Сварочный шов. Ув. 100

Рис. 13. Микроструктура паянного шва. Ув. 500

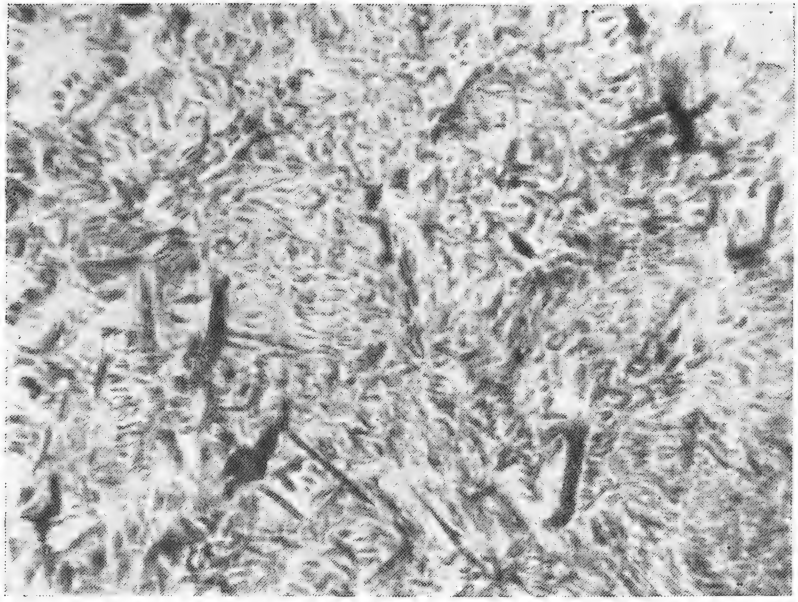


Рис. 14. Микроструктура термически обработанной стали при большом увеличении (напильник). Мартенсит. Ув. 600

Очень важным элементом технологии термообработки, говорящим о высокой технической культуре кузнецов, является дифференцированный подход к выбору режима закалки и отпуска, исходящего из технических условий изделия. К изделиям, подвергающимся ударным нагрузкам, как, например, топоры, применялся высокий отпуск. Бо́льшая часть изученных нами топоров имела закалку с высоким отпуском. Подвергались высокому отпуску также копья. Серпы и косы, а также ножницы подвергались среднему отпуску. Ножи в подавляющей массе закаливались без отпуска. Напильники в основной массе также только закаливались без последующего отпуска (рис. 14). Соответственно отпуску дифференцировалась на изделиях и мягкая закалка. Все указанные выше режимы полностью удовлетворяли условиям эксплуатации изделий.

Интересные замечания о термической обработке стали мы встречаем в древнерусских литературных памятниках. Русский книжник в XI веке писал: «Пещь искущает оцел во калении», то есть «печь отпускает каленую сталь». Перед нами предельно короткая древнерусская формула об отжиге стали. Наиболее интересна вторая рукопись. В сочинении «XIII слов Григория Богослова» говорится: «Донъждеже горить железо стоуденом да ся калить», то есть «отчего раскаленное железо холодом закаливается». Уже в X веке книжник задумывается над тем, что нагретое железо (сталь) после охлаждения закаливается, то есть приобретает новое, очень ценное свойство. Естественно, такой вопрос ему подсказала живая практика металлообрабатывающего ремесла, которое, как мы видели, в области термической обработки металла достигло высокого технического развития. Кстати, заметим, что вопрос книжника XI века о природе мартенсита, то есть закаленной стали, разрешен лишь в XX веке советским ученым членом корреспондентом Академии наук СССР Г. В. Курдюмовым.

РУССКАЯ ТЕХНИКА

Мы показали уровень развития техники производства древнерусских кузнецов. В IX—X веках вместе с развитием древнерусских городов, ставших местом средоточия ремесел и торговли, рождалась и развивалась новая техника обработки металлов. Развитие ремесла и его техники и в первую очередь техники металлообработки способствовало дальнейшему росту русских городов.

Археологические памятники IX—X веков показали нам технику обработки черного металла уже стоящей на высокой ступени развития, освоившей все основные технологические приемы ковки, сварки, паяния и термической обработки. Технический строй металлообрабатывающего и металлодобывающего производства, созданный русскими людьми в IX—X веках на базе местной многовековой технической культуры, стал основой русского металлообрабатывающего ремесла до середины XVII века, когда в русской промышленности стали зарождаться элементы новой, современной техники. Большинство видов и конструкций ос-

новных орудий труда земледельца и строителя и ремесленные инструменты, созданные в IX—X веках, дожили до современности.

Развитие техники в XI, XII и начале XIII века состояло в распространении новой технологии, в развитии городского ремесла, создании новых видов и конструкций орудий труда, оружия, инструмента. В XI — XII веках русские кузнецы изготовляли более 150 видов изделий из железа и стали. Развитие техники выражалось в широком внедрении железного и стального инвентаря в жизнь рядового жителя деревни и города и, наконец, в совершенствовании и более полном освоении отдельной технологии сварки, пайки и термической обработки. Кроме того, в это же время происходил процесс накопления опыта, знаний, процесс раскрытия новых свойств металлов и руд.

Техника обработки черного металла была общерусской и уже в X веке в одинаковой степени развитой как в городах Среднего Приднепровья и Смоленщины, так и в районах Верхнего Поволжья, Чудского озера и на других окраинах. Развитие техники вызывало широкую специализацию в городском ремесле. По нашему подсчету, в XI—XII веках среди городских ремесленников, занятых обработкой железа и стали, было не менее 16 различных специальностей. В товарных отношениях между городом и деревней первое место принадлежало городским ремесленникам по обработке железа и стали.

Техника металлообработки в древней Руси в X—XIII веках предстает перед нами с высокоразвитой технологией механической и тепловой обработки железа и стали, которой виртуозно владеют русские специалисты-кузнецы. Творческая мысль русских мастеров во всех областях металлургического и металлообрабатывающего производства не отставала, а в некоторых областях значительно опережала развитие техники в передовых странах Западной Европы.

Вместе со всеми русскими ремеслами металлургия и кузнечное дело в первой половине XIII века, накануне монгольского нашествия, разрушившего крупнейшие жизненные центры южной и восточной Руси, находились на очень высоком для того времени техническом и экономическом уровне.

С. А. ТАРАКАНОВА

ДРЕВНОСТИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

ВВЕДЕНИЕ
ПО СЛЕДАМ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА
О ЧЕМ ГОВОРЯТ КУРГАНЫ
КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ ПСКОВСКИЕ КУРГАНЫ
ПОСЕЛЕНИЯ КРИВИЧЕЙ
РЕМЕСЛЕННЫЙ ПОСЕЛОК КАМНО
ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ
КОСТЕРЕЗЫ
ЛИТЕЙЩИКИ И КУЗНЕЦЫ
ДРЕВНИЕ ХУДОЖНИКИ
ПСКОВ — ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ГОРОД
ПСКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ
ПСКОВСКИЕ ЖЕРТВЕННИКИ
ЖИЛИЩА

ВВЕДЕНИЕ

Пробегая между невысоких холмов и равнин, пересекая леса и болотистые низины, река Великая несет свои воды на север — в Псковское озеро, а оттуда, через Чудское озеро и реку Нарову, лежит прямой путь в Балтийское море. Этот путь, как наиболее удобное средство сообщения, был известен еще в древности, о чем свидетельствуют многочисленные находки арабских монет на берегах реки Великой и вокруг озер.

Земли, занимавшие бассейн реки Великой, вокруг Псковского озера и по восточному побережью Чудского озера, некогда принадлежали древнему Пскову. Псковская земля являлась северо-западной окраиной русских земель. К западу от нее, на территории современной Прибалтики, лежали земли древних эстов, ливов и летто-литовских племен.

Многочисленные археологические памятники Псковской земли: стоянки, курганы, городища, селища — говорят о густой заселенности этого края в древние времена. В данной статье рассматриваются главным образом памятники I тысячелетия н. э.

В дореволюционное время внимание археологов привлекали псковские курганы сравнительно позднего времени (XI—XIII веков), при раскопках которых можно было надеяться найти древние вещи, сохранившиеся в погребениях. Основной целью многих раскопок в то время и являлось собирание коллекций таких вещей. Курганы более древние, бедные вещами, раскапывались крайне редко. Древние псковские поселения совершенно не изучались.

За годы Советской власти археология превратилась в подлинную марксистско-ленинскую историческую науку. Советские археологи, производя раскопки древних погребений и поселений, не только глубоко изучают вещи, найденные при раскопках, но большое внимание уделяют и изучению самого памятника. Характер жилищ, планировка поселений, устройство курганов и других древних могил вместе с найденными при раскопках вещами являются прекрасным материалом, позволяющим на основе марксистско-ленинской методологии составить общее или более подробное представление об образе жизни людей, населявших территорию нашей Родины в далеком прошлом.

Широко развернувшиеся в советский период археологические исследования охватили и территорию древней Псковской земли. Из года в год археологи отыскивают псковские курганы и поселения, занося их на карту и описывая. Так удалось выяснить степень заселенности этой территории в древности.

Кроме разведок и описания памятников, началось и более глубокое их изучение путем раскопок. В этом отношении сделано меньше, чем предстоит сделать в будущем. Но и собранный материал позволяет осветить некоторые стороны жизни населения древней Псковской земли.

В буржуазной историографии было широко распространено мнение, что до X—XII веков население Псковской земли находилось в состоянии хозяйственной и культурной отсталости.

Результаты археологических раскопок, произведенных советскими археологами на этой территории, в частности в Псковской земле, опровергли утверждения буржуазных ученых и показали, что славяне в Псковской земле, как и в других восточнославянских землях, издавна обладали высокоразвитой материальной культурой, что блестящий расцвет ремесел, сельского хозяйства, зодчества и прикладного искусства в древнем Пскове был подготовлен успехами в развитии производительных сил с древнейших времен.

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Берега реки Великой были обитаемы еще в эпоху новокаменного века. На песчаной отмели реки, около деревни Большая Гоголевка, расположенной в 12 километрах выше города Пскова, можно заметить много мелких осколков кремня. Среди них попадаются и предметы, сделанные рукой человека: наконечники стрел, различные скребки, ножевидные пластинки и другие. Здесь была стоянка первобытного человека. В ту отдаленную от нас пору люди жили небольшими родовыми коллективами и сообща вели свое хозяйство. Несколько таких коллективов составляло племя. Главным занятием населения были охота и рыбная ловля, поэтому и стоянки располагались главным образом по берегам рек и озер.

Стоянки первобытного человека хорошо изучены во многих районах Советского Союза, но псковские стоянки еще никогда не раскапывались. Изучение их является очередной задачей советских археологов. На основании проведенных археологических обследований неолитические стоян-

ки известны, кроме Большой Гоголевки, у деревень Подмогилье, Струмницы, Бадухино, на речке Кудепи и на берегу озера Белая Струга.

Найдены и отдельные вещи, указывающие на пребывание в этих местах первобытного человека. При раскопках в псковском кремле были найдены кремневый наконечник стрелы, каменные сверленные топоры и фрагменты глиняной посуды с орнаментом из круглых ямок и отпечатков гребенчатого штампа. Так украшали свою посуду люди каменного века.

Конечно, стоянка вряд ли находилась на территории самого псковского кремля, который занимает высокий скалистый мыс, образуемый слиянием рек Псковы и Великой. Вероятно, вещи попали сюда из близлежащей стоянки, расположенной на самом берегу реки Великой.

Каменные сверленные топоры были найдены и на городище Турова Гора, расположенном вблизи реки Великой, в 30 километрах ниже города Острова.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ КУРГАНЫ

Проезжая или проходя по Псковской области, наблюдательный человек невольно обратит внимание на часто встречающиеся здесь невысокие земляные холмики. Это курганы, в которых погребали умерших.

В соответствии с языческими верованиями вместе с умершими в могилу клались орудия труда, оружие, утварь и другие вещи, сопровождавшие их при жизни. Особенности погребального обряда и инвентаря, форма и размеры могил были различными для разных социальных слоев населения и менялись исторически в соответствии с изменением социально-экономической структуры общества.

Поэтому погребальный инвентарь и обряд погребения, формы и размеры могил при изучении их в соответствии с научной методологией могут служить ценным историческим источником для изучения материальной и духовной культуры древних обществ.

Псковские курганы не только многочисленны, но и разнообразны по своей форме. Многие из них, как и поселения, относятся к I тысячелетию н. э.

Вот перед нами земляная насыпь, похожая на вал. Высота таких насыпей обычно составляет 1,5 метра, длина 20—25 метров при ширине от 6 до 10 метров. Но есть насыпи длиной 40—60 метров и более. Неопытному взгляду эти насыпи могут показаться остатками каких-то укреплений. Но это не укрепления, а древнейшие псковские курганы. За их длинную в виде вала форму они получили в археологии название длинных курганов.

Если начать бессистемно раскапывать длинный курган, то в нем, кроме земли, ничего не найдешь. Но советские археологи разработали особый метод раскопок таких курганов.

Прежде чем начать раскопки кургана, тщательно измеряют его высоту, длину и ширину. Затем составляют план кургана, зарисовывают и фо-

тографируют его вид и после этого приступают к раскопкам. Первоначально удаляют всю растительность с поверхности кургана: траву, кусты, иногда большие деревья.

Перед нашим взором курган предстает таким, каким он был во время его сооружения.

А сооружались длинные курганы очень тщательно. Склоны их хорошо выравнивались, углы немного закруглялись. Вокруг основания кургана проходил небольшой ровик (канавка), со временем сильно заплывший. Из этого ровика бралась земля для части курганной насыпи. Остальную землю приносили со стороны.

Иногда в песчаных насыпях длинных курганов встречаются различные каменные кладки. В одном случае ряд камней проходит вокруг основания кургана под его насыпью, в другом — камни образуют различные группы в самой насыпи. Часть таких каменных кладок имела, по всей вероятности, конструктивное значение, придавая кургану бóльшую прочность. В других случаях каменные кладки имели ритуальное значение. Например, в одном длинном кургане близ города Печоры Псковской области было обнаружено каменное кольцо диаметром 1 метр, выложенное из редко расставленных валунных камней, в середине которого находилось погребение остáтков трупосожжения. В длинном кургане близ деревни Лосицы Лядского района Псковской области большая куча булыжных камней, сложенных пирамидой, прикрывала остатки трупосожжения.

Очистив курган от растительного покрова, разделяют его сообразно размерам на равные участки, после чего начинают раскопки кургана с его гребня, оставляя в каждом участке три стенки или профиля (вертикальные разрезы насыпи кургана), по которым можно видеть, каким образом насыпался курган и нет ли в нем перекопов, произведенных в более позднее время.

Во время раскопок кургана археологи внимательно следят за структурой насыпи.

Вот в одном месте на чистом желтом песке показалось пятно темной земли. Это пятно представляло собою не что иное, как погребение остатков трупосожжения. Умерший был сожжен где-то в стороне от кургана, а собранные остатки трупосожжения были погребены в курганной насыпи.

Немного поодаль от первого погребения вновь показывается темное пятно в желтом песке. Расчистка этого погребения вскрывает некоторые его особенности. Здесь собранные остатки трупосожжения помещаются не прямо в насыпь кургана, а лежат в урне — глиняном горшке, который и был закопан в курган. Часть содержимого урны во время ее засыпки, видимо, рассыпалась и образовала темное пятно, хорошо отличимое от желтой песчаной насыпи кургана.

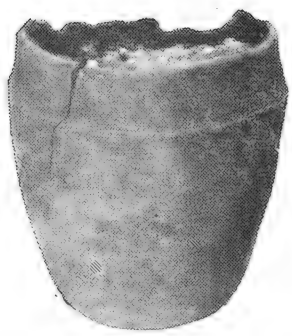
Положение урны в кургане бывает самое различное. Это говорит о разнообразии форм погребального обряда.

Продолжая раскопки кургана дальше, встречаем в различных частях курганной насыпи разбросанные мелкие угли, а иногда и непережженные

кости животных. Это остатки погребальной тризны, которую совершали здесь родственники умершего.

Наконец, в самом основании курганной насыпи, на поверхности материковой земли, то есть на земле, не тронутой рукой человека, мы видим опять большое темное пятно земли, а в нем мелкие угольки и много пережженных костей. Их набралося не один килограмм. Здесь имеются остатки не одного, а нескольких сожженных трупов.

Просматривая темную землю этого погребения, делаем интересные находки. Вот несколько бусин из голубого и синего стекла. Некоторые из них оплавились в огне. А вот маленькие выпуклые медные бляшки, служившие украшением одежды. Здесь же найдены железные четырехугольные пряжки от пояса, маленький железный ножик.



Погребальная урна из длинного кургана (первые века н. э.)

Эти вещи, иногда сильно попорченные огнем, помогают археологам определить характер погребения. В данном случае, как мы уже сказали, погребены остатки не одного трупосожжения, а нескольких: мужчины и женщины, может быть и не одной женщины.

В ту пору, когда сооружались длинные курганы, у населения этой территории существовал обычай сжигать вместе с умершим мужчиной, занимавшим видное положение среди членов патриархально-семейной общины, его жену, а может быть и наложниц. Много веков спустя такой обычай видел и описал арабский путешественник Ибн-Фадлан, побывавший в IX веке на Средней Волге. Умершего богатого руса, рассказывает Ибн-Фадлан, одели в богатые одежды и посадили в ладью, которую поставили на большой, сооруженный для этой цели костер. Вместе с умершим положили его оружие, различные бытовые вещи, пищу и девушку-рабыню, которую предварительно перед тем умертвили. Затем все это предали огню.

Как установили советские археологи, обычай сжигать вместе с умершим мужчиной женщин существовал, начиная со II—III веков н. э. В это время сжигали женщин вместе с мужчинами, однако далеко не во всех случаях. Такой обряд погребения применялся только в отношении наиболее знатных и богатых членов рода, что свидетельствует о процессе разложения первобытно-общинных отношений.

Посмотрим теперь на профили кургана. По ним хорошо видно, как полоса темной земли в 15—20 сантиметров проходит в основании всей насыпи кургана. Если внимательно рассмотреть горсть такой земли, то в ней можно заметить мелкие угольки и примесь золы. Ни пережженных костей, ни вещей в такой земле не встречается. Этот темный слой не представляет собой остатков трупосожжения. Он образовался от выжигания площадки местности, где насыпан курган. Для костров в данном случае употреблялись сучья деревьев.

Длинные курганы, как правило, насыпались на сухих возвышенных местах. Выжигание участка земли под курган имело ритуальное значение. В ту пору люди верили в очистительную силу огня. Сжигая своих умерших, они стремились таким путем, с одной стороны, освободить их от всех земных пороков, а с другой — оградить их посредством огня в будущей загробной жизни от предполагаемых многочисленных врагов. Люди верили, что огонь в своем пламени переносит умерших в загробный мир.

Очистив огнем участок земли, насыпали на нем курган. Но насыпать курган длиной хотя бы 20—25 метров при высоте 1,5 метра и ширине 6—10 метров было делом нелегким и совершенно непосильным для одного человека или маленького коллектива людей. При этом необходимо учитывать, что в курганных насыпях иногда встречаются очень крупные валунные камни. Поэтому длинные курганы насыпались силами всей первобытно-семейной общины и являлись усыпальницами такой общины.

Иногда курганы строились заранее. Часть из них осталась неиспользованной. При раскопках таких курганов погребения не встречаются.

В дореволюционное время несколько длинных курганов было раскопано колодцами и траншеями, поэтому и нельзя было составить полное представление об этих памятниках. Советские археологи раскапывают длинные курганы целиком, на снос. Это дает возможность тщательно проследить обряд погребения в этих курганах.

Длинные курганы располагаются как в одиночку, так и небольшими группами в три — пять, реже десять и более насыпей. Величественное зрелище представляет собой группа длинных курганов в количестве двадцати одной насыпи, которые вперемежку с круглыми курганами вытянулись узкой полосой вдоль восточного берега Псковского озера, в урочище Совий Бор. Но эта группа курганов по своей величине является исключительной.

Каждая группа длинных курганов принадлежала одному роду, а все известные нам длинные курганы — одному племени или одному племенному объединению.

Наблюдая распространение длинных курганов, мы можем сказать, какую территорию занимало племенное объединение, погребавшее своих умерших в этих курганах.

Длинные курганы особенно часто встречаются в верховьях и по среднему течению реки Великой, вокруг Псковского озера, по восточному побережью Чудского озера, в бассейне реки Плюссы и в верховьях Днепра (район Смоленска). Отдельные насыпи длинных курганов известны и за пределами очерченной территории, в частности на Верхней Волге.

Изучение длинных курганов показывает, что в древности погребальные обряды отражали в известной степени общественно-экономическую жизнь населения. Рассматривая другие группы псковских курганов, мы убеждаемся в этом еще больше.

Приблизительно в V—VI веках н. э. на территории будущей Псковской земли появляется новая форма курганов, несколько напоминающая длинные курганы. Это так называемые удлиненные курганы.

Если длинные курганы по своей форме очень однообразны, то этого нельзя сказать про курганы удлиненные. Чаще всего удлиненные курганы встречаются четырехугольной и овальной формы. Четырехугольные курганы по внешнему виду похожи на длинные курганы. Они имеют в длину 10—12 метров при 6—8 метрах ширины и 1—1,5 метра высоты. Удлиненные курганы овальной формы по своему виду более резко отличаются от длинных курганов.

При раскопке удлиненных курганов четырехугольной и овальной формы, мы можем наблюдать такую же картину погребений, как и в длинных курганах, с одним весьма существенным отличием: удлиненные курганы, как правило, содержат не несколько, как это мы наблюдали в длинных курганах, а одно захоронение остатков трупосожжения. Это свидетельствует о больших изменениях, происшедших в общественном развитии: о распадении большой патриархальной семейной общины и экономическом обособлении малой семьи в процессе роста частной собственности.

Обычай погребений в удлиненных курганах держится до VIII—IX веков н. э. и затем заменяется обрядом захоронения в круглых курганах. При этом сохраняются все прежние формы погребального обряда: трупосожжение, произведенное на стороне, погребение остатков трупосожжения непосредственно в насыпи кургана или в урнах и т. д.

Принятие в 988 году христианства на Руси резко повлияло на погребальную обрядность. Церковь осуждала трупосожжение. И вот, начиная с XI века, повсюду распространяется новый обряд погребения. Но старая, языческая обрядность исчезает не сразу. Умерших попрежнему хоронили в круглых курганах, в насыпях которых часто встречаются мелкие угольки — признак очистительных костров. Трупы клали на поверхность земли, иногда на зольно-углистой прослойке, и над ними насыпали курган.

К умершему ставили горшок с пищей, клали оружие и другие предметы труда. Верили, что в загробной жизни умершему понадобится все то, чем он пользовался в жизни земной. Голова, шея, руки умерших, особенно женщин, украшались височными кольцами, ожерельями из бус, браслетами и перстнями.

Височные кольца Псковской земли, которые женщины прикрепляли к волосам, были похожи на браслеты, сделанные из тонкой медной проволоки. Ожерелья состояли из разноцветных стеклянных и пастовых бус, среди которых чаще всего встречались бусы с позолотой. Браслеты носили широкие, пластинчатые, несомкнутые, украшенные различным орнаментом, а также витые из проволоки браслеты с петлями на концах. Одежда застегивалась пряжками различной формы.

Благодаря этому археологам удалось установить основные черты костюма населения того времени, особенно женского костюма, который

был у разных племен и народов нашей Родины различным. Учитывая особенности костюма, можно проследить, какую территорию занимало то или иное племя или целая этническая группа населения. Кроме того, по составу вещей, находимых при погребениях, можно проследить признаки экономического неравенства среди населения. Самый же характер вещей, особенно техника их изготовления, свидетельствует о развитии различных отраслей ремесла, а находки серпов, рабочих топоров и огнива указывают на роль земледелия в хозяйстве и на высокий уровень развития его.

С течением времени в курганные погребения с трупоположением вносятся некоторые изменения. Умершего кладут уже не на поверхность земли, а в грунтовую яму. В XV веке курганы совсем исчезают и захоронения производятся в грунтовых могильниках.

В Псковской земле, как и в соседней Новгородской, одновременно с погребением трупов под курганными насыпями существовал обычай погребать умерших в грунтовых ямах, обложенных сверху кольцом, овалом, реже четырехугольником из крупных булыжных камней. Такие могилы известны в археологии под названием жальников.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ ПСКОВСКИЕ КУРГАНЫ

Мы познакомились с различными псковскими курганами: длинными, удлиненными, круглыми с трупосожжением и круглыми с трупоположением. Кому принадлежали эти памятники?

В дореволюционной литературе, особенно краеведческой, не раз высказывалось мнение о том, что Псковская земля в древности была заселена неславянским населением. При этом обычно ссылались на два факта: во-первых, в этом крае встречаются названия поселений и рек неславянского происхождения, во-вторых, в псковских курганах встречаются иногда неславянские вещи.

Письменных источников по древнейшей истории Псковской земли не имеется, поэтому разрешить вопрос о том, кто населял эту землю в далеком прошлом, можно только на основании археологических материалов. Изучая древние памятники Псковской земли, советские археологи сумели разрешить этот весьма трудный вопрос и доказать, что славяне жили в Псковской земле с глубокой древности.

Но как же обстоит дело с названием рек и поселений? Действительно, среди них можно отметить названия как славянского, так и неславянского происхождения.

Топонимика Псковской земли еще не изучена, поэтому нельзя и пользоваться ею при решении вопроса об этническом составе населения. Неизвестно, например, когда здесь появились те или иные названия поселений, рек и местностей. В настоящее время только в отношении отдельных случаев можно учитывать данные топонимики. Так, на южном побережье Псковского озера имеется селение с названием Кривовицы. Из сообщений древнерусских летописей нам известно, что одно из наи-

более крупных племенных объединений восточного славянства называлось кривичами. Название селения Кривовицы напоминает нам о пребывании здесь когда-то кривичей.

Но обратимся к археологическому материалу. Возьмем длинные курганы. Если мы посмотрим на современные им погребальные памятники, находящиеся на территории Прибалтики, то увидим, что последние очень резко отличаются от длинных курганов своим внешним видом, обрядом погребения и характером вещей, находимых в погребениях. Древние эсты в I—V веках н. э. погребали своих умерших в каменных могилах. У летто-литовских племен в это время существовал обряд захоронения трупов в больших круглых курганах. В одном таком кургане встречается несколько захоронений.

Длинные курганы отличаются по внешнему виду и от погребальных памятников, расположенных к востоку от них, в Новгородской земле. Там имеются большие высокие круглые курганы, которые называются сопками. Но различие между длинными курганами и сопками заключается только в их форме, обряд же погребения в тех и других одинаков. Следовательно, длинные курганы и сопки принадлежали родственным группам населения.

По свидетельству древнерусских летописей, вокруг озера Ильмень и на всей территории распространения сопок, как это устанавливает археология, жили ильменские, или, как еще их называли, новгородские, славяне.

Разница между длинными курганами и погребальными памятниками Прибалтики того времени настолько велика, что ни о какой родственной близости между племенами той и другой территории не может быть и речи.

Удлиненные курганы, а также курганы круглые с трупосожжением и трупоположением распространены на той же территории, что и длинные курганы. Более того, длинные, удлиненные и круглые курганы очень часто встречаются в одной курганной группе, хотя они и различны по времени. Это указывает на глубокие традиции местного населения — хоронить своих умерших в течение многих веков на одном и том же кладбище. А такие традиции могут жить только у населения этнически однородного. Да и формы погребального обряда, при изменении внешних форм курганов, в течение многих веков были устойчивыми: трупосожжение в стороне от курганов, погребение в урнах и т. д.

Древнерусские летописи, описывая славянские племена на территории Восточной Европы, сообщают, что в верховьях Волги, Западной Двины и Днепра жили кривичи. Главным городом их являлся древний Смоленск. Близ Смоленска, у села Гнездова, имеется огромный курганный могильник с трупосожжением, датируемый IX—XI веками н. э. Псковские круглые курганы с трупосожжением имеют такое же устройство и формы погребального обряда, как и гнездовские курганы.

Конечно, древний летописец, составляя в начале XII века «Повесть временных лет», многого и не мог знать о кривичах. Он записал о них

только те сведения, которые дошли до него каким-то образом от IX—X веков. Кривичи же, как это установлено на основании изучения территории распространения кривичских курганов, занимали очень обширную территорию, в состав которой входила и древняя Псковская земля.

Изучение длинных, удлиненных и круглых курганов древней Псковской земли убеждает в том, что все эти памятники принадлежали одной этнической группе населения, жившей в этом крае уже в первых веках нашей эры, что это население было славянским, известным по древнерусским летописям под именем кривичей.

Вещи (предметы украшения и принадлежности одежды) в псковских курганах с трупоположением также славянские. Изредка среди них встречаются и неславянские вещи, что свидетельствует лишь о культурных связях славян с соседями.

ПОСЕЛЕНИЯ КРИВИЧЕЙ

Мы познакомились с погребальными памятниками кривичей. А где же жили кривичи?

Изучение поселений древних славян является одним из достижений советской археологической науки. В результате изучения этих памятников удалось выяснить многие вопросы экономической жизни, общественного устройства и быта восточных славян.

Древние псковские поселения по своему характеру делятся на две группы: неукрепленные поселения — селища и укрепленные поселения — городища.

При патриархально-родовом строе, когда между отдельными родами часто происходили военные столкновения, каждый род жил в укрепленном поселке — городище. Для устройства городища обычно выбирался береговой мыс реки или озера, который отгораживался с напольной стороны валом и рвом. Иногда вал проходил вокруг всей площадки городища, а по гребню вала шел деревянный частокол. Общая площадь таких родовых поселков составляла не более 2—3 тысяч кв. метров. Здесь располагались жилые и хозяйственные постройки, загоны для скота. Хозяйство велось коллективно.

Характеризуя первобытно-общинный строй, И. В. Сталин писал: «Общий труд ведет к общей собственности на средства производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплоатации, нет классов» [1].

Родовые укрепленные поселки иногда располагались близко один от другого. Такой именно характер и топографию древних городищ можно наблюдать на Верхней Волге, где во второй половине I тысячеле-

[1] Краткий курс истории ВКП(б), 1945, стр. 119.

тия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. население жило небольшими родовыми группами [1].

В Псковской земле в I тысячелетии н. э. тип поселения был иной. Основная масса населения здесь жила не в городищах, а в селищах.

Изучение селищ представляет значительные трудности, особенно трудно их отыскание. Селища не имеют никаких внешних признаков, и обнаруживают их только по обнажениям культурного слоя.

На каждом поселении образуется культурный слой. Угли, зола, кости животных и рыб, обломки посуды, выброшенные негодные вещи или просто утерянные — все это постоянно оседает в земле. В земле сохраняются в какой-то степени остатки жилых и хозяйственных построек. Все это вместе взятое и образует культурный слой, который благодаря примеси в нем органических остатков и углей обычно имеет темный или даже черный цвет, выделяясь среди естественного грунта.

Мощность культурного слоя во многом зависит от длительности существования того или иного поселения. Обнаружить культурный слой селища можно либо в береговых обнажениях, по стенкам каких-либо ям, или на поверхности пашни с супесчаной и суглинистой почвой, когда темное пятно культурного слоя заметно для глаза.

Некоторые древние псковские селища и были обнаружены таким образом. Одно из них известно у деревни Покрутище на реке Великой. Здесь в обнажениях берега реки прослежен культурный слой с лепной керамикой. Большинство псковских селищ нам еще не известно. Часть из них погибла для науки вследствие постоянной распашки, а многие сохранившиеся должны еще быть исследованы. Разыскание и раскопки псковских селищ являются очередной задачей советских археологов.

Но если псковские селища еще мало известны, то почему мы говорим, что они являлись основным типом поселения славян-кривичей? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно рассмотреть, что представляют собою псковские городища.

В отличие от селищ городища отыскиваются сравнительно легко. По обследованию псковских городищ советские археологи провели большую работу. Но оказалось, что древних городищ в Псковской земле мало. На восточном побережье Псковского и Чудского озер известны только два городища.

Одно из них находится на берегу речки Толбы, впадающей в Псковское озеро. Городище расположено близ деревни Большое Крюково на береговом мысу и отгорожено от плато двумя валами и рвом между ними.

Другое городище расположено на восточном побережье Чудского озера, близ деревни Луневщина. Оно занимает очень высокий мыс, обращенный острым углом к озеру, и имеет крутые склоны. Площадка горо-

---

[1] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 5. М.—Л., 1941.

дища занимает около 2500 кв. метров. С напольной стороны городище отделяется глубоким рвом и высоким валом.

Два-три древних городища известны и на западном побережье Псковского озера. В бассейне среднего течения реки Великой имеется одно городище у деревни Турова Гора. Склоны его очень крутые, искусственно обработанные, но вала и рва нет. Другое городище расположено на реке Сороти, правом притоке Великой. Оно находится рядом с селом Михайловским — Пушкинским заповедником Академии наук СССР — и известно под названием Савкина Гора.

Как видим, древние городища на Псковской земле расположены очень редко. Но и из этих городищ не все являлись поселениями, так как на них отсутствует культурный слой. Совсем не имеет культурного слоя городище у деревни Луневщина. На городище у деревни Большое Крюково культурный слой светлосерого цвета с вкраплением мелких углей составляет не более 10 сантиметров. Эти городища были не поселениями, а только временными убежищами, где в периоды военной опасности спасалось население окрестных селищ. Крайне редкое расположение городищ-поселений, какими, например, являются городища Турова Гора или Савкина Горка, также говорит о том, что основная масса населения жила в открытых поселках.

Но почему же население предпочитало жить в неукрепленных поселках? Не надежнее ли было постоянно укрываться за высокими валами и глубокими рвами городищ?

Изучая древние городища и селища лесной полосы Восточной Европы, археологи убедились в том, что тип поселения во многом зависит от характера хозяйства.

Когда люди жили небольшими родовыми коллективами и селились в укрепленных поселках — городищах, основу их хозяйства составляли скотоводство и подсечное земледелие. Главным богатством населения являлись стада животных. Охота и рыболовство играли в хозяйстве подсобную роль. Укрыть стада животных за валами городищ было вполне возможно. При изучении древних городищ археологи открывают в них загоны для скота.

По мере роста производительных сил основой хозяйства становится пашенное земледелие. Посевы составляют основное богатство населения и нуждаются в постоянном наблюдении и охране.

Жить на городищах, вдали от посевов, неудобно. Пренебрегая личной безопасностью, население ставит свои неукрепленные поселки вблизи участков, удобных для земледелия.

Интересно отметить, что многие древние псковские поселения располагались там же, где находятся и современные деревни.

Псковские селища, являясь основным типом поселения славян-кривичей, могли возникнуть только в то время, когда пашенное земледелие в хозяйстве населения этого края приобрело решающее значение.

Ученые дореволюционного времени считали, что славяне начали заниматься земледелием довольно поздно и долгое время оно не играло

решающей роли в их хозяйстве. Историк Рожков утверждал, что даже во времена Киевского государства основным занятием населения являлось не земледелие, а различные промыслы.

Советские археологи сумели неопровержимо доказать, что славяне занимались земледелием еще в первые века нашей эры.

Правда, по мнению некоторых археологов, северные группы восточного славянства в своем общественно-экономическом развитии значительно отставали от славян Приднепровья. Но изучение археологических памятников Псковской земли показало, что такой взгляд является ошибочным. Хотя общественно-экономическое развитие славянских племен и проходило неравномерно, однако резкой разницы в уровне развития производительных сил между южными и северными группами восточного славянства не было. Культура восточнославянских племен в I тысячелетии н. э. была очень высокой. На ее основе выросла блестящая культура Киевской Руси.

Земледелие в одинаковой степени играло решающую роль в хозяйстве и у славян, занимавших плодородные земли юга, и у славян, заселявших подзолистые почвы севера. У тех и других основным типом поселения являлись селища, а городища играли роль лишь временных убежищ и ремесленных центров.

Значение земледелия в хозяйстве северных групп восточного славянства подтверждается и находками хлебных зерен, серпов и жерновов при раскопках некоторых псковских городищ, в культурных их слоях первой половины I тысячелетия н. э. Здесь же найдены предметы ремесленного производства высокой техники. Об этих городищах будет рассказано ниже.

РЕМЕСЛЕННЫЙ ПОСЕЛОК КАМНО

В 8 километрах северо-западнее Пскова, среди огромного известнякового массива, берет свое начало река Каменка — левый приток Великой, впадающая близ ее устья.

Начинаясь двумя истоками, пробегающими по дну глубоких оврагов, и огибая с двух сторон высокий каменистый мыс, вначале довольно широкий, а потом все более и более суживающийся, Каменка соединяется в одно русло и течет далее широкой полноводной рекой среди высоких каменистых берегов. Общая протяженность реки составляет не более 10 километров.

На самой оконечности мыса, огибаемого двумя истоками Каменки, расположено городище Камно. Это название городище получило от соседнего с ним погоста Камно — древнего псковского поселения, о котором имеются указания в Псковской летописи, начиная с XIII века.

Городище отделяется от плато высоким валом и глубоким рвом. Площадка его овально вытянутой формы занимает около 3600 кв. метров.

В 1948, 1949 и 1951 годах археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР при участии

Псковского областного краеведческого музея производила раскопки на этом городище. Вскрыто 288 кв. метров культурного слоя на площадке городища и изучен городищенский вал.

Культурный слой на городище Камно оказался очень мощным (от 1 до 1,2 метра толщиной), богато насыщенным различными находками.

На основании характера керамики и находок отдельных вещей удалось установить, что население на месте городища Камно существовало непрерывно тысячу лет — с начала нашей эры до XI — XII веков, когда оно переселилось на соседний погост Камно. Раскопки на погосте Камно показали, что поселение здесь возникло не ранее XI века.

Культурный слой на городище снимался пластами по 20 сантиметров толщиной. Всего на раскопке вынуто было пять, а в некоторых местах и шесть пластов культурного слоя. Первым пластом считался верхний, где проходил слой XI — XII веков. Наиболее древними были нижние пласты — пятый и шестой.

Интереснейшая картина открылась перед участниками раскопок этого городища. Материал раскопок рассказал нам о характере хозяйства, культуре и быте обитателей этого поселения.

В четвертом и пятом пластах культурного слоя были найдены зерна мягкой пшеницы, двурядного ячменя и гороха. Вместе с ними найден был обычный сорняк яровых посевов — подмаренник. Эти находки доказывают, что земледелие в хозяйстве обитателей городища занимало видное место еще в первые века нашей эры.

Во всех пластах культурного слоя, кроме первого, были найдены жернова ручных мельниц: пять целых кругов и шестнадцать обломков. Скопление этих находок на отдельных участках раскопок можно объяснить тем, что жернова вырабатывались здесь мастерами-каменотесами для всего поселка, а может быть, и для окрестных селищ, и многочисленные обломки их являются браком, отходом производства при выработке жерновов. Это предположение подтверждается находкой полуобработанного круга жернова.

При раскопках городища было найдено много костей домашних и диких животных. Изучение этого материала позволило составить представление о животноводстве и охоте населения городища.

Собранные кости домашних животных очень ярко характеризуют состав стада, первое место в котором занимала свинья, а затем крупный и мелкий рогатый скот. Четвертое место принадлежало лошади. Таким образом, выяснилось, что жители городища имели развитое для того времени животноводство.

Содержание скота у обитателей городища Камно было стойловым, для чего производилась заготовка кормов. В раскопках найдена железная коса. Все это указывает на интенсивный характер сельского хозяйства и косвенно говорит о том, что земледелие могло быть пашенным уже в раннем периоде существования городища.

Охота имела меньшее значение в хозяйстве, чем животноводство. Состав костей диких животных дает представление о древнем ландшафте

местности, в районе которой находится городище. В настоящее время эта местность представляет собою совершенно безлесную, слегка всхолмленную равнину. В древности здесь были большие леса, в которых население охотилось на зверя и птицу. В реке водились бобры. В раскопках найдены кости лося, бобра, северного оленя, медведя, кабана, лисицы, барсука и зайца.

Способы охоты были очень разнообразны. На крупного зверя — лося, медведя — охота производилась, судя по этнографическим данным, способом загона. В такой охоте участвовал коллектив охотников. На мелкого зверя охотились с помощью лука, стрел и гарпунов. В раскопках найдены костяные и железные наконечники стрел, гарпун.

При охоте на птицу использовались манки, сделанные из трубчатых костей птиц. Употреблялись и перевесья — особые сетки на деревьях; изображение перевесья имеется на одной каменной плитке, найденной при раскопках.

Кроме костей животных, найдено много костей рыб и в особенности рыбьей чешуи. Имеются кости щуки, окуня, сома, леща, синца, жереха, красноперки, плотвы, карася, линя. Все эти рыбы, за исключением синца, водятся в реке Великой и Псковском озере и в настоящее время.

Весьма интересны данные о размерах рыб, вылавливавшихся в то время. Щуки иногда попадались длиной свыше 2,5 метра. Окуни по сравнению с современными также были более крупными, длиной 25—30 сантиметров. Сомы встречались длиной до 2 метров 30 сантиметров. Средняя длина сомов колебалась от 1 метра 30 сантиметров до 1 метра 50 сантиметров.

Рыбу ловили сетями, неводами, на крючки и блесны, били острогами и гарпунами. При раскопках найдены каменные грузила и железные рыболовные крючки.

Земледелие, скотоводство, охота и рыбная ловля были присущи не только хозяйству обитателей городища. С полным основанием мы можем сказать, что эти отрасли хозяйства в такой же форме были известны и на всей остальной территории древней Псковской земли. Городище Камно выделяется среди многих древних псковских поселений высокоразвитым ремесленным производством.

Изучая ремесленные изделия, найденные на городище, можно сказать, что городище Камно являлось одним из ремесленных центров среди окрестных открытых поселений.

ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Что же изготовляли ремесленники Камно?

Мы уже говорили, что каменные жернова для ручных мельниц изготовлялись на городище Камно не домашним способом, а мастерами-каменотесами. Другие изделия из камня с еще большей убедительностью доказывают, что камнеобрабатывающее дело находилось в руках опыт-

ных людей. Находки многочисленных каменных пряслиц свидетельствуют, что они вырабатывались не только вручную, но и обтачивались на токарном станке. Это указывает на широкое развитие прядения, а вместе с ним и ткачества. Остается невыясненным, что служило сырьем для пряжи — растительное волокно или шерсть, но, судя по находкам костей мелкого рогатого скота, можно думать, что была и шерстяная пряжа.

КОСТЕРЕЗЫ

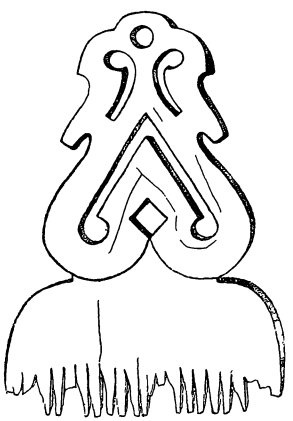
Изделия из кости, найденные на городище, очень своеобразны. Имеются различные костяные проколки, булавки и иглы, изготовленные из костей лося или лошади. Некоторые иглы изготовлялись из рыбьих костей. Найдены также и костяные наконечники стрел.

Все эти примитивные костяные изделия изготовлялись домашним способом, и они ни в какой степени не характеризуют развития ремесла на городище. Такого рода предметы встречаются при раскопках и более поздних памятников, в частности при раскопках древнерусских городов.

Вместе с этими вещами в раскопках были найдены вещи, свидетельствующие о том, что костерезное ремесло на городище достигло очень высокого развития и выполнялось опытными мастерами, знавшими различные способы обработки кости.

Материалом для выработки костяных изделий служили трубчатые кости животных и рога лося. Из рогов изготовлялись более сложные вещи.

Кости прежде всего раскалывались вдоль и очищались от губчатых частей. Иногда кости дробились на тонкие длинные части, из которых изготовлялись костяные наконечники стрел. В раскопках найдено много дробленых костей.



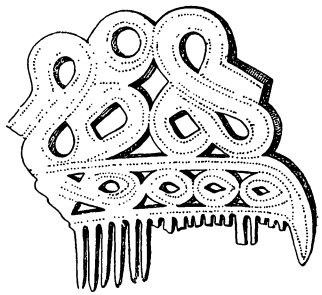
Костяной гребень (середина 1 тысячелетия н. э.)

Рога лося и кости перед обработкой предварительно распаривались. В костерезном деле применялись ножи, сверла, пилы. Часть вещей обрабатывалась на токарном станке.

Некоторые костяные вещи, найденные на городище, свидетельствуют о высоком мастерстве и художественном вкусе ремесленников. Среди таких вещей имеется обломок костяной пряжки с ажурной резьбой. Прежде считали, что искусство ажурной резьбы по кости было известно у славян с IX—X веков. Ажурная костяная пряжка на городище Камно найдена в культурном слое, датируемом первой половиной I тысячелетия н. э. Следовательно, ажурная резьба по кости была известна славянам издавна.

Особенно интересны два костяных гребня,

найденных при раскопках городища. Высокие закругленные спинки этих гребней украшены ажурной резьбой; зубья прорезаны пилой. Высота одного гребня 6 сантиметров, другого —9. На спинке каждого гребня имеется стилизованное изображение двух лебедей, смотрящих в разные стороны. У лебедей второго гребня совершенно отчетливо выражены длинные клювы и хвосты, завернутые кольцом. Сквозные отверстия, подчеркивающие изображения лебедей, вырезаны очень тщательно, хотя в расположении самих птиц, как и кольца, соединяющего их го́ловы, не наблюдается строгой симметрии. Кроме ажурной резьбы, очертания лебедей подчеркивает резной орнамент, различный на каждой стороне гребня. На одной стороне ободок гребня украшен переплетающимися волнистыми линиями, изображающими воду; по ней плывут лебеди. На другой стороне на ободке гребня имеется орнамент из двух ломаных линий, изображающих холмы или горы. Резные очертания лебедей на этой стороне гребня более угловаты. Этот гребень найден в четвертом пласте культурного слоя и датируется серединой I тысячелетия н. э.



Костяной гребень (середина 1 тысячелетия н. э.)

На втором гребне изображение лебедей еще более стилизовано, чем на первом. Клювы их сильно вытянуты, хвосты подняты и соединяются, образуя конусовидную фигуру. Ажурная резьба на этом гребне выполнена очень тщательно. В расположении птиц имеется полная симметрия. Резной орнамент на этом гребне отсутствует, за исключением линии, отделяющей ободок гребня от фигур лебедей. Этот гребень также датируется серединой I тысячелетия н. э.

Костяная подвеска-уточка, найденная в пятом пласте культурного слоя, представляет образец скульптурной резьбы по кости. Она вырезана из рога, вероятнее всего ножом, очень искусно. Поверхность фигурки тщательно обстругана; рельефно обозначена голова птицы.

Еще искуснее обработана костяная булавка с птичьей головкой, найденная во втором пласте культурного слоя. Булавка вырезана из рога, а острие ее, круглое в сечении, хорошо обстругано, все следы срезов почти полностью сглажены. Головка булавки отчетливо передает изображение птицы. Сквозное отверстие для подвешивания, изображая глаз птицы, удачно подчеркивает очертание головы.

ЛИТЕЙЩИКИ И КУЗНЕЦЫ

Уровень развития производительных сил того времени наиболее ярко характеризуется состоянием литейно-кузнечного ремесла. Среди других ремесел городища Камно оно занимало ведущее место.

При раскопках найдены предметы литейного производства: метал-

Льячки и тигелек

лический шлак, куски болотной руды, тигли, льячки, каменные литейные формочки.

Тигли представляют собой глиняные сосудики цилиндрической формы высотой 4—5 сантиметров, диаметром 3—3,5 сантиметра, с круглым дном и треугольной, несколько суженной по сравнению со стенками горловиной. Такая форма горловины удобна при выливании из тигля расплавленного металла. Четырнадцать тиглей, целых и в обломках, найдены на городище. Имеются тигельки и меньших размеров, высотой 3,5 сантиметра, диаметром 2,5 сантиметра, с круглой горловиной. Внешние стенки тигельков сильно ошлакированы; внутри их заметны следы металла.

В тиглях плавили мелкие кусочки уже готового металла, предназначенного для отливки в каменных литейных формочках украшений.

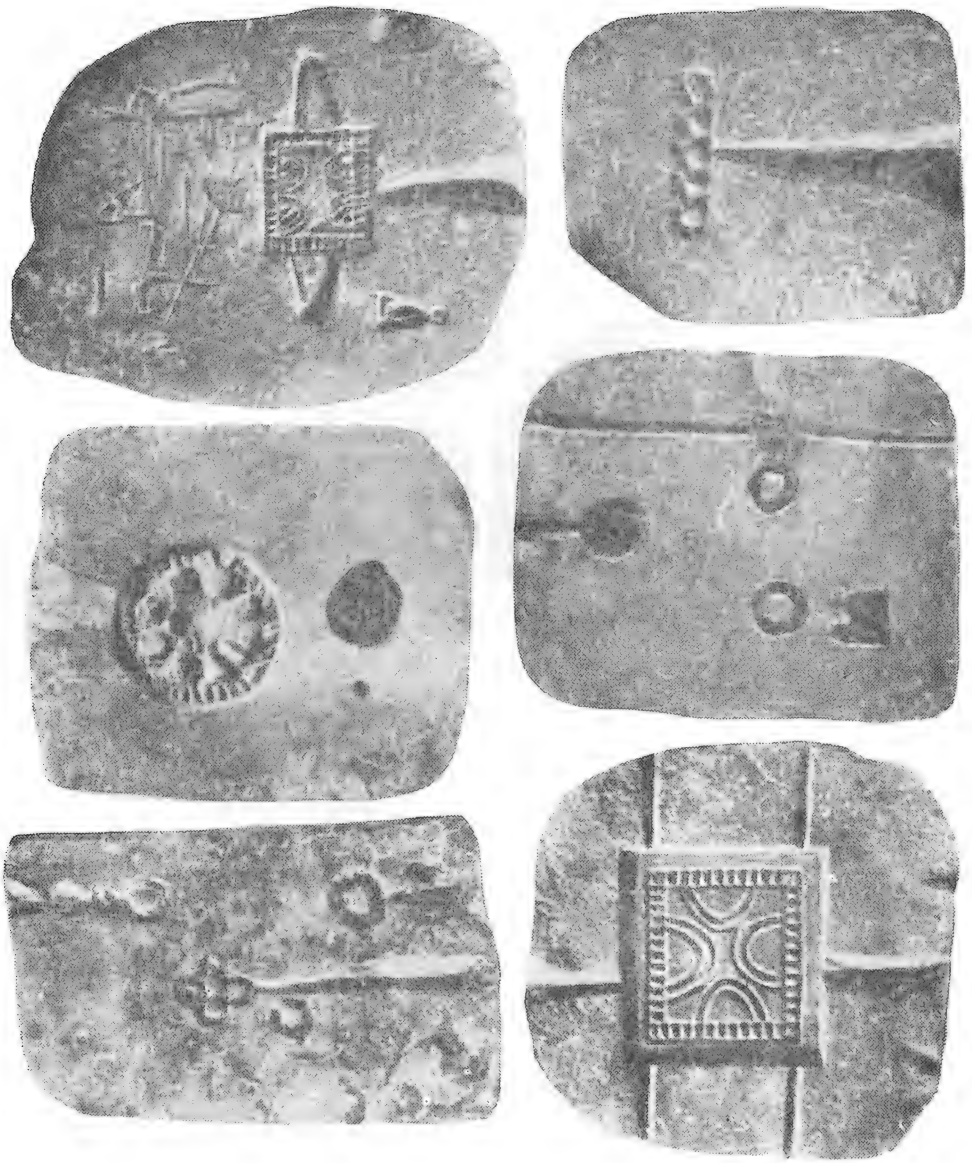
Льячками называются маленькие глиняные ковшики с овальноудлиненной горловиной и ручкой, в которой имеется отверстие для насаживания льячки на палку или стержень.

Расплавленный в тиглях металл выливался в льячки, а из них разливался в формочки. На городище найдено семнадцать льячек разного размера. Наиболее крупные из них имеют длину (ковшик и ручка) 7 — 7,5 сантиметра, размеры ковшика 6×3 сантиметра. Маленькие льячки имеют 3,5—4 сантиметра в длину, размер ковшика 2,5×1,5 сантиметра. В ковшиках некоторых льячек заметны следы металла. Но вместе с тем имеются льячки, которые еще не были в употреблении. Это дает основание предполагать, что льячки изготовлялись на месте, тем более, что сделать их было не так-то трудно. Они изготовлялись примерно таким же способом, как и глиняная посуда.

Каменные литейные формочки также изготовлялись на месте. В раскопках найдено их сорок четыре штуки. Найдено много заготовок для изготовления формочек. Формочки делались из небольших известняковых или песчаниковых плиток. Две формочки были сделаны из глины.

Для изготовления литейной формочки бралась каменная плитка размером приблизительно 8 — 10 сантиметров в длину, 7 — 8 сантиметров в ширину и 1,5 — 2 сантиметра в толщину. Она хорошо отшлифовывалась со всех сторон. После этого, обычно в центре плитки, вырезались все очертания отливаемого предмета. С одного края плитки к нему подводилось конусообразное углубление (литок). В обе стороны от формы предмета отходили небольшие каналы для отвода воздуха при заполнении формы металлом. Так выглядит одна половинка литейной формочки. При соединении двух таких половинок они нередко скреплялись.

Все найденные формочки предназначались для отливки мелких украшений или их деталей в виде шариков, петель, круглых, четырехугольных, крестовидных, звездчатых бляшек и маленьких трапециевидных



Каменные литейные формочки
(середина 1 тысячелетия н. э.)

подвесок. В первой половине и середине I тысячелетия н. э. мелкие украшения были очень модны у населения. Большинство каменных литейных формочек найдено в культурном слое середины I тысячелетия н. э.

Каменные литейные формочки вырабатывались на городище Камно мастерами-специалистами, которые помечали свою продукцию особым клеймом — маленькой резной трапециевидной фигурой с кольцом на вершине. Можно уверенно говорить о том, что формочки, изготовленные на городище Камно, употреблялись для отливки предметов не только здесь, на городище, но расходились и по окрестным поселениям. Доказательством этого служат, во-первых, массовые находки таких формочек на городище, во-вторых, наличие ремесленных знаков на них.

В развитии кузнечного ремесла на городище намечаются два этапа. Находки шлаков, руды, железных ножей, серпов, кос, железных наконечников стрел и других предметов, часть которых обнаружена в нижних пластах культурного слоя, говорят о том, что железо прочно вошло в быт населения городища еще в первые века его существования. Развитие этой отрасли ремесла привело к тому, что уже во второй половине I тысячелетия н. э. кузнечное ремесло на городище определенно принимает городской характер. Железо стало выплавляться, или, как говорят, вариться в сыродутных горнах. Такие горны и были отрыты при раскопках городища. Около них найдены куски металлического шлака. Крупный кусок шлака, около 2 килограммов, найден на основании одного горна. Это свидетельствует о сравнительно больших плавках металла.

Варка железа в сыродутных горнах создавала большие возможности для развития кузнечного ремесла. Вполне возможно, что выплавляемое из местных болотных руд железо использовалось не только на самом городище, но и в окрестных селищах. Одновременно с появлением сыродутных горнов резко меняются состав и количество изделий из железа по сравнению с более ранним периодом существования городища. В первом и втором пластах культурного слоя найдены железные ножи, рыболовные крючки, тесло, боевой топор, кованые гвозди со шляпками, дужки от ведер и другие предметы.

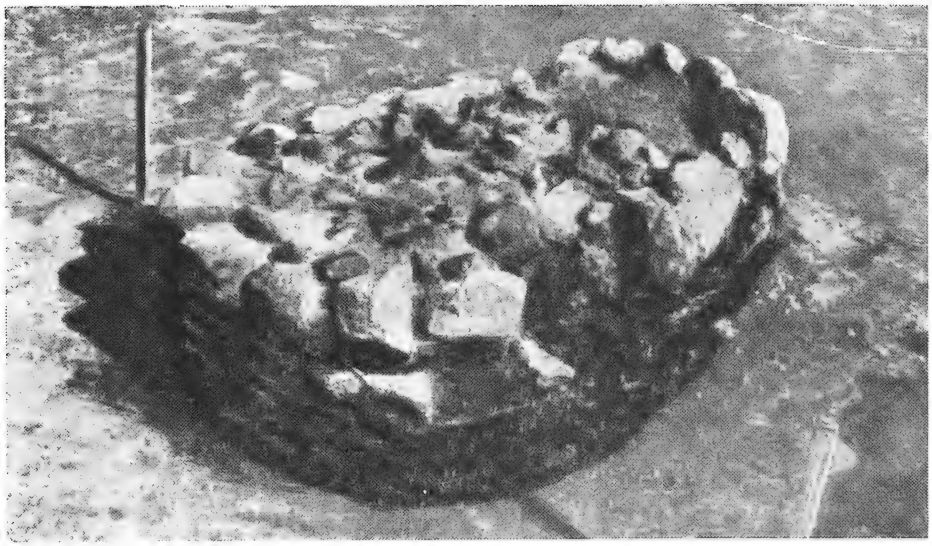
* * *

Мы рассмотрели отдельные отрасли ремесленного производства на городище Камно в I тысячелетии н. э. и могли убедиться в том, что степень развития ремесел на этом поселении была довольно высокой. Это характеризует общий уровень развития производительных сил и в частности земледелия, как главной отрасли хозяйства, которое уже давало не только основной, но и прибавочный продукт для содержания населения, занятого неземледельческим трудом — ремеслом.

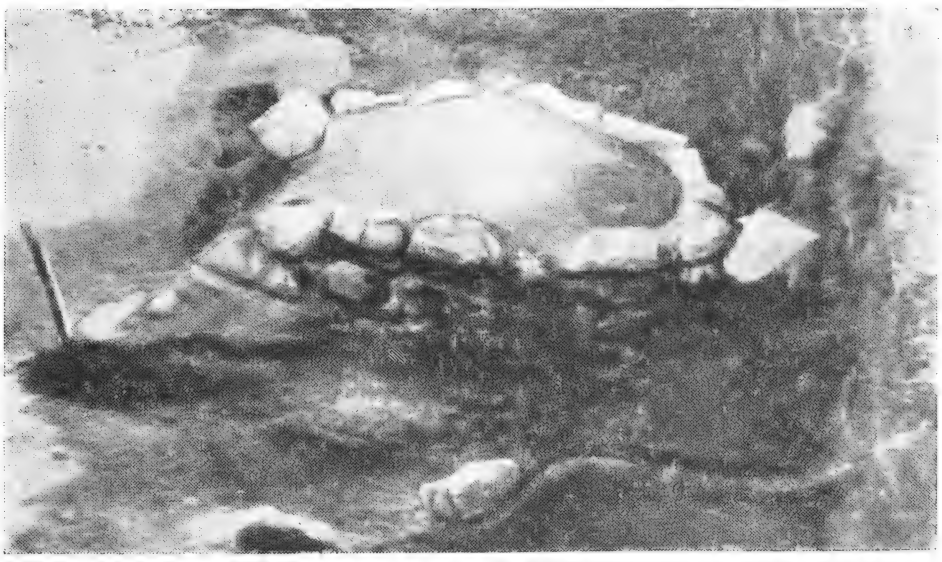
Ремесла на городище Камно, особенно в последние века его существования, имеют ярко выраженный городской характер. Здесь начали вырабатывать и глиняную посуду на гончарном круге. Ремесленники-гончары ставили свои клейма на днищах сосудов. Так мы видим все предпосылки для превращения ремесленного поселка, расположенного в городище Камно, в город.

Псковский кремль (Псковское городище)

Городище Камно



Основание сыродутного горна (VIII—IX века)



Жертвенник (VIII—IX века)

Но этого не произошло. В XII веке городище как поселение прекратило свое существование. Причиной этого можно считать невыгодное географическое положение городища — удаленность от крупной водной магистрали — реки Великой и быстрый рост соседнего города Пскова.

ДРЕВНИЕ ХУДОЖНИКИ

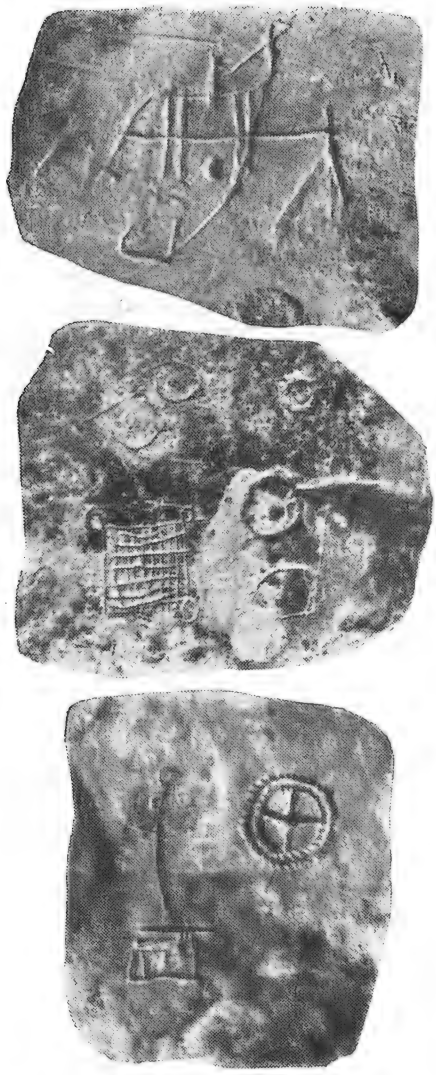
При раскопках городища Камно были найдены рисунки на каменных плитках. Эти уникальные находки сразу меняют прежние представления о культурном уровне северных групп восточного славянства.

Найдено несколько плиток. Одна из них, размером 6×5,5×1,2 сантиметра, имеет отшлифованную с двух сторон поверхность. Боковые стороны ее не обработаны. Вероятно, эта плитка предназначалась для изготовления каменной литейной формочки, но художник использовал ее в своих целях.

На одной стороне плитки имеются три резных изображения: 1) знак в виде двух концентрических кругов с расходящимися мелкими лучами и четырехконечным крестом, вписанным в круги, перекрестие обозначено небольшим углублением; 2) изображение паруса; 3) изображение четырехугольной фигуры, заштрихованной резными линиями в разных направлениях. На другой стороне плитки изображены резными линиями две маленькие трапециевидные подвески, соединенные одним кольцом, и знак в виде маленького стержня с завернутыми в разные стороны концами.

На другой плитке имеется резное изображение лошади с всадником. Рисунок отличается большой реалистичностью.

На третьей плитке изображено перевесье и два женских родовых знака, связанных с магией плодородия.



Рисунки на каменных плитках из городища Камно

На четвертой плитке имеется резное изображение гуся или лебедя.

Наконец, на одной каменной литейной формочке, предназначенной для отливки четырехугольных бляшек (плитка найдена в третьем пласте культурного слоя), имеются резные загадочные знаки, состоящие из ломаных линий, соединенных в различной комбинации.

Найденные рисунки раскрывают перед нами духовный мир обитателей городища Камно.

* * *

На протяжении тысячи лет непрерывно развивалось поселение на городище Камно. Это было славянское поселение, о чем свидетельствуют найденные при раскопках височные браслетообразные кольца, костяные гребни с закругленными спинками, фрагменты славянской лепной и круговой керамики.

Уже в раннем периоде своего существования городище Камно имело многогранно развитое хозяйство. Высокая степень развития ремесел (камнеобрабатывающего, костерезного, литейного и кузнечного) дает основания поставить вопрос о том, что в первой половине I тысячелетия н. э. не было резкой разницы, как это представляется некоторым ученым, в уровне развития производительных сил между северными и южными группами восточного славянства.

ПСКОВ — ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ГОРОД

Псков принадлежит к числу древнейших русских городов. В древнерусских летописях первое упоминание о Пскове записано под 903 годом. Когда же возник этот город, письменные источники ничего не говорят.

В дореволюционной исторической и археологической литературе высказывались различные мнения по вопросу о времени и причинах возникновения Пскова. Одни считали, что Псков был основан князем Олегом, другие думали, что Псков основала княгиня Ольга. Наиболее вдумчивые авторы приходили к заключению, что при отсутствии письменных источников по древнейшей истории Пскова вопрос о времени и причинах его возникновения может быть разрешен только путем археологических раскопок.

В течение 5 лет (1945—1949) археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР при участии Псковского областного краеведческого музея производила раскопки в псковском кремле, Довмонтовой крепости и Окольном городе.

Псков расположен на реке Великой, в 12 километрах выше ее устья, при впадении в Великую реки Псковы — правого ее притока. Основная территория города как в настоящее время, так и в древности находилась между Великой и Псковой. Часть города, расположенная на правом берегу Псковы, называется Запсковьем; другая часть — на левом берегу Великой — называется Завеличьем.

Древнейшей частью города является псковский кремль. Он расположен на высоком, поднимающемся на 20 метров над уровнем рек, скали-

стом мысу при слиянии рек Псковы и Великой. В настоящее время сохранились остатки крепостных каменных стен, проходивших вокруг кремля. Территория, занятая псковским кремлем, составляет свыше 35 000 кв. метров.

К кремлю с южной его стороны примыкает другая часть древнего города, также обнесенная крепостными стенами, известная под названием Довмонтовой крепости. За Довмонтовой крепостью, южнее ее, лежал весь древний Псков, состоявший из двух частей — Среднего города и Окольного города, которые разделялись между собой каменной крепостной стеной. Окольный город возник позже Среднего города. Вокруг Окольного города, а также вокруг всего Запсковья проходила каменная крепостная стена с башнями, построенная в первой половине XVI века. Завеличье никогда не было укреплено.

Основные раскопки производились в северной части псковского кремля, где был изучен культурный слой на площади около 2000 кв. метров. Верхние пласты культурного слоя здесь были срезаны при земляных работах времен Петра I, поэтому на современной поверхности северной части псковского кремля можно найти археологический материал, датируемый XI—XIII веками.

Раскопки в псковском кремле помогли разрешить задачу о времени и условиях возникновения Пскова.

ПСКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Площадка северной части псковского кремля в настоящее время представляет собой ровную, почти горизонтальную поверхность. Но в древности она выглядела иначе. Берег реки Великой находился примерно на 1,5—2 метра выше берега реки Псковы.

В первых веках нашей эры на территории кремлевского мыса возникло славянское поселение. Первоначально оно располагалось только по берегу Псковы; берег реки Великой оставался незаселенным. Такое расположение поселка можно объяснить, во-первых, тем, что сравнительно небольшая река Пскова представляла бóльшие удобства для рыболовства, чем широкая и глубоководная река Великая. На небольшой реке можно было ловить рыбу «заколами» (особые запруды, перегораживающие реку). Во-вторых, поселок был прикрыт со стороны реки Великой высоким ее берегом от проезжающего по реке разного люда.

Хозяйство населения поселка в первые века его существования отличалось известной примитивностью. В нижних пластах культурного слоя псковского кремля найдены фрагменты грубой лепной посуды; некоторые из них покрыты сетчатым орнаментом, получившимся от прижимания грубой ткани к еще сырым стенкам сосудов. Так вырабатывали свою посуду и обитатели древних верхневолжских городищ. При раскопках в кремле были найдены различные примитивные изделия.

В дальнейшем поселок разрастается территориально, занимая и берег реки Великой; хозяйство принимает более развитой и усложненный характер.

Отличительной особенностью Псковского городища, как и городища Камно, от обычных городищ — родовых поселков — являлись, во-первых, его размеры, составлявшие свыше 35 000 кв. метров, во-вторых, многогранность характера его хозяйства, ведущее место в котором занимали ремесла.

При раскопках Псковского городища были найдены зерна, серпы, жернова, свидетельствующие о занятиях жителей земледелием. Но в те времена, да и в более позднее время, ремесленники, городское население занималось земледелием, как подсобной отраслью хозяйства. Находки земледельческих орудий и зерен при раскопках ремесленных поселений нередки. И в более поздних, городских культурных слоях древнего Пскова были найдены хлебные зерна, жернова, серпы и железные сошники.

Мы не останавливаемся на характеристике скотоводства, охоты и рыбной ловли жителей Псковского городища, поскольку эти отрасли хозяйства не имеют сколько-нибудь существенных отличий от хозяйства городища Камно.

Камнеобрабатывающее и костерезное дело на Псковском городище характеризуется теми же чертами, что и ремесла городища Камно. Но особого внимания заслуживает кузнечное ремесло.

* * *

Во второй половине I тысячелетия н. э. на Псковском городище, как и на городище Камно, широко развивается кузнечное ремесло, которое строится на совершенно иной технической основе по сравнению с предыдущим периодом. Речь идет о варке железа из болотных руд в сыродутных горнах и выработке из него различных предметов.

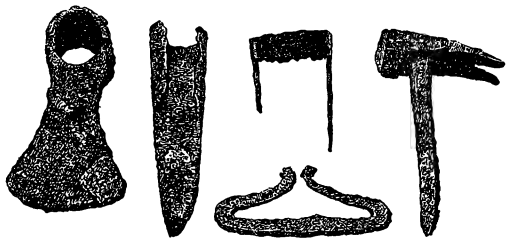
Варка железа из болотных руд была известна и в более древнее время, но производилась она в ямных горнах. Наземные горны появились значительно позже, по мнению некоторых ученых примерно около X века. Но раскопки в псковском кремле установили, что наземные сыродутные горны появились у восточных славян значительно раньше, в VIII веке. Такие горны были отрыты и при раскопках городища Камно, но на Псковском городище их найдено больше и они лучшей сохранности.

Горны находились в северо-западной части псковского кремля и располагались небольшими группами. Они были сделаны из плотной желтой, иногда красноватой глины, местами сильно обожженной. Глиняные стенки горнов скреплялись деревянными конструкциями и булыжным камнем. Основание горнов имело диаметр 1—1,5 метра, вокруг них найдены металлические шлаки.

Варка железа в таких горнах производилась на древесном угле. По окончании варки стенки горна разбирались и крица железа вынималась.

Варка железа в наземных сыродутных горнах характеризует уже не городищенское, а городское ремесло. На самих городищах железо обычно не варили, варка происходила где-то за пределами городища. Позднее железо варили на территории самого города, что мы и наблюдаем в Пскове и Камно.

Одновременно с появлением наземных сыродутных горнов разнообразнее становится ассортимент железных изделий. В раскопках найдены железные ножи, рыболовные крючки, тесла, сошники, молоток, кованые гвозди с шляпками, наконечники стрел, лодочные заклепки и многие другие вещи.



Изделия древних псковских кузнецов

Меняется планировка самого поселения. Если в ранних, городищенских слоях остатки жилых построек встречались по берегам рек Псковы и Великой, то в культурных слоях VIII—X веков остатки жилых построек сосредоточиваются в центре кремлевского мыса, а северная его часть представляет как бы производственный участок этого поселения. Меняется и характер самих жилищ. Появляются деревянные жилища с деревянными полами и печкой-каменкой.

Псковское городище, расположенное на высоком скалистом, с обрывистыми склонами мысу, не нуждалось, видимо, в особых укреплениях по краю его площадки.

В VIII веке возникает первое такое укрепление, состоящее из земляного вала. В раскопках была вскрыта часть этого вала со следами деревянной стены на нем. В X веке вокруг псковского кремля строится первая крепостная стена из плитнякового камня, которая в XIII веке заменяется новой каменной стеной; остатки ее сохранились до наших дней. Две линии каменных стен псковского кремля были прослежены в раскопках.

Заметно развиваются и торговые связи Пскова. В культурных слоях Псковского городища также встречались привозные вещи, главным образом украшения, среди которых первое место занимают бусы. В слоях VIII—XI веков найдены привозные вещи и иного характера: весовая гирька, коромысла от весов, скандинавские пряжки, шиферные овручские пряслица, а также арабские и западноевропейские монеты.

Изучение культурных слоев VIII — X веков в псковском кремле показывает, что много еще архаических черт сохраняется в быту и хозяйстве населения Пскова этого времени, но характер хозяйства и облик населения становятся совершенно иными — городскими. Псков как город возникает в VIII веке н. э., то есть за полтора-два столетия до первого упоминания о нем в древнерусских летописях.

Псков возник не на пустом месте и не был основан каким-либо князем, а возник на основе более древнего славянского поселения — Псковского городища.

Псковское городище не являлось родовым укрепленным поселком. Удобно расположенное на крупной водной магистрали — реке Великой, Псковское городище довольно рано, во всяком случае не позднее середины I тысячелетия н. э., превращается не только в крупное ремеслен-

ное поселение, но и в одно из центральных поселений племенного объединения кривичей. На основе этого поселения и возник город Псков.

ПСКОВСКИЕ ЖЕРТВЕННИКИ

В числе остатков различных сооружений, вскрытых раскопками, особое внимание привлекают псковские языческие жертвенники. Их найдено несколько. Все они расположены близ сыродутных горнов. Жертвенники овальной в плане формы, обычно размером 1×1,5 метра, насыпаны из чистого речного песка и окаймлены поставленными на ребро ровными плитняковыми камнями толщиной 5—8 сантиметров. Каменное кольцо каждого жертвенника с восточной стороны замыкалось валуном.

Песок на поверхности жертвенников оказался сильно прокаленным. В нем, а также между камнями, встречались зола и угли. Все жертвенники были ориентированы по большой оси перпендикулярно к линии берега реки Великой и имели небольшой наклон на восток.

С западной стороны одного жертвенника стоял сильно истлевший столб, подножие которого было также обложено двумя рядами вертикально поставленных камней. У подножия другого жертвенника оказался лепной горшок, наполненный темной землей. Раздавленный горшок, сделанный на гончарном круге, был обнаружен на поверхности третьего жертвенника.

Жертвенники, как и сыродутные горны, располагались группами. У двух групп жертвенников найдены кучи костей жертвенных животных. В одном случае кости лежали большой кучей на расстоянии 1,5 — 2 метров от жертвенников. В ней оказались скелеты двух лошадей различных пород. Кости не имели никаких следов раскола или разруба. Во втором случае большая куча костей жертвенных животных лежала на расстоянии 1,5 метра западнее жертвенников. Около них находился горшок, опрокинутый вверх дном.

Жертвенники — памятники языческих верований древних псковичей. Вопрос о религиозных воззрениях восточных славян еще плохо изучен из-за отсутствия фактического материала. Псковские жертвенники заполняют в известной степени существующий в этом отношении пробел. Весьма возможно, что остатки истлевшего столба у одного из жертвенников являются подножием деревянного идола.

В этой связи может быть более понятной находка в 1897 году близ Пскова, на берегу речки Промежецы, каменного идола. Он представляет собой грубо обработанный валун серого гранита высотой до 65 сантиметров, с грубо моделированной человеческой головой с большим плоским носом, низким лбом и одутловатыми щеками.

Расположение псковских жертвенников около сыродутных горнов нельзя признать случайным. Доктор исторических наук Б. А. Рыбаков — крупнейший знаток древнерусского ремесла, подробно изучил кузнечное дело в древней Руси. На основании археологического материала и свидетельств письменных источников он установил, что кузнечно-металлур-

гическое ремесло — обработка руды в горне и ковка расплавленного металла — представлялось в древности сложным, опасным и таинственным делом, поэтому и кузнецы нередко считались колдунами, чародеями, знахарями [1]. Имеются свидетельства письменных источников о русском языческом боге — кузнеце Гефесте — Свароге.

Расположение псковских жертвенников около сыродутных горнов красноречиво доказывает наличие языческого культа, связанного с древнерусским кузнечно-металлургическим ремеслом.

ЖИЛИЩА

Славянские и древнерусские жилища стали нам известны только в результате работ советских археологов. Характер жилищ, их тип очень многое могут рассказать о быте древнего населения.

На Псковском городище и в Камно найдены остатки жилищ. Древнейшими из них являются жилища, вскрытые в псковском кремле по берегу Псковы. Это были наземные деревянные постройки, углубленные в материк на 25 — 30 сантиметров, размером 3×3,5 метра. В одном из углов такого жилища находился очаг из камней. К жилищу примыкали хозяйственные постройки, вероятно, под одной крышей с жилищем. Близ жилищ находились ямы хозяйственного назначения, вырытые в земле. В некоторых жилищах были сделаны находки: глиняные и каменные пряслица, бусы, железные ножи, лепная керамика, кости животных и рыб. Эти жилища относятся к первым векам нашей эры.

Несколько позднее появляется иной тип жилищ: деревянные наземные постройки с глинобитными полами. Сохранность их в культурных слоях псковского кремля оказалась очень плохой, поэтому мы и не можем составить о них более полного представления.

На городище Камно в раннем периоде его существования имелись деревянные наземные жилища с деревянными полами. Стены таких жилищ были обмазаны глиной. Куски глиняной обмазки найдены при раскопках. Жилища имеют размеры приблизительно 3×3 метра.

Псковские городские жилища, даже самого раннего времени, резко отличаются от городищенских жилищ. Это деревянные срубные постройки размером 8×10 или 11×12 метров и более, имеющие подвалы, с каменной печкой в одном из углов. Некоторые жилища имеют пристройки (сени). В одном таком жилище найдена славянская круговая керамика, бусы, пряслица, костяные проколки и часть прялки. Жилище датируется IX — X веком, но есть жилища такого же типа более раннего времени — VIII века. Появление этого типа жилищ также указывает на превращение Псковского городища в город Псков.

Псковские городские жилища расположены довольно близко одно от другого. Между ними вскрыты остатки деревянной мостовой из тонких, поперечно положенных жердей. Кроме того, обширная площадь в северо-восточной части кремля также оказалась замощенной толстыми слоями

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 417.

шлака. В раскопках прослежено 250 кв. метров этой мостовой, датируемой IX—X веком.

Древний Псков вырастал как крупный ремесленно-торговый благоустроенный город. Его культурное влияние сказывалось далеко за пределами псковской земли еще в ранний период существования города.

Открытие жилищ древнего Пскова убедительно доказывает, что псковский кремль в древности являлся основной и густо населенной частью города. Позднее псковский кремль не был заселен, он превратился в территорию общественного значения, где находились Троицкий и Благовещенский соборы и амбары с запасами общественного зерна и всякого «добра». Но когда это произошло, источники не говорят. Нельзя это было выяснить и в результате раскопок вследствие того, что культурные слои северной части псковского кремля оказались срезанными при земляных работах. Во всяком случае это произошло не ранее XII — XIII веков, когда древний Псков как феодальная республика уже не имел постоянного князя и княжеский двор для приглашаемых в Псков князей стоял рядом с торгом, не только за пределами кремля, но и за пределами Довмонтовой крепости.

* * *

Древний Псков — наследник культуры славян-кривичей. Более тысячи лет развивалась на этой территории славянская культура. Псков воспринял эту культуру, совершенствовал ее и дал блестящие образцы искусства, архитектуры и военного мастерства, прославившие этот город по всей русской земле.

В. Л. ЯНИН

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

ВВЕДЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НОВГОРОДА
ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО ГОРОДА
НОВГОРОДСКИЕ ВОДООТВОДЫ
ДВЕ СТЕНЫ
НОВГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ
ИСКУССТВО В БЫТУ
НОВГОРОДСКИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КУПЦЫ
КАК ОПРОВЕРГАЮТСЯ СТАРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
НАЧАЛО НОВОЙ НАУКИ
НАМЕСТНИК САВВА И ВЛАДЫКА ВАСИЛИЙ
СВЯТИЛИЩЕ ПЕРУНА

ВВЕДЕНИЕ

Великий Новгород! Какому русскому сердцу не дорог город Александра Невского и Добрыни Никитича, Садко и Василия Буслаева!

Устное народное творчество в своих художественных образах через многие века проносит оценку событий и исторических явлений, часто отличную от официальных тенденциозных характеристик, сохраненных до нашего времени в летописных сводах и книжных повестях. Проверка временем и мудростью простого народа является важнейшим критерием отличия истинного и глубокого от надуманного и случайного, подлинно народного от узко-классового. Проверку временем и народной мудростью выдержали представления о Великом Новгороде, как о городе русской славы, передовой культуры и необычайного по силе размаха народного творчества. Красочность и живая образность замечательных новгородских былин о Ваське Буслаеве, о Садко богатом госте, Иване Гостином сыне, могла родиться только в условиях высокого развития экономики и культуры.

Среди народных легенд есть одна, специально посвященная славе Новгорода, — сказание о его вечевом колоколе. Когда московский князь Иван Васильевич покорил великий город, он приказал символ его независимости «колокол вечный спустити, вече разорити» и отправить колокол в Москву. Колокол везли в санях, за ними шел глухой звонарь, но по дороге сорвался колокол в валдайский овраг, разбился и рассыпался на тысячи валдайских колокольчиков, которые всюду прозвонили славу о Господине Великом Новгороде.

В такой поэтический образ облечены народные представления о выдающемся культурном значении великой русской республики средневековья.

Великий Новгород является городом русской славы. Многосторонность проявления народных талантов в государственном, ремесленном и художественном творчестве — его замечательная особенность. Говорить о значении Новгорода — значит касаться всех областей русской культуры, так как нет среди них таких, где новгородцами не был бы сделан выдающийся вклад. Новгород сделали одним из важнейших культурных центров Руси XI—XV веков руки искусных ремесленников, перо замечательных писателей древности, кисть великих художников, меч знаменитых воинов и полководцев.

Новгородская культура складывалась в период феодальной раздробленности. Центр раннефеодального государственного образования в IX — X веках, существующий рядом с Киевом и соперничающий с ним, Новгород входит затем в состав Киевского государства, обмениваясь достижениями культуры с другими областями и городами древней Руси. В XIII — XIV веках нормальное развитие этих городов было нарушено монгольским завоеванием. Монголы не только уничтожали русские ремесленные центры, но и уводили в орду десятки тысяч ремесленников, принявших поневоле участие в создании золотоордынской культуры. Общее разрушение не коснулось Новгорода. Поэтому культурное развитие продолжалось там по путям, наметившимся в домонгольское время. В Новгороде в течение еще двух веков русская культура продолжала достигать выдающихся образцов ремесла, художества и зодчества. Нельзя сказать, что монгольское нашествие совершенно не отразилось на развитии Новгорода. В течение всего XIII столетия в Новгороде не строятся каменные храмы, замирают некоторые отрасли ремесла. Сказались и напряжение политической и хозяйственной жизни в связи с постоянной военной угрозой с юга, востока, севера и запада и внезапная изолированность новгородской культуры, до того времени тесно связанной с другими русскими областями.

Однако ущерб, нанесенный Новгороду, был неизмеримо меньшим, чем в таких городах, как Киев, Старая Рязань, Владимир и др. С образованием Русского национального государства на первое место выдвинулся другой замечательный русский город — Москва. Политическое значение Новгорода сильно уменьшилось. В дальнейшем временно утратилось и его экономическое значение. Но нет предела значению того бесценного вклада в сокровищницу русской и мировой культуры, который был внесен в нее древними новгородцами. Не случайным было систематическое уничтожение фашистскими варварами выдающихся культурных памятников древнего Новгорода, расхищение его исторических ценностей. Фашисты знали, что они покушаются на один из источников нашей национальной гордости и пытались уничтожить самое воспоминание о городе.

Советский народ с успехом восстанавливает разрушенные памятники старины и продолжает глубоко изучать историю своей Родины.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НОВГОРОДА

Источником изучения новгородской культуры служат памятники зодчества, дошедшие до нас древние книги и их миниатюры, сохранившиеся главным образом в Новгороде и в других северных городах, шедевры искусства, тщательно сберегаемые в музеях, отчасти устное народное творчество. Однако все эти источники недостаточны, ибо не отражают должным образом массовости новгородской культуры, которая не только по духу, но и по размаху была подлинно народной. Произведения искусства — даже те, которые созданы по заказу феодалов, — выполнены руками ремесленников и отражают творчество народа. На помощь исследователю приходят археологические раскопки.

Археологам Великий Новгород предоставляет редкие возможности. В его почве находки не только многочисленны, но и отличаются прекрасной сохранностью. Последняя особенность объясняется свойствами новгородской почвы.

Благодаря повышенной влажности деревянные предметы, попавшие в землю, почти не подвергаются гниению, сохраняя свою форму и величину. Трудность работы с деревянными находками заключается поэтому не в извлечении их из земли, а в том, что при естественном высыхании находки теряют значительный процент своего веса и сильно деформируются. В последнее время были предприняты успешные опыты по консервации деревянных находок и сохранению их от разрушения.

Свойство новгородской почвы сохранять дерево полезно и в другом отношении. В Новгороде под землей лежат неразрушенными целые деревянные замощения древних улиц, остатки площадей, домов, хозяйственных сооружений, колодцев, сильно развитая дренажная система. А так как все эти сооружения залегают многими разновременными ярусами (число их иногда превышает два десятка), то и разнообразные вещи, потерянные или выброшенные древними новгородцами и перекрытые затем толщей позднейших построек, хорошо сохраняются от разрушения, случайного выкапывания и т. д.

Но не только отдельные вещи привлекают внимание археологов. Методика раскопок широкой площадью, получившая распространение после Великой Октябрьской социалистической революции, дает возможность систематического изучения целых хозяйственных комплексов, усадеб, улиц и площадей. Сами вещи изучаются в связи с хозяйственными комплексами. Так, стало возможным открытие ремесленных мастерских, административных зданий, изб рыбаков и земледельцев, систем городского благоустройства. В Новгороде благодаря сохранности дерева изучается не только искусство металлургов, кузнецов, ювелиров, костерезов и т. д., но и плотников, столяров, ткачей и портных. Особенности новгородской почвы, умело используемые советскими археологами, сделали возможным в последние годы изучение и народной письменности.

Первое археологическое наблюдение, сделанное на территории нашей страны, относится к истории Новгородской земли. В 1114 году состави-

тель Ипатьевской летописи посетил город Старую Ладогу и записал, что на берегу Волхова находят много древних стеклянных бус, вымываемых рекой. Сообщение это, конечно, относится к числу забавных курьезов, но самый интерес к новгородским древностям еще на заре русской истории показателен. Он свидетельствует о глубоких местных корнях новгородской жизни и культуры. Письменные источники уже в IX веке знают город под названием Новгород. Следовательно, город, предшествовавший ему по времени, бывший по отношению к нему старым, существовал задолго до первого упоминания Новгорода в летописи. Где был этот древний город, с какими современными городами его нужно связывать, — эти вопросы давно уже обсуждались в научной литературе. Для решения только этой проблемы, не говоря уже об изучении новгородских древностей времен его высшего подъема, необходимы были широкие археологические работы.

Однако до Великой Октябрьской социалистической революции эти работы никем не были поставлены. Наблюдения при земляных работах, хищнические раскопки отдельных курганов под Новгородом — вот все, чем довольствовалась тогда археологическая наука. Единственные раскопки, проведенные на территории новгородского кремля в 1910 году, не оставили после себя ни коллекций находок, ни записей в дневниках, ни рисунков, ни фотографий, ни чертежей. Это достаточно ярко демонстрирует уровень научного исследования в дореволюционной России. А между тем даже случайные наблюдения при постройке домов, проведении водопроводов показывали, какие богатства для науки скрывает в себе Великий Новгород. Причина пренебрежения этими богатствами заключалась в том, что археология в дореволюционный период изучала не историю производителей материальных благ, историю трудящихся масс, историю народов, а сводила свои цели к изучению истории узкой классовой верхушки, которая представлялась и носителем и вдохновителем всего культурного развития древней Руси.

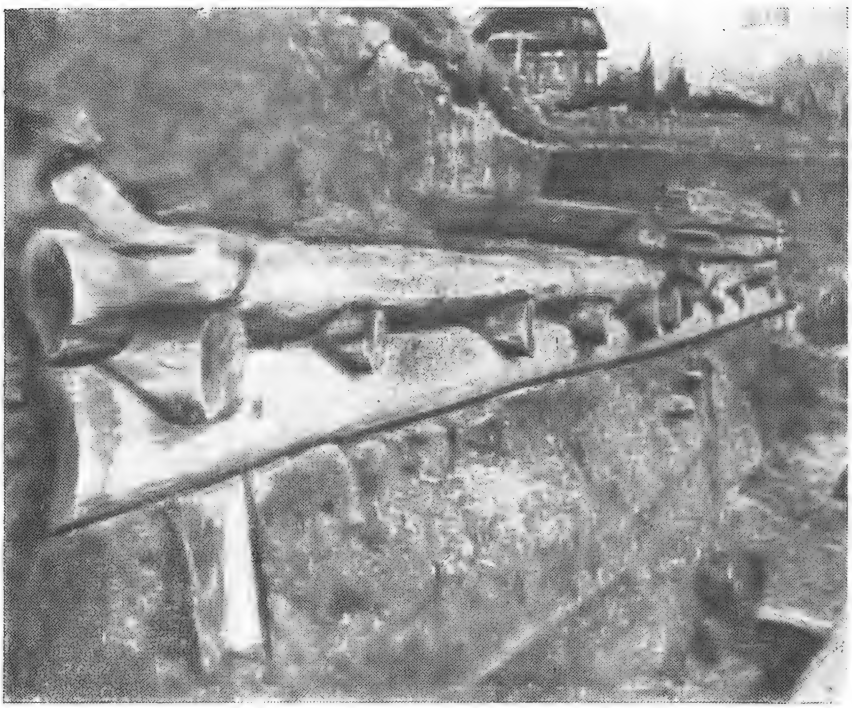
Впервые археологическое исследование древнего Новгорода было начато в советский период. Для того чтобы представить себе общий план и масштабы этих работ, необходимо познакомиться с историческим планом города (стр. 223).

Великий Новгород расположен в верховьях Волхова. Широкая река делит его на две стороны: западную — Софийскую и восточную — Торговую. На Софийской стороне, в центре города, на берегу Волхова, поднимаются мощные стены кремля, окружающие знаменитый Софийский собор и многочисленные постройки, составлявшие двор новгородского архиепископа. Остальная площадь города делится на пять концов, отражая древнее административное устройство Новгорода. На Торговой стороне расположены два конца: Славенский — на юге и Плотницкий — на севере; на Софийской стороне их три: на севере — Неревский, на юге — Людин (или Гончарский), на западе — Загородский. Весь город окружен кольцом высокого вала, усиленного на Торговой стороне ручьем Тарасовец, который впадает в Волхов у южной границы Новгорода, и искус-

ственным ручьем вокруг всей остальной части вала. Славенский и Плотницкий концы также разделены искусственным Федоровским ручьем. Новгородский кремль в современном виде существует с конца XV века, но, вероятно, уже в XII веке он достиг предельных границ, в то время как северная его часть была не только заселена, но и укреплена в более раннее время (около IX века). Городской вал, отмечающий границы новгородского посада, сохранился до нас также в позднем виде: последняя реконструкция производилась в XVIII веке при Екатерине II, но впервые укрепления построены на его линии в XII веке, что говорит о достижении городом своих предельных размеров уже в XI веке. Таким образом, во всех концах города слой культурных напластований включает в себя отложения не только времени расцвета Великого Новгорода в XIV—XV веках, но и более раннего времени. Для решения вопроса о происхождении Великого Новгорода, о первоначальных поселениях на его территории особенно интересны два его конца — Славенский и Неревский. Их названия связаны с именами древнейших племен, обитавших на берегах Волхова. Они расположены в условиях, наиболее благоприятных для первоначального заселения, когда особенно важен был рельеф местности, способствовавший эффективной защите поселков без возведения мощных укреплений. Славенский конец расположен на холме и занимает мыс, образованный Волховом и ручьем Тарасовцем, которые создают естественную защиту с двух сторон. Наличие тех же условий отмечается и на Неревском конце, который с одной стороны защищен Волховом, а с другой — впадающей в Волхов речкой Гзень.

Схематический план Великого Новгорода

Кроме кремля, важным административным пунктом Новгорода было Ярославово Дворище, расположенное в Славенском конце, на берегу р. Волхов, напротив кремля. Само название этого места происходит от находившегося там княжеского дворца, который в XI веке был воздвигнут Ярославом Мудрым. С 30-х годов XII века, когда в результате народного



Часть сруба, относящегося к постройкам дворца Ярослава Мудрого на Дворище (XI век)

восстания князья были выселены из Новгорода и низведены до положения военачальников, на территории Дворища стало собираться новгородское вече. Вечевая площадь находилась на месте княжеского дворца вплоть до XV века, когда Иван Васильевич, покоривший Новгород, приказал «вече разорити».

Из других данных городского плана, необходимых для выбора места раскопок, очень важны названия концов и улиц и свидетельства летописи о расположении различных ремесленных поселков. Названия двух городских пунктов свидетельствуют о поселениях в них ремесленников определенных специальностей: гончаров и плотников. На Неревском конце известна местность, названная Кожевниками. Там же, согласно летописи, жили кузнецы. На Торговой стороне одна улица называется Щитной.

Из всех концов все же наиболее интересным является Неревский, который был местом наиболее густого ремесленного населения и центром народных движений. Здесь, на Козмодемьянской и Холопьей улицах, стояли церкви Козмы и Демьяна, считавшихся защитниками и покрови-

Вид на Перынь с Ильменя

Раскопанный в 1951 году участок Холопьей улицы

телями кузнецов. Здесь в первой половине XIV века после долгой борьбы был поставлен главой всей Новгородской республики козмодемьянский поп Григорий Калика, названный архиепископом Василием. Лауреат Сталинской премии Б. А. Рыбаков доказал, что владыка Василий в отличие от своих предшественников и последователей стал выразителем интересов «черных людей», новгородского посада. Популярность Василия в народе была настолько большой, что образ его попал в былины в виде рассказа о «старчище-пилигримище», заботящемся о посадских людях. Неревский конец был, таким образом, не только местом средоточия трудового населения, но и мощным центром политической жизни средневекового Новгорода.

Знакомство с общим планом Новгорода не будет полным, если отвлечься от ближайших его окрестностей. Из важнейших пунктов, расположенных поблизости от города, особенно интересны два. На правом берегу Волхова, в 3 километрах выше Новгорода, находится холм, который уже в древности назывался Городищем. Здесь после бурных событий 30-х годов XII века жили выселенные из Новгорода князья. Ежегодно после весеннего разлива Волхова жители небольшой деревни, расположенной у подножия холма, находят здесь многочисленные печати древних документов, которые хранились некогда в княжеском архиве. Сами документы с течением времени разрушились, истлели, и только их металлические печати сохранились до наших дней. С Городищенским холмом некоторые исследователи связывали свои предположения о первоначальном месте древнего города, смененного потом Новгородом.

Другое место в окрестностях Новгорода легендами и свидетельством летописи связано с древнейшей эпохой новгородской жизни, временем язычества. В 980 году, рассказывает летопись, послал князь Владимир Добрыню в Новгород, и «пришед Добрыня Новугороду, постави кумира над рекой Волховом». Место, где был воздвигнут храм Перуна, до сих пор сохранило свое языческое название. Это сосновая роща Перынь, расположенная в том месте, где Волхов вытекает из Ильменя. Роща стоит на холме и далеко видна с озера и реки. Ее стройные сосны высоко поднимаются над озером и окрестными полями, покрывая холм, бывший свидетелем и основания Новгорода и других, более отдаленных, событий. Сюда, к синему горючему камню, обиженный боярами, не пригласившими его «на почестен пир», приходил Садко. Мимо тех же сосен проплывали на фигурных челнах смелые гости-корабельщики, бросая в Волхов у Перыни жертву за благополучный переход бурного Ильмень-озера. До недавнего времени сохранялся обычай бросать в воду монеты, проплывая мимо священной рощи.

Таков общий план новгородских древностей, который должен был определить направление археологических исследований города.

Систематические раскопки были начаты в Новгороде в 1929 году. В археологических работах приняли участие Академия наук СССР, Московский Исторический музей, Новгородский музей и другие учреждения.

До Великой Отечественной войны раскопки затронули много интереснейших объектов, благодаря чему послужили как бы предварительной разведкой перед широким исследованием.

Археологическое исследование Великого Новгорода началось с раскопок курганов поблизости от города и работ на Городище. В 1934 и 1935 годах раскопки на Городище были продолжены. Несмотря на то, что здесь было заложено много раскопов, древнейших слоев обнаружено не было. Только в одном месте были открыты напластования IX—X веков, но они слишком незначительны, чтобы говорить о предшествовании Городища Новгороду как городу. Изучение Городища очень затруднено. Оно все изрыто ямами. Печати, в большом числе находимые здесь, пользовались прежде спросом со стороны коллекционеров, и это привело к тому, что на некоторое время многие окрестные жители превратились в кладоискателей, забросив все свои остальные занятия.

В 1932 году были начаты раскопки одновременно в двух древнейших районах города: Неревском и Славенском концах. Небольшими раскопками в Неревском конце был открыт участок деревянного замощения улицы и обнаружено множество находок, свидетельствующих о заселении этого района ремесленниками. Древнейшие слои здесь были датированы XI веком. На Славенском конце работы, начатые в 1932 году, продолжались до 1937 года. Здесь также не было найдено самых ранних слоев, но эти раскопки занимают особое место в изучении Новгорода. Впервые был изучен значительный участок городской территории. Открыты остатки трех ремесленных мастерских: сапожной, гончарной, игрушечной и маслобойни. Если раньше труд простых людей Новгорода можно было изучать только по находкам отдельных орудий производства и образцов продукции, то теперь археологи познакомились с оборудованием мастерских, получили возможность представить себе реальную обстановку и процесс труда. Еще одну важнейшую возможность дали археологам раскопки на Славне. Удалось проследить на большом участке остатки крепостной стены, которая точно датируется 1335 годом. При постройке стены на участках, которые к ней примыкали, образовался значительный слой строительного мусора: щебня, песка, камней, извести. Этот слой кладет рубеж между древностями до XIV века и позднее этого времени. То, что было найдено под ним, относится к раннему времени, а то, что выше него, к позднему. Таким образом типичные для Новгорода находки впервые можно было точно датировать. Это дало возможность проверить прежние хронологические определения и пользоваться новыми данными при дальнейших раскопках. Была создана точная археологическая шкала.

В 1936 году были начаты раскопки в новгородском кремле, продолженные в 1938 и 1940 годах. Раскопкам подверглись несколько объектов в разных местах кремля. Были вскрыты остатки древней Епископской улицы, открыты и исследованы остатки Борисоглебской церкви, построенной в XII веке Сотко Сытиничем, былинным Садко богатым гостем, которого и летопись называет Сотко богатым. Были изучены остатки ремесленных

мастерских: сапожной, кузнечной, по обработке кости, по обработке шерсти, жилые постройки; впервые найдены слои X века.

С 1937 по 1940 год археологические работы велись на территории Ярославова Дворища. Возможности исследования Дворища тогда были крайне ограниченны. Центральную его часть занимал небольшой металлургический завод, и работы можно было вести только на периферии древней вечевой площади и княжеского дворца. Тем не менее уже тогда раскопки открыли много интересного. Было обнаружено языческое кладбище. А если этот район был отведен под кладбище, следовательно, жилых слоев там искать нельзя. В то же время открытие кладбища говорит о находившемся где-то поблизости, на территории города, древнем поселении. В более поздних слоях найдено много остатков ремесленного производства, замощения улиц и, что особенно интересно, впервые открыта на значительном участке система дренажных сооружений, из которых самая ранняя относилась к XI веку.

Первые результаты археологических работ дали возможность развернуть широкие раскопки в разных районах города и наметили наиболее интересные объекты будущего исследования.

В 1941 году большие раскопы были заложены на Неревском конце и в кремле. Общая площадь участков, начатых исследованием в кремле, достигала нескольких тысяч квадратных метров. Неревский раскоп, небольшой по площади, имел очень глубокий культурный слой, насыщенный древними остатками. При работах была достигнута глубина 4,5 метра, а пробный зондаж в углу раскопа, доведенный до небывалой глубины 6 метров, так и не коснулся дна культурных напластований.

Война прервала археологические работы на 6 лет. В 1947 году Академией наук СССР была создана большая археологическая экспедиция по изучению Новгорода под руководством профессора Артемия Владимировича Арциховского. А. В. Арциховскому принадлежала в 1929 году инициатива археологического исследования Великого Новгорода. Под его руководством были предприняты раскопки новгородских курганов и Городища. В 1932—1937 годах он руководил большой экспедицией на Славенском конце, а в 1938—1939 годах — на Ярославовом Дворище. Несколько десятков работ посвящены им изучению Великого Новгорода, обобщению новых материалов о прошлом замечательного русского города. Кроме Академии наук СССР, значительные раскопки в Новгороде проводил местный музей.

Новые работы по своим масштабам далеко превзошли те результаты, которые были достигнуты за все довоенные годы археологического изучения Новгорода. Задачи послевоенного восстановления и реконструкции города, зверски разрушенного фашистскими захватчиками, требовали быстрейшего проведения всех археологических работ, чтобы они не задержали возрождения Новгорода из руин. Благодаря великой заботе Коммунистической партии и Советского правительства были созданы все условия для наиболее быстрого и полного изучения подземного Новгорода. Пять летних сезонов велись раскопки в последние годы — срок,

в два с половиной раза меньший, чем вся история новгородских археологических работ до войны, но даже площадь, раскопанная в эти годы, была в несколько раз большей, чем сумма всех площадей, вскрытых в довоенное время. Впервые в большом масштабе была проведена механизация работ.

В 1947 и 1948 годах большой раскоп был заложен и исследован на территории Ярославова Дворища.

Кроме работ на Дворище, экспедиция в те же годы избрала своим объектом участок городского вала в конце Знаменской улицы, неподалеку от знаменитой церкви Спаса на Ильине, расписанной великим художником Феофаном. Здесь изучалась крепостная стена XIV века.

Большие работы были проведены в 1947 году на другой стороне Новгорода, в Загородском конце, где раскапывались остатки жилых срубов и хозяйственных построек, примыкавших к древней Чудинцевой улице.

На следующий год один из отрядов экспедиции вышел за пределы городской черты и начал исследование языческой Перыни.

После двухлетнего перерыва, в 1951 году, работы возобновились. Теперь они велись в двух местах: на Неревском конце, где раскопками Новгородского музея в 1948 году снова было подтверждено существование мощного культурного слоя, и в древней Перыни. Большой масштаб этих раскопок и удачный выбор места позволили прочесть несколько новых интереснейших страниц из истории новгородских древностей. Значительные результаты раскопок на Неревском конце заставили в 1952 году развернуть здесь работы в еще более крупных масштабах. Раскопки 1952 года были крупнейшими в мире археологическими работами по количеству занятых в них научных работников, по объему землекопных работ, по техническому оснащению экспедиции.

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Из года в год меняются наши представления о внешнем виде древних русских городов. Господствовавшее среди буржуазных ученых мнение о культурной отсталости средневековых русских горожан, якобы живших в грязи, не знавших удобств и благоустройства, ушло в прошлое. Распространение на древнюю Русь описания средневековых городов Западной Европы оказалось несостоятельным. Удобнее всего начать знакомство с древним городом с внешнего вида Новгорода.

К XI веку восходит известная часть древнейшего русского «Устава о мостах». Этот «Устав» показывает, что уже в те отдаленные времена в Великом Новгороде существовала особая мостовая повинность. Мощение улиц было обязательным, за этим тщательно следили. Еще до организации раскопок, при случайных наблюдениях за земляными работами, остатки древних деревянных мостовых находили не один раз. Они встречались в кремле, вблизи Духова монастыря (на Софийской стороне), за

Федоровским ручьем на Десятинной улице (Софийская сторона) и во многих других местах.

Долгое время наблюдениям были доступны лишь поздние мостовые, лежащие в верхних участках культурного слоя. О них и в письменных источниках упоминается много раз. Раскопки сделали возможным открытие и самых древних мостовых, подтвердив вывод о повсеместном распространении мощения улиц на всем протяжении летописной истории Великого Новгорода. Нет ни одной улицы, затронутой раскопками, которая была бы лишена настилов. Мостовые достигали в среднем ширины 3—4 метра, а иногда и свыше 6 метров, как, например, на открытой в 1952 году Великой улице. Устроены они были из широких плах, опирающихся на длинные тонкие бревна — лаги. Лаги (обычно три) укладывались по длине улицы, а на них клались плотно пригнанные друг к другу плахи. Ширина плах иногда достигала метра. Их поверхность тщательно выравнивалась, а внизу вырубались выемки для плотного сцепления с лагами.

Когда мостовые несколько снашивались, они настилались заново. При этом старые настилы часто не убирались и оставались в земле. Каждый

Более поздняя мостовая лежит непосредственно на предыдущей. Это свидетельствует о том, что мостовые подметались и поддерживались в чистоте

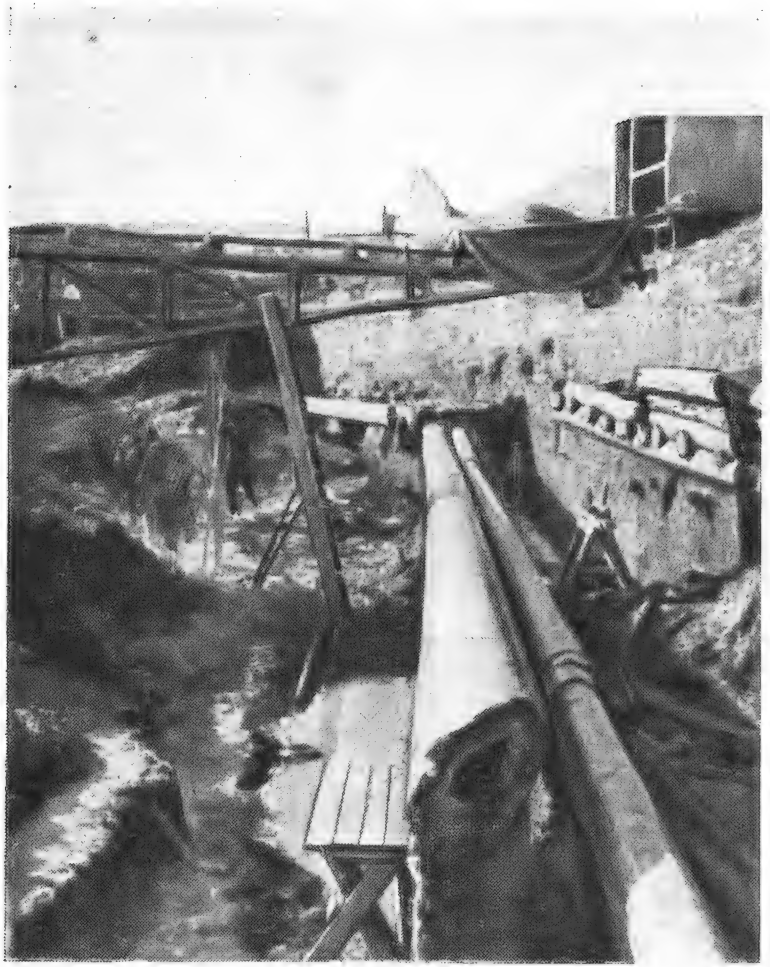
следующий ярус мостовых обычно лежит непосредственно на предыдущем. Этот факт свидетельствует о том, что настилы подметались и поддерживались в чистоте. В противном случае между ними оставался бы слой земли и навоза.

О чистоте в городе говорит и само количество разновременных мостовых одних и тех же улиц. При раскопках 1938—1939 годов в кремле было последовательно снято 15 настилов улицы Пискупли (Епископская), в 1932 году на Неревском конце на раскопанном участке древней улицы оказалось 18 настилов, следующих один за другим. Самая поразительная картина была открыта на Неревском конце в 1951 и 1952 годах. Здесь раскапывался перекресток двух улиц с примыкавшими к ним домами, хозяйственными постройками и дворами. После долгих вычислений и изучения старинных планов города удалось установить, что раскопкам подверглись знаменитая Холопья улица и главная улица Неревского конца — Великая. В культурном слое мощностью 7,5 метра было последовательно расчищено и снято 25 настилов Холопьей улицы, относящихся к X—XV векам. В течение 500 лет улица настилалась заново по крайней мере 25 раз, то есть в среднем один раз в 20 лет. Раскопки 1951 года показали, что мостились в Новгороде не только улицы, но и въезды во дворы, подъезды к хозяйственным постройкам. Иногда замощение было каменное. На ряде участков усадеб обнаружены толстые слои щепы, которой засыпались, вероятно, лужи, грязь, неровности почвы.

Стоит отметить, что первые мостовые в Париже появились в XII веке, в Нюрнберге — в XIV веке, в Лондоне — в XV веке; до того времени ни во Франции, ни в Германии, ни в Англии замощенных улиц не было.

Замощение улиц и поддержание их в чистоте не было в Новгороде привилегией аристократических районов. Не говоря уже о повсеместном распространении ремесленного населения в Новгороде, район Холопьей улицы являлся центром демократического населения города. Именно здесь существовали поселки кузнецов, ставших в XIV веке важной силой политических движений в Новгородской республике. Район древнего поселения ремесленников уже с X века, как показали раскопки, был благоустроен.

Исследование изображений северных городов в древних книжных миниатюрах давно уже показало, что типичным видом жилых построек были двухэтажные клети с жилым верхним этажом и с нижним, предназначенным для помещения скота, хранения утвари и запасов. Археологические раскопки подтвердили эти данные. В Новгороде за все время раскопок до 1952 года не было найдено ни одной печи, которые очень хорошо известны по раскопкам других городов и поселений. В других городах открыты и изучены даже разнообразные системы отопления. Отсутствие в остатках раскопанных домов печей как раз и объясняется конструкцией жилищ. Печи находились во втором этаже, и при разрушении домов кирпичи растаскивали. Впервые в 1952 году в нескольких до-



Раскопанный в 1948 году участок водоотвода

мах печи были обнаружены, благодаря чему выяснилось, что иногда и нижние этажи зданий отапливались.

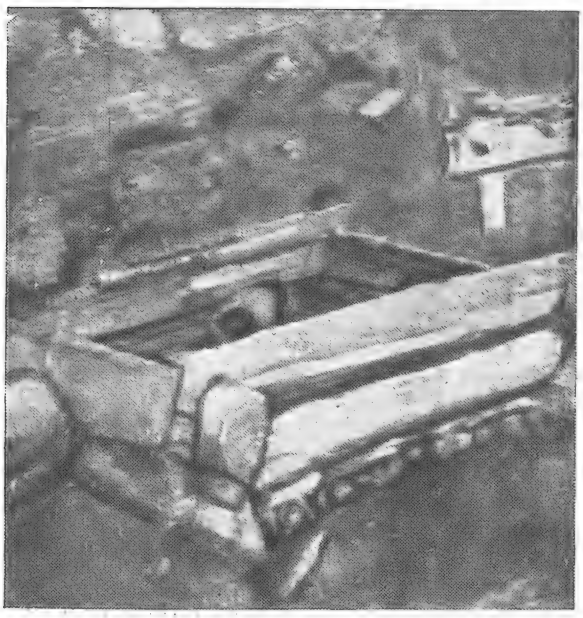
В связи с конструкцией новгородских домов было распространено мнение, что при обычной тесноте средневековой городской жизни улицы древнего Новгорода были темными и сырыми, что пешеходы и повозки там пробирались по узким ущельям, лишенным солнца и света. В 1951 году впервые был раскопан большой участок улицы, и эти работы показали, что застройка улиц не была сплошной, как в больших западных

городах; дома и хозяйственные постройки ставились с промежутками, а значит, и улица была открыта для света и солнца.

Кроме улиц, в Новгороде существовали широкие площади. Настилы Вечевой площади были вскрыты раскопками 1947—1948 годов на Ярославовом Дворище. На Неревском конце также была обнаружена часть широкого помоста, примыкавшего к Холопьей улице.

НОВГОРОДСКИЕ ВОДООТВОДЫ

В 1937 году при раскопках Новгородским музеем восточной части Ярославова Дворища было найдено несколько деревянных желобов, которые первоначально были датированы XVI—XVII столетиями. Дальнейшее изучение показало, что такая датировка ошибочна. Желоба лежали непосредственно на слое с типичными находками XII—XIII веков. В следующие годы в слоях именно этого раннего времени такие желоба стали находить один за другим. Но лежали они в ином, более определенном порядке. Желоба оказались половинками труб, выдолбленных из цельных стволов дерева. Довоенными раскопками в разных местах, главным образом в районе Ярославова Дворища, было найдено несколько таких труб, но размеры раскопок были недостаточными, для того чтобы полностью изучить и понять назначение этих загадочных сооружений. В 1947—1948 годах система труб была вскрыта на достаточно большом участке. Открытое сооружение представляло собой одну из интереснейших частей городского благоустройства, совершенно не известную в северных городах западной Европы, — систему деревянных водоотводов. Назначением этого сооружения было собирать и отводить в Волхов воду одного известного по письменным свидетельствам источника. Родниковые ключи в большом числе зафиксированы в этом районе города, и не будь водоотводов, вся местность заболачивалась бы постоянно и была бы непригодной для жизни.



Соединительный колодец водоотвода на Ярославовом Дворище

Новгородские водоотводы состояли из больших, диаметром до 50 сантиметров, деревянных труб. Половинки плотно соединялись друг с другом зигзагообразным швом. Для большей водонепроницаемости трубы были обмотаны на стыках несколькими слоями бересты. Кроме труб, к системе водоотвода относились большие соединительные колодцы, собиравшие посредством нескольких труб воду из разных участков города и направлявшие ее затем в Волхов по одной трубе. Колодцы эти служили также для контроля за чистотой всей системы. Для той же цели применялись бочки-отстойники. Один большой колодец, в который входили четыре трубы, был целиком перевезен в Москву и выставлен в залах Государственного Исторического музея.

Деталь водоотвода — бочка-отстойник

Водоотвод был сооружен так прочно, что когда при раскопках его трубы пришлось перерезать, из них хлынула вода. До сих пор под Новгородом функционирует древнее сооружение, осушившее заболоченные и сырые участки города.

Открытый водоотвод — не единственный в Новгороде. Такие же трубы были обнаружены в кремле и на Чудинцевой улице.

Подобные сооружения были открыты и в Москве — при раскопках Зарядья. Система водоотвода создана самостоятельным творчеством русских ремесленников и по своеобразию не находит ничего подобного себе ни в Западной Европе, ни в Византии, ни в других странах средневековья.

ДВЕ СТЕНЫ

XIV век был наиболее важным в истории военного дела средневековой Европы. В предыдущем столетии впервые для военных целей был применен порох, и в XIV веке огнестрельное оружие быстро распространяется во всех странах Запада и Востока. Большие возможности и сила огнестрельного оружия произвели переворот во всех старых приемах на-

падения и защиты. Старые формы перестали быть действенными, и на смену им приходят новые изобретения и усовершенствования. В связи с новыми требованиями обороны одна за другой перестраиваются старые крепости и строятся новые. Обязательность перехода к новым приемам защиты привела к тому, что не осталось на поверхности земли ни одной крепости, ни одной каменной стены, которые могли бы наглядно познакомить с организацией в древней Руси военного отпора захватчикам. Отсутствие сохранившихся в нетронутом виде памятников вело к неправильным умозрительным заключениям о ходе развития древнерусского военного дела. Считали, например, что древнерусские крепости были рассчитаны только на пассивную оборону, что стены их не были достаточно мощными, что только с введением огненного боя они начали постепенно утолщаться и приобретать необходимую мощность. Пока не было открыто подлинных памятников фортификации, нельзя было сказать что-либо определенное об их устройстве.

При раскопках в 1932 году на Славенском конце археологи неожиданно наткнулись на каменную стену, покрытую толстым слоем земли. В следующие годы стена была прослежена на большом участке; удалось определить ее направление и точно установить время ее постройки. Летопись сохранила известие о том, что в 1335 году при архиепископе Василии Калике посадник Федор Данилович с тысяцким Остафием и всеми новгородцами заложил «острог камен» от церкви св. Ильи к церкви св. Павла. Обе церкви и сейчас стоят на Славне, стена была обнаружена как раз между ними. Стена 1335 года оказалась мощным военным сооружением. Она имела толщину 3 метра, что полностью опровергает представление о слабости древнерусских крепостей во времена, предшествовавшие распространению огнестрельного оружия. Стена сложена из больших плит розового ильменского известняка и стоит на валунном основании.

Другая стена была открыта в 1947 году. На городском валу давно уже были замечены остатки каменных сооружений, в некоторых местах выходивших на поверхность земли. Эти монументальные сооружения были построенными в 1391 году каменными башнями, назначением которых было защищать въезды на городские улицы. Считалось, что до этого времени укрепления окольного города, посада, были только земляными и деревянными, да и после этого они остались такими же, так как каменных башен имелось не так много.

Во время Великой Отечественной войны Новгород в течение долгого времени находился на переднем крае обороны. Фашисты, ожесточенно сопротивлявшиеся, использовали все особенности рельефа — древний вал они изрыли траншеями и щелями. Но не помогли им траншеи и щели. Первым сталинским ударом Великий Новгород был освобожден, и немцы откатились далеко на запад. После освобождения Новгорода городской вал был обследован заново, и здесь обнаружилось, что во многих местах под валом скрыта мощная каменная стена. Стена на одном из участков была расчищена на всю высоту. Она была сооружена из такого

же розового ильменского известняка, что и стена посадника Федора на Славне. Такой камень широко употреблялся новгородцами в XIV веке. Из него построены многие церкви этого времени. В XV веке розовый известняк больше не употребляли. По своим техническим данным открытая стена оказалась еще более мощной, чем стена на Славне. Известняковые плиты выложены в две линии — внешнюю и внутреннюю, а пространство между ними заполнено мелкими камнями, залитыми известковым раствором. Толщина стены достигает 4,6 метра. На соседнем участке раскопаны остатки ворот. Через них из Новгорода шла дорога на Москву.

Толщина стен, мощность городских укреплений опровергают мнение о пассивности сопротивления древнерусских крепостей. Вновь открытые крепостные сооружения доказывают, что новгородцы умели проводить активную оборону, то есть поражать противника стрелами, камнями и т. д. Летопись не раз говорит о такой обороне древнерусских городов. В новгородском войске она неоднократно упоминает «пороки» (так назывались в древней Руси стенобитные и метательные орудия) и «порочных» мастеров. Готовясь к походу в Ливонию в 1268 году, новгородцы строили «пороки» на Владычном дворе. В 1242 году Александр Невский взял только что построенную немцами мощную крепость Копорье, при этом стены крепости были «извержены до основания». Новгородцы, сами владевшие метательными машинами, должны были строить свои стены с расчетом на стенобитные орудия.

О высоком уровне военного дела в Новгороде говорят многочисленные находки предметов вооружения. Из них наиболее интересны арбалетные стрелы и найденный в 1952 году древнерусский пластинчатый доспех XIII века.

НОВГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Находки деревянных и каменных сооружений говорят о развитии в древнем Новгороде ремесла плотников и каменщиков. Вскрыты многочисленные остатки срубов, заборов, ворот, колодцев. Найдено также много деревянных архитектурных деталей построек: резные балясины, коньки, наличники и т. д. Густо застроенный, покрытый благоустроенными мостовыми, снабженный мощными подземными сооружениями, Новгород создавался людьми, не только горячо любившими свой город, но и прекрасно знавшими свое дело.

Данные археологии хорошо сочетаются с летописными сведениями. Так, в летописи содержится любопытное свидетельство, относящееся к 1016 году. Киевский воевода Волчий Хвост ругает новгородцев плотниками: «а вы плотники суще, приставим вас хоромов наших рубити».

Из ремесел, связанных с обработкой дерева, хорошо представлено новгородским археологическим материалом судостроение. Жившие на широком Волхове, новгородцы много плавали. О развитом производстве лодок говорят частые находки весел, лодочных скамеек, шпангоутов, железных лодочных скобок. В 1948 году на Ярославовом Дворище была

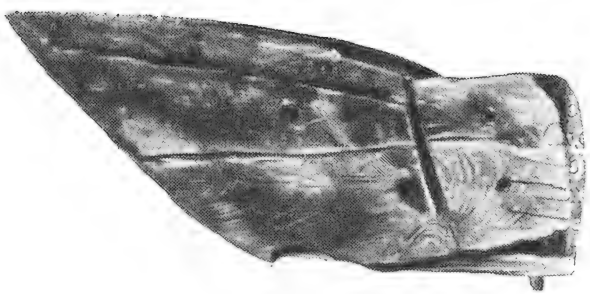
найдена почти целая лодка. Производство лодок было налажено в Новгороде в первую очередь в связи с нуждами рыболовства. Об этом свидетельствуют многочисленные находки каменных рыболовных грузил, берестяных и деревянных поплавков для неводов, железных гарпунов, рыбьих костей и чешуи. Но кроме производства лодок, в Новгороде существовало и производство больших кораблей, рассчитанных на долгое и дальнее плавание. В народных песнях и былинах новгородским кораблям посвящены красивые и запоминающиеся строки. Вот один из ярких образов:

Под славным великим Новым — городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает — поплавает сер селезень,
Как бы ярый гоголь понырывает;
А плавает — поплавает червлен корабль
Молодого Василия Буслаевича.

В 1947 году на Ярославовом Дворище была найдена подводная часть носа большого корабля, выдолбленная из целого куска дерева. Особенности ее конструкции позволяют уточнить сведения о древнерусском кораблестроении, многие выводы о котором до сих пор были гадательны. О постройке в Новгороде больших кораблей говорят и находки в 1951 и 1952 годах на Неревском конце корабельных весел.

Для истории древнерусского сухопутного транспорта важна находка целого санного полоза XIII—XIV веков; такие полозы изображены в древних книжных миниатюрах.

Но основным занятием новгородских ремесленников было не плотницкое дело. В XVI веке по приказу царя Ивана Грозного в Новгороде были составлены писцовые книги, где переписаны все новгородские ремесленники. Больше всего среди них оказалось мастеров по обработке металла и сапожников. Преобладание этих видов ремесел подтверждается археологическим материалом и для более раннего времени. Понятно, почему в Новгороде было много металлистов. Обработка металла является основным и самым необходимым трудом, так как только благодаря ей становятся возможными и другие виды ремесла. Ремесленники-металлисты изготовляют главным образом орудия труда. Новгородские ремесленники поставляли населению широкий ассортимент изделий. Среди последних часто встречаются сошники, серпы, косы, гвозди, замки, ключи, топоры плотничьи и боевые, сверла, резцы,



Нос корабля, найденный на Ярославовом Дворище

Деревянная чаша, изготовленная на токарном станке

копья, стрелы, плотничьи скобели, молотки, ножи, ножницы разных типов, шилья, долота и многие другие предметы. В 1951 году впервые была найдена плотничья пила. Найдены и инструменты самих кузнецов. Исследование предметов металлообрабатывающего производства говорит о том, что новгородские кузнецы были хорошо знакомы с передовой техникой своего времени, владея не только всем оборудованием мастерской, созданным к тому времени, но и хорошими знаниями в области технологии производства и виртуозными навыками, требующими тонкой специализации.

Из орудий производства очень интересен напильник, найденный в 1947 году. По тонкости нарезки он не уступает современным, хотя тогда нарезка наносилась вручную.

Большое разнообразие инструментов говорит о развитой уже в то время дифференциации ремесел.

Тонкой специализации требовало, например, производство замков. Трубчатые замки были просты и остроумны по устройству и пользовались популярностью далеко за пределами русской земли. В Чехии, например, вплоть до XIV века определенный тип замков имел устойчивое название «русского замка».

О дифференциации ремесла свидетельствуют и находки разнообразной продукции новгородских ремесленников. Здесь найдены бочки, целые и частично сохранившиеся, лопаты, ложки, ковши, грабли, деревянные вилы, костяные и деревянные рукоятки различных орудий и т. д. Значительное место в ремесленном производстве занимало токарное дело. Среди находок были деревянные чаши, выполненные на токарном станке.

Особое место в Новгороде занимало кожевенно-обувное производство. На значительное его развитие указывают находки разнообразных отходов сапожного производства во многих районах города. Согласно писцовым книгам, в XVI веке сапожники составляли 15 процентов всего количества новгородских ремесленников. Их труд был также значительно дифференцирован. Кроме просто сапожников, писцовые книги называют поршенников (поршень — один из самых распространенных видов обуви в Новгороде), голенищников, подошвенников. Сапожное производство Новгорода соединялось с кожевенным, так как остатки того и другого находятся в одних хозяйственных комплексах. Для удаления шерсти со шкур служили зольники, обнаруженные на Славне и Ярославовом Дворище. Для дубления кожи употреблялась вода, отводимая дренажными трубами от источника, богатого минеральными солями. Сама продукция сапожников представлена в находках тысячами образцов. Обуви из лыка

в Новгороде не найдено, хотя лыко в новгородской почве сохраняется отлично. Вывод отсюда один: лапотников в Новгороде не было.

Хорошо представлено в Новгороде и ткачество. Из находок, связанных с этим ремеслом, следует отметить часто встречаемые каменные и глиняные веретенные пряслица, употреблявшиеся для придания большей устойчивости веретену, деревянные веретена, подножки прялок и челноки ткацких станков. Открыты и остатки тканей. В 1951 году на Неревском конце был найден большой клубок шерстяных ниток.

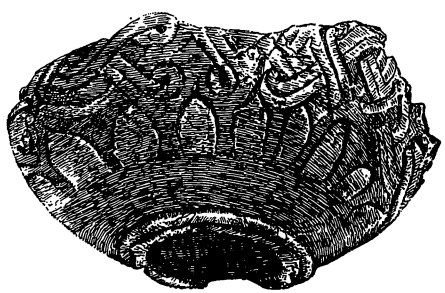
Гончарное ремесло засвидетельствовано десятками тысяч обломков глиняной посуды, находимых повсеместно, и целыми сосудами различных форм. В 1937 году на Славне была открыта мастерская гончара-игрушечника XIII века. Гончар производил маленькие глиняные игрушки-птички, покрытые желтой поливой. Продукция его была очень стандартна, и это также позволяет предположить наличие сильно развитой дифференциации ремесла.

Очень интересны материалы, характеризующие развитие техники в средневековом Новгороде. К ним относятся деревянные блоки для поднятия тяжестей, подпятники (подшипники) для осей.

Данные, собранные археологами, говорят о том, что ремесленное производство древнего Новгорода стояло в ряде областей выше производства Западной Европы того времени. Эти данные опровергают старую распространенную теорию о чисто торговом характере новгородской жизни. Согласно этой «теории» богатство и историческое значение Новгорода основывались только на торговых операциях новгородских купцов; ремесла в Новгороде находились якобы в зачаточном состоянии, и собственный вклад Новгорода в материальную культуру якобы был ничтожным. Десятки тысяч находок свидетельствуют об обратном. Ремесло в Новгороде носило передовой характер и было одной из важнейших основ экономического развития и процветания древнего русского города.

ИСКУССТВО В БЫТУ

Обильные материалы дали археологические раскопки и для изучения новгородских художественных ремесел. Можно говорить не только о значительном развитии специальных художественных мастерских, какими были, например, ювелирные, но и о постоянном внесении ремесленниками всех специальностей художественных элементов в свою продукцию.



Резная деревянная чаша X века

Для новгородских гончаров, так же как и для всех вообще русских горшечников, обязательным было нанесение на поверхность сосудов орнамента, придававшего горшку нарядность.

То же можно сказать и о плотниках. В Новгороде было найдено значительное количество деревянных архитектурных украшений. Из них особенно интересен резной петух, стоявший некогда на крыше одного из домов Ярославова Дворища.

Применение художественной резьбы было очень распространено в древнем Новгороде.

Художественной резьбой покрыты многие деревянные предметы: жезлы, чаши, ковши, ложки, пряничная доска и многие другие. Орнамент деревянных предметов находит аналогии, с одной стороны, в архитектурной орнаментации Новгорода, с другой — в древнерусских книжных инициалах, заставках и миниатюрах. Такое единство орнаментации лишний раз выявляет подлинно народные мотивы даже в произведениях, выполненных по заказу феодалов. Особенно характерен в художественной резьбе мотив плетенки — узор из причудливо переплетающихся полос. Этот типичный древнеславянский узор, перешедший впоследствии на страницы летописей, был в Новгороде обнаружен на очень раннем памятнике — деревянной чаше X века. Ближайшие аналогии этому узору найдены в каменной резьбе Далмации IX—X веков, что говорит о глубоких общеславянских корнях подобной орнаментации.

Очень красивы деревянные жезлы, покрытые сложной резной плетенкой, и большие деревянные орнаментированные шары, являющиеся, по-видимому, какой-то деталью мебели.

В 1952 году было найдено навершие небольшого жезла в форме человеческой головы, выполненное с таким мастерством, что, будь оно подписано, мы узнали бы имя еще одного выдающегося художника древности.

Великолепные образцы художественной резьбы открыты также на произведениях костерезного ремесла. Сюда относятся в первую очередь гребни и рукоятки ножей, покрытые чаще всего небольшими циркульными глазка́ми, очень характерными для новгородской орнаментики. На одном гребне, кроме того, изображен лев. В 1951 году на Неревском конце была найдена уникальная вещь, один из шедевров древнерусской костяной резьбы, — круглая привеска с изображением русалки, пьющей из рога.

В 1952 году были найдены и другие шедевры: резное навершие в виде головки совы и костяная пластинка с изображением сказочного Змея Горыныча. Из предметов, найденных до войны, интересна небольшая резная маска, служившая накладкой, и ногтечистка, украшенная поверху петушиным гребнем. Прекрасной техникой выполнены костяные прикладные печати XV века, одна из которых была найдена при раскопках Холопьей улицы.

На высоком художественном уровне изготовлены свинцовые печати XII—XIII веков, в огромном количестве найденные в Новгороде, и обнаруженная впервые (1952 г.) золотая древнерусская печать XII века. Вообще древнерусские печати выше современных им западноевропейских в художественном отношении.

Изображение русалки на костяной привеске

Элементы художественности свойственны в Новгороде и таким, казалось бы, далеким от искусства, чисто утилитарным ремеслам, как кузнечное и сапожное.

В 1951 году было найдено массивное железное украшение ворот в виде стилизованного цветка. Что же касается сапожного производства, то здесь находки художественных вещей многочисленны. Новгородские сапожники и шорники широко применяли тиснение, плетение и вырезные узоры, благодаря чему обувь и другие кожаные предметы, найденные в Новгороде, очень нарядны. Много лет назад рыбаками был извлечен из Ильменя сапог зеленого сафьяна. Долгое время он считался подделкой из-за своей необычной формы: тонкий изогнутый каблук, высоко загнутый кверху носок.

Сомнение разрешили былины, в которых такая художественная обувь описана:

...сапожки — зелен сафьян,
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту — пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.

Из специально художественных ремесел на видном месте в Новгороде стояло ювелирное дело: изготовление украшений из металла, камня, стекла. Найдены янтарные бусы и перстни, серебряные подвески, височные кольца, золотые серьги, медные поясные наборы, художественные металлические накладки на деревянные и костяные шкатулки.

Наибольших успехов в ювелирном деле древней Руси достигло производство эмалей. В Новгороде до войны был случайно найден один из самых выдающихся образцов этого искусства. Рисунок нанесен на золотую пластинку припаянными к ней тонкими золотыми проволочками. Ячейки, образованные тончайшими перегородками, заполнены разноцветной эмалью. Многокрасочное изображение сохранило яркость тонов и поражает тщательностью изготовления. Виртуозная техника перегородчатых эмалей оставляет далеко позади все то, что известно в этой области в Западной Европе, где производились более простые и менее тонкие выемчатые эмали.

Очень интересны данные о производстве стеклянных браслетов. Эти красивые разноцветные украшения в большом количестве находили во всех русских городах от Тмутаракани до Ладоги в слоях XI—XIII веков.

Мужская голова. Скульптура. Дерево. XII век

Берестяная грамота XV века. Письмо Карпа к Фоме

Долгое время они считались византийскими, пока не были открыты раскопками мастерские по их производству в Киеве, чем было доказано их русское происхождение. После открытия киевских мастерских распространилось убеждение, что браслеты производились только в Киеве, откуда они расходились по всей Руси, пока их производство не было разрушено монголами при разграблении Киева в 1240 году. Между тем раскопки на Славне и на Холопьей улице показали, что в Новгороде браслеты бытуют до рубежа XIII—XIV веков, что свидетельствует о существовании в Новгороде собственного производства стеклянных украшений, пережившего производство Киева. Включение художественного момента в свое ремесло было обязательным и для каменщиков, покрывших художественными узорами стены многих новгородских церквей.

Широкое проникновение элементов искусства в повседневный быт простых новгородцев, рыбаков и земледельцев, ремесленников и воинов, подготовило и сделало возможным появление знаменитых новгородских шедевров древнерусского искусства — от гениальных фресок нередицкого и волотовского храмов до не менее гениальных памятников зодчества.

НОВГОРОДСКИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КУПЦЫ

Наряду с ремеслом больших успехов достигло в Новгороде сельское хозяйство. Расположенный на малоплодородных землях Новгород постоянно зависел от привоза хлеба извне, чем иногда пользовались враги Новгорода, закрывая дороги подвоза сельскохозяйственных продуктов и обрекая город на голодание.

Впрочем, в самом Новгороде занятие сельским хозяйством не было основным делом горожан. Система городских усадеб, вскрытая раскопками, позволяет установить значительное развитие животноводства. Остатки стойл для скота наблюдаются на подавляющем большинстве вскрытых участков. Число найденных фрагментов костей домашних животных, в первую очередь коровы и лошади, достигает десятков тысяч.

Злаки возделывались главным образом за пределами городской черты. Но и в самом Новгороде обработка земли в какой-то мере существовала. В 1951 году на Неревском конце был раскопан амбар с запасом зерна. Зерна было так много, что потребовалось несколько грузовых автомашин, чтобы перевезти его в лабораторию экспедиции. Были найдены зерна ржи, пшеницы, ячменя, конопли, проса, овса. Важные сведения будут еще получены при изучении состава сорняков, что позволит определить агрономическую систему земледелия. О составе культур уже сейчас можно сказать, что преобладающую роль играли рожь, ячмень, пшеница, меньше культивировались конопля, овес и бобовые. Больших успехов достигли также огородничество и садоводство.

Новгород торговал с далекими странами. Из найденных привозных вещей следует отметить банную средиземноморскую губку и скорлупу грецких орехов — свидетельства связей с далеким югом. Факты, говорящие об обширной торговле Новгорода, выясняются самым неожиданным путем. В былине о Василии Буслаеве рассказывается, между прочим, о

«девушке-чернавушке», как «та девушка-чернавушка на Волх-реку ходила по воду». Ведро у нее было кленовое, коромысло кипарисовое. Долго казался просто экзотическим вымыслом рассказ о кипарисовом коромысле. Но вот по окончании раскопок 1951 года на Холопьей улице все деревянные предметы, найденные экспедицией, были даны для определения их древесных пород крупнейшему знатоку древесины проф. В. Е. Вихрову. Клепка обыкновенного ушата оказалась сделанной из южного дерева тисса. Гребни, найденные в Новгороде в большом количестве, украшенные типичным новгородским орнаментом — циркульными глазками, оказались самшитовыми. А самшит растет на Кавказе и в Крыму. Рассказ о девушке-чернавушке убедительно подтвердился новыми открытиями, говорящими о привозе в Новгород ценных пород дерева из далеких стран.

С далекого северного моря привезена найденная в раскопе на Неревском конце моржовая кость. Кость моржа («рыбий зуб») высоко ценилась в древней Руси. Она также упоминается в новгородских былинах. При раскопках на Неревском конце было найдено миниатюрное деревянное изображение тюленя. Из Прибалтики был привезен янтарь для многих украшений.

Широко был развит и внутренний товарообмен. Без него немыслима была бы отмеченная выше сильная дифференциация ремесел.

Требования развитой торговли влекли за собой совершенствование орудий измерения. Так, найдены были небольшие весы для взвешивания ценностей. В довоенных раскопках кремля такие весы были обнаружены в купеческом кошельке XI века вместе с набором разновесов. В 1951 году впервые найдена большая железная гиря весом точно в 6 фунтов, предназначенная для весов так называемого римского типа, на которых можно взвешивать груз сорокократной тяжести. Регламентированием и наблюдением над мерами и орудиями измерения занималось известное новгородское купеческое объединение — Иваньское Сто. О нем говорится в уставе князя Всеволода Мстиславича XII века. В 1948 году на Ярославовом Дворище была найдена прямолинейная планка правильной формы с процарапанной на ней надписью: «Святого Иеваноск...». Планка эта, как явствует из надписи на ней, оказалась орудием измерения — «иванским локтем» — вроде позднейшего деревянного аршина. Оригинал этого локтя хранился в церкви Ивана на Опоках, недалеко от Дворища. По форме букв находка относится как раз к XII веку. К сожалению, планка обломана, и это не позволяет точно выяснить длину иванского локтя.

КАК ОПРОВЕРГАЮТСЯ СТАРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Изучение особой темы — о грамотности средневековых новгородцев — стало возможным только благодаря археологическим раскопкам. Долгое время в науке господствовало мнение о том, что лишь немногие русские люди в древности умели читать и писать, что грамотность была достоянием узкого слоя образованного общества. Исследованиями советских археологов это мнение опровергнуто. В Новгороде найдено множе-

ство надписей на обычных бытовых предметах, и эти находки свидетельствуют о широком распространении грамотности среди простых ремесленников древнего Новгорода.

В 1951 году на нижнем бревне одного из срубов XIV века, стоящих на Холопьей улице, была обнаружена древнерусская цифра «А» (1), вырубленная топором. Сруб, как видно, был заготовлен где-то на стороне, после чего венцы его были перемечены не обычными зарубками, а настоящими цифрами, имевшими тогда буквенные обозначения, затем разобран и после перевозки снова собран на новом месте.

В 1947 году была найдена женская сапожная колодка, помеченная именем заказчицы — «Мнези», а в 1948 году — мужская колодка с инициалом заказчика — «Р». Значит, существовали не только грамотные плотники, но и грамотные сапожники.

В том же 1948 году удалось обнаружить крышку бочки с именем владельца — «Юрищина», в 1951 году — крышку бочки с надписью «Мнь». Слово «мнь» читается как «мень» — так назывался в древней Руси, да и сейчас называется в некоторых областях налим. Бочка с солеными налимами принадлежала в XII веке грамотной хозяйке, пометившей ее для того, чтобы не перепутать с другими бочками.

Надписи найдены и на других предметах: на днище чаши вырезано «Смова», на оселке — «Осла Семена Александровича», на обломанной деревянной планке — «Святого Иеваноск...», на шиферном пряслице — «Фенище...», на костяной стреле — «Бат», на одном берестяном поплавке — «Бжь», на другом — «Фи», на моржовой кости — «Домо». Последние четыре надписи являются началом имен владельцев и свидетельствуют о грамотных воинах и рыболовах.

Новгородские ремесленники были знакомы не только с русским письмом. Хорошо известны греческие надписи на новгородских печатях XII—XIII веков, а в 1951 году была найдена латинская надпись, сделанная на узкой медной пластинке с дырочками для прикрепления. Начало и конец надписи обломаны, а на сохранившейся части пластинки хорошо читается: «... t: me: Buris: ab ...». Эту часть надписи можно восстановить и перевести следующим образом: «Сделал меня Бурис от...». Пластинка оказалась подписью мастера к изделию. Такие подписи были распространены в средние века в Западной Европе. Самое интересное обнаружилось, когда стали определять, кто же такой мог быть этот загадочный Бурис. Анализ имени показал, что Бурис может быть только русским Борисом. Есть все основания полагать, что автором этой надписи был новгородец. Другой новгородский мастер, Авраам, был также знаком с латинским языком. В том же XII веке, к которому относится надпись на пластинке, он перевел на русский язык надписи Магдебургских ворот Софийского собора, вывезенных в Новгород во время одного из походов новгородцев на шведский город Сигтуну.

Летопись рассказывает о началах образования в древнем Новгороде. Под 1030 годом в ней говорится о князе Ярославе, что он «прииде к Новугороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам».

300 учеников для такого раннего времени — очень большая цифра. О грамотных людях рассказывается и в былинах. Но эти свидетельства давали возможность говорить о распространении грамоты только в среде зажиточных слоев общества. Новые находки позволяют распространить данные о развитии грамотности и на широкие слои простых трудовых людей.

НАЧАЛО НОВОЙ НАУКИ

26 июля 1951 года положило начало новой науке.

Круг письменных исторических источников вообще очень ограничен. Дошедшие до нас письменные памятники XI—XV веков состоят из церковных книг, летописей, повествующих о событиях, связанных главным образом с интересами феодалов, духовных и светских, из государственных и частных актов, в которых регистрировались договорные отношения князей и торговых людей, сделки по купле и продаже, дела о наследстве, имущественные споры. Эти акты были составлены по определенному, раз навсегда данному шаблону и были написаны официальным, далеким от живой разговорной речи языком. Представления о разговорной речи черпались поэтому из фрагментарных надписей, нацарапанных древними людьми на стенах храмов, из отдельных мест летописей, куда она иногда проникала, из устного народного творчества, где она с течением времени, конечно, видоизменялась. Но существовал в древности еще один вид памятников, который мог бы лучше всякого другого познакомить нас и с речью наших далеких предков и с детальными подробностями их жизни и быта. Таким видом источника являются письма древних людей. О письмах новгородцев рассказывается в былинах. Василий Буслаев, отправившись под старость в святую землю «душа спасти», встретился у Куминского острова с атаманами казачьими:

Много Василий не бает с ними,
Подал письмо в руки им.

После смерти Василия его «дружинушка хоробрая» привозит письмо к его матери Амелфе Тимофеевне.

Но письма не хранились в архивах. Трудно было рассчитывать и на их находку в земле. Основным известным материалом древней письменности был пергамент, изготовляемый из телячьей кожи, а с XIV века начала распространяться бумага. Пергамент в земле сохраняется хорошо, но на нем всегда писали только чернилами. Чернила же во влажной почве наших городов сохраниться не могут.

Некоторые свидетельства старинных книг говорили о существовании еще одного вида писчего материала — бересты. Иосиф Волоцкий писал про Сергия Радонежского, жившего в XIV веке: «В обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех». Береста была самым распространенным и самым дешевым материалом. От XVII—XVIII и XIX веков до нас дошло много сибирских берестяных грамот и книг. Но все они были написаны чернилами. Поэтому ценнейшие материалы частной переписки древних русских людей считались безнадежно и навсегда утраченными для науки.

И вот 26 июля 1951 года, когда был снят пятый настил древней Холопьей улицы, относящийся к XV веку, под ним нашли небольшой берестяной свиток. Такие свитки раньше находили тысячами. Одни из них были поплавками (и до сих пор новгородские рыбаки изготовляют подобные), другие — просто кусочками бересты, вместе со щепой оставшимися после работы плотников. Но на этом свитке сразу бросились в глаза четко процарапанные русские буквы. Когда его извлекли из земли, можно было разглядеть только немногие отдельные буквы. Береста свернулась в плотную трубку, и развернуть ее тотчас было невозможно: она могла рассыпаться и остаться непрочтенной. Находку отнесли в лабораторию экспедиции, и там ученый-реставратор А. В. Кирьянов после промывания свитка в горячей воде с содой расправил его и зажал между двумя стеклами. Вся поверхность документа с одной стороны оказалась покрытой мелкими буквами. В длинной надписи было насчитано более 500 букв. Буквы были настолько четкими, что прочесть документ и определить его назначение удалось очень быстро. Он оказался записью феодальных повинностей, взымавшихся с целого ряда сел. Документ не сохранился полностью: еще в древности он был разорван в клочки и в таком виде выброшен. Но и те его обрывки, которые дошли до нас, сообщили много интересного. Благодаря ему наши знания о системе феодального обложения в древней Руси, о видах повинностей углубились на добрую сотню лет.

На следующий день была снята шестая мостовая и раскоп стал глубже еще на 20 сантиметров. Рядом с улицей был найден второй, уже целый, документ, исписанный с обеих сторон. На этот раз была найдена запись ростовщика или мехоторговца, для памяти отметившего имена всех своих должников и размеры их долга.

Эти ценнейшие исторические документы не были частными письмами, но они дали основание надеяться на их находку. Действительно, оказалось, что на бересте писали не только чернилами. Надписи нанесены процарапыванием заостренной палочкой. Палочка не могла быть металлической. Металлическое орудие было бы слишком острым. Не годилось для письма и деревянное острие, так как оно не смогло бы оставить на бересте ясных следов. Рассмотрение букв найденных документов позволило утверждать, что они были нанесены костяным орудием. Такое орудие удалось найти в том же раскопе. Это — изогнутый и заостренный книзу костяной стержень, отполированный до блеска, с отверстием вверху, позволявшим привешивать его к поясу. На современной бересте он оставляет такие же линии, из каких состоят все буквы на грамотах. При таком способе нанесения букв надпись не может быть разрушена в новгородской почве. Значит, все берестяные документы и письма, написанные таким способом и когда-либо потерянные в Новгороде, лежат в неизменном виде, дожидаясь своего появления в свет. Надежды оправдались очень скоро. 28 июля был найден третий документ. Это была длинная узкая полоска бересты с надписью, расположенной в три строки. Только небольшая часть документа была оторвана. Трудно передать вол-

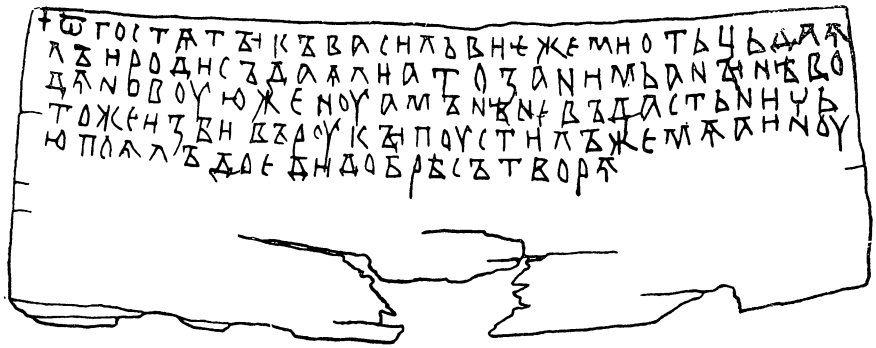
Костяной инструмент для писания на бересте

нение, с которым было прочитано первое, ставшее известным, древнерусское письмо XIV века: «Поклон от Грикши к Есифу. Прислав Онанья мол... Яз ему отвечал: не рекл ми Есиф варити перевары ни на кого. Он прислал к Федосьи: вари ты пив, седишь на безатьщине, не варишь жита». Письмо можно понять так: Онанья требует от Грикши, чтобы ему сварили пиво. Грикша отказывается, так как ему это запретил делать Есиф. Тогда тот послал приказ к Федосье, ссылаясь на свои феодальные права. Дело в том, что «безатьщиной» в древней Руси называлось вымороч-ное имение. Вероятно, Онанья отдал какое-то вымо-рочное имение Федосье, а за это она должна была выполнять различные повинности, в том числе варить пиво. Таким образом, археологи впервые вплотную познакомились с живой разговорной речью древних новгородцев, и при этом в таком документе, который сообщал интересные подробности средневековых об-щественных отношений.

В дальнейшем находки следовали одна за дру-гой. Всего было найдено десять документов: шесть частных писем, три хозяйственные записи и образец маленького литературного произведения — загадка. Наиболее интересным является древнейший доку-мент — письмо Гостяты к Василию, написанное 900 лет назад, в XI веке. В письме сообщается о се-мейном конфликте. Глава семьи отнял у Гостяты имущество и, женившись второй раз, прогнал его из дому. Гостята жалуется какому-то влиятельно-му лицу — Василию и просит последнего приехать, навести мир в семье, сотворить добро. Конфликт, повидимому, весьма характерен для того времени. Глава семьи единовластно распоряжается имуществом всей семьи, выступая носителем старых патриархальных традиций. Однако то, что незадолго до этого было закономерным и никем не оспари-валось, теперь вызывает протест и жалобы со стороны членов семьи. Найденная грамота позволяет познакомиться с разговорной речью самой отдаленной эпохи.

Очень важно, что грамоты найдены в разновременных слоях и в раз-ных местах раскопа. Это говорит о том, что они не являются собранием документов, частью архива, а терялись и выбрасывались в разное время. Насыщенность новгородской почвы грамотами в этом районе города велика. Так, при раскопках Холопьей улицы в 1951 году у одной стенки раскопа была оставлена во избежание обвала земляная ступенька. По рас-чету, там можно было найти одну грамоту. И действительно, грамота бы-ла найдена. Значит, и в дальнейшем следовало ждать новых находок.

Эти надежды оправдались, когда в 1952 году площадь раскопа была увеличена почти в пять раз. Теперь, за 3 месяца работ, были обнаруже-

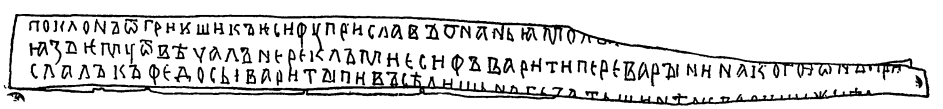


Древнейшее русское частное письмо (XI век)

ны еще 73 грамоты, хотя раскоп был доведен лишь до уровня XII века. Каждый день сотрудники экспедиции узнавали новые интересные подробности жизни древних новгородцев, сообщенные ими самими. Были случаи находок таких писем, в которых упоминались авторы других писем, найденных накануне или несколькими днями раньше. Так, однажды было обнаружено письмо, написанное в XIV веке новгородцем Борисом его жене Настасье. Борис, уехавший куда-то в окрестности Новгорода, сообщал, что у него «здесь дел много» и просил прислать ему рубашку, которую он забыл дома. А на другой день нашли письмо Настасьи к ее братьям. Настасья извещала о смерти Бориса и призывала родственников разделить с ней ее горе. Благодаря находкам грамот удалось (впервые при раскопках древнерусского города) выяснить имена хозяев некоторых раскапываемых домов и усадеб.

В 1952 году увеличилось количество найденных грамот. Были найдены письма, касающиеся политических событий, шуточная запись, феодальное обязательство, несколько духовных завещаний. Ряд грамот содержал переписку боярских приказчиков с их господами, касающуюся вопросов земельной собственности, бывшей одной из основ власти новгородского боярства. В одном письме крестьяне умоляли феодала дать «им вольно ходити». В этой грамоте также упоминается о земле.

Очень интересны письма, говорящие о грамотных женщинах. О грамотной Настасье уже упоминалось. Другая грамотная женщина была ткачихой. В своем письме она пишет, что заказанные холсты она вытка-ла и просит прислать за ними. Наиболее интересно письмо Петра Марье.



Письмо Грикши к Есифу на бересте (XIV век)

Печать Саввы — наместника архиепископа Давида (начало XIV века)

Петр уехал в Поозерье косить, но местные жители отняли у него скошенное сено. Чтобы доказать свои права на сено, Петр просит Марью списать список с купной грамоты и прислать к нему.

Была также найдена и берестяная грамота, написанная чернилами. Когда ее извлекли из земли, чернила под действием воздуха очень быстро улетучились. Но грамоту можно будет прочесть при помощи новейшей технической аппаратуры.

Кроме грамот, в 1952 году были обнаружены хозяйственные записи, по содержанию однородные с некоторыми грамотами на деревянных счетных бирках. На них записаны размеры долга отдельных новгородцев в натуре, а по краю количество долга изображено зарубками.

Двухлетние раскопки ясно показали, что чем бóльшая площадь будет вскрыта в Новгороде, тем большее число драгоценных свитков березовой коры станет достоянием науки. Берестяные грамоты, количество которых в почве Новгорода можно исчислять тысячами, дадут новые неоценимые сведения о быте жителей Великого Новгорода, о ремесле и торговле, о культуре и литературе, о государственном устройстве и событиях политической жизни. Берестяные грамоты не являются особенностью одного Новгорода. В 1952 году экспедиция под руководством Д. А. Авдусина обнаружила грамоту XI века в Смоленске.

Находка в древнем Египте папирусов в свое время создала новую науку — папирологию. Такими же источниками, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы, станут для русской истории берестяные грамоты.

НАМЕСТНИК САВВА И ВЛАДЫКА ВАСИЛИЙ

Археологические раскопки дают ценные сведения и о политическом устройстве страны. Новгородские находки лишний раз подтвердили это.

Из предметов, говорящих о политической жизни Новгорода, наиболее часто встречаются свинцовые печати. Среди печатей, в древнее время привешивавшихся к документам, известна целая серия печатей новоторжских наместников. Новый Торг, который теперь называется Торжком, был важнейшим городом Новгородской республики. Через него проходили дороги, связывавшие Новгород с хлебными областями Суздальщины. Его стратегическим положением часто пользовались враги Великого Новгорода, захватывая город и перерезая жизненные артерии республики. Торжок часто переходил из рук в руки. В разное время он принадлежал и Новгороду, и Твери, и Москве; с переменой власти назначались разные наместники.

На наместничьих печатях не сказано, кто их выслал, чьи интересы они охраняют. Кроме краткой надписи, на них помещены изображения святых. В прежнее время изображение святого на печати заменяло подпись. Если, например, на ней изображен святой Василий, значит владельца печати звали Василием. Единственное, что могли дать известные новоторжские печати, — список имен святых, изображенных на них. Считалось, что эти имена составляют список новоторжских наместников. Вопрос о том, чьи это были наместники — новгородские, тверские или московские, — казался неразрешимым.

Но вот в Перыни при раскопках 1951 года была найдена еще одна такая печать. На ней был изображен святой Давид и написано «Давид». Печати «Давида» были известны и раньше, но на вновь найденной ниже имени Давида было помещено второе имя — Савва. Это заставило предположить, что те имена, которые раньше приписывались наместникам, вовсе не принадлежат им. Наместником, владельцем новой печати, был, очевидно, Савва, а Давидом звали человека, назначившего Савву наместником в Новый Торг. Пришлось заново просмотреть список имен, помещенных на новоторжских печатях. При этом оказалось, что их список точно совпадает со списком новгородских архиепископов XIV — XV веков. Более того, некоторые новоторжские печати сохранились в архивах, где они были привешены к документам, скреплявшим продажу сел и имущества. Такие же документы в большом числе известны в северных новгородских областях. Там они скреплены печатями, где не указана должность их владельца. Выяснилось, что эти анонимные печати однотипны с новоторжскими и также принадлежат наместникам архиепископа. Таким образом было установлено, что новгородский архиепископ в XIV—XV веках распоряжался всеми гражданскими отношениями на территории Великого Новгорода. Его наместники были разосланы в самые отдаленные уголки Новгородской республики, где осуществляли архиепископскую власть. Одним из таких наместников был новоторжский Савва, имя которого сделалось известным благодаря раскопкам.

При помощи археологии можно не только открывать новые имена неизвестных дотоле исторических деятелей, но и ближе познакомиться с людьми знаменитыми и выдающимися.

Выше уже упоминался Григорий Калика, живший сначала на Холопьей улице, а потом ставший новгородским архиепископом Василием. Автор блестящих полемических посланий, инициатор грандиозного строительства в Новгороде XIV века, популярный среди новгородских ремесленников, Василий умер в 1352 году и был похоронен в Софийском соборе. Точное место его погребения не было известно. Сообщения источников оказались сбивчивыми и противоречивыми. Единственное изображение Василия помещено на так называемых Васильевских вратах, сделанных по его заказу в 1336 году для Софийского собора и увезенных Иваном Грозным в Александровскую слободу. Изображение это крайне схематично и далеко от портрета.

В 1945 — 1947 годах в связи с архитектурным исследованием Софийского собора внутри него были произведены раскопки. В Мартирьевской паперти было обнаружено несколько погребений. В одном из них, относящемся к XIV веку, лежал скелет мужчины атлетического телосложения. При скелете сохранились остатки одежды. Они-то и помогли установить имя погребенного. Покойник был одет в ризы, украшенные многочисленными изображениями крестов. Такие ризы в то время разрешалось носить только немногим духовным лицам. Право пользоваться ими давалось в каждом случае митрополитом или даже константинопольским патриархом. Из всех новгородских архиепископов XIV века только двое носили крещатые ризы: Василий и Моисей. Но Моисей похоронен в окрестностях Новгорода, в Сковородском монастыре. Следовательно, принадлежность открытого погребения Василию бесспорна. Череп Василия был передан для восстановления по нему скульптурного портрета лауреату Сталинской премии М. М. Герасимову, и теперь, через 600 лет после смерти известного политического деятеля, впервые стало возможным реально представить себе его внешний облик.

СВЯТИЛИЩЕ ПЕРУНА

Известия летописи о существовании в Перыни крупнейшего центра языческой религии X века требовали расширения археологических работ.

Раскопки, начатые в Перыни в 1948 году, вскрыли первоначально очень небольшую площадь. Однако они позволили установить, что культурный слой там содержит интересные находки и жилища XI—XIV веков. На самом дне культурного слоя было найдено много черепков древней лепной посуды. Такие черепки в самом Новгороде встречаются крайне редко. Стало очевидным, что Перынь — место поселения, более древнее, чем сам Новгород, и ее археологическое изучение может дать материалы, проливающие свет на раннюю историю великого города.

В 1951 и 1952 годах раскопки были продолжены. Площадь вскрытого участка достигла почти 1500 кв. метров.

Верхняя часть слоя содержала 16 полуземлянок XI — XIV веков. Здесь были обнаружены свинцовые печати, металлические украшения, железное оружие, стеклянные браслеты и многие другие находки. Ниже залегал слой IX — X веков с лепной керамикой.

Самое важное и интересное открытие было сделано в конце раскопок, когда культурный слой был исчерпан и раскоп доведен до материка. В основании слоя оказалось своеобразное и величественное сооружение. В Перыни почва лишена свойственной Новгороду особенности сохранять дерево. Поэтому конструкция сооружения могла быть выяснена только в плане.

Открытое сооружение представляло собой правильный круг, ограниченный со всех сторон рвом. Диаметр круга вместе со рвом достигал 33 метров, ширина рва — 6 метров, глубина — больше 1 метра. Точно в центре круга оказалась яма от большого деревянного столба диаметром около 60 сантиметров. Ров, окружающий круглую площадку, был весьма

сложен по своему устройству. В плане он представляет не простое кольцо, а громадный цветок с восемью лепестками. Такую форму ему придают восемь дугообразных выступов, расположенных правильно и симметрично.

Объяснение этого сооружения не вызывает сомнений. Здесь в Перыни, на живописном холме, в месте, где Волхов вытекает из Ильменя, стояла статуя Перуна. Летописный рассказ теперь подтвержден. Сооружение, явно нежилое, не может иметь ни оборонительного, ни хозяйственного значения. Оно поражает своей правильной формой и хронологически соответствует летописным данным. Толстый столб точно в центре является основанием деревянного Перуна, который, по сообщению летописи, был срублен («посечен») в 988 году и плыл тогда вниз по Волхову мимо Новгорода. Объяснима и странная форма сооружения. С именем Перуна народное поверье связывало некоторые травы и цветы, которым приписывались магические свойства. В планировке святилища, вероятно, отражена форма одного из таких, посвященных Перуну, цветков.

Правильность планировки святилища заставляет сделать вывод о хорошем знании уже в то время строителями точных расчетов и применении ими различных измерительных инструментов.

Так археологическими исследованиями был открыт один из важнейших центров древнерусской религии.

* * *

В развитии новгородской культуры существует важная особенность, хорошо прослеживаемая на археологическом материале. Политическая активность народных масс, выразившаяся в бурных городских восстаниях, уже в первой половине XII века привела к всемерному ограничению княжеской власти в Новгороде. Вечевой строй, с тех пор ставший символом древнего Новгорода, хотя и сделался классовым оружием в руках боярства и крупного купечества, все же делал возможным более широкий доступ к политической и общественной жизни республики трудовому населению, которое, в той или иной степени, вмешивалось во все новгородские государственные и экономические мероприятия. Особенностями общественного строя Великого Новгорода в известной степени объясняется и бурное развитие ремесла. Для Новгорода характерно преобладание свободных ремесленников. Некоторые данные позволяют предполагать существование у новгородских ремесленников цеховых организаций.

Своеобразие социально-политического строя древнего Новгорода отразилось и на развитии культуры. Новгородская культура охватывала широкие слои населения, благодаря чему она проникалась чертами подлинной народности в большей мере, чем в любой другой области Руси. Особенно важно отметить светский характер новгородской культуры. И тексты грамот и предметы материальной культуры в подавляющем большинстве чужды церковщине. Немногочисленные находки вещей с духовными сюжетами являются предметами официального культа: кресты,

иконки, складни. За область изготовления культовых предметов церковщина не выходила. Данные археологии показывают, как развивается народная, истинная культура вопреки верхушечной культуре феодалов, заказы которых вращаются вокруг духовных сюжетов. Своеобразная и мощная народная культура Новгорода не просто существует рядом с культурой феодальных верхов; она подавляет ее, заражая элементами народности. Но при этом хозяевами культурного наследия оставался городской патрициат, боярско-купеческая олигархия, с их изоляционистскими устремлениями, значительно тормозившими объединение русского народа в национальное государство и ожесточенно сопротивлявшимися этому объединению.

Значение Великого Новгорода в деле становления общерусской национальной культуры заключается в том, что он сохранил в мрачную эпоху монгольского разорения культурное наследие древней Руси, значительно развил его, пропитал истинно народными элементами и принес свой бесценный вклад в национальную сокровищницу культуры Московского государства.

Археологические работы в Новгороде коснулись пока незначительной части городской территории. Отношение площади раскопанных участков к общему размеру города выражается в тысячных долях процента. Но тем не менее уже сейчас находки археологов дают возможность окончательно утверждать, что культура Новгорода была одной из самых передовых в средневековой Европе. Эти находки опровергли вымыслы буржуазных историков о чисто торговом значении Великого Новгорода и показали, что древний Новгород был городом ремесленников, центром передового средневекового производства, стоявшим на высоком уровне культуры, городом высокой грамотности, крупным центром художества и искусства. Раскопки в большинстве случаев касались рядовых районов города и обнаружили, что все они в равной степени насыщены памятниками ремесла, искусства, быта. Это придает особое значение уже проделанной работе, показывая, что ее результаты типичны для всей территории города. Общее представление о материальном производстве и культуре Новгорода должно исходить поэтому из того, что количество памятников материальной культуры, еще не раскрытых археологами, во много раз превосходит те значительные достижения советских археологов, которые сделаны за последнее время и которые уже внесли большой вклад в изучение истории нашей Родины.

Н. Н. ВОРОНИН

НА БЕРЕГАХ КЛЯЗЬМЫ и НЕМАНА

ВВЕДЕНИЕ
СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА
КНЯЖЕСКИЙ ЗАМОК
ВЛАДИМИРСКИЙ ДЕТИНЕЦ
ДРЕВНЕЕ ГРОДНО
ДРЕВНЕЙШИЙ ПОСЕЛОК
КНЯЖЕСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ
ГРОДНЕНСКИЕ ЗОДЧИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Конец XI — начало XII века является временем глубокого перелома в истории русского народа. Быстрое развитие производительных сил сельского хозяйства и ремесла, повсеместное торжество феодальных порядков обусловливают создание местных феодальных центров со своими городами, со своей феодальной знатью.

В этих условиях слабеет политическое значение древнего Киева — мирового центра культуры и столицы могучего раннефеодального Киевского государства. На исторической карте Руси очерчиваются границы новых политических образований—феодальных княжеств со своими стольными городами, княжескими династиями, со своими экономическими и политическими интересами, связями и местными традициями.

Киевское культурное наследие является общим источником для развития культуры всех русских княжеств XII — XIII веков. Оно распространяется вширь по лицу русской земли и проникает глубже в народные массы. Во всех областях культуры — ремесле, строительстве, искусстве и др. — появляются многочисленные русские мастера, обеспечивающие быстрый прогресс культуры, богатство ее местных оттенков. Вместе с тем новый исторический период характеризуется ожесточенной борьбой между новыми княжествами; непрерывные княжеские усобицы, направленные на захват земель соседних княжеств, сопутствуемые полоном крестьян и горожан, расхищением созданных народом материальных благ, создают угрозу истощения и ослабления Русской земли. Киев становится теперь яблоком раздора; к обладанию этим крупнейшим городом стре-

мятся сильнейшие феодальные династии. В этой обстановке каждое княжество играет свою роль в истории русского народа, каждое княжество вносит в историю русской культуры свой своеобразный вклад.

В настоящем очерке мы ознакомим читателя с археологическими исследованиями, проведенными автором этих строк в двух удаленных друг от друга феодальных землях: Владимирской — в центре Руси и Гродненской — на ее крайнем западном пограничье. Они показывают высокий уровень и своеобразные черты русской культуры этой поры, ее большую творческую силу и стойкость.

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

Среди русских княжеств XII — XIII веков особое место принадлежит могущественному Владимиро-Суздальскому княжеству. Здесь на почве быстрого роста городов рано созрело сознание гибельности феодальной раздробленности Руси и делаются первые попытки ее объединения путем подчинения власти владимирской династии остальных феодальных княжеств.

Эти тенденции отвечали стремлениям широких слоев народа — торгово-ремесленного населения городов и крестьянских масс, заинтересо-

План города Владимира (XII—XIII вв.): *I* — город Мономаха; *II* — посад; *III* — новый город; *IV* — детинец

ванных в прекращении кровопролитных междукняжеских усобиц, в ликвидации очерченных мечом феодалов рубежей между отдельными княжествами.

Народ был заинтересован в усилении княжеской власти, способной обуздать бунтующую феодальную стихию, прекратить нескончаемые феодальные войны. В этом кроется одна из причин быстрого роста могущества Владимирского княжества и политического авторитета его князей.

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский (документальная реконструкция М. М. Герасимова)

Выдающееся значение имеют владимирские князья Андрей Боголюбский (1157—1174 гг.) и Всеволод III (1176—1212 гг.). Всеволод III в замечательном памятнике народного творчества — «Слове о полку Игореве» — рассматривался как сила, могущая объединить русских князей. Важнейшим фактом этой поры является быстрый рост городов Владимирской земли и особенно столицы княжества — города Владимира. Последний превращается в один из крупнейших центров Руси, идет борьба за его общерусский политический приоритет.

В 1169 году происходит взятие Киева войсками Боголюбского и превращение его в рядовой город Руси, продолжается наступление на самостоятельность Новгорода, наконец, идет борьба внутри Владимирской земли со старой феодальной знатью, которая, однако, смогла организовать убийство «владимирского самовластца» Андрея Боголюбского, но была подавлена и разгромлена Всеволодом III.

В этой напряженной политической борьбе за гегемонию Владимирского княжества и владимирской династии в Русской земле, борьбе, которая находила поддержку народа, были использованы и все средства идеологического воздействия — религия, литература, искусство.

Особая роль выпала на долю архитектуры, призванной воплотить в камне идею могущества Владимирской земли и ее князей.

Золотые ворота во Владимире (1164 год)

При Андрее Боголюбском в новой столице — Владимире развертывается обширное строительство. За короткий промежуток между 1158—1164 годами создается мощная линия обороны разросшегося города (стр. 256). Его посад — с востока и княжеская часть — с запада опоясываются могучими земляными валами с рублеными стенами и башнями. На главных путях к городу в черте валов встают белокаменные крепостные ворота, так называемые Золотые (стр. 258) и Серебряные. В центральной части города, над обрывом городских высот к Клязьме, вырастает большой городской собор, а на княжеском дворе, рядом с Золотыми воротами,— белокаменный придворный храм Спаса. Так Владимир превращается в одну из могущественнейших крепостей Руси, а белокаменные здания кладут начало образованию пышного архитектурного ансамбля северной столицы.

КНЯЖЕСКИЙ ЗАМОК

В эти же годы, когда шло описанное строительство во Владимире, в 10 километрах от него, при слиянии рек Нерли и Клязьмы, княжеские зодчие обстраивали загородную резиденцию князя — Боголюбово. Это историческое место давно привлекало внимание ученых, которые изображали Боголюбово то как пригородную дачу князя Андрея, то как новый основанный им город. Скудные намеки летописей позволяли догадываться, что это не был рядовой городок. Летописец сравнивал Боголюбово с знаменитым киевским Вышгородом и отмечал, что князь Андрей построил «собе город камен», то есть свой личный укрепленный камнем замок. Это обстоятельство делало Боголюбово особенно интересным для

истории русской культуры. Ведь со времен крупнейшего буржуазного историка XIX века С. М. Соловьева укоренилась мысль, что в отличие от Западной Европы «деревянная Русь» не знала «каменных гнезд» феодалов — замков!

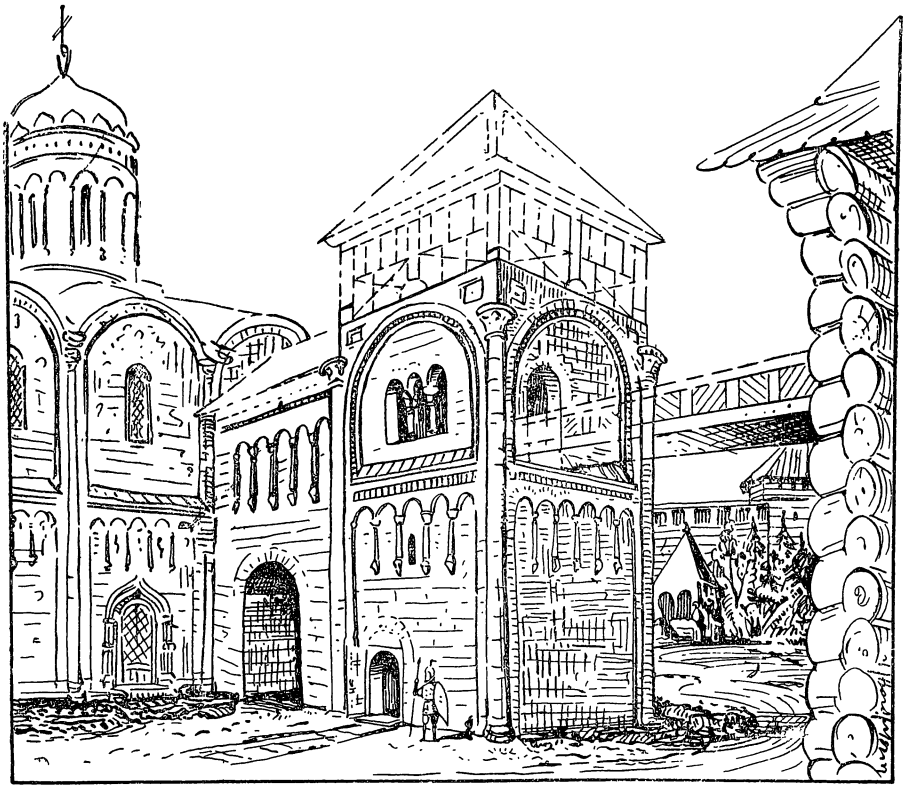
Весьма интересным было и то обстоятельство, что княжеский «город камен» стал на очень важном месте — в устье Нерли, поставив под свой контроль важнейшую артерию, связывавшую старый Суздаль с клязьменско-окским речным путем. Это был серьезный политический шаг в укреплении власти владимирского князя. Недаром самый выбор места для постройки замка пришлось обставить, как «чудо»: здесь икона богородицы, которую вез Андрей из Вышгорода, якобы «остановила» княжеских коней, указав тем самым, что это место «богом любимое».

Летопись подробно рассказывает лишь о пышно украшенном храме богородицы, построенном Андреем в Боголюбове; однако несомненно, что, кроме храма, здесь был и княжеский дворец — Андрей любил бывать в Боголюбове. В кругу своих приближенных он принимал купцов и послов из ближних и дальних земель; здесь, в своем дворце, Андрей и был убит заговорщиками-боярами в июньскую ночь 1174 года.

Можно утверждать, что «Боголюбов-город» при жизни Андрея был вторым после Владимира политическим центром княжества. Но восемь веков, прошедшие с той поры, почти стерли с лица земли остатки княжеского замка и его построек.

Еще в XII веке его разгромил и ограбил князь рязанский Глеб.

Боголюбово. Лестничная башня и переход (XII в.) — слева, монастырский собор (XVIII в.) — справа. Современный вид



Реконструкция перехода из лестничной башни во дворец (архитектор А. А. Потапов)

Затем по Владимирской земле пронесся кровавый ураган монгольского нашествия. На месте опустевшего княжеского «города» возникает Боголюбов монастырь; древние стены и постройки XII века постепенно разрушаются и исчезают или перестраиваются.

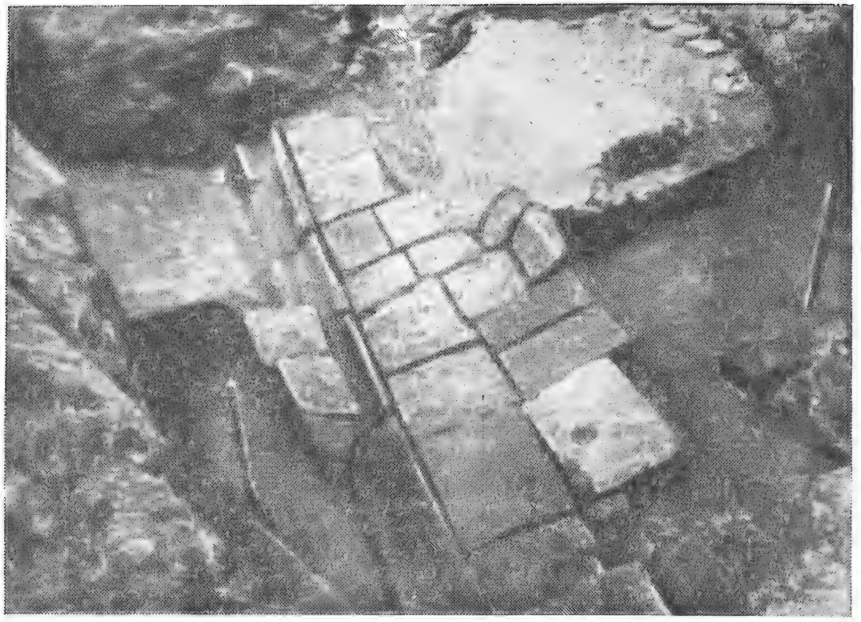
Контуры княжеского замка хорошо можно проследить и сейчас: он лежал на высоком берегу над рекой и частично сохранил свои земляные валы, прикрывавшие его с полевой, северной стороны. Из построек замка дольше других жил дворцовый собор XII века, но в конце XVII века невежественный игумен монастыря задумал расширить его окна, и древнее здание в 1722 году обрушилось, уступив место новому, аляповатому монастырскому собору. Рядом с ним счастливо сохранился драгоценный остаток древнего дворцового ансамбля XII века — белокаменная лестничная башня, вводившая со двора на переходы во дворец, лежавший к северу, и на хоры дворцового собора. На месте же дворца вырос корпус монастырских келий. Так древний «Боголюбов-город» и его памятники почти исчезли с лица земли и из поля зрения науки.

Единственной попыткой восстановить характер княжеского дворца XII века была эскизная реконструкция, сделанная в конце XIX века архитектором А. А. Потаповым. В ней был показан собственно переход к дворцу от северной лестничной башни. Верх башни был здесь изображен в виде деревянного с четырехскатной кровлей «чердака», а переход — в виде деревянного же узкого «балкона», подводившего к двухэтажному бревенчатому срубу княжеских хором (стр. 260).

Во всем этом ясно сказалось укоренившееся представление о «деревянной Руси» — даже дворец одного из могущественнейших русских князей XII века мыслился в виде деревянного здания. Таким представлялся и весь замок князя Андрея вплоть до раскопок 1934 — 1938 годов, которые позволили восстановить подлинную картину княжеского замка и вернуть Боголюбову его славу одного из выдающихся архитектурных ансамблей русского средневековья.

Летописец назвал Боголюбово «каменным городом», то есть городом с каменными укреплениями. От них не сохранилось и следа. Однако у подножия южного склона замкового плато, обращенного к реке, можно было видеть многочисленные блоки белого камня, оставшегося, очевидно, от давно разрушившихся укреплений замка. Раскопки подтвердили это предположение: неподалеку от собора, на склоне холма, были открыты остатки монументальной белокаменной башни (стр. 261). Стало ясно, что, подобно Владимиру, боголюбовский замок сочетал деревянно-земляные укрепления с белокаменными башнями. Во всяком случае они были сооружены по южной стороне замка, смотревшей с 15-метровой высоты холма на реку и пристань около замка,— это была парадная и наиболее выгодно расположенная его сторона.

Деталь кладки крепостной башни замка (XII век)



Деталь мостовой дворцовой площади и белокаменного жолоба (XII век)

Можно также предполагать, что каменными были и ворота, выводившие с запада на дорогу к Владимиру, — они скорее всего были похожи на Золотые ворота столицы. С остальных сторон замок опоясывали высокие земляные валы с рублеными стенами.

Главная дворцовая площадь замка располагалась в его западной половине, примыкая непосредственно к стене с каменными башнями. Это было обширное пространство, прекрасно вымощенное небольшими плитами известняка. Поверхность площади была тщательно снивелирована, так что атмосферные осадки собирались в особые выложенные камнем желоба и отводились за черту замковых стен. На этой площади и располагался сложный комплекс построек княжеского дворца.

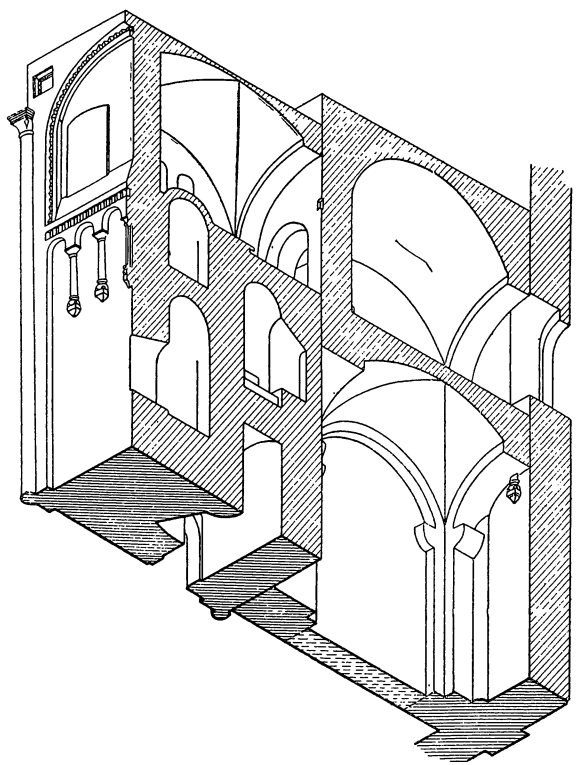
Раскопками удалось вскрыть лишь небольшую часть дворцового ансамбля, но и она настолько выразительна, что позволяет с достаточной ясностью судить о характере целого.

Раскопки, естественно, охватили прежде всего участок к северу от лестничной башни, там, где в описанной реконструкции архитектора Потапова «висел» деревянный балкончик перехода. Здесь, во втором этаже башни, сохранилась заложенная дверь, выводившая когда-то на переход. Сама лестничная башня давала основания для предположения о том, что этот переход был в действительности каменным. Ее западный фасад украшен двумя ярусами колончатого пояса; верхний согласовывается с

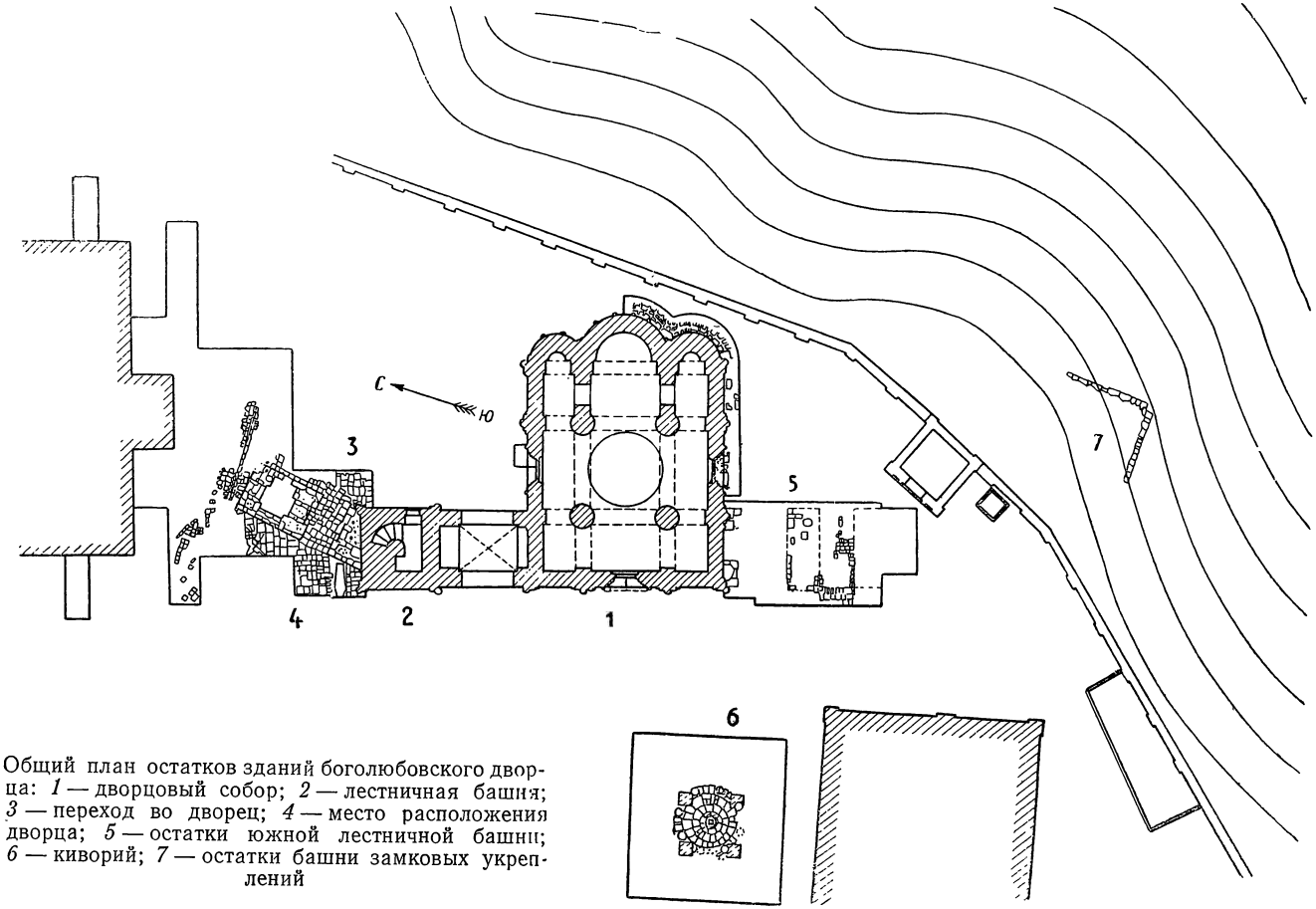
колончатым поясом, идущим по фасаду примыкающего к башне с юга перехода на хоры собора. Уже первый историк Боголюбова, владимирский краевед В. И. Доброхотов, в середине прошлого века предполагал, что и с севера к башне примыкало подобное же белокаменное звено переходов.

Забытая мысль владимирского ученого блестяще подтвердилась раскопками. Здесь под слоем щебня развалин сохранились цокольные части белокаменного перехода шириной более 3 метров, примыкавшего к башне под углом и направлявшегося, отклоняясь к востоку, к дворцу (стр. 264). Нижний этаж перехода представлял собой монументальную аркаду, несшую собственно переход-галерею второго этажа. Ближайшая к башне арка была узким и высоким пешеходным проемом, северная арка была широким проездом на замковую площадь с пристани. В массивном пилоне между ними было небольшое помещение для дворцовой стражи, охранявшей вход в башню. В соответствии с двумя арочными проемами по сторонам фасад караульного помещения был оформлен слепой аркой и освещался узким окном, а с восточной стороны был вход в караульную с украшенным резьбой полукруглым верхом. Верхний этаж занимала ходовая галерея, по фасадам которой тянулся колончатый пояс, связывающий переходы и башню в единое целое.

Собранные при раскопках детали свидетельствуют о чрезвычайно богатом убранстве северного перехода. Пол галереи был устлан цветными майоликовыми плитками, а стены были расписаны фресковой живописью. Орнаментальная роспись покрывала также своды и стены проездной и пешеходной арок. Отдельные архитектурные детали были окованы тонкими листами



Лестничная башня. Разрез



Общий план остатков зданий боголюбовского дворца: *1* — дворцовый собор; *2* — лестничная башня; *3* — переход во дворец; *4* — место расположения дворца; *5* — остатки южной лестничной башни; *6* — киворий; *7* — остатки башни замковых укреплений

Дворцовый собор. Резной камень

Дворцовый собор. Деталь фасада (XII век)

Дворцовый собор. Деталь портала

вызолоченной меди. Плоскости стен оживлялись вставками резных изображений из камня.

В особенности интересно применение в убранстве перехода круглой скульптуры: здесь была найдена резная из известняка голова собаки или дракона от сравнительно крупной статуи зверя.

Обломок статуи зверя (XII век)

Таким образом, на место примитивного деревянного висячего перехода, который рисовался исследователями прошлого столетия, встает пышно украшенная живописью, золоченой медью и скульптурой часть белокаменных переходов дворца XII века.

Это предрешает вопрос и о характере самого дворца князя Андрея. Его остатки были уничтожены ставшим в XIX веке на его месте корпусом монастырских келий. Дворец несомненно был большим двухэтажным белокаменным зданием. Есть указания, что его фундаменты были встречены при рытье подвалов под корпусом келий, а наши разведки около его стен дали находки отдельных деталей дворца. Его фасады также были украшены поясом колонок, его полы были также выстланы сверкающими цветной поливой плитками.

Можно строить те или иные гипотезы об облике дворца, но каждая из них будет спорной. Представляется бесспорным лишь характер покрытий дворца: прямолинейные кровли переходов позволяют утверждать, что и кровли дворца имели в основном прямолинейную структуру. Точно так же и лестничная башня, как часть светского дворцового комплекса, хотя и смежная с храмом, должна была иметь особую форму перекрытия.

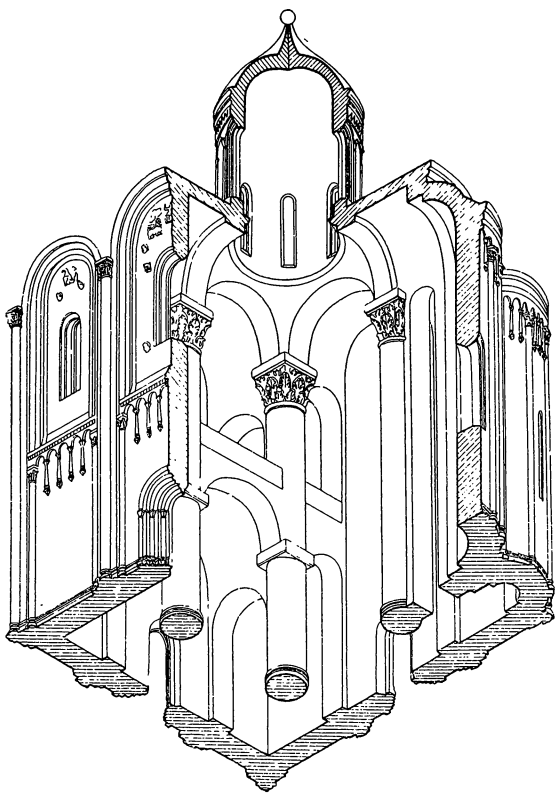
Само название подобных башен «сени» или «терем», указывающее на их связь с дворцовым хоромным ансамблем, а также анализ многообразных косвенных данных позволяют считать, что лестничные башни были покрыты пирамидальными, вероятно стропильными, шатровыми кровлями из листов золоченой меди.

Как мы говорили, на месте дворцового собора XII века теперь стоит очень заурядный монастырский храм. Однако о характере древнего придворного храма мы знаем несравненно больше, чем обо всех остальных частях дворца: его восторженную характеристику дал летописец XII века, а позже — в XVIII веке — составитель летописи Боголюбова монастыря игумен Аристарх довольно подробно описал рухнувший древний храм, наконец, раскопки дали такие факты, что многое, казавшееся преувели-

чением летописца, оказалось самой живой реальностью. К тому же строители существующей церкви не разобрали до конца стен и столбов дворцового собора, но использовали их в качестве фундаментов для новой постройки. Поэтому план собора был установлен с полной точностью (стр. 264).

Это был храм обычного для того времени типа — с четырьмя столбами, несущими главу, и с тремя алтарными полукружиями с восточной стороны. Хоры собора, куда вели переходы из дворца, были местом князя, его семьи и приближенных во время богослужения, здесь же происходили княжеские совещания или приемы купцов и послов, так что придворный собор был не только культовым зданием.

Его фасады были богато украшены профилированными пилястрами и полуколонками, ряд колонок также опоясывал здание, его переходы и лестничные башни. Три входа в собор были украшены богатыми перспективными порталами. Западный из них сохранил следы оковки косяков золоченой медью — это был главный вход в храм. Несколько сохраненных в новом соборе резных камней, вместе с найденными при раскопках, позволили составить представление о резном убранстве верхних частей фасадов.



Дворцовый собор. Реконструкция

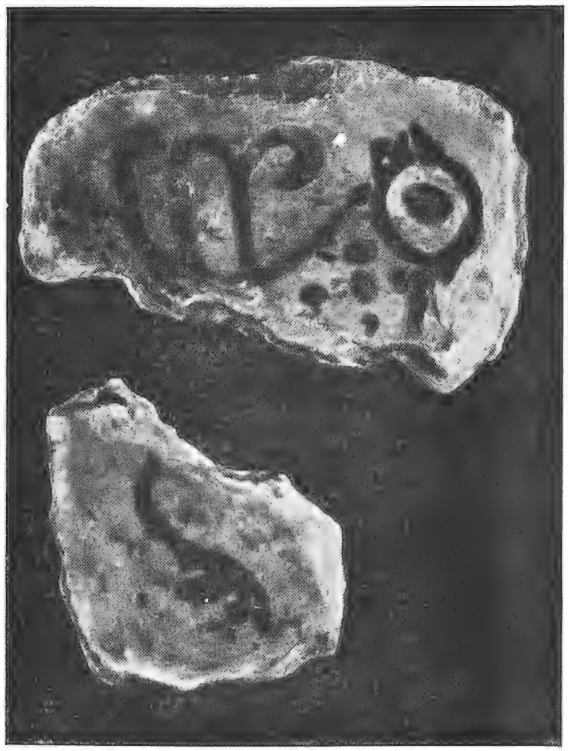
Но особенно примечательным был собор внутри. В отличие от современных ему храмов, имевших крестообразные столбы, здесь были прекрасно выложенные из белого камня мощные круглые колонны, расписанные под белый мрамор; их венчали гигантские лиственные вызолоченные капители. Эти колонны подчеркивали большую свободу и воздушность помещения храма, сообщали ему светский, «зальный» характер.

Летописец изумленно рассказывал, что дворцовый собор был весь «окован золотом». Оказалось, что, кроме обработки тонкими листами золоченой

меди фасадных деталей и входов, в соборе весь пол был выстлан толстыми плитами меди, запаянными оловом. Понятно, что когда начищенный до блеска металл сверкал отражением солнечных лучей или огня свечей и лампад, он казался «золотым».

Пол хоров был также очень красив — его выстилали затейливо украшенные поливные плитки с изображениями петухов, гусей и пр.

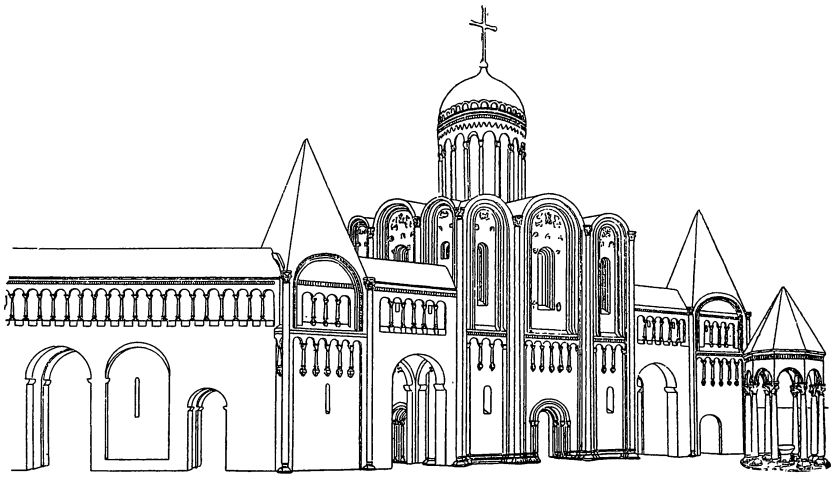
Стены храма были покрыты сплошной фресковой росписью, многочисленные фрагменты которой были найдены при раскопках. Легкая белокаменная алтарная преграда отделяла алтарь от помещения для молящихся.



Дворцовый собор. Обломки поливных плиток пола хоров

Если к этому добавить, что, по словам летописца, дворцовый собор был полон золотой, усыпанной драгоценными камнями утвари, то станет понятным то изумление, которое испытывали современники Боголюбского, попадавшие в его храм. А князь Андрей любил прежде всего показывать послам или купцам из Византии, Италии и других стран свой собор и приказывал вести их на его хоры. Это был весьма убедительный способ пропаганды могущества и экономических возможностей «владимирского самовластца».

Раскопки с южной стороны от собора вскрыли сохранившиеся меж монастырских могил и склепов незначительные остатки южного крыла дворцовых переходов и второй южной башни. Оказывается, дворцовый собор не замыкал собой дворцового ансамбля, но был лишь его очень эффектным центральным звеном. С юга, симметрично северному, примыкал южный переход, связывавший соборные хоры с башней, а далее шел новый участок переходов, соединявший всю систему дворцовых зданий с верхом белокаменной крепостной башни замка, откуда открывались широкие просторы клязьменских пойм и речных излучин с белыми зданиями княжеского Покровского монастыря на Нерли.



Реконструкция части дворцового ансамбля

Таким образом, боголюбовский дворец князя Андрея представлял совокупность связанных между собой частей. Северное крыло ансамбля составлял собственно дворцовый корпус, звено переходов соединяло его с лестничной башней и далее — с собором. Его хоры как бы включались в анфиладу переходов, продолжавшихся и к югу от собора вплоть до крепостной башни замка.

Общая протяженность дворцового комплекса составляла около 80 метров. Развернутые узкой полосой с юга на север, дворцовые здания имели лишь два главных фасада. Один был обращен к восточной половине замка, к дороге со стороны речной пристани. Сюда открывались прекрасное тройное окно, вход северной башни и выход из сторожевой камеры под переходом.

Прибывший в Боголюбово через аркады переходов попадал на главную дворцовую площадь. На убранство западного фасада дворца зодчие и обратили особое внимание. Собор выходил на площадь окованным золоченой медью порталом, золоченая медь и резной камень украшали западный фасад северного перехода, колончатые пояса торжественными горизонталями связывали в единое целое дворец, переходы, башни и собор.

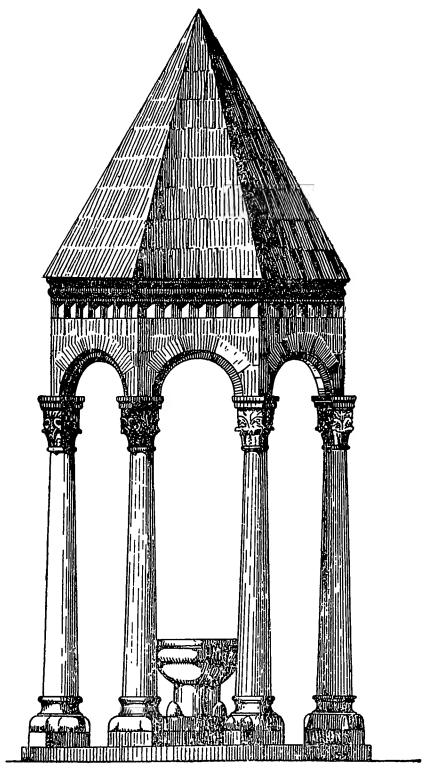
Парадность западной стороны ансамбля и дворцовой площади была подчеркнута также постановкой на ней весьма изящной и необычайной постройки, о существовании которой до раскопок трудно было даже догадаться. Теперь перед западным фасадом собора возвышается когда-то завершавшаяся шатром с зелеными изразцами открытая часовня с характерными для XVII века грушевидными столбами. Она носит назва-

ние «святого шатра»; шатер этот осеняет большую белокаменную чашу, из которой якобы сам Андрей Боголюбский оделял деньгами мастеров-строителей. Как показали раскопки, предание имело некоторое основание. Оказалось, что кирпичная часовня XVII века стала на месте замечательной постройки времени Андрея. Чаша стояла на трехступенном круглом пьедестале, на дне чаши был высечен крест: она предназначалась для освященной воды либо была крестильной купелью. На краю нижней ступени прекрасно сохранились базы восьми круглых, утончавшихся кверху колонн, несших, как показывает сравнительный материал, восьмигранный верх, увенчанный шатром, вероятно окованным, как и шатры лестничных башен, золоченой медью. Легкость и изящество этой редчайшей постройки, именовавшейся «сенью», «теремцом» или «киворием», свидетельствует о высоком искусстве княжеских зодчих, создателей боголюбовского замка. На одном из камней пьедестала под чашей мастер вырезал родовой знак князя Андрея; это значило, что выдающиеся мастера строительного искусства входили в круг феодально-зависимых людей княжеского двора.

Таков был центральный архитектурный комплекс боголюбовского замка. Его мы должны дополнить известной по источникам служебной частью. Внутри стен и валов замка, но, конечно, в отдалении от торжественной, парадной дворцовой части, размещались конюшни, где стояли кони княжеских дворян-милостников, арсенал, хранивший их оружие, глубокие княжеские погреба и другие хозяйственные постройки. Вероятно, в замке размещались и жилища приближенных к князю бояр и дружинников.

Таким в итоге историко-археологических исследований недавних лет представляется боголюбовский замок, созданный в 1158—1164 годах зодчими князя Андрея. Это новый памятник, свидетельствующий о необычайно быстром расцвете культуры и искусства во Владимирской земле XII века.

Владимирские зодчие, создавая боголюбовский дворцовый ансамбль, широко использовали и развили приемы и традиции русского зодчества. В самой схеме комплекса: дворец — переходы — лестничные башни — «сени» — храм — ясно сказывается лежащая в ее основе



Киворий. Реконструкция

схема богатого русского деревянного трехчленного жилья с его жилой избой, сенями и чистой парадной клетью. В Боголюбове эта схема развернута и воплощена в камне с необычайной широтой и художественным эффектом.

Также о деревянном зодчестве говорят сравнительно небольшие лестничные башни, напоминающие «теремные» вышки княжеско-боярских хором. Но в то же время эти башни, фланкирующие в строгой симметрии дворцовый храм, напоминают величавые образы крупнейших храмов Руси — киевской Софии, черниговского Спаса и других с их могучими лестничными башнями — «вежами».

Несомненно, что стремление напомнить этот торжественный прием построек эпохи величия и силы Киевской Руси руководило строителями княжеского замка.

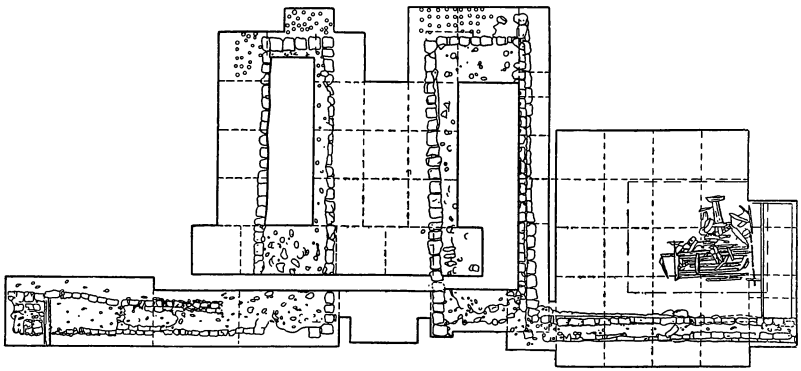
Зодчие с большим художественным вкусом и чутьем расположили дворцовые здания на площади замка и связали их с окружающим ландшафтом так, что дворец был особенно хорошо виден с южной, заречной стороны.

В составе зодчих Боголюбова были не только местные мастера, но и пришельцы из других земель. В частности, здесь работали строители из Галича, знакомые с приемами романской архитектуры. Их участию обязано появление, например, колончатых поясов и перспективных порталов. Широко используя архитектурный опыт Киевской Руси и других земель, зодчие князя Андрея создали в Боголюбове совершенно своеобразный тип дворцового замкового ансамбля.

Раскопки в Боголюбове обогатили наши представления о высоком уровне технической и художественной культуры Владимирской Руси. Перед нами возник облик мощного феодального замка князя Андрея с каменными башнями и пышным и сложным дворцовым ансамблем. Все это вновь и вновь говорит о быстром развитии и высоких достижениях русской культуры, опрокидывая обветшалые «теории» об «отсталости» древней Руси.

ВЛАДИМИРСКИЙ ДЕТИНЕЦ

Успехи владимирской архитектурной школы, достигнутые на большом строительстве Андрея Боголюбского, нашли свое дальнейшее развитие в архитектуре времени Всеволода III, при котором общерусский авторитет Владимирского княжества достиг наивысшего подъема. Всеволод III продолжил обстройку стольного Владимира. Он перестроил и расширил пострадавший от пожара Успенский собор. Рядом с ним, на краю городских холмов, встал пышный дворец Всеволода, от которого до наших дней дошел лишь дворцовый Димитриевский собор. Однако данные старых изображений и археологические разведки по сторонам собора показали, что и здесь, так же как в Боголюбове, собор был лишь звеном большого дворцового комплекса, а по углам собора также высились торжественные лестничные башни, вводившие на его хоры и дворцовые переходы. Далее, на юго-восточном углу Среднего города, встал княжеский

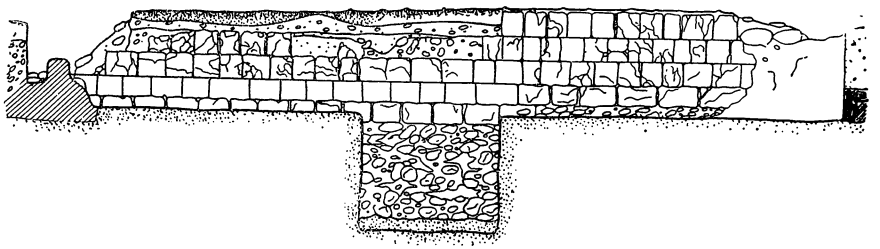


Владимирский детинец. План ворот и стен
(по раскопкам 1936—1937 годов)

придворный Рождественский монастырь. Так южная возвышенная кромка Среднего города стала новым, обособленным аристократическим участком столицы: около Успенского собора был двор епископа Иоанна, рядом с ним вырос двор «великого Всеволода» — оба они почти сливались в единый архитектурный ансамбль, господствовавший над городом и превосходно видный с далеких путей, шедших к столице с юга, из-за Клязьмы.

Спорной и неясной, но в высшей степени интересной страницей в истории города и владимирского зодчества этой поры оставался вопрос о постройке в 1194—1196 годах Всеволодом и епископом Иоанном новых укреплений в столице — так называемого «детинца». От него не сохранилось никаких следов, и среди исследователей не было единства мнений даже о месте этих укреплений. Одни полагали, что Всеволодом был сооружен поперечный восточный вал Среднего города, якобы впервые выделивший его центральный четырехугольник в составе городской территории. Другие полагали, что стена детинца проходила неподалеку от Успенского собора и епископского двора и являлась его оградой. К этому мнению склоняли и некоторые данные летописей; кроме того, до начала XIX века на площади перед собором стояла старая колокольня, белокаменный низ которой считали, с большой долей вероятности, остатком укреплений Всеволодова детинца — его ворот.

Этот давний спор полностью разрешили в пользу последнего мнения проведенные автором этих строк в 1936—1937 годах раскопки. К северо-западу от Успенского собора, на территории городского парка культуры и отдыха, под землей действительно лежали остатки монументальных белокаменных ворот и примыкавших к ним каменных же стен детинца. Ворота были, повидимому, несколько упрощенным и уменьшенным повторением Золотых ворот городской крепости. Две мощные стены несли полукруглый свод проезда; западная стена была толще восточной — в ней, очевидно, помещалась лестница, вводившая на прикрытую



Западная стена ворот детинца

зубчатым парапетом боевую площадку ворот и в построенную на ней в 1196 году епископом Иоанном надвратную церковь Иоакима и Анны.

При раскопках были найдены характерные детали богатого убранства епископского храма: обломки колонок пояса, украшенного резьбой портала, зеленые майоликовые плитки полов обходной галереи, разноцветные миниатюрные кубики наборных мозаичных полов храма, обломки штукатурки с фресковой росписью. Возможно, что своды этой маленькой, но щедро украшенной церкви опирались, как в Боголюбове, на изящные круглые колонны, бракованные обломки которых строители использовали в кладке фундамента стен детинца.

Стены детинца, сложенные из белого камня и туфа, соединялись на западе с поперечным валом Среднего города, а на восток шли, повидимому, вплоть до княжеского двора около Димитриевского собора, смыкаясь здесь с южной стеной города и оградой Рождественского монастыря.

Самый облик открытых укреплений детинца, их монументальность и оборонительная мощь свидетельствуют об остроте классовой борьбы внутри города, об огромном росте политического значения городского торгово-ремесленного населения. Скупые обмолвки летописи позволяли догадываться, что в городе не раз бывали волнения, что горожане с оружием в руках приходили на княжеский двор заявлять о своих требованиях. Однако теперь княжеская власть была достаточно сильна и самостоятельна, чтобы пренебречь интересами своих недавних «союзников» — городских людей. Между городом и княжеско-епископскими дворами лег каменный пояс всеволодова детинца — замка. Боевой характер его стен и воротной башни недвусмысленно говорил об угрожающей силе княжеской власти, противопоставленной городу.

Вскоре после этого Всеволод III повторил знакомую по опыту киевских князей XI века политическую операцию: он перевел беспокойный владимирский торг с берега Клязьмы на княжескую «гору», поместив его в непосредственном соседстве с крепостью детинца в северной части Среднего города. Укрепления детинца были последней чертой, внесенной княжеским строительством в историческую топографию древнего Владимира.

Так раскопки детинца во Владимире не только ввели в науку новый памятник военной архитектуры — стены и ворота княжеско-епископского

замка внутри города, но и позволили внести новый штрих, характеризующий остроту классовой борьбы в северной столице в конце XII века.

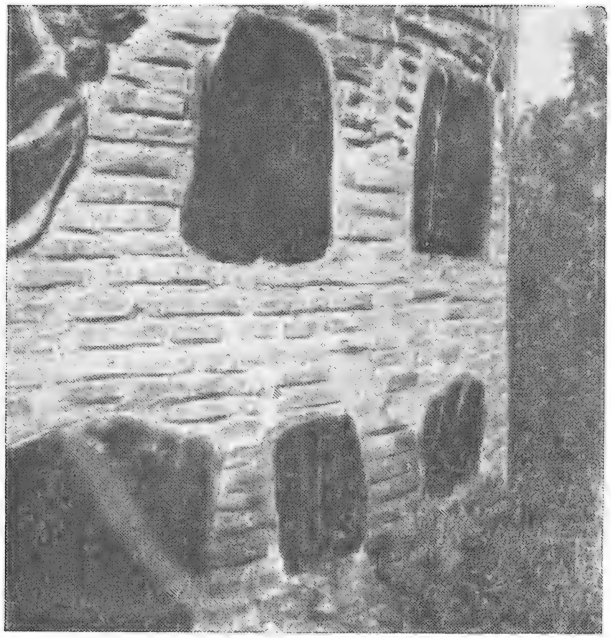
Теперь мы покинем берега Клязьмы и перейдем на крайний запад Руси, на берега Немана, где мы вновь сможем увидеть, как археологические исследования воскрешают из небытия целые страницы истории русского народа и его культуры.

ДРЕВНЕЕ ГРОДНО

Если взглянуть на историческую карту Руси XII века, то глаз сразу же уловит неопределенность контура западнорусских границ между верховьями Припяти и Немана. С востока сюда обращены твердые линии западной границы Полоцкого княжества и доходящей с юга до верховьев Немана Турово-Пинской земли, далее — по самому пограничью Руси — лежит, вытягиваясь до среднего Немана, территория Волынского княжества. Его северная часть на исторической карте почти пустынна — источники не называют здесь ни крупных городов, ни значительных селений. Здесь, на польском пограничье, долгое время обитало воинственное племя ятвягов, с которым в XI—XIII веках шла затяжная борьба русских князей. Только очень далеко от киево-волынского юга одинокой точкой на карте обозначен на правом берегу Немана город Гродно, или Городно.

Русские летописи двенадцать раз за XII век коротко упоминают о гродненских князьях, потомках Игоря Ярославича волынского, и один раз сообщают о пожаре города в 1183 году, когда здесь сгорела какая-то каменная церковь. Чуткое ухо автора «Слова о полку Игореве» уловило скорбный звук «городненских труб», когда погиб один из русских князей, боровшийся с литовским напором на русские границы. Вот и все, что мы знаем о Гродно из письменных источников.

Немудрено, что при такой скудности данных в русской исторической литературе шел спор: действительно ли гродненские князья сидели так далеко—на Немане? может быть, было какое-то другое Гродно, лежавшее ближе к коренным русским землям? Этот другой город видели в небольшом, носившем также имя Гродно, поселке, лежавшем среди непроходимого болота Морочного между южными притоками Припяти Стырем и Горынью. Действительно, в этом краю были города маленького удела, который в конце XI века получил изгнанный из Владимира-Волынского князь Давид Игоревич, отец первого известного гродненского князя, Всеволодки Давидовича. Здесь же в низовьях Горыни лежит и столица владений Давида — Давидгородок. Однако при его раскопках не было обнаружено никаких следов каменного строительства: в городке, тесно застроенном деревянными жилищами, была деревянная же маленькая церковь. Тем более трудно предполагать, что наследники Давида перебрались в заброшенное среди погоринских болот Гродно и там построили каменный храм, сгоревший в пожар 1183 года. Сын Давида Всеволодко был женат на дочери самого Владимира Мономаха, сильнейшего киевского князя XII века. Едва ли это могло случиться, если бы Всеволодко



Коложская церковь в Гродно (деталь восточного фасада)

был владетелем такого захудалого городка. Напротив, в Гродно неманском, лежащем на неприступных высотах береговых круч, в его предместье сохранились руины замечательного русского кирпичного храма Бориса и Глеба XII века с фасадами, украшенными с невиданной смелостью вставками глыб полированного цветного камня и цветной майоликой. Этот памятник, давно привлекавший внимание русских ученых, служил важным аргументом в пользу мнения, что Гродно русских летописей и есть неманское Гродно.

Однако споры не утихали и получили новый смысл и остроту, когда Западная Белоруссия оказалась в границах панской Польши и нужно было скрыть или отвергнуть древние связи этого края с Русью. Поэтому и древнее наднеманское Гродно стали определять то как «варяго-русский», то как литовский город. Однако эти тенденциозные взгляды, фальсифицировавшие историю, столкнулись с новыми археологическими открытиями, сделанными самими же польскими исследователями в 1932—1939 годах.

Древнейшим ядром Гродно является так называемый Старый замок — высокий мыс в устье речки Городничанки. С юга и северо-запада его кручи, выходящие на Неман и к Городничанке, неприступны, с востока территорию Старого замка отрезает глубокий овраг. Сама природа создала исключительно выгодные условия для постройки здесь крепости. Здесь сохранились остатки сооруженных на рубеже XIV—XV веков великим князем литовским Витовтом могучих твердынь каменного замка, противостоявшего напору немецких «псов-рыцарей» на литовские земли. Здесь в конце XVI века польский король Стефан Баторий построил свой дворец, сохранившийся доныне в неузнаваемо искаженном позднейшими перестройками виде[1]. Забота о реставрации и охране этой реликвии поль-

[1] Приводимый на стр. 279 план расположения зданий, сделанный еще при довоенных раскопках, показывает сложность сочетания здесь остатков строительства разных периодов.

ского шляхетства и вызвала большие земляные работы на Замковой горе. Землей, взятой с ее площадки, велись подсыпка и укрепление размывавшихся бурным Неманом склонов горы. При этих земляных работах и выступили из-под мощной толщи позднейших напластований неожиданно красноречивые и убедительные свидетели начальной истории Гродно XI—XIII веков — замечательные памятники архитектуры и быта.

Начатые польскими учеными и законченные советскими исследователями в 1949 году раскопки доставили новый, ценнейший материал для решения векового спора о месте летописного Гродно и для суждения о роли русской культуры в Принеманье в XI—XIII веках.

Раскопки охватили лишь западную половину треугольной площадки Замковой горы. Оказалось, что за время с возникновения здесь древнейшего поселения и до сегодняшнего дня отложился мощный слой культурных остатков, деревянных и каменных строений и пр., толщиной от 6 до 10 метров. Его нижние пласты толщиной от 1,5 до 5 метров и содержали драгоценные остатки жизни древнейшего Гродно XI—XIII веков, с которыми мы и познакомим читателя.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПОСЕЛОК

В самой нижней зоне отложений ясно выделяется очень необычный и мощный слой насыпного песка и земли, в котором лежали разрозненные остатки строений, в большей своей части погибших от пожара. Это были остатки срубных хозяйственных построек и жилищ с деревянными полами, одно из них имело подполье и видимо слюдяные окна. Сохранились остатки выстланных деревом уличных мостовых и небольшие участки, замощенные мелким булыжником. Поселок имел несомненно военное назначение. Об этом говорит само его положение на неприступном мысу, который безусловно был обнесен по краям деревянно-земляными укреплениями; о них свидетельствует и самое имя поселка «Гродно» или «Городно» от русского слова «городить» — «ограждать», а также название защищавшей крепостцу с северо-запада речки Городничанки.

Среди находок, относящихся к этой древнейшей крепости, выделяется серия навесных замков и ключей от больших врезных замков, свидетельствующая о состоятельности хозяев крепости. Их облик достаточно ясно определяют находки оружия и воинского снаряжения: наконечники метательных копий, железные и костяные наконечники стрел, шпоры, часть дорогого, широкого, богато украшенного сложным узором пояса с привешенным к нему ключом. Это конные воины-дружинники, составлявшие гарнизон крепости и несшие здесь свою сторожевую службу.

Они получают зерно из зависимых пригородных или удаленных деревень; возможно, что и сами горожане имеют пашню около крепости. Особенно интересно, что местные природные условия накладывают своеобразный отпечаток на хозяйство и быт крепости. Богатые крупным зверем гродненские пущи делают охоту важнейшим источником мясной пищи. Количество костей, найденных в древнейших слоях Замковой

горы, приходится почти поровну на домашних и диких животных. Эта черта хозяйства древнего Гродно, остающаяся типичной и в последующие столетия его жизни, отличает Гродно от других древнерусских городов, где хозяйственное значение охоты обычно очень невелико.

Крепость притягивает к себе и ремесленные элементы, обслуживающие ее гарнизон и работающие как внутри ее стен, так, вероятно, оседающие и за ее пределами. Но в описываемый, древнейший отрезок жизни крепости их еще очень немного. Можно говорить о гончарном, костерезном, деревообделочном ремеслах и литье украшений. Тем не менее это уже превращает крепость в зародыш настоящего ремесленного города.

О его тесных связях с Русью говорят найденные при раскопках обломки стеклянных браслетов, бус, киевских писанок (глиняных игрушек-яичек, покрытых цветной поливой), больших толстостенных сосудов («корчаг»), стеклянной посуды, пряслиц (колечки, надевающиеся на веретено) из розового овручского шифера и др. Наряду с этим здесь много обломков янтаря, идущего по Неману с «янтарного берега» Балтики.

Местные особенности сказываются, например, в керамике присутствием нарядной посуды, украшенной штампованным орнаментом или налепными орнаментированными валиками.

Таков облик древнейшего поселения на Замковой горе. Это русская крепость. Важно подчеркнуть, что ей не предшествует никакое другое более раннее дофеодальное поселение. Крепость основывается на «чистом», необжитом месте; под ее защитой, видимо, постепенно оседают ремесленники. Следовательно, Гродно представляет тот вариант происхождения города, когда его первичной ячейкой является феодальный замок-крепость, действительно основанный каким-либо князем или другим крупным феодалом после походов Ярослава Мудрого на Литву. Судя по тому, что в дальнейшем Гродно владеют князья волынской династии, потомки Игоря Ярославича волынского, можно предположить, что постройка Гродненской крепости была связана с деятельностью кого-либо из князей этой линии, — может быть, упомянутого выше сына Игоря — Давида Игоревича.

Эта крепость, основанная во второй половине XI века, однако, просуществовала очень недолго, став жертвой большого пожара. Поэтому материал, характеризующий ее, очень скуден и случаен: все постройки, о которых говорилось выше, сохранились в виде обугленных остатков, а находки очень немногочисленны. Мы не знаем, был ли этот пожар результатом вражеского нападения или стихийным бедствием. В начале XII века летопись отмечает энергичные действия Ярослава Святополчича волынского против ятвягов (1112 г.). Причины этого похода нам неизвестны. Возможно, что в это время усилилась борьба ятвяжских племен с русскими феодалами, и поход Ярослава имел задачей упрочить русские позиции. Может быть, в этой борьбе и погибла гродненская крепость, и потребовались новые усилия, чтобы закрепиться на Немане, где и возникает особое Гродненское княжество.

КНЯЖЕСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

Повидимому, в первые годы княжения Владимира Мономаха в Киеве (1113—1115), эту беспокойную далекую землю и получает сын умершего в 1112 году Давида Игоревича — Всеволодко Давидович, на долю которого и выпадает в первую очередь восстановление крепости. С началом ее и было связано благоустройство площадки старой крепости: ее погоревшие строения засыпаются привозным грунтом, который заполняет и естественные неровности Замковой горы.

Ряд последующих сообщений летописи свидетельствует о большом значении, которое имело новое Гродненское княжество. В 1116 году Владимир Мономах выдает за Всеволодку свою дочь Агафию. Позже, в 1128 году, когда наследник Мономаха Мстислав киевский организует свой знаменитый поход на Полоцкую землю, в нем участвуют и гродненские полки, названные на третьем месте после владимиро-волынских и туровских войск. Новый поход Мстислава с крупными силами, в составе которых были снова гродненские дружины, на Литву в 1132 году был, видимо, непосредственно связан с задачей упрочения границ Гродненского княжества.

После смерти Всеволодки гродненского (1141 г.) его наследниками остаются три сына: Мстислав, Борис и Глеб, а дочерей Всеволодки киевский князь Всеволод выдает в 1144 году замуж за соседних князей— Владимира Давидовича дрогичинского и Юрия Ярославича туровского. В этом акте, организованном также великим князем киевским, мы снова видим проявление пристального интереса Киева к делам Гродненского княжества: браки связывали семейными узами гродненскую династию с княжескими домами соседних земель, содействуя сплочению их сил в интересах киевской политики.

На протяжении всего XII столетия преемники Всеволодки и выступают неизменно в качестве верных вассалов киевского великого князя и водят свои полки в организуемые им походы. Только раз, под давлением росшей на севере силы владимирского князя Андрея Боголюбского, гродненские полки вынуждены были участвовать в организованном им походе на Киев.

Таким образом, расположенное далеко от коренных русских земель Гродно находилось в очень тесной связи с ними. Гродненские дружины не раз видели «мать градов русских» — Киев и другие города Руси; участники этих походов имели возможность знакомиться с их культурой и бытом и переносить виденное в жизнь Гродно. Не меньшее значение имели торговые связи, приносившие в Принеманье изделия и материалы из Южной Руси и других земель.

Район этих связей хорошо очерчивается находками из раскопок слоев XII—XIII веков на Замковой горе. С русского юга попрежнему шли стеклянные браслеты, шиферные пряслица, трубчатые замки, бронзовые тельные кресты, дорогие ткани, стеклянная посуда и др. Из Прибалтики шел янтарь, через Новгород — свинец, а с запада, — вероятно венгер-

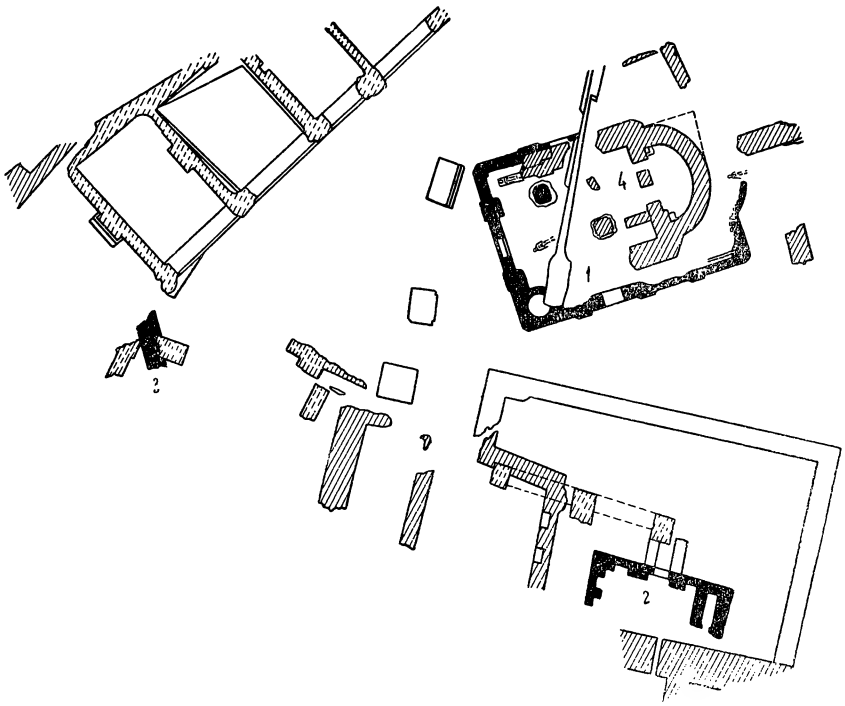
ская медь. Возможно, из Киева или с Волыни были привезены в Гродно колокола для храма в крепости. Сходство знаков княжеских ремесленников на кирпиче построек крепости со знаками на товарных дрогичинских пломбах может указывать, что в русском экспорте на запад, в Польшу, некоторая доля товаров принадлежала Гродно и Гродненскому княжеству. Все это содействовало подъему культуры Гродно в XII — XIII веках и обеспечивало ей высокий общерусский уровень. Но основой этого расцвета был быстрый рост местных производительных сил — сельского хозяйства и ремесла и превращение Гродно в значительный для русского пограничья торгово-ремесленный город.

Все эти процессы мы можем наблюдать лишь в отраженном виде на очень ограниченном материале изученного раскопками участка княжеской крепости, городского детинца, который, конечно, не может дать представления о жизни города в целом, о ремесленной деятельности на посаде, вне крепостных стен. Прежде всего охарактеризуем застройку Замковой горы в XII—XIII веках.

Превращение маленькой крепости в княжескую резиденцию не могло не сказаться самым решительным образом на ее облике. Следы старой, сгоревшей крепости исчезли в мощном насыпном «нивелировочном» слое. Были восстановлены ее укрепления. Княжский двор расположился, повидимому, в восточной части Замковой горы, у выхода из детинца в город, — там же, где и позже стоял дворец Витовта, а теперь стоит здание Гродненского государственного историко-археологического музея — бывший дворец Стефана Батория. Скорее всего дворец XII века был деревянным, но, может быть, и кирпичным, так как еще при жизни Всеволодки, между 1116 и 1141 годами, в центре дворца был выстроен кирпичный богато украшенный храм (Нижняя церковь), а несколько позже, в третьей четверти XII века, оборона крепости была усилена сооружением кирпичных башен, из которых сохранились остатки двух: южной — выходившей на склон горы к Неману, и западной — на остром мысу над устьем Городничанки. Об этих постройках мы будем говорить особо.

К западу от Нижней церкви располагалось несколько деревянных жилых и хозяйственных построек. Срубные избы размером 4×4 метра с печами из булыжника на глине, тесовой двухскатной кровлей, иногда с сенями и завалинками, а также деревянные настилы мостовых, — все это дает типичную картину древнерусского города и находит себе параллели в Старой Ладоге, Новгороде и столице Давида Игоревича — Давидгородке на Горыни. Интересно, что в это время складывается устойчивая планировка мыса с двумя перекрещивающимися улицами: поперечной с севера на юг и продольной — от западной башни к городским воротам крепости. Застройка первоначально была довольно редкой, оставляя значительные свободные пространства около храма.

Среди предметов вооружения, характеризующих дружину, отметим богато украшенные инкрустацией шпоры и бронзовую боевую булаву с четырьмя шипами (см. рис. на стр. 280).



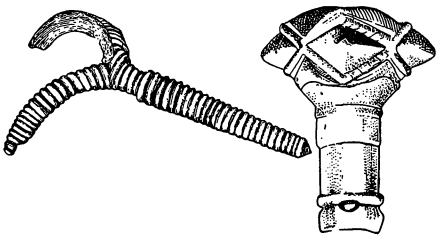
Расположение древних зданий на Замковой горе: черное — постройки XII века; штрих — постройки времени Витовта (конец XIV — начало XV века); пунктирный штрих — постройки времени Стефана Батория (конец XVI века); без штриховки — постройки позднейшей поры. Постройки XII века: *1* — Нижняя церковь; *2* — южная башня; *3* — западная башня; *4* — Верхняя церковь (нач. XV века)

Археологический материал позволяет сделать более подробную характеристику хозяйства и быта княжеского детинца XII—XIII веков.

Земледелие представлено многочисленными остатками запасов зерна, хранившихся в княжеских житницах. Здесь мы видим рожь, пшеницу, ячмень, являвшиеся ведущими зерновыми культурами; возделывались также просо, овес, горох, мелкоплодные конские бобы и начала культивироваться гречиха. Можно предположить, что земледелие было паровым. Также типичен земледельческий инвентарь — железный наконечник сохи, коса-горбуша для косьбы в залешенных угодьях, заступ, деревянные лопаты, жернова для ручного домашнего размола зерна.

В городе были и фруктовые сады, в которых культивировались слива и вишня.

Соотношение скотоводства и охоты изменяется в сторону роста удельного веса охотничьей добычи (кости домашних животных составляют 32,4%, диких 67,6%). В составе стада падает процент крупного и мелко-



Шпора, инкрустированная медью, и бронзовая боевая булава с четырьмя шипами

го рогатого скота и повышается количество свиней и лошадей; скот характеризуется мелкопородностью. В составе же охотничьей добычи вырастает значение зубра и косули; уже в это раннее время начинается истребление красы гродненских пущ — зубра. Горожане также много занимаются рыболовством, превращающимся в специальный промысел, о чем свидетельствует большой ассортимент крючков от огромных (длиной 6—7 сантиметров) до маленьких. Костные остатки рыб свидетельствуют, что среди добычи гродненских рыбаков преобладал ныне редкий в Немане сом крупных размеров (до 1,8 метра длиной).

Полнее мы можем охарактеризовать и развитие ремесла в Гродно в XII—XIII веках.

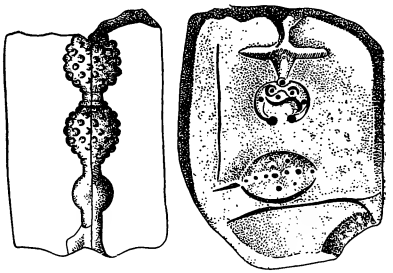
Большой прогресс переживает керамическое производство в связи с началом княжеского строительства. В Гродно появляются кирпичные сараи и обжигательные печи, в которых изготовляются десятки тысяч штук плоского стенного и фасонного кирпича. Возможно, что эти сараи и печи стояли в овраге Городничанки, используя ту же желто-жгущуюся глину, на которой и теперь работают гродненские кирпичные заводы. Отформованный кирпич подсушивался на открытом воздухе, на площадку забегали собаки или овцы — иногда на кирпиче глубоко оттиснуты их следы. Часть кирпичников, метящих свою продукцию княжеским знаком, повидимому, уже попала в состав феодально зависимых людей княжеского хозяйства (см. рисунок на стр. 281 внизу — верхний знак).

Здесь же кирпичники осваивали сложную технику изготовления поливных плиток, покрытых блестящей желтой, зеленой и коричневой глазурью, для отделки полов и фасадов княжеских построек; плитки имели различные размеры и формы — от простых геометрических до сложных фигурных, из которых набирались замысловатые красивые узоры; их изготовление требовало большого мастерства и точности формовки.

Рыболовные крючки

Возможно, что во главе этого дела стояли опытные киевские или волынские мастера, передававшие свои знания их гродненским собратьям; и — надо отдать должное гродненским кирпичникам — они блестяще освоили это производство. Они же изготовляли и бытовые поливные изделия — подсвечники в виде кубиков с отверстием для свечи, расцвеченные поливой детские игрушки, посуду. Улучшается и производство обиходной посуды, при этом постепенно стираются черты местных особенностей.

Нижняя церковь в Гродно (XII век). Остатки узорчатого пола

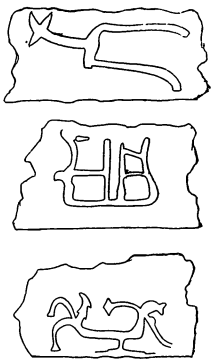


Формочки для литья украшений

Очень богато представлено в материалах раскопок в Гродно сапожное ремесло. Найденные образцы разнообразной обуви характеризуют обувь простого «работного» люда крепости. Среди этих образцов нет хороших, дорогих сапог. Это очень просто закроенная и сшитая мягкая обувь типа поршней, сандалий, туфель, башмаков с отогнутым верхом, закрепляющихся на подъеме ноги пропущенными сквозь боковые прорези сыромятными ремешками. Иногда и эта обиходная обувь украшалась узором из мелких наколов и вышивкой от подъема до носка (см. рис. на стр. 282). Найдены также прямые сапожные шилья.

Несомненно, специализировались в особые ремесла некоторые отрасли обработки дерева: бондарное дело, изготовление гребней, резка ложек и деревянной посуды. Прочие деревянные вещи бытового и хозяйственного обихода изготовлялись домашними средствами. Таковы мутовки для сбивания масла из тонкой сосны с обрезанной розеткой сучков, веретена, лопаты, лодочные весла и разнообразные колотушки; среди них особо нужно отметить «пральники» — колотушки, употреблявшиеся при стирке одежды и обивании головок льна, совершенно схожие с бытующими и ныне в белорусской деревне. Очень интересны детские деревянные игрушки — стрелы и мечи, хорошо передающие древнюю форму русского меча, и драгоценный остаток какого-то струнного инструмента — колок для натягивания струн, сходный по форме с современным колком.

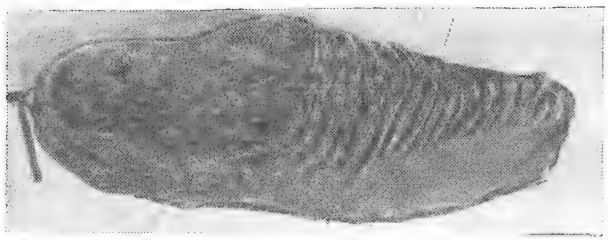
Домашними промыслами также были прядение и ткачество, представленные рядом находок. Кроме обычных пряслиц овручского шифера, найдено деревянное веретено, большой костяной гребень для чесания льна, деревянные рогули для насадки кудели, обрывки пряденых ниток и крученых шнуров из льна и конопли. От ткацких станов сохранились деревянные части — «навои» для намотки ниток и «сбои», закрепляющие кросна. Есть также обрывки грубой шерстяной ткани — «сукна» коричневого цвета, вытканного в елочку. В связи с тканями упомянем тонкие, хорошо сделанные швейные иглы и маленький бронзовый наперсток.



Знаки мастеров на кирпиче

Особый интерес представляют художественные ремесла: литье украшений и резьба по кости.

В крепости несомненно жил ювелир-литейщик, поставлявший на княжеский двор и на рынок разнообразные литые украшения — ложнозерненые бусы, звездообразные подвески, перстни, различные бляшки. Если среди находок в крепости XI—XII веков были всего две литейные формочки, сделанные из почти необработанных плиток камня, то в конце XII—



Образец кожаной обуви (XII век)

начале XIII века крепостной литейщик обладал целой серией прекрасно сделанных, усовершенствованных и приспособленных для массовой продукции разъемных форм с бронзовыми скрепляющими штифтами (см. рис. на стр. 281). Эти усовершенствования были делом киевских ювелиров конца XII — начала XIII века, и, важно отметить, что они сразу же стали известны гродненскому мастеру; возможно, правда, что он прибыл в Гродно с юга. На одной из формочек вырезан княжеский знак. Отсутствие в составе находок изделий, изготовленных в описанных формах, указывает, что продукция ювелира быстро уходила из рук мастера на рынок.

Подобно литейщику-ювелиру в крепости жил один или несколько костерезов — во всех слоях XII — XIII веков находили множество отходов и полуфабрикатов их производства: обрезки кости, начатый обработкой рог оленя, различные куски опиленных костей и т. п. Наряду с простыми вещами, встречавшимися и ранее, как различные проколки из обточенных и отполированных костей или рога, костерезы в это время производят множество полезных вещей. Таковы красивые орнаментированные обкладки и обоймицы от рукоятей ножей, мастерски сделанные гребни разных форм, застежки одежды, поясные накладки причудливой формы.

В орнаментации, состоящей из простых элементов — «глазков», сделанных маленьким циркульком, и насечек, костерезы проявляют большой вкус, достигая комбинацией простых приемов разнообразия художественного эффекта. Они применяют также своеобразный способ выжигания узора на поверхности вещи. В распоряжении костерезов был большой набор инструментов: ножи, пилки разной толщины, сверла нескольких калибров, набор циркульков для «глазковой» орнаментации, наконец они имели небольшой токарный станок, позволявший точить из кости или твердого дерева мелкие объемные вещички, например игрушки-бирюльки. Весьма вероятно, что эти же костерезы занимались изготовлением тонких изделий из янтаря и камня — янтарных крестиков и бус и литейных формочек; находившийся в их распоряжении инструмент был достаточен для производства этих вещей.

В этой связи необходимо упомянуть интереснейшую находку — маленькую скульптуру из светлого камня, изображающую ладью с воинами на ней. Мастер с прекрасным знанием дела изобразил тип боевой ладьи с двусторонним ходом и палубой, прикрывающей гребцов, появившийся, по данным летописи, впервые в середине XII века в Киеве. По бортам

сделаны круглые отверстия для весел и висят миндалевидные, типичные для XII—XIII веков щиты. На ладье четыре воина: один сидит на корме и правит, второй, встав на четвереньки на носу, смотрит вперед, два остальных сидят на середине бортов ладьи.

Каменная шахматная фигура — ладья

Это редчайший памятник, драгоценный как по мастерству и тонкости исполнения, так и по выразительному реализму изображения, дающего точный «портрет» известного нам лишь по описанию в летописи типа русской боевой ладьи XII века, который несомненно был в ходу и на Немане. Повидимому, описанная скульптурная вещь была шахматной фигурой — ладьей, которая позволяет представить себе, как красив был полный набор фигур игры.

На некоторых из охарактеризованных вещей имеются надписи и рисунки, позволяющие догадываться о знакомстве горожан с грамотой и рукописной книгой. На совершенно необработанной кости костерез со знанием дела вырезал серию случайных букв. Какая-то девушка процарапала на своем шиферном пряслице длинную двухстрочную надпись: «г(оспо)ди помози рабе своей...» (конец не читается). Мастер-ювелир начертил тонкой иглой на обороте своей формочки сложный плетеный узор, близко напоминающий книжную заставку.

Таковы важнейшие серии вещей, характеризующих развитие различных ремесел в Гродно в XII—XIII веках. Следует вновь подчеркнуть, что нарисованная выше картина их состояния очень неполна: мы знаем материал лишь из части территории детинца и не знаем материалов самого посада, располагавшегося, возможно, на смежном с Замковой горой плато Нового замка. Есть основания полагать, что он занимал к XII веку более обширное пространство к северо-востоку от замковых высот, и Гродно стало подлинным торгово-ремесленным городом.

ГРОДНЕНСКИЕ ЗОДЧИЕ

Венцом культуры Гродно XII века являются его архитектурные памятники, вписавшие новую и своеобразную страницу в историю древнерусского зодчества. До раскопок на Замковой горе был известен лишь один памятник — упомянутая выше сохранившаяся в руинах церковь Бориса

и Глеба, стоявшая в предместье древнего Гродно — Коложе, за Городничанкой, против крепости. Она привлекала внимание исследователей необычностью своего плана, круглыми столбами-колоннами внутри и особенно поразительным по красоте убранством своих фасадов вставками цветного полированного камня и майоликовых плиток, образовывавших сложные цветные фигуры крестов. Эта церковь оставалась одинокой и непонятной, и исследователи относили ее то к кругу полоцкой архитектуры, то смоленской. Было трудно предположить, что где-то на Немане, в маленьком Гродно, о котором почти никогда не вспоминали летописи, могла сложиться своя строительная школа!

Раскопки Замковой горы показали, что Коложская церковь — лишь последнее звено в цепи большого строительства в Гродно. Оно и заслуживает особого рассмотрения.

Чтобы яснее понять значение и особенности гродненской архитектуры, необходимо бросить взгляд на русское зодчество XII века в целом. В это время Киевская Русь распалась на ряд феодальных полугосударств-княжеств. Возникали, росли и богатели новые княжеские столицы, притягивавшие к себе новые творческие силы: ремесленников и строителей. В каждом стольном городе отстраивались княжеские резиденции, крепостные стены, храмы, монастыри. Каменными были по преимуществу храмы, реже дворцы и крепости. Церковное каменное зодчество было ведущим, в нем могли найти и находили применение своим творческим замыслам многочисленные русские зодчие.

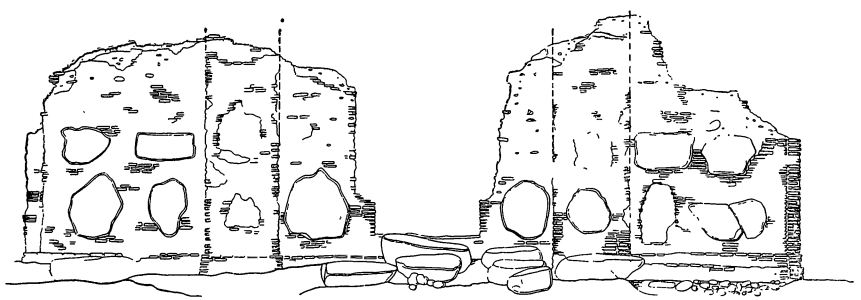
В каждой феодальной области или княжестве появлялись свои мастера, вносившие в это строительство местные художественные вкусы, использовавшие местные строительные материалы, что налагало своеобразный отпечаток на строительство каждой земли: складывались, таким образом, местные архитектурные школы периода феодальной раздробленности. Однако общей основой этого многообразного и сложного процесса являлись технические и художественные традиции эпохи Киевской Руси: в зодчестве, как и в культуре вообще, киевские традиции были той связующей силой, которая питала единство русской культуры и в пору политического распада страны. Под влиянием новых условий жизни этой поры в зодчестве вырабатывались новые типы построек, новые художественные формы. В церковном зодчестве сложился тип сравнительно небольшого шестистолпного храма, который удовлетворял потребностям удельного города или монастыря. Постройки этого типа воздвигались во многих городах Руси, приобретая в каждом из них своеобразный облик. К этому типу зданий принадлежала и древнейшая постройка в Гродно — Нижняя церковь, сооруженная в 20—30-х годах XII века князем Всеволодкой Давидовичем.

Обрушившаяся после пожара 1183 года, она долго поднимала свои руины над двором крепости, поэтому под землей сохранились ее стены на высоту до 3,5 метра. Они сложены характерной для того времени техникой кладки из тонкого кирпича на толстых швах связующего раствора — так строили в Киеве, Чернигове, Владимире-Волынском. Фунда-

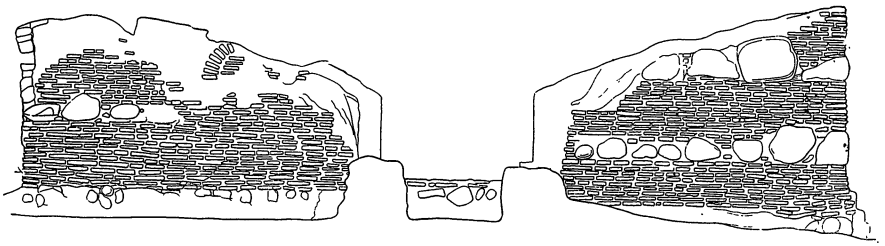
мент сделан из мелкого булыжника, пересыпанного землей. План постройки необычен. Восточная алтарная стена вместо трех или одного сильно выдвинутого полукружия имеет лишь среднее, очень плоское; столбам вместо обычной крестчатой формы придано восьмигранное очертание, причем купол был сдвинут к западной стороне и постройка в целом имела несимметричную композицию.

В западной части были хоры, где помещались во время богослужения князь и его придворные, на хоры вела круглая винтовая лестница, помещавшаяся в особой круглой кирпичной коробке в юго-западном углу здания. Этаж хоров открывался внутрь храма красивой двойной аркой на восьмигранном легком столбе. Внутреннее убранство храма было также своеобразным: его стены не имели обычной фресковой росписи и сохраняли свой розово-белый цвет кирпича и растертой извести; на этом фоне выступали круглые отверстия многочисленных глиняных кувшинов-голосников, уложенных в кладку стены для облегчения ее веса и улучшения акустических условий помещения. Зато богато были украшены деревянная алтарная преграда и пол храма. Его выстлали цветными майоликовыми плитками желтого, зеленого и коричневого тонов, а участок под главным куполом украсили сложным узором. Алтарная преграда, среди угля которой при раскопках было собрано много ее металлических деталей, несла на себе иконы и шитые пелены и была окована пластинами гравированной и вызолоченной меди и вставными в медных обоймах цветными стеклами. Общий эффект дополняли бронзовая позолоченная утварь и паникадила (люстры) для свечей.

Так же необычно наряден был наружный облик здания. Его стены членились плоскими выступами (лопатками) соответственно столбам, а углы были лишены лопаток и «срезаны» под углом 45°. Внизу в кирпичную кладку, не прикрытую побелкой, были вставлены огромные цветные валуны с естественной или замечательно отшлифованной поверхностью, а выше стены лопатки и узкие «срезы» углов здания сверкали уложенными в виде различных геометрических фигур майоликовыми плитками и также поливными вмазанными в кладку чашами. Узкие



Нижняя церковь. Западный фасад руин



Южная башня. Северный фасад руин

арочные окна, расположенные вверху стен, давали много света, заливавшего помещение храма. Его кровля была покрыта по полукружиям сводов серебристыми листами свинца, а шлемовидная глава, возможно, была покрыта золоченой медью. Таков был высоко поднимавшийся над стенами крепости княжеский храм, выдающийся памятник русского строительного искусства. Несомненно, что для его сооружения Всеволодко Давидович пригласил мастеров со стороны, с юга — центра старой строительной культуры. Скорее всего это были зодчие из Владимира-Волынского. Однако, при некоторых чертах сходства с владимирскими постройками, Нижняя церковь совершенно своеобразна. Здесь зодчие иначе скомпоновали план храма, а главное, дали ему такой сверкающий, цветистый и жизнерадостный наряд, который резко противоречил строгому облику храмов юга. Можно думать, что в Гродно, вдали от церковного надзора, зодчие позволили себе полностью проявить свои народные вкусы, с их оптимистической любовью к красочности и узорчатости. Художественный и технический опыт постройки первого каменного храма в детинце был критически освоен и учтен местными гродненскими строителями, которые получили здесь свою выучку.

При наследниках Всеволодки, во второй половине XII века, им пришлось строить кирпичные башни крепости и новый храм Бориса и Глеба вне ее стен.

Как и Нижняя церковь, крепостные башни дошли до нас в ничтожных остатках. Лучше сохранилась южная, от угловой западной уцелел лишь небольшой кусок стены. Южная башня была, видимо, квадратной, размером примерно 10×10 метров. Через дверь в ее северной стене попадали в ее нижний этаж с арочными нишами в стенах и особо выделенным помещением кладовой. Боевым был несохранившийся верх башни, отделенный от низа, вероятно, балочным перекрытием. Башня должна была выступать вперед за линию деревянно-земляных стен и держать под обстрелом примыкающие участки. Интересно, что и башня снаружи была украшена, подобно Нижней церкви, вставками цветного камня. Кладка башен такая же кирпичная, с толстым швом. Остаток западной башни интересен тем, что сохранил канал толстого бруса деревянной связи, пропущенной в толще кладки. В отличие от Нижней церкви на кирпиче башен много знаков мастеров-кирпичников, метивших ими свою

продукцию; часть этих знаков, как мы говорили выше, княжеские. Неизвестно, были ли каменными другие башни, но почти уверенно можно говорить, что воротная башня проезда из города в крепость была кирпичной.

Нижняя церковь в это время начала разрушаться. Она давала угрожающую осадку в северо-восточном направлении, появились трещины, местами начала отслаиваться кирпичная кладка. Наконец пожар 1183 года от удара молнии обрушил своды и часть стен здания. Гродненские зодчие не отнеслись безучастно к этой катастрофе и, повидимому, внимательно изучили причины непрочности здания: неглубок и неустойчив был ее фундамент из мелкого заполнявшего ров булыжника, с северной стороны он лежал в неокрепшей толще нивелировочного песка и не достигал прочного материка, стены были ослаблены введением в кирпичную кладку украшавших фасады очень крупных валунных камней неправильной формы, а внутрь стены — большого количества бута, наконец перевязь кирпича часто не соблюдалась. Это были технические ошибки зодчего, который был замечательным архитектором-художником, но мало обращал внимания на инженерную сторону дела. Эти недочеты были учтены в последней постройке XII века в Гродно — Коложской церкви Бориса и Глеба, которая уже лишена этих дефектов.

Она была построена вскоре после гибели Нижней церкви — в 80-х годах XII столетия — и была посвящена Борису и Глебу в память умерших к этому времени старших Всеволодковичей. Строителем храма был, очевидно, младший брат — Мстислав.

Коложская церковь больше Нижней, ее алтарная часть состоит из трех массивных полукружий (абсид), своды опирались на шесть круглых столбов, четвертая пара включалась в простенки алтаря и была восьмигранной; четыре средние колонны несли главу храма, западные колонны были толще — они несли хоры. Интересной особенностью здания были боковые северные и южные хоры, устроенные на деревянных настилах, шедшие от западных хор к алтарной части, в стенах которой есть узкие лестницы, вводившие на эти деревянные «балконы». Внутреннее убранство было подобно убранству Нижней церкви: розово-белые стены с черными отверстиями голосников, сверкающий цветной пол из майоликовых плиток и, вероятно, столь же богато убранная алтарная преграда. Все особенности здания — круглые стройные столбы, легкие балконы лишали пространство храма мрачности и придавленности, делая его похожим на просторный и высокий зал. Многочисленные окна в стенах и барабане главы обильно заливали этот зал светом. Таким образом, в этой своей постройке гродненские зодчие еще более самостоятельно и смело отнеслись к свой задаче и внесли даже в самую композицию храма светский дух, освободив здание от сурового полумрака и стесненности.

Точно так же и внешний облик Коложской церкви был более богат и наряден по сравнению с разрушившимся храмом крепости. Лопатки приобрели сложный профиль, арки окон алтаря были выложены из лекального кирпича. Но особенно развилось убранство фасадов камнем и майоликой. Технически более выгодные, сравнительно небольшие и мел-

кие вставные камни, размещенные чаще и свободнее, создавали более насыщенную игру пятен. Они сочетались с выложенными из специально заготовленных для этого плиток фигурами крестов на ступенчатых подножиях и отдельными квадратными плитками. Камень и майолика на фоне кирпичной красно-белой стены создавали исключительно сильный эффект. Видимо, так же была украшена глава храма, поднимавшаяся над его свинцовой кровлей.

Описанные памятники архитектуры Гродно с полной ясностью свидетельствуют о том, что здесь, как и в других княжествах, сложилась местная школа строительного искусства, внесшая свой драгоценный вклад в сокровищницу русской художественной культуры. Следует особо отметить, что гродненские постройки были хорошо известны зодчим других областей и вызывали желание перенести в их здания гродненские приемы. Так, например, в церкви Василия в Овруче, построенной, повидимому, знаменитым зодчим князя Рюрика Ростиславича Петром Милонегом в конце XII века, применяется убранство фасадов вставками небольших цветных камней. Очевидно Петр Милонег видел в натуре Коложскую церковь и использовал понравившийся ему прием в своей овручской постройке.

Таковы добытые археологами новые данные, характеризующие материальную культуру и искусство русского города на Немане — Гродно в XI—XIII веках. Они полностью разрушают «теории» о «варяжском» или «литовском» происхождении Гродно; они кладут конец спорам о месте летописного Гродно: этот русский город стоял на Немане и был столицей небольшого удельного княжества на русской границе. Как мы видели, в трудных условиях дальнего порубежья из маленькой крепости-замка вырос торгово-ремесленный город; его культура развивалась в теснейшей связи с культурой древней Руси в целом, обнаруживая и здесь свою стойкость и активность; ее вершиной явилось создание местной художественно-оригинальной архитектурной школы, оказавшей свое влияние на последующее развитие русского зодчества. Мы подробно остановились на ее памятниках, чтобы показать, как гродненские строители развивали и совершенствовали свое мастерство.

Нет никакого сомнения, что Гродно было не единственным русским городом в Принеманье XI—XIII веков. Предварительные данные о ряде древних городищ и о крупнейшем из них, Волковыйске, говорят о том, что последующие их раскопки еще шире и детальнее осветят культуру русских городских центров XI—XIII веков на крайнем западе русской земли.

С образованием Литовского княжества Гродно и другие русские города Принеманья вошли в его состав и сыграли крупную роль в укреплении Литовского княжества и его культуры.

А. Л. МОНГАЙТ

РАСКОПКИ СТАРОЙ РЯЗАНИ

ВВЕДЕНИЕ
«ЭТИ МЕСТА ДОСТОЙНЫ, ЧТОБЫ НА НИХ СТОЯЛ
СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД»
СЛАВЯНЕ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА СТАРОЙ РЯЗАНИ
РЯЗАНСКИЕ МАСТЕРА
РЯЗАНСКИЕ ЖИЛИЩА
КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО
УКРЕПЛЕНИЯ.
БЫТ НАСЕЛЕНИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ
ИСТОРИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ

ВВЕДЕНИЕ

На гигантских просторах нашей Родины разбросано великое множество городищ — когда-то населенных и укрепленных пунктов, позже запустевших, покинутых обитателями. Веками здесь протекала жизнь; люди трудились, строили, боролись, умирали. Их деятельность лишь изредка находит свое отражение в письменных источниках. Но летопись их жизни почти всегда остается запечатленной в виде остатков жилищ, мастерских, различных произведений материальной культуры, сохранившихся в земле и добываемых в результате раскопок. Внешним признаком, по которому определяется городище, являются остатки укреплений, обычно земляных валов. Городища бывают большие и маленькие, различных форм, и относятся они к разным эпохам.

Часть городищ — это остатки древнерусских городов и замков. Еще в начале XIX века на них было обращено внимание, и отдельные городища пытались связать с упоминаемыми в летописи славянскими городами. Но раскапывали городища редко, и в течение всего времени до Великой Октябрьской социалистической революции русские городища оставались мало исследованными. Среди дореволюционных археологов, кроме крупных ученых, принесших славу русской науке, было множество любителей, богачей, развлекавшихся археологией. Они давали средства на раскопки, они подчас определяли, пользуясь своим влиянием, и направление исследований. Раскопки могильников проще, дешевле и дают массу эффектных вещей, пополнявших частные коллекции и музеи. Раскопки городищ сложнее и дают ценные для исторических выводов, но

Валы Старорязанского городища

внешне менее интересные, чем в могильниках, находки. Погоня за вещами, добываемыми при раскопках, и приводила к тому, что копали могильники, пренебрегая городищами. Это, естественно, искажало представление о древнерусской культуре и истории. Бóльшая часть вещей, найденных в курганах, почему-то считалась привезенной из-за границы. Ученые писали, что якобы в древней Руси не знали даже обработки железа и все железные изделия ввозились из других стран и т. п. Все это соответствовало «концепциям», принижавшим древнерусскую культуру. Только в советское время начались систематические раскопки городищ. Были открыты многочисленные жилища и ремесленные мастерские. Теперь уже не оставалось сомнений в том, что бóльшая часть находимых в славянских курганах вещей произведена на месте. Благодаря исследованиям советских археологов многое удалось узнать о жизни древнерусского города, был установлен ряд важных фактов, характеризующих высокий уровень развития культуры древней Руси.

Среди городищ, изучение которых дало ценнейшие материалы для истории русского народа и его культуры, видное место принадлежит Старой Рязани.

«ЭТИ МЕСТА ДОСТОЙНЫ, ЧТОБЫ НА НИХ СТОЯЛ СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД»

Старая Рязань — это маленькая деревушка в 50 километрах от города Рязани. Вероятно немногие из путешествующих на пароходе по Оке обратили бы внимание на группу изб на правом, высоком и крутом бере-

Валы Старорязанского городища

гу реки в 2 километрах от города Спасска, если бы не величественные валы Старорязанского городища, привлекающие взоры даже непосвященного наблюдателя. Эти валы ограждают территорию, на которой в XII—XIV веках находилась столица Рязанского княжества. Здесь находился один из центров древнерусской политической жизни, ремесла, культуры и искусства.

Горькая судьба постигла Старую Рязань. Страшный удар был нанесен ей татарами в 1237 году. Дома и храмы были сожжены, летописи погибли. В последующее время город постепенно захирел и исчез с лица земли и даже из памяти потомков. Столица Рязанской земли переместилась на север, в город Переяславль-Рязанский — современную Рязань. На территории когда-то цветущего русского города не осталось даже руин, напоминающих о былом величии, только валы на ровном распаханном поле и свидетельствуют о том, что здесь было поселение.

Впервые после падения города внимание к Старой Рязани было привлечено в 1822 году, когда на территории городища был найден замечательный клад золотых вещей. В 1829 году молодой В. Г. Белинский проезжал через Старую Рязань и в восторженных словах выразил свои впечатления.

«Какие пленительные, можно сказать, единственные виды представляет Старая Рязань со своими окрестностями. Представьте себе высокую равнину, которая оканчивается такою крутою, неприступною горою, что пеший человек едва может, и то в некоторых только местах, взобраться

на оную... Ежели станете на горе лицом к Оке, то какое величественное и восхитительное зрелище представится изумленным очам вашим: у подошвы крутизны, под ногами вашими гордо расстилается быстрая Ока, покрытая барками; низкий, почти равный с Окою противоположный берег, желтый, песчаный, как необозримое море, теряется в своем пространстве и граничит с горизонтом в левой стороне... О, с каким восторгом, с какой гордостью, стоя на помянутой крутизне, обозревал я сии восхитительные виды. Эти места достойны, чтобы на них стоял столичный город»[1].

В 1836 году начались раскопки Старой Рязани. С многолетними перерывами они велись в дореволюционное время. Раскопки в большинстве случаев велись неправильно. Вместо вскрытия больших площадей, на которых можно было бы целиком изучить жилища, мастерские и т. п., копали узкими траншеями, дававшими лишь часть исторической картины, разрезавшими сооружения. Иногда вели раскопки люди, мало сведущие в науке. Так как частные коллекционеры покупали древние вещи, то множество кладоискателей изрыли ямами городище в поисках таких вещей, чем принесли значительный вред научному исследованию. И все же, несмотря на эти недостатки, уже в дореволюционный период накопилось большое количество материалов, свидетельствующих о значении Старой Рязани для истории нашей Родины.

Огромного размаха исследования Старой Рязани достигли после Великой Октябрьской социалистической революции. Результаты их представляют большой научный интерес.

Исследования велись систематически, по определенному плану и ставили точную и ясную задачу изучения всего городища, как единого целого, в его историческом развитии. Для раскопок были выбраны наиболее важные участки, исследовались большие площади. Новая методика исследования обеспечила их успех.

Впервые было получено с большой яркостью и полнотой представление о всех сторонах жизни древнерусского города. Этому способствовало то, что вся территория Старой Рязани открыта для раскопок. В древних, но ныне живых городах, таких, как Киев, Новгород, раскопки затруднены современной застройкой. В 1926 году в Старой Рязани вел раскопки виднейший советский археолог В. А. Городцов.

С 1945 по 1950 год вела свою работу старорязанская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

В настоящее время валы Старорязанского городища окружают распаханное поле; в плане представляющее неправильный четырехугольник общей площадью около 48 гектаров. Северная сторона городища упирается в овраг, по дну которого протекает ручей Серебрянка, впадающий в р. Оку. Южная сторона городища частично примыкает к правому берегу

---

[1] В. Г. Белинский. Письма, т. I, СПб, 1914, стр. 12. Письмо к А. П. и Е. П. Ивановым, конец 1829 г.

Черной речки, а западная омывается Окой. Городище лучше всего защищено с запада, так как крутой, обрывистый окский берег делал эту сторону почти неприступной. Повидимому, она не нуждалась в укреплении валом и рвом. Все другие стороны были защищены высоким валом и глубоким рвом. Но, кроме большого внешнего вала, в настоящее время сохранился еще внутренний вал, пересекающий городище в северной части и отрезающий от него небольшой участок площадью 7,6 гектара (в дальнейшем будем эту часть городища называть северным городищем). Еще дальше на северо-запад находится холм, отделенный от городища оврагом. В древности этот холм сливался с массивом городища и был отделен от поля валом и рвом, но в течение веков ров был размыт, на его месте образовался глубокий овраг. На этом крайнем северо-западном мысу Старорязанского городища находилось древнейшее поселение, восходящее к началу I тысячелетия н. э.

СЛАВЯНЕ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА СТАРОЙ РЯЗАНИ

Древнейшее поселение на северо-западном мысу Старорязанского городища принадлежало одному из местных племен, которые составляли основное население бассейна среднего течения реки Оки до появления здесь славян. Эти племена были предками современной мордвы и, вероятно, предками известных из летописи, но исчезнувших в процессе славянской колонизации муромы и мещеры. Первое поселение этих племен было найдено археологами у села Городец, поэтому, как это принято в археологии, все подобные городища стали называться по первому найденному городецкими городищами, или городищами городецкой культуры. В среднем течении Оки городецкие городища непрерывно тянутся по правому берегу реки от Белоомута до Касимова. Они расположены обычно на мысах, выходящих одной стороной на реку и с двух сторон ограниченных низинами. С четвертой стороны такой мыс прорезан валами и рвами. Валы укреплены частоколом и иногда сделаны из глины, которая была обожжена. Жилищами служили землянки. В середине землянки находятся очаги из камней, иногда обмазанные глиной. Находки вещей на городищах немногочисленны, больше всего обломков глиняной посуды. Сосуды сделаны грубо и небрежно, из плохо промешанного глиняного теста с примесями песка или толченого камня. Типичным для всей посуды является «рогожный» орнамент. Он так назван потому, что напоминает отпечаток рогожи на глине. На самом же деле этот орнамент наносился специальным штампом. Довольно много на городецких городищах изделий из кости. Очень немногочисленны металлические изделия. Население городецких городищ было знакомо с обработкой металлов, но металлургия находилась на самой первоначальной стадии развития. Важнейшим занятием населения было скотоводство и мотыжное земледелие. Значительную роль играли рыболовство и охота. Таков сравнительно примитивный быт обитателей древнейшего поселения на Старорязанском городище, существовавшего в I—V веках.

В V веке городецкие городища исчезают. В связи с развитием земледелия появляются неукрепленные поселения на открытых местах, без валов и рвов. Такие поселения археологам трудно обнаружить. Поэтому о более поздних судьбах населения, оставившего городецкие городища, археологи судят по находкам в могильниках. Расположенные по среднему течению р. Оки так называемые «рязанские могильники» представляют главную массу наиболее ранних могильников подобного типа, распространенных на огромных территориях западного Поволжья. Могильники эти появляются одновременно с поздними городецкими городищами, но исчезают только в X веке. Они очень богаты инвентарем: в мужских и женских погребениях встречаются оружие, украшения, кости верховых лошадей. Женские украшения с многочисленными шумящими привесками по типу очень близки к позднейшим мордовским. Вообще древние племена очень консервативны в сохранении украшений, и последние являются наиболее устойчивым этническим признаком, обнаруживаемым археологами. На Старорязанском городище часто находили вещи, подобные вещам из рязанских могильников; непосредственно за валами Старой Рязани, подходя к ним вплотную с внешней стороны, расположен большой могильник, известный в науке под названием Шатрищенского, или Старорязанского.

Таким образом, археологические данные показывают, что древнейшим населением, предшествовавшим в Старой Рязани славянам, были племена — предки мордвы, памятниками которых являются городецкие городища и рязанские могильники. Ближайшими соседями древней мордвы были славяне, жившие на Верхней Оке и на Верхнем Дону. Еще в V—VI веках между славянами и древнемордовскими племенами устанавливаются прочные связи. Отдельные элементы раннеславянской культуры в виде погребального обряда, керамики, украшений проникают в среду населения, от которого остались рязанские могильники. Вероятно первоначально проникновение славянского влияния в среду населения, оставившего нам рязанские могильники, возникает в результате браков. Славянские женщины приносили свои обычаи и наряды. Известную роль в этом процессе могли сыграть и развитые торговые связи со славянами. В VIII—IX веках славяне уже появляются отдельными группами в среднем течении Оки и здесь возникают первые славянские поселки. Но в X веке картина резко меняется. Среднее течение Оки колонизируется массой славянского населения. Древнемордовские племена здесь исчезают. Часть из них отходит на новые места, часть ассимилируется славянами, повидимому принимая их язык и обычаи. Следы пребывания древнего населения сохраняются только в виде археологических памятников и названий: рек, озер, мест поселения. Так, в названии Рязань, например, сохранилось название мордовского племени эрзя, эрзянь, поселок которого находился в северной части Старорязанского городища. Когда здесь поселились славяне, они восприняли древнее мордовское название поселка, но изменили его в соответствии со славянской фонетикой. Так вместо эрзяни появилась Рязань.

Найденные при раскопках в Старой Рязани остатки стеклянных браслетов, бус, янтарный перстень, костяная подвеска, крестик, часть булавки с передгородчатой эмалью

Кто же были эти славяне, создавшие в X—XI веках в среднем течении Оки ряд городов и среди них Старую Рязань? По некоторым признакам мы знаем, что они принадлежали к славянскому племени вятичей, жившему в верховьях Оки и в верховьях Дона. Весьма вероятно, что вятичи из верховьев Дона отступили на север, в лесную полосу. Здесь они не только были дальше от лесостепи, подверженной натиску кочевников, но и слились с основным массивом славянского населения, могли пользоваться его поддержкой в борьбе с врагами. Прежде чем Старая Рязань превратилась в город, она была вятичским племенным поселком. Вятичи обрисованы в ранних русских летописях как одно из самых отсталых славянских племен, надолго сохранивших языческие обычаи. Известие об отсталости вятичей отчасти должно быть отнесено за счет тенденциозности летописца, враждебного вятичам. Но, повидимому, и на самом деле вятичи отстали в своем социальном развитии от других славянских племен. Они были изолированы от Киева лесами, долгое время считавшимися непроходимыми, были обособлены от других важнейших общерусских центров. Племя вятичей, или, вернее, вятичский племенной союз, медленнее феодализировался; здесь долго сохранялись элементы родового быта. Но уже в X веке у вятичей было пашенное земледелие, развились торговые связи с Востоком. В земле вятичей и в рязанском течении Оки найдены многочисленные клады восточных монет. В XI веке через вятичские леса были проложены пути и закончился период изоляции вятичей: власть киевских князей распространилась и на эти племена.

Рязань никогда не была чисто вятичским поселением. Вскоре после ее заселения славянами в X веке она превращается в большой ремесленный и торговый город, куда собирались представители разных славянских племен. А в XI веке уже почти совсем стираются грани между племенами.

Важнейшей причиной роста Старой Рязани и превращения ее в город было развитие ремесла. Большое значение имело также положение Рязани на перекрестке важных торговых путей. Рязань становится одним из центров возникшего в результате распада Киевского государства нового феодального государственного образования — Муромо-Рязанского княжества. В XII веке первенствующее положение в княжестве получает Рязань; Муром, бывший прежде столицей, переходит на роль одного из удельных городов.

Основное ядро Рязанского княжества находилось между Окой, Проней и Осетром, но границы его простирались дальше: от верховьев Дона и Воронежа на юге до малообитаемой, покрытой болотами и лесами Мещерской стороны на севере. По свидетельствам русских и иностранных путешественников (правда, относящихся к более позднему времени, чем рассматриваемое нами), Рязанское княжество было областью, богатой хлебом, лесом, скотом, птицей, плодами и особенно медом и воском. Свидетельства о богатстве Рязанской земли относятся главным образом к степной южной черноземной полосе. Население юга Рязанской земли кормило хлебом не только себя, но и отдаленные русские города. Отсюда

в XII веке шел хлеб даже в Новгород-Великий. Основными зерновыми культурами были рожь, пшеница и просо. На пойменных лугах и береговых пастбищах развилось скотоводство. Наряду с земледелием и скотоводством важные отрасли хозяйства составляли охота, рыболовство и бортничество (сбор меда диких пчел). Из промысловых животных важнейшими были лось и бобер, затем медведь, лиса, белка.

Многочисленные села сгруппировались вокруг городов, которые как бы являлись центрами сельскохозяйственной округи. Хотя важнейшими занятиями населения города были ремесла и торговля, но жители никогда не порывали с сельским хозяйством.

В такой социальной и географической обстановке протекало развитие города Старой Рязани в XI—XIII веках, в эпоху его наивысшего расцвета.

РЯЗАНСКИЕ МАСТЕРА

Важнейшим ремесленным и торговым городом в Рязанском княжестве была его столица Старая Рязань.

На северном участке описанного выше Старорязанского городища многолетними раскопками советских ученых открыт основной ремесленный район города XI—XII веков. Здесь найдены дома ремесленников и мастерские костерезов, ювелиров, литейщиков, раскопано несколько металлургических и керамических печей.

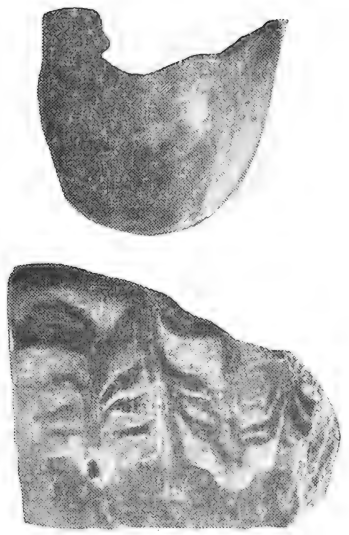
Керамические печи были двух типов: для обжига бытовой посуды и для обжига поливной керамики — ценных облицовочных плиток, игрушек и т. п. Горн первого типа был глинобитным. Он небольшой, в плане овальный (диаметры 95 и 75 сантиметров), опущен в неглубокую яму. Верхнее обжигательное помещение отделено от топочного горизонтальной перегородкой из глины с жаропроводными отверстиями (продухами), без всякого подпора снизу. Огонь разводился в топке, откуда через продухи проникал в обжигательную камеру. Последняя была перекрыта сводом, сбитым из плотной глины. Судя по размеру горна, он мог служить для одновременного обжига 25—30 горшков. Следы наслоений подмазок глиной на поду горна свидетельствуют о том, что горн эксплуатировался в течение длительного времени. Горн расположен вблизи жилища ремесленника. Это, а также скромные размеры горна свидетельствуют о том, что горн находился в индивидуальном пользовании ремесленника [1].

Горн второго типа более сложен. Он сделан из кирпича-сырца. Топочная камера находится не под обжигательной, а рядом с ней. На полу горна найдены специальные подставки для глиняных поливных яичек, которые здесь обжигались. Эти яички (так называемые «писанки») покрывались цветной глазурью. Центрами их производства были южные русские города, прежде всего Киев, Белгород. Экспортировались они да-

[1] Известные по этнографическим материалам XIX и начала XX века горны, находившиеся в коллективном пользовании 7—8 хозяев, вмещали до 600 горшков и находились по середине улицы, вдали от жилища.

же за границу — во все славянские страны. Старорязанский горн служил не только для обжига «писанок», но и для облицовочных керамических плиток. Старорязанские плитки покрыты зеленой поливой с ярким желтым волнистым рисунком на ней.

Все открытые до сих пор керамические печи сосредоточены в северной части Старорязанского городища, за внутренним валом, и сравнительно недалеко одна от другой. Сосредоточение керамического производства в одном месте — явление, обычное для средневековых русских городов. Это отразилось и в названиях: гончарные концы или гончарные слободы.



Тигелек и поливная плитка (XI век; из раскопок 1949 года)

У древнерусского гончара не было специального помещения для работы. Он работал в жилой избе. Поэтому, кроме горнов, мы не можем обнаружить какие-либо другие признаки керамического производства. Обломки разбитой посуды найдены во всех жилищах, и их количество не может указывать на то, что эту посуду делал владелец жилища.

Рязанская керамика очень разнообразна по форме и назначению. Здесь и простые кухонные горшки и миски, и парадная посуда, покрытая разнообразным орнаментом, и сосуды специального назначения, например для приготовления сыра, и маленькие горшочки, которые могли служить солонками или были детскими игрушками. Вся посуда сделана на гончарном кругу, приводившемся в действие руками. Для того чтобы удобней было снимать мокрый глиняный горшок с круга, его лепили на специальной деревянной подставке, на которой мастер вырезал свое клеймо — своеобразный «фабричный» знак. Клейма представляют собой простые знаки: круги, колеса, кресты и т. п. Мастер передавал свое клеймо по наследству, причем обычно наследник несколько усложнял знак: если у отца был ключ с двумя бородками, то сын прибавлял третью.

Рязанские гончарные клейма представлены более чем 120 различными знаками. Это не значит, конечно, что за все время существования города здесь было 120 гончарных мастерских. В одной мастерской, возможно, применялись и разные клейма. В раскопках несомненно будут найдены еще клейма. Гончарные клейма — любопытное свидетельство организации древнерусского ремесла.

Неподалеку от керамических печей в северной части Старорязанского городища найдены металлургические горны и кузницы. Один металлургический горн был наземным, другой опущен в яму. Устройство гор-

нов в общем сходно; отличие только в способе загрузки руды и топлива: в наземном горне их приходилось подымать наверх, в ямном — загрузочное отверстие находилось на уровне земли.

У ремесленника, владевшего ямным горном, рабочее помещение представляло полуземлянку, в середине которой раскопками открыт под горна, сделанный из булыжных камней величиной с кулак, выложенных в виде овала, скрепленных и обмазанных глиной. Здесь же найдены куски железного шлака и обломки толстых глинобитных стенок металлургической печи. Перед горном в землянке была яма (предгорновой выем), служившая для установки мехов. В яме найдено свыше 20 фрагментов сопел (конусовидных или пирамидальных глиняных трубок, служивших для ввода в печь выдуваемого мехами воздуха). Землянка была перекрыта четырехскатной крышей. Над печью в крыше было устроено вытяжное отверстие для выхода газов. В противоположной от печи стороне был вход в землянку по деревянной лестнице. Шихта, то есть руда, уголь, флюсы [1], находилась снаружи, у вытяжного отверстия в крыше. Загрузка печи велась через это отверстие. Печь была рассчитана на круглогодовую эксплуатацию: крыша землянки защищала металлурга и горн от дождей, холода и снега. В сыродутном горне железо восстанавливалось из болотной руды при температуре 1100—1250 градусов. Болотные руды встречаются неподалеку от Старой Рязани по берегам рек Прони, Пры и Кади.

Разнообразна продукция рязанских кузнецов: от самых простых изделий — гвоздей и ножей до очень сложных замков и орудий труда. Буржуазные ученые отрицали вообще развитие русской металлургии и металлообработки в древности. Советские ученые не только доказали ложность этого утверждения, но их открытия показывают, что древнерусские мастера владели наиболее совершенными методами обработки металла.

Рязанские кузнецы уже в X веке знали способы изготовления стали и применяли различные технологические приемы для получения твердого и острого лезвия ножа. Уже в X веке применялся прием наиболее совершенный, но и наиболее трудоемкий: сваривание из трех полос — двух железных и проходящей внутри клинка — стальной. Такое слоистое лезвие наиболее удобно, так как легко вытачивается, и до конца существования ножа остается стальная рабочая часть его. Другие приемы — это цементация и изготовление цельностального лезвия. Одной из наиболее сложных кузнечно-слесарных работ было изготовление замков. Цилиндрические замки состоят из нескольких десятков деталей. Мастер очень точно учитывал условия эксплуатации той или иной металлической детали. Например, пружина замка должна пружинить и не ломаться. Поэтому старорязанский мастер сваривает ее из двух узких полосок чистого железа и стали (толщина полос 0,75 миллиметра, толщина всей пружины 1,5 миллиметра). Рабочая часть токарного резца наваривалась из высокоуглеродистой стали.

---

[1] Флюсы — различные вещества (известняк, песок и т. п.), загружаемые в печь с целью очистки металла от примесей, дают легкоплавкие шлаки.

Много найдено в Старой Рязани изделий из меди; среди них — серия литых и чеканных женских украшений, браслетов, перстней, подвесок и т. д. Меднолитейное дело представлено находками медных шлаков, кусков меди, тиглей со следами расплавленного металла и каменных литейных форм.

В косторезных мастерских, наряду с массовыми изделиями — гребнями, ручками для ножей, найдены художественные поделки — интересные памятники прикладного искусства. Таково, например, стилизованное изображение животного, вырезанное из костяной пластинки, служившей накладкой на переплет книги. Очень выразительно характеризуют изображаемое животное, принадлежащее, повидимому, к породе кошачьих, вытянутые передние лапы, изогнутая спина, круглая голова с острыми зубами, поза хищника. Это один из интереснейших образцов древнерусской художественной резьбы. Так благодаря археологии удается познакомиться с древним народным искусством.

Литейная форма из Старой Рязани для отливки подвески (XIII век)

Наиболее распространенными на древнерусских городищах находками являются обломки разноцветных стеклянных браслетов — любимого украшения горожанок. Долгое время считали, что они, как и другие стеклянные изделия, привезены с Востока. Потом раскопками в Киеве была открыта стеклоделательная мастерская. Этим было доказано их местное, русское производство. В Старой Рязани найдены тысячи стеклянных браслетов, и, хотя мастерской для их производства не найдено, можно не сомневаться, что их делали на месте. Доказательством служат находки бракованных, испорченных в момент изготовления браслетов. Они, конечно, не могли быть привозными, производственный брак оставался на месте.

Исключительно высок уровень старорязанских ювелирных изделий. Продукция ювелиров свидетельствует не только о высоком развитии ремесла, но и об особых художественных вкусах и особых формах рязанского прикладного искусства. В особенности замечательны изделия из золота и серебра из кладов.

В 1822 году крестьянин, опахивавший края дороги неподалеку от места, где позже был раскопан Спасский собор на Старорязанском городище, наткнулся на золотые и серебряные предметы исключительной ценности, общим весом 6 фунтов 83 золотника (2807,5 грамма). Основную часть клада составляют 11 круглых золотых блях, являвшихся частью княжеского наряда. Две самые большие полые подвески (колты) богато украшены камнями, эмалью и свернутой жгутом золотой проволокой — сканью. На лицевой стороне этих колтов изображены князья

Костяная накладка на книжный переплет (XII век; из раскопок 1946 года)

Борис и Глеб, на обратной вставлен белый яхонт, обнизанный жемчугом. По ободу среди скани помещены 9 крупных камней. Камни вправлены в гнезда, приподнятые над поверхностью колтов с помощью ажурного сканного плетения в виде арочек, которые пропускают к камню свет снизу.

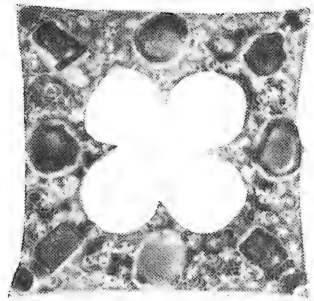
Остальные подборы блях также высокохудожественны. Кроме того, в кладе имеются золотые ажурные дутые бусины, цепочка, перстни, нашивные бляшки, браслеты и другие предметы.

В 1868 году был найден второй клад серебряных вещей, в 1887 году — третий. Самым ценным в кладе 1868 года является ожерелье из 17 серебряных и вызолоченных бляшек, соединенных колечками на шарнирах. Бляшки украшены толстой сканью в виде крестов и крестообразных фигур. Кроме того, в кладе было 5 блях с изображением восьмиконечного креста и т. д. Рисунок выполнен резцом и чернью. В кладе 1887 года среди других вещей находилась пара серебряных колтов, окаймленных вокруг 13 дутыми большими бусинами, нанизанными на проволоку. На щитках колтов изображены две птицы, переплетшиеся хвостами. Узор выполнен резцом и помещен на черненом фоне.

Серебряная с чернью бляха из клада, найденного в 1950 году (XIII век)

Непрерывно в течение многих лет местные жители находили отдельные ценные вещи. Одним из наиболее интересных является клад ювелирных изделий из Старой Рязани, найденный экспедицией Института истории материальной культуры летом 1950 года. Древнерусские клады, как правило, относятся к категории случайных находок, поэтому затруднены их датировка, определение обстоятельств, при которых клад был спрятан, и т. д. Впервые

в Старой Рязани клад был найден при раскопках. Владелец клада спрятал его в печку жилища, должно быть, в страшные дни татарского разгрома. Жилище погибло в огне, и через 600 с лишним лет вещи были извлечены археологами. Качество изделий очень высокое. В кладе было 26 предметов; среди них: полые серебряные бусы, украшенные зернью [1] и по краям обмотанные витой серебряной проволокой, трехбусинные височные кольца, каменные кресты в серебряной оправе, бляха с изображением святой, бронзовая позолоченная булавка, украшенная перегородчатой эмалью красного и зеленого цвета, серебряные шестилучевые сережные подвески. Лучи в них оканчиваются крупными шариками, поверхность лучей сплошь покрыта мелкой зернью; на всей подвеске напаяно до 6000 зернышек.



Золотая оправа крестика, найденного в Старой Рязани (из коллекции ГИМ)

К этому же кладу относятся найденные ранее серебряная звездчатая пятилучевая подвеска и цепь из серебряных бляшек, украшенных зернью и соединенных между собой с помощью шарниров. В Государственном Историческом музее имеется оправа маленького крестика из Старой Рязани, которую Б. А. Рыбаков называет «верхом совершенства ювелирной техники». Там между 12 камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветов, посаженных на спиральные пружинки в четыре-пять витков, припаянные только одним концом к пластинке. Спиральные стебельки были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по 5 тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянных к пестику. На пространстве в 0,25 кв. сантиметра рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветков, которые колыхались на своих спиральных стебельках.

Долгое время ювелирные изделия Старой Рязани считались привозными — из Киева или из Чернигова. Когда еще мало было известно о значении Старой Рязани как крупного древнерусского ремесленного центра, один из реакционных ученых, которому все развитие русской культуры представлялось как заимствование и искажение византийских образцов, высказывал недоумение, откуда в таком захолустном районе, каким представлялась тогда Рязань, появилось высокое искусство художников-ювелиров. Он выражал надежду, что «быть может, и для русской археологии настанет такое время, когда изящество и обилие рязанских древностей этой эпохи будет сознательно связано с развитием культуры в бассейне р. Оки». Такое время настало. То, что мы узнали о развитии культуры, искусства и ремесла в Рязанской земле, позволяет не сомневаться, что местные златокузнецы, как и другие мастера, владели совер-

[1] Зернь — способ орнаментации ювелирных изделий напаиванием мельчайших серебряных зернышек.

шенными методами изготовления высокохудожественных изделий. Рязанская земля не отставала от Киева, Новгорода и других великих древнерусских культурных и ремесленных центров. Существование такого высокоразвитого города, как Старая Рязань, было важным фактором для ремесла и торговли всей северо-восточной Руси и для ближайших неславянских племен и народов. Рязанские ремесленники работали не только для ближайшего, но и для довольно отдаленного рынка. В 1950 году, например, были открыты две расположенные рядом землянки, одна из которых была жилищем, а другая рабочим помещением ремесленника, обрабатывавшего цветной металл. В последней землянке были найдены слитки олова, многочисленные обрезки тонких листов меди, медная стружка и узкие и тонкие медные полоски, служившие для изготовления накосников — украшения, надевавшегося мордовскими женщинами на косы. Население, носившее накосники, жило в это время не менее чем в 250 километрах от Старой Рязани.

Рязань была ближайшим соседом волжской Болгарии, ювелирное искусство которой создалось под влиянием древней Руси. В болгарских комплексах найдено много русских ювелирных изделий, часть из них имеет ближайшие аналогии в рязанских кладах.

Рязань торговала с Востоком (об этом свидетельствуют находки среднеазиатских и арабских монет и изделий), с Византией (что подтверждается находками византийских монет, роскошных тканей, перегородчатых эмалей, каменных образков, представленных в рязанских древностях), с Западной Европой (об этом говорят находки монет германских императоров, скандинавских мечей и украшений,) но главным образом торговля велась с другими русскими княжествами. Новгородские и киевские гривны, весы, гири, разнообразные привозные изделия остались материальными свидетельствами этой торговли.

Археологические раскопки, вскрывшие яркую картину развития старорязанского ремесла и торговли, тем самым объяснили причины развития города, причины превращения небольшого поселения в город. Раскопки позволили охарактеризовать не только развитие ремесла, но и разные стороны городского быта древней Руси. Очень интересные результаты дали исследования нескольких десятков открытых жилищ.

РЯЗАНСКИЕ ЖИЛИЩА

Старорязанские жилища подвергаются археологическим раскопкам в течение более чем 100 лет. Археологи XIX и начала XX века говорили в своих отчетах о «следах жилья» на городище, но никто из них не сумел уловить основной признак старорязанского жилища — глинобитную печь. Это сделал только В. А. Городцов во время раскопок 1926 года. Загадочные пятна красной глины, удивлявшие археологов, оказались следами развала глинобитной печи. Используя материалы раскопок и этнографические материалы, В. А. Городцов пытался реконструировать как печь, так и жилище. Он пришел к заключению, что все жилища были де-

Золотые ажурные бусы (XII—XIII века)
(натуральная величина)

Колт с изображением св. князя в шапке с соболиной опушкой:
а) лицевая сторона (натуральная величина)

Колт с изображением св. князя в шапке с соболиной опушкой:
б) — оборотная сторона (натуральная величина)

Ювелирные изделия XIII века из клада, найденного при раскопках в 1950 году (натуральная величина)

ревянными, просторными, с дощатыми полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами с глинобитной печью посреди избы и с одной или двумя подпольными ямами.

Продолжение раскопок в 1946—1950 годах выявило другой тип жилища — полуземлянку, подобную полуземлянкам, раскопанным в Киеве и Суздале. Одна из подробно изученных полуземлянок (1946 г.) представляет жилище прямоугольной формы размером 3,9×3 метра, углубленное в землю на 1 метр, с двумя хозяйственными ямами в северо-восточной части и с вырезанными в земле ступенями входа с восточной стороны. В северо-западной части полуземлянки находилась печь.

Раскопки не дали достаточных материалов для реконструкции наземных частей полуземлянок.

Вероятно, двускатная кровля опиралась на вертикально стоящие (посредине и по углам) столбы. Возможно также, что, подобно полуземлянкам, открытым в Киеве, над вырытым в материке углублением сооружался сруб в несколько венцов.

Неправильно было бы представлять себе древнерусскую полуземлянку как примитивное, близкое к первобытным, жилище. Древнерусская полуземлянка представляет собой один из способов сооружения жилища, при котором применяется частичное углубление в землю. При этом иногда полуземляночное помещение входит в более сложные конструкции. Хотя в районе распространения полуземлянок дерево обычно плохо сохраняется и поэтому наземные деревянные части жилища встречаются редко, все же, судя по распределению в культурном слое находок, весь жилой дом иногда был значительно больше полуземляночного углубления; последнее составляло лишь часть жилища, его теплую комнату. Таким образом, открытие полуземлянок не исключает существования здесь сложного, даже многокамерного жилища. Применяемый археологами термин «полуземлянка», отражающий конструктивные особенности постройки, не должен вводить в заблуждение читателя, создавая неправильное представление о якобы примитивности древнерусского жилища.

Печи в большинстве старорязанских жилищ глинобитные, прямоугольные, с плоским верхом, без трубы и без лежанки. Они сбивались из сухой глины и потом обжигались или делались с помощью обмазки глиной каркаса из переплетенных прутьев. Печь ставилась в углу или иногда в середине жилища у задней (противоположной двери) стенки. Иногда печь стояла на земляной площадке, оставленной при выкапывании ямы для жилища, иногда же она основывалась на деревянном помосте, опирающемся на вбитые в землю столбы. На южном городище открыты кирпичные печи в жилищах более поздних, чем жилища с глинобитной печью. Но кирпичные печи так фрагментарны, что невозможно составить себе сколько-нибудь ясное представление об их конструкции. Повидимому, важнейшим отличием кирпичной печи являлось наличие трубы. Вне жилищ в Старой Рязани находились очаги из плоских известняковых камней или мелких булыжников. Эти очаги служили, вероятно, летними печами. Были открытые очаги наряду с печами и в жилищах.

Раскопки трех полуземлянок у южной части старорязанского вала (1950 год)

Почти во всех старорязанских домах были раскопаны подпольные ямы. Их число колеблется от одной до четырех. Подпольные ямы — овальной формы, прямоугольные, круглые, некоторые в виде буквы «г». Площадь подпольных ям от 1 — 2 до 8 — 9 кв. метров, глубина — от 0,2 до 2 метров. Ямы служили для хранения продуктов. На дворах жилищ находились специально оборудованные ямы — зернохранилища. Такие ямы — в виде усеченного конуса или колоколовидные — тщательно обмазывались глиной в несколько слоев; глина обжигалась. Дно ямы над глиняной обмазкой устилалось досками.

Очень плохая сохранность дерева в Старой Рязани не позволила выяснить в раскопках многие детали устройства домов. Если полуземлянка, контуры которой четко прослеживаются по вырезанной в земле яме, лучше изучена, то остатки бревенчатых наземных срубов открыты в таких фрагментах, что иногда невозможно даже определить размеры дома. Все же удалось выяснить приемы работы рязанских плотников и установить разнообразие и совершенство этих приемов. Сруб рубили в «обло», «с остатком» (такое соединение бревен между собой, при котором одно бревно на половину своей толщины входит в выемку, сделанную во втором бревне, причем концы бревен выступают за поверхность стены и называются «остатком»). Известны были и другие приемы соединения бревен.

В верхней части нижнего бревна делался паз для более плотного примыкания бревен. Основным орудием труда плотника был топор, которым делали разнообразные работы: от самой грубой — раскалывания бревен, вплоть до изготовления досок и даже деревянных резных украшений. Пила была хорошо известна уже в X веке, но в течение долгого времени применялась лишь для поперечной распиловки дерева.

В раскопках 1949 года было открыто наземное жилище несколько лучшей сохранности, чем это обычно наблюдается в Старой Рязани. Постройка в древности была уничтожена пожаром, и обуглившееся дерево хорошо сохранилось в земле. Удалось проследить размеры постройки. Это был бревенчатый жилой дом с глинобитной печью и глинобитным полом на теплой половине. К теплой комнате по прямой линии примыкала клеть или амбар. Здесь полы были деревянные. Вероятно, устройство глинобитного пола в отапливаемой части избы вызывалось не недостатком леса, а безопасностью в пожарном отношении. Общая длина постройки равна 6,5 метра, ширина — 3 метрам. В раскопках 1950 года в северо-восточной части городища, вблизи внутреннего вала, было открыто большое наземное жилище. Его стены были срублены из бревен толщиною 16—20 сантиметров. В жилище была глинобитная печь, занимавшая центральное положение в одной из комнат. Основные находки в жилище концентрируются вокруг печи. Перед нею найдены жернова для размола зерна. Рядом с жилищем находилась другая деревянная постройка — амбар. Во дворе были две зерновые ямы, одна из них цилиндрической формы, другая колоколовидная. На территории жилища и усадьбы сделан ряд находок, позволяющих отнести их владельца к господствующему классу феодалов. Таковы находки боевого топора, многочисленных наконечников стрел, серебряного зерненного пятилучевого колта, серебряных пластин — украшений парадного колчана. Самые размеры усадьбы, очень большой сравнительно с рядовым старорязанским жилищем, свидетельствуют о принадлежности ее владельца к зажиточному слою населения. Жилище относится к XI — началу XII века.

Таким образом, в Старой Рязани были одновременно полуземляночные и наземные жилища.

Согласно принятой этнографами классификации основные типы восточнославянского жилища определяются по высоте пола над землей и по материалу: изба на подклети и хата. Хата, в отличие от избы на подклети, устраивается непосредственно на земле, а не на возвышении из сруба. Изба на подклети распространена только у северных великорусов. Граница между избой и хатой точно не установлена, но проходит по Владимирской и Рязанской областям, в южных частях которых главным образом распространена хата.

Повидимому, современная этнографическая граница между южновеликорусскими и северновеликорусскими жилищами определилась еще в древности, когда первые были представлены полуземлянками, а вторые— наземными домами. В Рязани, находящейся на границе областей распространения того и другого типа жилища, полуземлянки сосуществовали с

наземными домами. Хронологически они одновременны и датируются XI — XIII веками. То же самое мы видим и в Суздале, где рядом с полуземлянками открыты подпольные ямы деревянных наземных домов с глинобитными печами. Можно предположить, что наземное жилище постепенно вытесняло полуземлянку, но оснований для более точной датировки тех и других пока мы не имеем. Намечая такую исторически сложившуюся границу, следует учесть, что в древности типы жилища были весьма разнообразны и что в местах, где преобладали полуземлянки, мы находим всегда наземные дома и в северных районах мы встречаем низкие избы с земляными полами. Жилище в большей степени, чем другие элементы культуры, зависит от природных условий, с которыми часто связаны и материал, и техника, и форма жилища. Неправильно было бы думать, что особенности в постройке жилища определяются только некиим географическим фактором и целиком зависят от климата и почвы. Исторический фактор, древние традиции, связи и влияния также играют немаловажную роль.

Раскопки в Старой Рязани дали новые материалы для изучения истории русского жилища; они позволили частично наметить границу между двумя наиболее распространенными типами его. Быть может, дальнейшие изыскания позволят сделать выводы, что различия в типах жилища, подобно некоторым другим элементам культуры и быта, разделяющим северных и южных великорусов, существовали уже в XI — XIII веках.

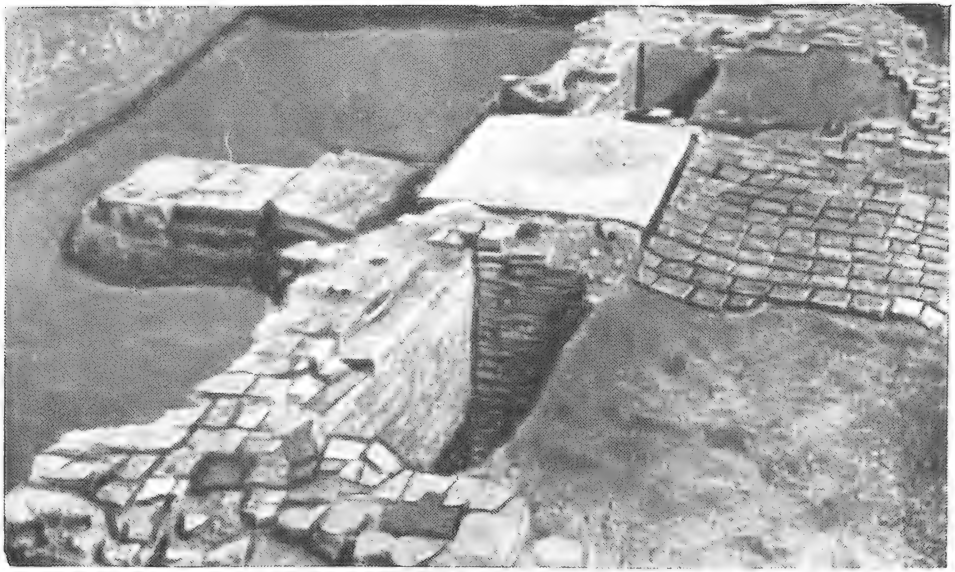
КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Старая Рязань, как и другие древнерусские города в XI—XIII веках, была построена главным образом из глины и дерева: бревенчатые и глинобитные дома составляли основную массу построек. Единственными дошедшими до нас каменными зданиями являются храмы. Вероятно из камня строились также дворцы, но они мало известны. В Старой Рязани раскопками открыты три каменных храма; все они упоминаются в летописях. Эти здания были настолько разрушены, что на поверхности земли не осталось ничего, кроме груды щебня, возвышающейся над фундаментами.

С большой тщательностью и вниманием мы изучаем даже руины древних храмов. Это дает нам представление о замечательных достижениях древнерусской архитектуры и строительного мастерства.

В 1836 году местный любитель старины, «купеческий сын» Д. Тихомиров, раскопал находившийся в юго-западной части Старорязанского городища холм, скрывавший остатки большого храма. Неопытный руководитель раскопок, раскапывая центральную часть здания, завалил мусором притворы и не заметил их. В 1926 году В. А. Городцов раскопал южный притвор, а в 1948 году экспедиция ИИМК [1] раскопала западный притвор и проследила устройство северного. Таким образом, раскопки

[1] Институт истории материальной культуры АН СССР.



Раскопки западного притвора Борисоглебского собора (XII век)

здания были доведены до конца. К сожалению, проверка раскопок Д Тихомирова повторными раскопками всего здания оказалась невозможной, так как остатки храма не были сохранены. На месте древнего здания в начале XX века местная помещица построила церковь, при рытье фундаментов которой были уничтожены древние фундаменты. Только притворы, к счастью, остались неизвестными строителям новой церкви. Раскопанное здание, повидимому, было Борисоглебским собором Старой Рязани, упоминаемым в летописи под 1194—1195 годами[1].

Церковь была прямоугольной в плане и на востоке завершалась тремя алтарными полукружиями (абсидами). Длина здания 31,6 метра, ширина 19,9 метра. Внутри находилось шесть столбов, поддерживавших купол и деливших здание на три продольные части. В юго-западном углу находилось небольшое помещение, служившее усыпальницей и крещальней. Судя по характеру кладки, по пропорциям плана и по летописному упоминанию об этой церкви, она была построена в XII веке. Несколько позже, но тоже в домонгольское время, к главной части здания были пристроены три притвора, придавшие зданию крестообразную форму. В стенах притворов были сделаны специальные камеры для погребения членов княжеской фамилии. Склепы были рассчитаны на погребение

[1] «Того же лета преставился князь Игорь Глебович Рязанский и положен бысть во граде в Рязани, в церкви камене святых мученик Бориса и Глеба». Полное собр. русских летописей, т. 1, стр. 173.

1—3 человек. Стены здания были сложены из больших квадратных плоских кирпичей (плинфы) красного, желтого или палевого и розового цвета. Кирпичи положены на растворе из извести с небольшой примесью толченого кирпича (цемянка), придающей извести розовый цвет и способствующей ее быстрому твердению. Чередование красных и желтых кирпичей и розового известкового раствора создавало живописную поверхность стен, которые снаружи не были оштукатурены. Видимо, карнизы, наличники дверей и окон были сделаны из белого камня, украшенного резьбой. Для внешней декорировки здания была применена также белокаменная скульптура.

Орнаментальные мотивы рязанской белокаменной резьбы разнообразны, но большей частью представляют причудливые растительные и геометрические рисунки. Особенно интересна мужская голова, вырезанная из мягкого белого известкового камня. Это скульптурный фрагмент небольших размеров (от верхушки шапки до кончика бороды 22 сантиметра). Нос сбит, слегка повреждены губы. Рот ясно очерчен, глазные орбиты углублены, что подчеркивает выпуклость надбровных дуг. На месте зрачка имеются глубокие сверлины, куда, повидимому, вставлялась цветная стеклянная имитация зрачка. Усы, борода и волосы на щеках изображены с помощью почти прямых, слегка волнистых линий. Голова покрыта небольшой остроконечной шапкой. Скульптура редкая и для древнерусского искусства несколько неожиданная.

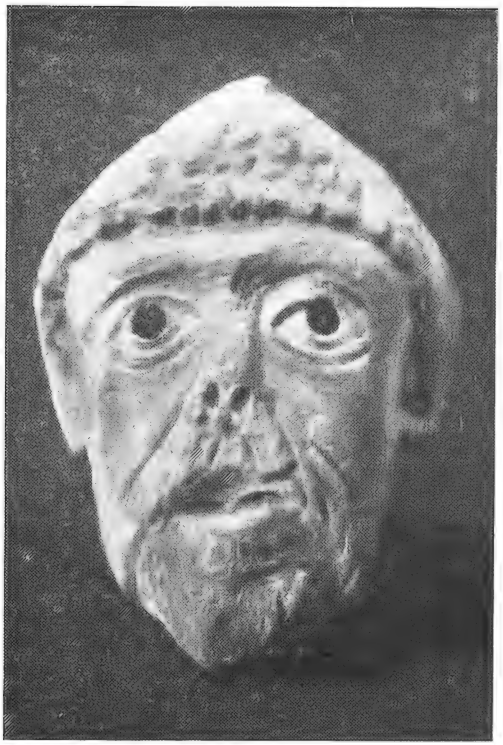
Белокаменная резьба из Старой Рязани (XII—XIII века)

Внутри здание было оштукатурено и по сырой штукатурке расписано. Фрагменты фресок найдены в большом количестве при раскопках. Не сохранилось ни одной целой композиции, но некоторые фрагменты принадлежат к человеческим изображениям — рисунки глаза, уха, части одежды. Большинство фресок — орнаментальные. На фресках часто встречаются графитти: процарапанные рисунки человечков, орнаменты, молитвенные формулы, имена. Полы здания были выложены из кирпичных плиток; плитки розового цвета, некоторые белые с голубым оттенком. Часть пола была выложена из плиток, покрытых зеленой глазурью.

Белокаменная резьба из Старой Рязани (XII—XIII века)

В северо-западной части городища, неподалеку от внутреннего вала, находился другой холм, под которым, как предполагали, находятся остатки княжеского дворца. В 1888 году этот холм был раскопан и здесь оказался не дворец, а вторая старорязанская церковь, — повидимому, упоминаемый в летописи под 1258 годом храм Спаса. Эта церковь имела пять алтарных полукружий, четыре столба посредине. Схема плана ее также близка к кресту. Фундаменты сделаны из крупноблочного белого камня, залитого известью; кладка стен из плитчатого кирпича.

В летописи, кроме названных двух, упоминается еще третья церковь в Старой Рязани. После того как две были найдены, мы попытались отыскать третью. В 1946 году были произведены разведывательные раскопки на поле, где встречалось множество обломков плитчатых кирпичей. Было

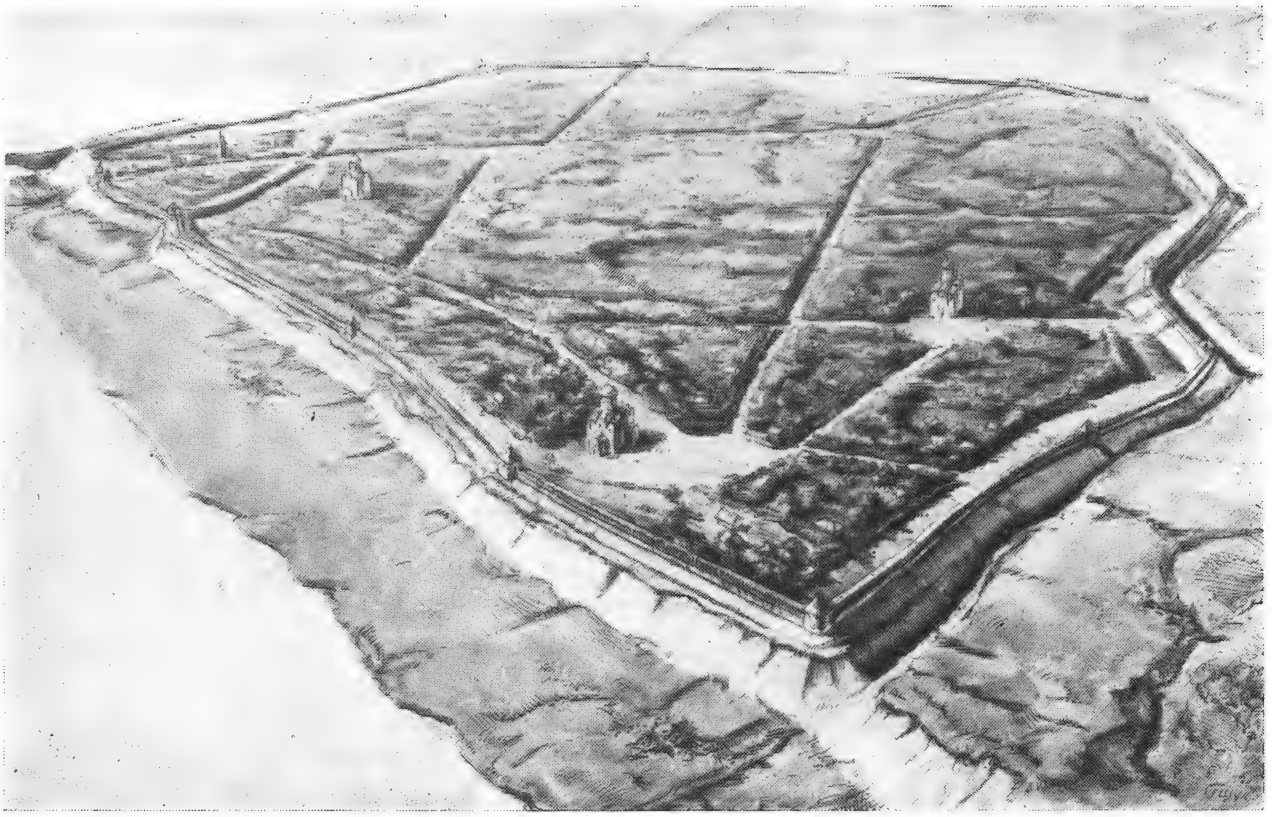


Скульптура из Старой Рязани

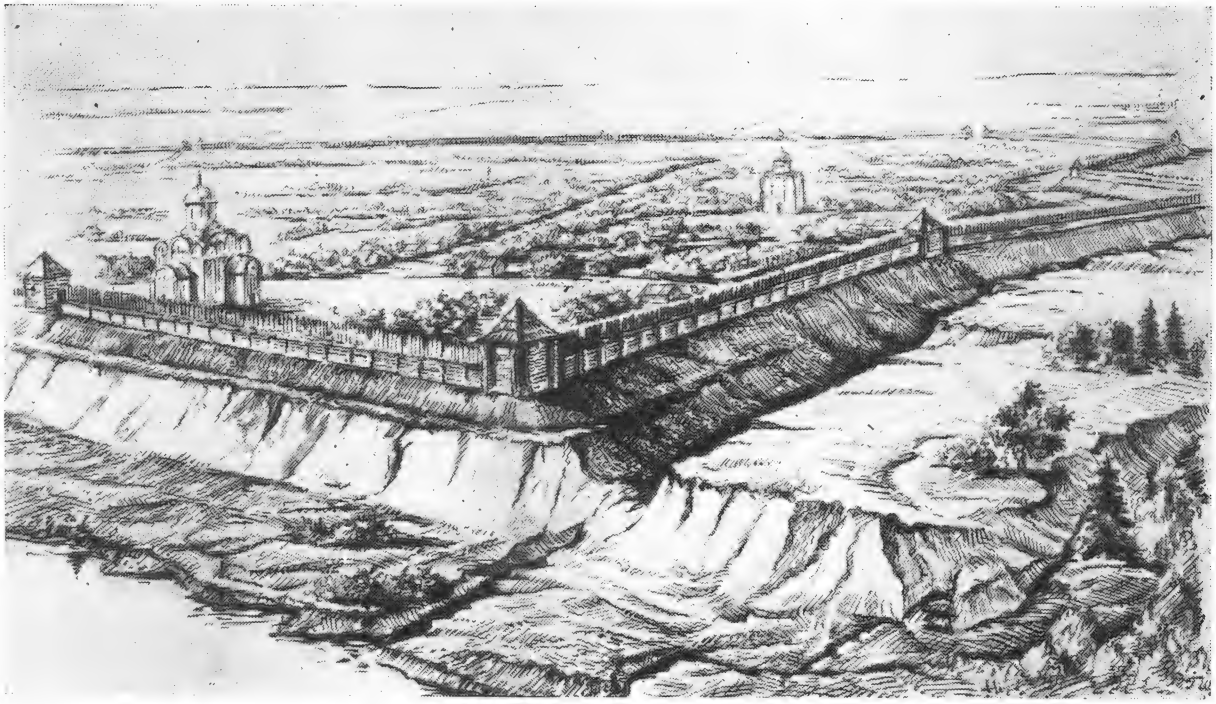
найдено кладбище, повидимому, расположенное вблизи храма. Дальнейшие поиски позволили определить местоположение здания, остатки которого были раскопаны в 1948 году. Сохранность его была очень плохая. Из фундаментов местные жители выбирали белый камень, который употребляли для выжига извести. Но все же план церкви удалось проследить по рвам фундаментов и по сохранившимся частям. Храм был шестистолпным с тремя алтарными полукружиями. Наружные размеры здания 31,6×20 метров. Кладка стен из плитчатого кирпича. Бóльшая часть кирпичей имеет клейма в виде отдельных букв или значков, а на нескольких кирпичах оттиснуто имя мастера: «Яков тв...», вероятно, «творил» — делал. Вырезанная в форме надпись оттиснулась на кирпиче, как зеркальное отражение. Фундаменты церкви в виде трапециевидных рвов глубиной 1,3 метра заполнены мелким бутовым камнем и залиты известковым раствором. Верхняя часть фундаментов и цоколь сделаны из плит белого камня. Фундаменты значительно шире стен. Для повышения коэффициента прочности здесь применены так называемые ленточные фундаменты, то есть фундаменты не только под стенами и столбами, несущие непосредственную нагрузку, но и между столбами и стенами. Такой фундамент служил для распределения нагрузки сводов и опорных арок по всему периметру. На фасадах здания применены пилястры с приставленными к ним полуколоннами.

Найденное здание было построено в середине XII века (судя по строительной технике, пропорциям, архитектурным деталям и т. п.). Есть все основания предполагать, что нами вскрыты остатки Успенского собора, упоминаемого в летописи под 1237 годом в связи с Батыевым нашествием на Старую Рязань. В древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем» рассказывается о том, что все церкви сгорели, а «великая церковь (так назван Успенский собор. — *А. М.*) внутри погоре и почернеша».

Открытые в Старой Рязани большие и архитектурно интересные ка-



Общий вид Старой Рязани в начале XIII века (реконструкция, рис. Г. Б. Щукина)



Юго-западная часть Старой Рязани в XII веке (реконструкция, рис. Г. Б. Щукина)

менные здания не только свидетельствуют о значении города, где возводились такие постройки, но позволяют говорить об особой — рязанской — архитектурной школе.

В период феодальной раздробленности намечаются культурные особенности, соответствующие крупным «самостоятельным полугосударствам», как назвал товарищ Сталин крупные княжества удельной поры. Но до татарского нашествия все же не было разрыва культурных связей. Сохранялось единство народной культуры. И это единство содействовало тесным связям и влиянию стиля одной архитектурной школы на другую. Однако большинство каменных храмов древней Руси — постройки, возведенные по заказу князя. Поэтому здесь сильнее всего сказываются вкусы феодала и раньше всего проявляются местные особенности в архитектурных школах каждого княжества, поддерживаемых и воспитываемых своим князем, соперничающим с другими. Но в целом все же постройка является результатом народного творчества, поэтому в разных частях русской земли сохраняются общие строительные приемы и т. п.

Рязанская архитектурная школа ближе всего к черниговской. Это вполне понятно. Рязань зависела от Чернигова в церковном и политическом отношении. До 1198 года Рязань принадлежала к черниговской епархии. Судя по сходству клейм на кирпичах, можно предполагать, что черниговские и рязанские каменные здания строили даже одни и те же артели мастеров. Рязано-черниговская архитектурная школа восходит к киевской, но отличается в деталях. Главной особенностью ее является сочетание кирпичной кладки с резными белокаменными деталями. Черниговские зодчие впервые применили пилястр с полуколонной, нашедшей широкое распространение в русском зодчестве XII века. Рязанские мастера не копировали, а по-своему развивали приемы черниговских зодчих. В частности, например, черниговская резьба отличается от рязанской и по орнаментальным мотивам и по приемам. Изучение рязанского зодчества по открытым в раскопках памятникам является ценным вкладом в историю русской архитектуры.

УКРЕПЛЕНИЯ

Своеобразным и важным архитектурным памятником являются валы, остатки древних укреплений. Валы Старорязанского городища представляют собой мощное сооружение, тянущееся теперь на 1500 метров с северной и восточной стороны городища. Высота вала 9 — 10 метров, ширина у основания 23 — 24 метра, ширина верхней части 3 метра. Ров по глубине немного менее высоты вала. Его глубина 8 метров, ширина в верхней части 20 метров, в нижней части 7 метров. В восточной стороне вала в настоящее время имеется трое ворот: Старые Пронские, Исадские и Новые Пронские. Последние прорыты сравнительно недавно. Снаружи вал был более крутым, чем изнутри, чтобы затруднить атакующему возможность взобраться на вал и в то же время облегчить возможность

взбираться обороняющимся. Кроме внешнего вала, как выше было сказано, сохранился внутренний вал, сооруженный в древнейшее время.

Для подробного изучения конструкции внешнего вала в 1945—1950 годах были сделаны разрезы в разных его частях — в южной части, у Новых Пронских ворот и у Исадских ворот. В результате раскопок выяснено, что внутри насыпи сохранились остатки деревянных сооружений — городен, кроме того, установлено, что в насыпи вала имеется пять прослоек черной плотной земли, отмечающих пять строительных периодов. Черная земля — это почва, прикрывавшая поверхность вала.

История старорязанского внешнего вала восходит к XI — началу XII века, когда были сооружены внешние валы, первоначально представлявшие невысокую насыпь со стоящим на ней деревянным забором (тыном). При первой реконструкции, происшедшей в XII веке, была увеличена насыпь вала и древний тын и ров были засыпаны. На вершине новой насыпи находились какие-то деревянные конструкции. Там был сделан ход, по которому передвигались защитники крепости. На вал изнутри вели ступени, сделанные в насыпи, а на деревянную стену подымались с помощью приставных лестниц.

Хотя раскопками не обнаружены остатки воротных башен и подъемных мостов, но по аналогии с другими современными Старой Рязани укреплениями можно предполагать, что такие сооружения существовали и здесь.

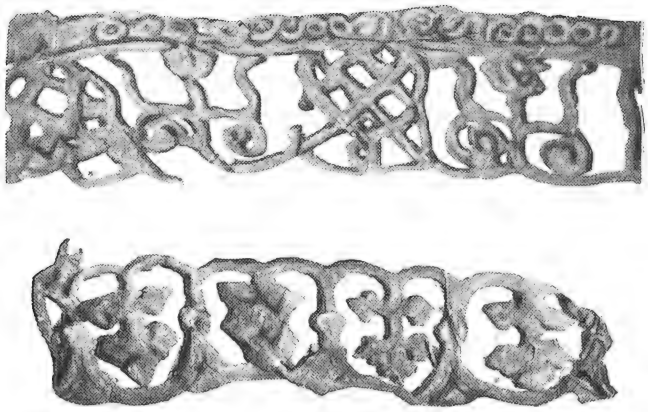
В Старой Рязани впервые подробно изучена система деревянных и земляных укреплений, широко применявшаяся в славянских землях и под культурным влиянием славян распространившаяся у булгар и мордвы.

БЫТ НАСЕЛЕНИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ

В результате раскопок получены интересные данные для характеристики быта городского населения древней Руси. Одежда, украшения, обряды погребения, верования, грамотность и т. д. могут быть подробно изучены по археологическим данным. Металлические и стеклянные украшения в земле хорошо сохраняются. Но как археологи судят о таких вещах, как одежда? Неправильно было бы утверждать, что она в земле вообще не сохраняется. Изредка все же до нас доходят и эти непрочные материалы. На кладбищах Старой Рязани найдены фрагменты одежды погребенных. В одном случае — это зеленая шелковая ткань, по которой золотыми нитками по краю вышиты цветы и листья. К ткани пришиты три маленькие медные пуговицы. Очевидно, это застежка ворота. На одном из найденных фрагментов тканой золотой тесьмы изображены две птицы, стоящие по сторонам дерева. Второй фрагмент из того же погребения представляет собой шелковую основу, затканную золотой нитью геометрическим узором — остроконечными зигзагами. Найдена аппликация шелковой тканью.

В 1926 году были найдены плетеные кружева со сложным растительным орнаментом. Для того чтобы шитье не коробилось при стя-

гивании ткани, под ним обычно бывает прокладка из бересты (березовой коры). Шерстяные ткани окрашивались растительными красками в разные цвета. Льняные ткани, повидимому, самые распространенные в древней Руси, почти не дошли до нас, ввиду того что они хуже сохраняются, чем шерсть и шелк. Шелковые ткани были привозными, но шитье шелковыми нитками производилось на месте русскими мастерицами. Одежда в большинстве случаев шилась из домотканной материи. Прядение ниток производилось в каждом жилище на прялках с ручным веретеном. Об этом свидетельствуют постоянные находки глиняных или каменных пряслиц — маленьких маховичков, утяжелявших веретено. Среди пряслиц очень много сделанных из розового шифера. Эти пряслица были привезены с Волыни, где имеются единственные в Восточной Европе месторождения розового шифера. Как более ценные, шиферные пряслица метились владельцами. На них ставили различные значки, буквы, а иногда надписывали имена. На одном из пряслиц изображена лошадь, ласкающая жеребенка, на другом елочка. Есть пряслице с круговой надписью «Молодило»; на другом — неясная надпись, чтение которой спорно.



Кружево плетеное из Старой Рязани
(из раскопок 1926 года)

Если о тканях и о способе их изготовления мы можем судить по некоторым данным, то о покрое одежды судить очень трудно. Можно предполагать, что некоторые типы одежды, ныне или в недавнем прошлом наблюдавшиеся этнографами, восходят к очень древним временам. Самым распространенным видом обуви были лапти. На Старорязанском городище кочедык (костяная палочка с заостренным концом для плетения лаптей) — обычная находка. Но носили и кожаную обувь. Найденная в раскопках кожаная обувь напоминает нынешние полуботинки, но сшита из двойных цельных кусков кожи, охватывающих верхнюю часть ступни и пятку. На высоте щиколотки верхняя часть башмака стягивалась узким шнурком или ремешком, продевавшимся в небольшие сквозные прорезы, идущие вокруг верхней части башмака. Кожа, из которой сделан верх башмаков, напоминает тонкую шагрень. Подошвы из тонких, сложенных вдвое, кусков кожи пришиты нитками. Ни каблуков, ни набоек нет.

Мужчины и женщины носили кожаные пояса с металлическими пряжками и накладками — украшениями. В Старой Рязани найдено

много пряжек с треугольными кольцами и лировидных пряжек (последние широко распространены в славянских древностях XI — XIII веков).

Женщины носили различные металлические украшения — подвески, входившие в состав ожерелья. Самой распространенной привеской была так называемая лунница — привеска, напоминающая изображение месяца.

Встречены подвески-иконки с изображением архангела, всадника, поражающего дракона, и др.

Среди предметов женского убора следует отметить большие металлические булавки, иногда украшенные эмалью. Возможно, они применялись для закалывания плащей. Находки костяных гребней, рукояток плетей, детских игрушек, игральных костей и других предметов, изготовленных из кости и рога, стрел, кольчуг и других предметов воинского быта, стремян, удил и т. п. — все это характеризует различные стороны жизни древнерусского городского населения.

Христианство в Рязанской земле распространялось уже в X веке и было неразрывно связано с процессом феодализации. Однако население часто оставалось верным своей древней языческой религии. Это двоеверие выражалось не только в сохранении древних обычаев, но иногда и в поклонении языческим богам. В Старой Рязани была найдена землянка, в центре которой стоял столб с прикрепленной к его верхушке статуэткой. Это бронзовая литая полая фигурка, составленная из двух половинок, изображающая четырехликого идола. Четко моделированы большие треугольные носы, глаза и груди намечены с помощью очерченных циркулем кружков. Губы намечены в виде трех параллельных полосок. Три пробитые насквозь дырочки как бы показывают оскал зубов. На груди идола изображено добавочное человеческое лицо. У основания столба, к которому было прикреплено изображение идола, найдены остатки жертвоприношений — горшок, остатки пищи и т. д. Языческое святилище оставалось в Старой Рязани до XII века, когда оно было разрушено и на его месте воздвигнут Спасский собор. Вероятно, это было сделано преднамеренно — в целях борьбы с поклонением языческому божеству. Несмотря на то, что трупосожжение было запрещено, в погребальном обряде все же сохранялись элементы язычества: в могилу клали горшок с углями — символ трупосожжения, совершали тризну и т. д. Пере-

Медный цилиндр с изображением птицы (XII век)

житком язычества является распространенность амулетов в виде медвежьих зубов, заячьих косточек и т. п.

На основании археологических данных можно отметить довольно широкое распространение грамотности среди городского населения. Это явление наблюдается в ряде древнерусских городов, и ярче всего в Новгороде, где найдены надписи на бытовых предметах, грамоты, написанные рядовыми горожанами, и т. п.

Надпись на сосуде начала XII века

В Старой Рязани, в рядовых жилищах, часто находят медные застежки книжных переплетов: единственная хорошо сохранившаяся в земле деталь от древних рукописных книг. Книги были не только у богачей — книжные застежки найдены также в жилищах ремесленников, в полуземлянках бедноты. Выше было сказано, что грамотные горожане надписывали и метили различными буквами шиферные пряслица. Надписи встречены и на сосудах. Кроме отдельных знаков и букв, процарапанных на сосудах, наиболее интересной является четырехстрочная надпись на большом красноглиняном сосуде из жилища конца XI — начала XII века, раскопанного в 1948 году. Надпись процарапана по готовому сосуду (после обжига). Она гласит: «Новое вино Добрило послал князю Богунка». Загадочны в надписи оба имени собственных: ни одно из них не может быть именем князя. Богунка, вероятнее всего, имя поставщика. Добрило может быть названием сорта вина (от слова «доброе» — хорошее). Рязанская надпись интересна не только как памятник вещевой палеографии. Интересна она и характерной деталью древнерусского быта: посылка князю вина с далекого юга в Старую Рязань.

О широком распространении грамотности свидетельствуют также многочисленные надписи, сделанные прихожанами на стенах Борисоглебского собора.

Археологические исследования помогли разрушить неправильное представление, что среди населения древней Руси только узкий круг привилегированных лиц владел грамотностью.

ИСТОРИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ

В результате раскопок историю города Старой Рязани можно представить себе следующим образом.

Вероятно древнейшее славянское поселение, возникшее в X веке на

северном мысу Рязанского городища, занявшего место Городецкого городища, вскоре вышло за пределы этого городища и распространилось на всю территорию, отделенную теперь внутренним валом. Во всяком случае наиболее древние типы славянской керамики и ряд предметов, встреченных в нижнем слое северного городища, позволяют отнести его к X веку. Как выяснено раскопками 1950 года, культурный слой, подстилающий внутренний вал, относится к X веку.

В течение ряда лет на северном городище в раскопках найдены были многочисленные мастерские и жилища XI—XIII веков. Большинство жилищ принадлежало ремесленникам. Во всяком случае в XII—XIII веках северное городище было основным ремесленным районом Старой Рязани. Вместе с тем здесь найден подвал XI века, вероятно, связанный с княжеским жилищем. В нем найден обломок сосуда с надписью о принадлежности его князю. Рядом найдены остатки керамического и металлургического горнов. Княжеское жилище рядом с мастерскими трудно себе представить. Очевидно, в XIII веке (к этому времени относятся керамический и металлургический горны) княжеское жилище уже здесь не существовало. В раскопках 1950 года на северном городище вскрыто жилище XI — начала XII века. Оно вплотную примыкало к внутреннему валу в его северо-восточной части, и в XII — XIII веках оплывшая насыпь вала перекрыла частично жилище. Богатые жилища северного городища относятся к XI — началу XII века, ремесленные мастерские и жилища полуземляночного типа — к XII — XIII векам. Очевидно, в течение этого времени изменилась социальная топография северного городища. В большинстве известных древнерусских городов развитие города происходит по следующей схеме: древнейший небольшой, хорошо укрепленный участок территории города становится ядром, вокруг которого развивается город. Это кремль — княжеская резиденция, административный и религиозный центр. За его стенами возникает посад, который в позднейшее время также обносится стеной. Посад населен ремесленниками, купцами и всяким «черным людом». Так возникает деление города на аристократический «вышгород» (кремль обычно расположен на возвышенном и труднодоступном месте) и демократический «подол». Исключений из этой схемы немного. Не возникло такое деление, например, в Новгороде, где не было сильной княжеской власти и где жилища бояр не концентрировались вокруг княжеской резиденции в кремле, а были разбросаны в разных кварталах города. Правда, новгородский кремль (детинец) стал резиденцией другого крупного феодала — архиепископа. Но это не привело к концентрации аристократии в стенах кремля. Значительная часть кремля была заселена ремесленниками сначала с архиепископского подворья, а потом и другими.

Если бы развитие Старой Рязани шло по изложенной выше схеме, то северное городище должно было быть кремлем. Однако в XII веке оно представляло основной ремесленный район города. Южное же городище, которое могло развиваться первоначально как торгово-ремесленный посад, в XII веке оказывается населенным не только ремесленниками, но и

представителями более зажиточных слоев населения, о чем можно судить по наличию здесь богатых жилищ с кирпичными печами. Кроме того, на южном городище находились все три открытых раскопками каменных храма. На южном городище найдены все (за исключением одного) богатые клады серебряных и золотых вещей.

Учитывая все это, можно предположить следующую историю развития города Старой Рязани. Северное городище было первоначально поселением, а когда город вышел за его пределы, оно оставалось тесно заселенным кремлем. Так было в XI веке. Но в XII веке были сооружены грандиозные валы, защищавшие весь посад и, очевидно, сначала охватившие даже незаселенные участки, которые были также включены в городскую черту. Князь, бояре, представители высших слоев общества поселились на южном городище, где заняли отдельные кварталы (например, набережную). За внутренним валом остались княжеские ремесленники, потом здесь продолжали строиться мастерские, и в XII веке северное городище, раньше бывшее княжеской резиденцией, превратилось в основной ремесленный район Старой Рязани. Весьма вероятно, что произошло это не стихийно, а в результате специального регулирования властями. Возможно, что при этом имели в виду изоляцию ремесленного района от остального города за внутренним валом. Но такая изоляция не была достигнута. На южном городище также были ремесленные мастерские, на северном оставались дома, не принадлежащие ремесленникам.

В Старой Рязани, подобно Новгороду, не возникло деления города на аристократическую и демократическую части. Не потому ли это произошло, что здесь, как и в Новгороде, не было сильной княжеской власти и княжеская резиденция поэтому не стала притягательным центром для всех феодалов?

Однако ошибочно было бы думать, что жилища ремесленников и феодальной знати строились рядом. В Новгороде известны боярские улицы, например Прусская. Вероятно, в Рязани также отдельные кварталы были заселены феодальной знатью. Предположительно, такой квартал находился на набережной.

Раскопки показали, что вся территория Старой Рязани была в XII — XIII веках заселена: жилища подходили вплотную к валам, были на набережной, у дорог. Город был очень большим и густозаселенным. Лишь в центральной и юго-восточной частях были сады и огороды.

К XIII веку Старая Рязань достигла наивысшего расцвета. В 1237 году грозный враг приблизился к русским землям. Под натиском татаро-монгольских орд одной из первых пала Рязань. 16 декабря татары осадили Старую Рязань. 5 дней рязанцы героически отстаивали свой город. Отсутствие единства между русскими князьями способствовало успехам врага. 21 декабря татары штурмовали город, взяли его и сожгли. Страшная картина разгрома нарисована в написанной очевидцем и позже включенной в русские летописи «Повести о разорении Рязани Батыем».

Долгое время предполагали, что татарский погром был концом Старой Рязани, что после этого она не смогла оправиться и столица княже-

ства была перенесена в Переяславль-Рязанский. Но в летописи говорится, что незамедлительно после того, как татарские полчища прокатились через Рязанскую землю, началось восстановление разоренных городов и князь Ингварь Ингварьевич, придя в Рязань из Чернигова, где его застало татарское нашествие, «и церкви постави и монастыри согради и пришельцы утеша и люди собра».

В результате работ рязанской экспедиции ИИМК получены археологические материалы, доказывающие довольно интенсивную жизнь Старой Рязани после Батыева погрома. Судя по ряду деталей, можно утверждать, что раскопанные храмы были восстановлены после пожара 1237 года; кроме того, на кладбищах имеются поздние погребения и ряд вещей относится ко времени после монгольского завоевания; к тому же времени относятся некоторые из раскопанных жилищ. Старая Рязань не только жила, она еще в течение некоторого времени оставалась столицей княжества. Лишь в XIV веке столица была перенесена в Переяславль-Рязанский. Вероятно причиной этого было не первоначальное разорение Рязани, от которого она успела уже оправиться, а последующие нападения татар ввиду близости Старой Рязани к степи. Только в 1778 году Переяславль был официально переименован в Рязань.

Раскопки Старой Рязани дали очень важные материалы по истории русской культуры и ремесла, по истории древнерусского города. С несомненностью установлено, что Старая Рязань была одним из важнейших культурных и ремесленных центров древней Руси, роль которого в истории нашей Родины не была полностью оценена вследствие утраты рязанских летописей. Археология позволила восполнить недостачу письменных источников и восстановить историю древней столицы Рязанского княжества. Конечно, значение этих исследований не ограничивается только тем, что мы узнали историю столицы одного из княжеств, как бы интересна она сама по себе ни была. Исследования Старой Рязани являются одним из примеров того, как советская наука восстанавливает историческую истину, разрушает ложные утверждения о примитивности быта древнерусского города, об отсталости русской культуры. Замечательные памятники материальной культуры, найденные в Старой Рязани, — неопровержимое доказательство высокого уровня культуры по всей древней Русской земле.

М.Г. ГРИГОРЬЕВ

ДРЕВНЯЯ МОСКВА

ВВЕДЕНИЕ
ДРЕВНИЕ ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОСКВЫ
НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ
ШИРОКИМ ФРОНТОМ
ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ
ВЕЛИКИЙ ПОСАД
БОЯРСКИЕ ДВОРЫ
УСАДЬБЫ РЕМЕСЛЕННИКОВ
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРИЗОНТЫ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

В 1947 году советский народ торжественно праздновал 800-летие своей столицы. Со всех концов земного шара в Москву съезжались делегации, чтобы приветствовать этот славный город.

День юбилея Москвы стал поистине всенародным праздником. Советское правительство наградило город орденом Ленина и учредило специальную медаль «В память 800-летия Москвы». В этот день с приветствием к столице обратился И. В. Сталин.

«Привет Москве, столице нашей Родины в день ее 800-летия, — писал И. В. Сталин. — Вся страна празднует сегодня этот знаменательный день. Она празднует его не формально, а с чувством любви и уважения ввиду великих заслуг Москвы перед Родиной.

Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством.

...Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси» [1].

---

[1] И. В. Сталин. Приветствие Москве в день ее 800-летия. Газета «Правда» от 7 сентября 1947 года, стр. 1.

Величественно и прекрасно настоящее нашей столицы. Еще прекраснее ее будущее. Но и прошлое Москвы содержит немало славных страниц, приковывающих к себе внимание.

ДРЕВНИЕ ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОСКВЫ

Возраст Москвы исчисляется обычно с 1147 года, когда имя ее впервые попало на страницы русских летописей. То было время феодальной раздробленности, ожесточенной борьбы князей за киевский великокняжеский стол. Младший сын великого князя Владимира Мономаха, Юрий Долгорукий, княживший в Суздале, выступал в этой борьбе в союзе с чернигово-северскими князьями Ольговичами против своего племянника Изяслава Мстиславича Киевского. Борьба шла с переменным успехом. Возвращаясь в свое княжество из похода в Новгородскую землю, державшую сторону его противников, Юрий Долгорукий передал своему союзнику, князю Святославу Ольговичу Северскому: «Приди ко мне, брате, в Москов»[1]. Здесь 4 апреля 1147 года произошла встреча князей, по всей вероятности для военного совета. Юрий дал своему гостю роскошный пир («обед силен», как говорит летопись), богато одарил его и его дружинников, после чего князья направились каждый в свое княжество.

Вот то, что нам известно о событиях, начиная с которых привыкли считать возраст Москвы. Но уже из краткого повествования летописи о встрече князей видно, что Москва не была основана в день или в год этого события, а уже существовала и до этого. Однако письменные источники не дают достаточно полного представления о Москве этих отдаленных времен. В них не сказано точно, где именно произошли встреча и пиршество — на устье ли реки Неглинки, где сейчас расположен московский Кремль, или в каком-либо другом месте. Нет ясных указаний также ни на размеры, ни на характер поселения. До недавнего времени историки еще спорили, была ли Москва в 1147 году уже городом или лишь «княжеским хозяйственным селом», где имелись обильные запасы продуктов.

Происхождение и ранний период развития Москвы интересовали русских людей уже давно. Прошлое великого города не могло не возбуждать большого интереса еще в древности.

Зарождение Москвы окружено легендами, созданными несколько веков назад. Каждая из этих легенд пытается рассказать о возникновении русской столицы еще до первого летописного упоминания о ней. Все предания сходятся на том, что Москва возникла не на пустом месте, что городу предшествовали многие поселения, «красные села», находившиеся в этом районе.

Сказания о зарождении Москвы не похожи одно на другое. Мы находим в них различные имена основателей Москвы — легендарного Мосоха Иафетовича, внука Ноя (от имени которого в соединении с име-

[1] Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 239.

нем его жены Квы автор легенды совершенно серьезно производит название Москвы), некоего боярина, «богата суща», Стефана Кучку, князей Олега и Андрея Александровичей, находим различные даты основания города и даже указания на различные районы как места первого города. В этих легендах причудливо переплетаются домыслы церковных книжников (как, например, мысль об основании Москвы Мосохом) с какими-то очень глубокими древними традициями, сохранившими, вероятно, значительную долю истины. Так, особо заслуживающим доверия признается исследователями присутствующий в нескольких разных легендах сюжет о первом владельце Москвы — боярине Кучке и его детях Кучковичах, взятых потом к княжескому двору и стремившихся отомстить за гибель отца. Этот сюжет перекликается с летописными известиями о том, что Москва называлась «Кучковым» и что Кучковичи были в числе организаторов убийства владимирского князя Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого. Упоминания о Кучковичах встречаются и позже — в XIV—XV веках. Высказанное членом-корреспондентом Академии наук СССР профессором М. Н. Тихомировым предположение о действительном существовании Кучки, который и был, по всей вероятности, одним из представителей местной знати, покоренной суздальскими князьями [1], станет для нас еще более убедительным, если мы вспомним, что долгое время целая местность Москвы (район современных Чистых прудов и Сретенских ворот) носила название Кучкова поля. Для москвичей, следовательно, еще в XIV — XV веках Кучка был вполне реальной личностью.

Различные находки, издавна во множестве встречавшиеся при земляных работах, производившихся в городе в связи с его строительством и благоустройством, свидетельствуют о глубокой древности города. В Москве на центральных площадях мощность культурного слоя почвы достигает 8 метров, на окраинах города, заселенных сравнительно недавно, она понижается до нескольких десятков сантиметров. При земляных работах культурный слой неизбежно нарушается, и погребенные в нем древние сооружения и вещи снова попадают на дневной свет. Таких находок в Москве, несомненно, было множество и в древние времена, но не так легко было тогда их должным образом определить и осмыслить.

На предметы древности, находимые в земле, историки стали обращать серьезное внимание лишь в начале прошлого столетия. И только тогда эти находки рассказали о далеком прошлом Москвы.

При строительстве здания для Оружейной палаты в Кремле в 1847 году были обнаружены следы древнего рва, отделявшего небольшой юго-западный участок современной территории Кремля, которую историки отождествили с территорией крепости, построенной в Москве в 1156 году и упомянутой в летописи. Тогда же были найдены две красивые серебряные серьги и два серебряных обруча, служивших шейными украшениями (так называемые гривны). Один из крупнейших дореволюционных исследователей Москвы, И. Е. Забелин, обратил внимание на форму

[1] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., изд. МГУ, 1947, стр. 14.

этих украшений и высокое качество металла, из которого они были сделаны. Он отметил, что такого типа серьги (или, как называют их археологи, «семилопастные височные кольца») были в древности распространенными украшениями в районе, окружающем Москву, и что высокопробное их серебро указывает на «особое богатство древних обитателей кремлевской береговой горы» [1].

Еще ранее, в 1838 году, при постройке церкви в устье реки Неглинки, на месте будущего Дворца Советов, были найдены арабские монеты «диргемы». Удалось прочесть два диргема, один из которых был отчеканен в 862 году в г. Мерве (на территории современной Туркмении), другой — в 866 году в г. Арменге (Армения). Обломок диргема нашли также на территории бывшего Симонова монастыря.

В 1839 году при земляных работах в Кремле обнаружены были хорошо сохранившиеся мощные дубовые бревна. Выяснилось, что это — остатки укреплений, возведенных вокруг Кремля Иваном Калитой в 1339 году. Исследование остатков крепости, сохранившихся на протяжении нескольких десятков метров по берегу реки Неглинки, позволило выяснить некоторые детали конструкции стен Кремля и его восьмигранных башен. В 1895 году при строительстве одного из домов в Москве в Ипатьевском переулке (район современной улицы Куйбышева и улицы Разина) был найден интересный клад, состоящий из пяти шлемов, пяти кольчуг и двенадцати наконечников копий, а также кошелька с монетами, по которым удалось определить, когда был зарыт клад (примерно в середине XVI века, уже после принятия Иваном Грозным царского титула — 1547 год). Монетных кладов в Москве учтено уже несколько десятков, а сколько их еще не дошло до музеев и иных хранилищ!

Среди случайных находок много и таких, которые не имеют отношения к Москве как к городу, но указывают на глубокую древность заселения этой территории человеком, дают представление о древних животных, водившихся некогда в районе современной Москвы. Так, неоднократно в Москве находили кости мамонтов. Из находок, сделанных при прокладке водопровода на Калужской площади, удалось даже составить полный скелет мамонта. Множество находок говорит о том, что еще в каменном веке московский край был заселен людьми. Здесь найдены неолитические (IV—III тысячелетия до н. э.) орудия — каменные наконечники стрел, долота, топоры и т. п., а также предметы, относящиеся к бронзовому веку — к так называемой фатьяновской культуре (II тысячелетие до н. э.; название дано по месту первой находки у села Фатьянова).

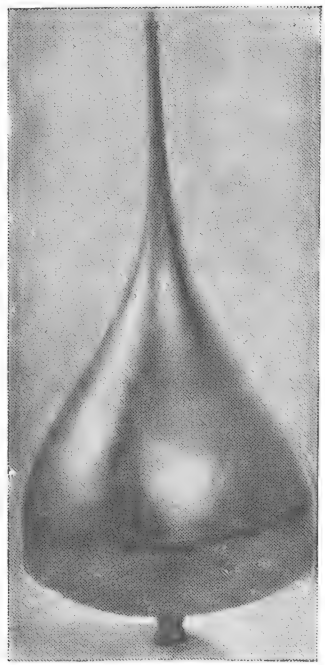
НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало археологическому изучению Москвы было положено в первой половине XIX века. Оно связано с возросшим интересом к русской культуре в период того огромного национального подъема, который выз-

[1] И. Е. Забелин. Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы. Труды VIII археологического съезда, т. III. М., 1897.

вала Отечественная война 1812 года, показавшая всему миру силы русского народа.

К 20-м годам XIX века относится «Путешествие по России» некоего Доленга-Ходаковского (под этим именем скрывался от преследований царского правительства польский патриот Адам Чарноцкий). Ходаковский предпринял свое путешествие с целью выявления археологических памятников — древних городищ, культовых мест, урочищ. Посетив Москву, он обнаружил на территории города остатки нескольких городищ, которые, однако, счел не за места древних поселений, как это доказано сейчас, а за жертвенные места, на которых отправлялся религиозный культ. Несмотря на эту серьезную ошибку, исследования Ходаковского не утратили своего значения и до настоящего времени, так как они дали представление о памятниках, которые сейчас уже исчезли или которые трудно обнаружить. «Донесение о первых успехах путешествия по России», изданное Ходаковским[1], произвело большое впечатление на русскую интеллигенцию, открыв обилие памятников родной старины. Имя Ходаковского сделалось нарицательным для знатока и любителя старины. В качестве такового его упомянул А. С. Пушкин в «Родословной моего героя».



Шлем XVI века из клада, найденного в Ипатьевском переулке

Однако произведенная Ходаковским разведка не повлекла за собой непосредственных археологических исследований города; они развернулись лишь 100 с лишним лет спустя.

В течение всего XIX века, начиная с раскопок, произведенных А. Д. Чертковым в 1838 году, археологи занимались изучением окрестностей Москвы, не рискуя производить раскопки в самом городе, связанные с большими организационными и техническими трудностями. Раскапывались в основном курганы — небольшие холмики, которые так часто встречаются и теперь в окрестностях города и скрывают под собой древние погребения.

В середине XIX столетия археологическим памятникам Суздальской, Владимирской и Московской губерний был нанесен колоссальный ущерб в результате «раскопок», произведенных графом Уваровым. Располагая большими средствами, граф сумел раскопать за четыре года (1851 — 1854) несколько тысяч курганов, причем раскопки проводились на чрез-

[1] Русский исторический сборник, т. VII. М., 1822, стр. 42.

вычайно низком, даже для того времени, научном уровне. Совершенно не заботясь об изучении найденных памятников и древних обрядов погребения, Уваров стремился найти как можно больше украшений. Нет ничего удивительного в том, что при таком «методе изучения» древностей граф пришел к совершенно неправильным выводам, объявив древнее население Московского края не славянским, а финским, и причислив его к племени мери. И только гению и упорству одного из лучших русских археологов конца XIX века — профессора А. А. Спицына русская наука обязана тем, что материалы, добытые при раскопках Уварова, не пропали для науки, а были систематизированы и правильно определены, как принадлежащие славянскому племени вятичей. «Грандиозные раскопки 1851 — 1854 годов в Суздальской области, — писал А. А. Спицын, — будут долго оплакиваться наукою и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок» [1].

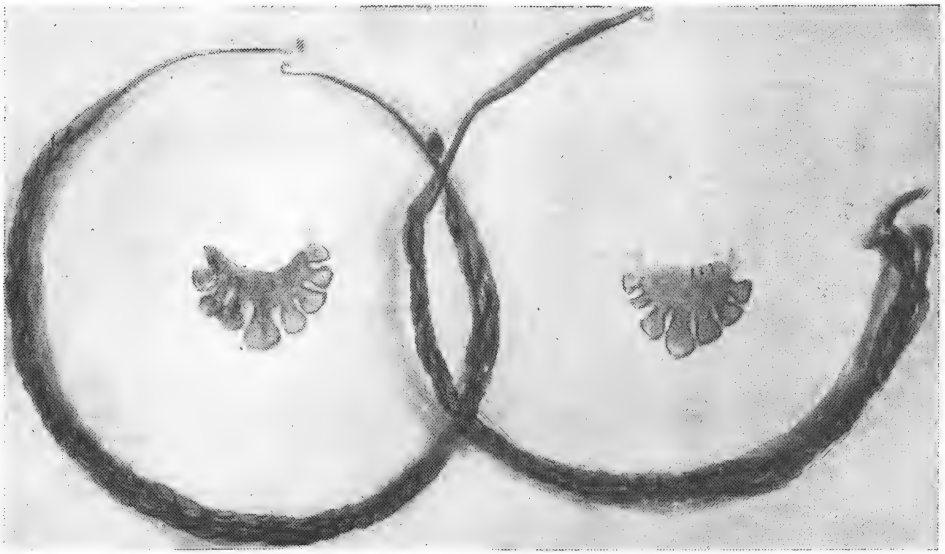
Прямой противоположностью уваровским работам были раскопки, произведенные профессором Московского университета А. П. Богдановым. Будучи антропологом, А. П. Богданов подверг исследованию прежде всего сохранившиеся под курганами скелеты. Тщательное исследование всего комплекса погребения помогло ему выявить общие черты в погребальном обряде и доказать славянское происхождение исследованных памятников. Работа А. П. Богданова «Курганное племя Московской губернии» представляет большой интерес и в наше время. В ней содержится мысль о различии понятий расы и племени, развитая впоследствии прогрессивными антропологами в работах, направленных против расизма.

Раскопки подмосковных курганов дали к концу XIX века обильный археологический материал, позволивший А. А. Спицыну высказать предположение о принадлежности этих погребений конкретно славянскому племени — вятичам. Так было установлено, что Москва возникла и развивалась в окружении не финского, а славянского населения, принадлежавшего к племени вятичей.

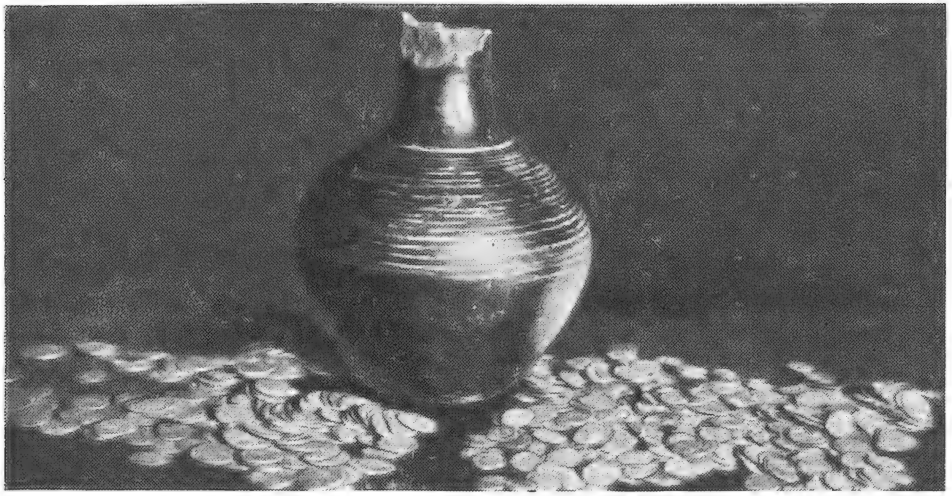
Археологические материалы в дореволюционной русской науке не стали еще полноценным историческим источником. Их считали годными лишь для изучения тех отдаленнейших эпох, для которых не было вовсе письменных источников и которые на этом основании называли «доисторическими». Даже образцовая для своего времени работа академика Д. Н. Анучина «Доисторическое прошлое Москвы», вышедшая в 1912 году, говорит лишь о древнейших культурах на территории Москвы и о славянском населении Московского края, почти не затрагивая Москвы-города. Если археологи интенсивно исследовали расположенные в окрестностях Москвы курганы и городища, то в самой Москве археологические раскопки совсем не производились.

Археология в применении к Москве-городу понималась тогда как исследование уже имеющихся в музеях древностей, выявление по письмен-

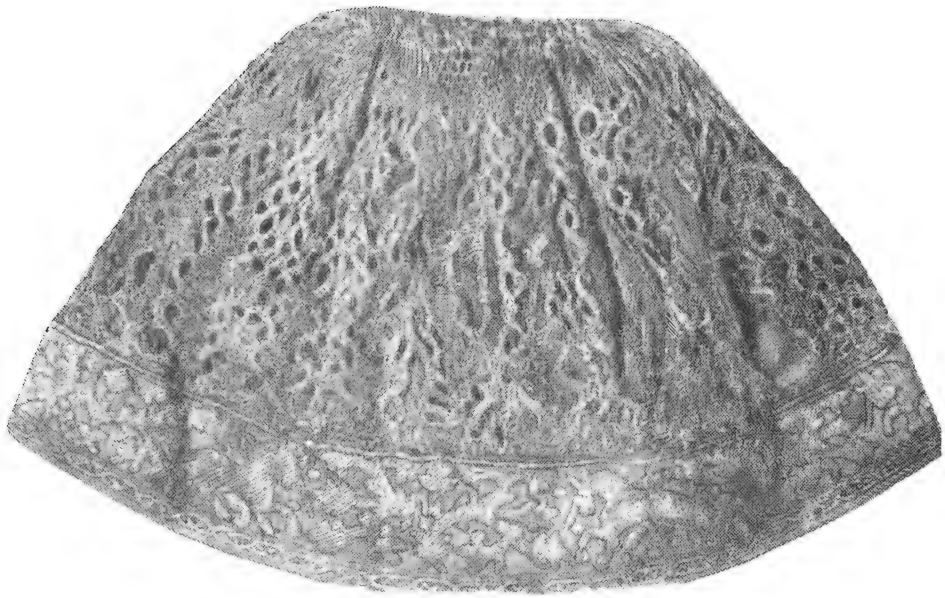
[1] «Известия Архивной комиссии», вып. XV. 1905, стр. 89—90.



Славянские украшения, найденные в Кремле
Гос. Исторический музей



Монетный клад XVI века, найденный в Гагаринском переулке



Волосник — женский головной убор XVI века

Надгробная плита князя Ю. Ю. Мещерского (1607 год)

ным источникам древней топографии Москвы, расположения и внешнего вида отдельных зданий, изучение быта города и технологии городских ремесел. Письменные источники, коллекции Оружейной палаты и Исторического музея, созданного крупнейшим русским буржуазным историком и археологом И. Е. Забелиным, характеризовали в основном быт господствующих классов XVI—XVII веков и очень мало помогали изучению жизни простого народа. Впервые созданная И. Е. Забелиным «История города Москвы» (1905 год) представляет собой тщательное, основанное на колоссальном фактическом материале исследование по топографии московского Кремля.

Археология как историческая наука, развивающаяся на твердой основе марксизма-ленинизма, заняла подобающее ей место в изучении истории Москвы только после Великой Октябрьской социалистической революции.

ШИРОКИМ ФРОНТОМ

Великая Октябрьская социалистическая революция создала огромные возможности для развития советской науки.

Громадные масштабы исследований, государственное их планирование, активное участие широких масс в жизни своей страны влили новые жизненные силы в советскую науку, в том числе в археологию.

Уже в первое десятилетие Советской власти было предпринято исследование археологических памятников Подмосковья. Эти работы возглавил советский ученый профессор В. А. Городцов, объединивший деятельность Исторического музея и различных факультетов Московского университета. Будучи специалистом по первобытной археологии, он сам занимался преимущественно памятниками, относящимися к каменному, бронзовому и раннему железному векам, но ему принадлежат и некоторые исследования по более поздним, славянским памятникам, в частности по подмосковным курганам. Главная заслуга В. А. Городцова в этой области состоит в том, что он организовал массовые раскопки курганов, расположенных в непосредственной близости от Москвы. В процессе этих раскопок В. А. Городцов и его ученики совершенствовали методику исследования. Накопленный при этом обильный материал был тщательно обработан и обобщен А. В. Арциховским в специальной работе «Курганы вятичей», вышедшей в 1930 году. В этой книге были систематизированы многочисленные виды древних вещей, найденных в курганах: браслетов, перстней, бус, височных колец, гривен, ножей, пряжек и др. Впервые был описан во всех подробностях погребальный обряд и, главное, были полностью охарактеризованы культура и быт славян-вятичей. Было доказано, что подмосковные курганы — это погребения крестьянского населения, сделанные в XII—XIV веках (ранее вятичи сжигали своих покойников и ставили их прах в небольших сосудах). Под курганными насыпями, непосредственно на поверхности земли или в небольшой яме, клали тело умершего и вместе с ним ставили пищу в горшках, клали орудия труда,

украшения. Женщин хоронили в праздничном наряде, который еще в XII—XIV веках сохранял многие черты самобытности древнего племени. Прическу украшал целый набор описанных уже выше семилопастных бронзовых или серебряных привесок (4 или 6 штук). На шее носили металлические обручи — гривны или ожерелья из бус — красных сердоликовых и белых хрустальных. Такая особая комбинация была присуща только этому племени. Вообще в женском наряде чередовались красный и белый цвет. Холщевая белая рубаха украшалась, по всей вероятности, красной вышивкой, ожерелье из красных и белых бус дополнялось металлическими украшениями — белыми серебряными или красноватыми бронзовыми серьгами, браслетами, перстнями. Пища и орудия труда, находимые в курганах, характеризуют, как доказал профессор А. В. Арциховский, оседлый земледельческий быт населения. Горшки, найденные при раскопках, серпы, оселки для точки кос — все это говорит об оседлом характере быта крестьянских поселений.

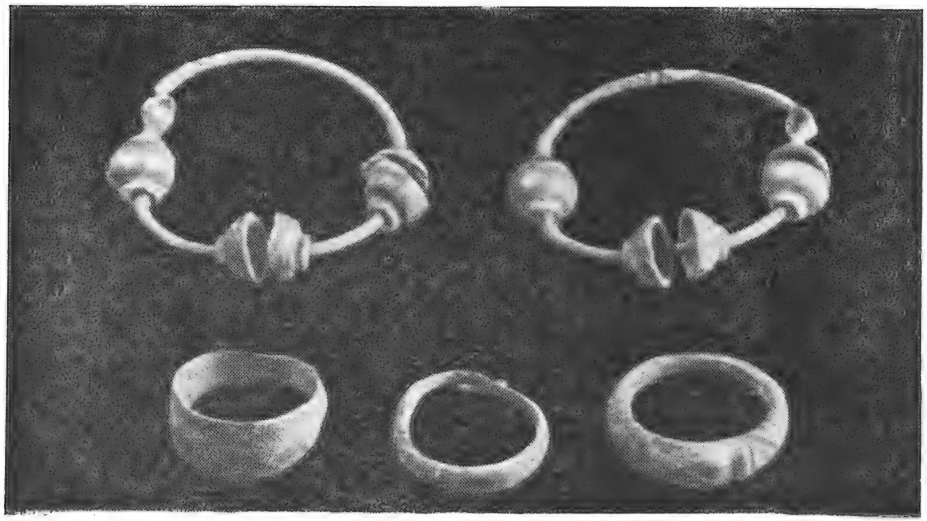
Сохранившиеся в течение длительного периода некоторые особенности наряда женщин, отличавшиеся у разных племен характерными признаками (форма украшений, их комбинации и т. п.), позволили установить точнее и древние границы расселения славянских племен. В районе Москвы, как выяснилось, проходила как раз граница между двумя крупными племенами (или союзами племен) — вятичами и кривичами. И если сама Москва находится на территории вятичей, то к северу и северо-западу от нее, в районе современных подмосковных мест: Истры, Крюкова, Пушкина и Мытищ, уже начиналась земля кривичей. Положение будущей русской столицы в зоне границы двух крупнейших племен, вошедших впоследствии в состав русской народности, не могло не сыграть своей роли при позднейшем возвышении Москвы.

Вятичи не были здесь пришельцами, как думали многие исследователи, а жили на территории Москвы в течение ряда столетий. Это доказывает ряд данных, в том числе исследование профессором А. В. Арциховским в 1946 году большого (свыше 4 метров высотой) кургана под Москвой, в районе села Беседы. Курган содержал характерное для племени вятичей сооружение, в котором в IX—X веках погребался в сосудах прах сожженных покойников.

Систематические исследования курганов под Москвой дали возможность сделать еще один важный вывод, касающийся мало изученного раннего периода развития Москвы. Как показали раскопки, у вятичей были развиты различные ремесла. У них были свои деревенские ювелиры, гончары, кузнецы, литейщики. Но в XIII и особенно XIV веке в быт окрестных деревень все больше проникают изделия городских мастеров — московских ремесленников. Росли экономические связи города с деревней, и влияние города на ближайшие к нему деревни было значительным. Это было отмечено А. В. Арциховским в 1946 году в статье «Основные вопросы археологии Москвы» и с тех пор подтверждено и дополнено новыми материалами. В ближайших к Москве курганах (теперь многие из них уже находятся в черте города) находят височные кольца

с орнаментом, заимствованным из книг того времени, стеклянные браслеты — любимое украшение горожанок XI—XIII веков, шиферные пряслица — грузики для веретен, привезенные с Волыни.

В этих курганах конца XIII и начала XIV века уже нет характерных для племени вятичей украшений. Они заменяются более ценными изделиями городских ювелиров, среди которых встречаются и предметы христианского культа — крестики и образки. Все это свидетельствует об усилении влияния города. Очень интересный в этом отношении материал дали раскопанные в 1947 году курганы у станции Яуза, в черте Московской Окружной железной дороги, — погребения зажиточных крестьян XIII—XIV веков. Женщины были похоронены со множеством украше-



Серьги и перстни из кургана XIII века у станции Яуза [1]

ний, но среди них нет ни одного украшения, характерного для племени вятичей. Ожерелья, серьги, перстни носили общеславянский характер и были сделаны из высококачественного серебра. Особенно интересно ожерелье XIII века, составленное из серебряных ажурных привесок, чередующихся с круглыми бусами. В средней его части симметрично расположены две привески — одна в виде плоского кружка с ушком без всякого орнамента, вставленная лишь для симметрии со второй весьма красивой привеской. На ней изображена фигура мужчины до пояса, в княжеской шапке, с нимбом вокруг головы и крестом в правой руке. Дальнейшее изучение позволило установить, что перед нами образок с одним из самых ранних изображений князя Глеба. Глеб и его брат Борис были первыми из русских, кого церковь объявила «святыми» и «мучениками» (еще в XI веке). Сам факт находки образка городского изделия в кургане говорит об усилившихся связях города и деревни. Но любопытно отметить и то, что в данном случае образок носили в качестве обыкновенного украшения, а не как предмет религиозного культа. Он не занимал центрального места в ожерелье, и для симметрии была специально сделана еще одна привеска, о которой мы уже говорили.

Но курганный материал, конечно, может дать лишь косвенные свидетельства о развитии городских ремесел. Эта важнейшая отрасль древней экономики Москвы стала доступной изучению только после проведения археологических работ в самом городе.

---

[1] Эти предметы и все приводимые ниже хранятся в Музее истории и реконструкции Москвы.

Такие работы были впервые поставлены в 1926—1927 годах советским историком Москвы П. Н. Миллером, который с первых же шагов сумел заинтересовать в них широкие круги московских краеведов и научной общественности. Под руководством П. Н. Миллера проводились планомерные наблюдения за ведущимися в Москве земляными работами. При этом главное внимание обращалось на те районы, которые представляли наибольший интерес для истории города. Наметить такие районы было нетрудно, так как историческая топография Москвы была к тому времени уже довольно хорошо разработана. Отличительной чертой этих работ было изучение быта и производства районов Москвы, заселенных простыми людьми, главным образом ремесленниками.

Образок с изображением князя Глеба (XIII век)

Найденные вещи демонстрировались на специально устраиваемых для широкой публики выставках, которым П. Н. Миллер дал несколько эксцентрическое название «Московский мусор», стремясь подчеркнуть тем самым значение этих массовых находок для истории Москвы.

Когда в Москве развернулись работы по строительству метрополитена, археологи оказались вполне подготовленными к тому, чтобы провести изучение древних памятников на этой грандиозной стройке. В тесном содружестве работали две бригады ученых — археологическая под руководством А. В. Арциховского и архивно-историческая под руководством П. Н. Миллера, а затем П. В. Сытина. В работах приняли участие крупнейшие советские археологи и историки: С. В. Киселев, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков, Т. С. Пассек, В. И. Лебедев, Н. М. Коробков, Е. А. Звягинцев, П. В. Сытин, Н. М. Тарабрин, М. В. Воеводский и др.

Большой интерес, который проявили москвичи и весь коллектив Метростроя к археологическим находкам, способствовал успеху работы. Рабочие внимательно вглядывались в слои почвы, которые они проходили, отбирали и откладывали находки, сообщая о них специалистам; нередко они задерживались после смены, ожидая, пока археолог объяснит значение той или иной находки, прочтет замысловатую надпись на найденном камне и т. п. Инженеры и техники составляли иногда целые археологические коллекции, хранящиеся теперь в музеях и носящие имена своих собирателей. В свою очередь бригады научных работников — археологов и историков — сумели во многом помочь строительству, выявляя места древних водоемов, фундаменты зданий и прочие препятствия, своевременное обнаружение которых помогало проходке туннелей метро. В результате археологических наблюдений за работами Метростроя было добыто много ценных материалов по истории столицы. Прежде всего была сделана суммарная характеристика культурного слоя ее почвы в целом. В нескольких местах были обнаружены остатки древних укреп-

лений Москвы — Белого и Земляного городов. Изучение сохранившейся в земле нижней части стен Белого города у современных Кировских и Арбатских ворот показало, что стены его были не белокаменные, как думали ранее, а кирпичные, и название Белый город связано, вероятно, с тем, что они были специально побелены. Выявились остатки некоторых пригородных сел, давно уже поглощенных растущим городом, — села Семцинского в районе Метростроевской улицы (XV век) и Красного села (XVII век) в районе станции метро Красносельская. Очень интересным способом было найдено место опричного дворца Ивана Грозного. Известно, что этот дворец был построен вне Кремля и что территория дворца была посыпана слоем речного песка толщиной в локоть. Дворец сгорел, и самое место его был забыто. Но при строительстве метрополитена в районе между улицей Герцена и улицей Калинина был открыт насыпной слой песка, совпадающий по толщине с описанным в источниках. По этому слою и определили место дворца, а в последующие годы на близлежащей территории были открыты и каменные здания XVI века.

Богатые коллекции, собранные на строительстве, характеризовали быт широких слоев городского населения Москвы в XVI — XVIII веках.

Так, в древних колодцах были найдены кувшины с отломанными ручками, объяснившие нам широко известную русскую пословицу: «Повадился кувшин по воду ходить — тут ему и голову сложить». Воду доставали в древности не ведрами, а кувшинами, не только из открытых водоемов, но и из колодцев. Богато представлена в коллекциях разнообразная глиняная посуда, изразцы, боевые и рабочие топоры и т. п.

В трещине Китайгородской стены была еще в XVII веке спрятана шелковая женская одежда — охабень с длинными откидными рукавами — относительно хорошо сохранившаяся до нашего времени.

Особую группу находок составили надгробные плиты с надписями XVI — XVII веков, содержащими даты погребения, имена погребенных, а иногда и указание на их социальную принадлежность. Так, после археологических работ, проведенных на строительстве метрополитена, история Москвы обогатилась многими новыми данными, характеризующими различные стороны жизни города в XVI—XVIII веках.

Комиссией по истории Москвы Академии наук СССР были организованы археологические наблюдения и на стройках меньшего масштаба — на строительстве главного здания Академии наук СССР у Крымского моста и на месте крупных строительств по Котельнической набережной и в Зарядье. Археологические наблюдения ведутся Музеем истории и реконструкции Москвы и до настоящего времени. Особенно широкий размах они приняли при прокладке газопровода. В большинстве случаев эти наблюдения давали материалы, относящиеся к XVI — XVIII векам. Наиболее интересным, пожалуй, явился результат наблюдений, произведенных в 1949 году на строительстве новой школы на месте древнего Георгиевского монастыря. Место это находится в самом центре города, напротив здания филиала Большого театра (угол улицы Пушкина и Георгиевского переулка). При рытье котлована для фундамента школы

экскаватор наткнулся на каменный склеп. Вызванные на место работы археологи обнаружили в котловане несколько небольших кирпичных склепов, каждый из которых содержал богатое погребение, относящееся к XVIII веку. В первом склепе была похоронена женщина в роскошном платье из тафты, сплошь затканном узором из серебряных нитей, и такой же юбке с фижмами. По борту застегивающегося спереди платья шла широкая кайма серебряных кружев работы крепостных кружевниц. Наряд дополнялся шелковыми чулками и белыми атласными туфельками с серебряными пряжками, осыпанными мелкими каменьями. В другом склепе был погребен мужчина в штаб-офицерском мундире с голубой лентой ордена Андрея Первозванного (высшего ордена царской России), перекинутой через плечо. Тут же был и орденский знак Андрея, но не подлинный, а сделанный из материи. Покойники лежали в резных дубовых гробах, богато украшенных серебряным глазетом. Среди одежды найдены золотые крестики. Дальнейшее исследование дало еще более интересные результаты. Оказалось, что склепы были размещены внутри большого собора монастыря, построенного в конце XVII века. При постройке собора для выкладки его фундамента были использованы надгробные плиты более ранних погребений — массивные белокаменные блоки весом по нескольку тонн каждый, с богатым орнаментом и надписями. Таких плит прочитано несколько десятков.

Одно из надгробий является ярким документом классовой борьбы начала XVII века. «В лето 7115, — читаем на нем, — февраля в 23 день на память святого священомученика Поликарпа Змирского убиен на государеве службе под Колугою князь Юрьи Юревич Мещерской столник а погребен того же месяца 27 дня на памет преподобного исповедника Прокофя». 7115 год — это 1607 год по нашему летоисчислению, год ожесточенной крестьянской войны. Отряды восставших крестьян под руководством Ивана Болотникова зимой 1606 года подступили к самой Москве. Но под Москвой у деревни Котлы войска царя Василия Шуйского нанесли поражение восставшим. Болотников отступил сначала в Калугу, а потом в Тулу. Надгробная плита Мещерского повествует об ожесточенных боях с восставшими крестьянами, в одном из которых этот представитель высших слоев боярства, поддерживавших Василия Шуйского, был убит, а затем тело его было перевезено в Москву и погребено в Георгиевском монастыре.

Археологические наблюдения в Москве говорят о необходимости проведения дальнейших специальных раскопок в городе. «Если московские научные учреждения, — писал профессор А. В. Арциховский, — затратят на раскопки у себя дома десятую долю тех сил и средств, которые тратятся на раскопки в отдаленных областях, многие проблемы ранней истории нашего города, в настоящее время не решенные, будут успешно решены» [1].

---

[1] А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 7. М., изд. АН СССР, 1947, стр. 9.

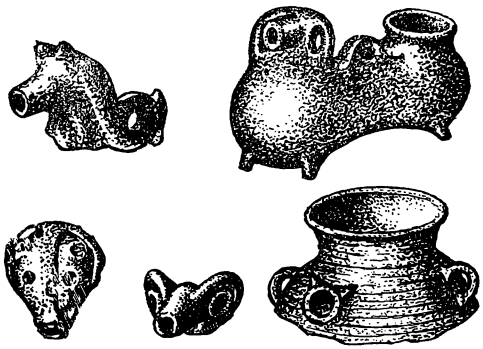
ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

Первые специальные археологические раскопки в Москве были организованы в 1946 году Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Музеем истории и реконструкции Москвы в связи с приближавшимся 800-летием столицы. Одновременно с ними провел небольшие раскопки и Государственный Исторический музей. Раскопки проводились в устье реки Яузы на высоком холме, у подножья которого теперь стоит одно из высотных зданий. Этот холм уже в XV веке назывался городищем. С ним были связаны древние предания о начале Москвы. Упомянутое уже нами сказание об основании Москвы Мосохом указывало именно на этот холм, как на место, где находился древнейший Кремль. «И созда же тогда Мосох князь градец себе малый над предвысоцей горе той над устии Явузы реки на месте оном первоприбытном своем именно московском, иде же и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты бесов мучителя». Многие историки Москвы, в частности такие крупные исследователи, как И. Е. Забелин, М. Н. Тихомиров и А. В. Арциховский, считали, что это сказание основано на древних традициях, несомненно связанных с историческим развитием Москвы. Позднее в этом районе находилась гончарная слобода Москвы.

Археологические наблюдения, проведенные в 1940 году на строительстве одного из корпусов высотного здания, показали, что культурный слой здесь изобилует древними вещами, среди которых встречаются такие, например, как костяная шпилька от прялки с навершьем в виде фигурки петушка, очень похожая на шпильку, найденную в Новгороде Великом. В одном из разрытий, сделанных уже во время войны, был обнаружен целый гончарный горн, наполненный посудой и глиняными игрушками. Раскопки под руководством профессора Б. А. Рыбакова, проведенные Историческим музеем в 1946 году, открыли здесь три печи, служившие для обжига гончарных изделий; они были обращены своими топочными отверстиями в одну сторону таким образом, что их мог топить один человек. Повидимому, эти печи принадлежали одной мастерской. В том же году недалеко от этих находок была открыта другая мастерская, в которой был обнаружен большой горн с двумя топками и целый склад бракованной продукции, среди которой было несколько тысяч сосудов и осколков сосудов. Исследование этих сосудов дало несколько неожиданный результат. Оказалось, что на днищах многих сосудов имеется клеймо в виде круга с вписанным в него крестом. Таких клейм было найдено свыше 45; среди них можно выделить семь типов клейм, различных по своим размерам. Это указывает на то, что найденная посуда была сделана на семи различных гончарных кругах. Из этого можно сделать вывод, что в мастерской было, по крайней мере, семь мастеров (а возможно, и больше, так как много сосудов оказалось совсем без клейм), каждый из которых работал на особом гончарном круге. Это было, вероятно, уже не мелкое ремесленное предприятие, а довольно большая мастерская — мануфактура, существовавшая еще во второй половине XVII века. Все это говорит

Красные изразцы для облицовки печи (XVI век)

о том, что в Москве в XVII веке гончарное производство было уже сравнительно высокоорганизованным. Оно начало развиваться очень давно: древнейший из открытых при раскопках 1946 года гончарных горнов относится к XV веку.



Рукомойники и их части (XVI—XVII века)

Основным видом продукции мастеров московской гончарной слободы была разнообразная посуда. Насчитывается 14 различных форм сосудов — печные горшки, миски, сковороды или блюда, «кубышки» (бутыли с округлым туловом), кувшины, кумганы с высокими, как у современных кофейников, носами, фляги, большие лохани, светильники и рукомойники. Интересно, что рукомойники делались обычно в виде стилизованной фигуры животного: барана, лошади, медведя или собаки. Сходство это придавалось тем, что нос рукомойника делался в виде головы животного таким образом, что вода как бы выливалась из пасти. Воспоминание о таких рукомойниках сохранилось еще до недавнего времени в народной пословице: «встану рано, пойду к барану, к большому носу, к глиняной голове».

Среди множества типов посуды обращают на себя особое внимание сосуды с блестящими аспидно-черными стенками, очень удачно имитирующие в глине металл. Это была парадная столовая посуда рядовых горожан, не имевших роскошной золотой и серебряной посуды. Московские гончары, желая удовлетворить вкусы широкого круга заказчиков, научились выделывать посуду, которая, по крайней мере издали, очень походила на металлическую.

Совместная кропотливая работа археологов и керамистов позволила восстановить древний процесс производства этой посуды. В дореволюционных исследованиях встречаются описания подобных сосудов, причем исследователи говорят, что эти сосуды были сделаны из черной глины. На самом же деле посуда изготовлялась из обыкновенной красной глины. После формовки на гончарном круге изделия просушивали, а затем на их поверхность наводили лоск при помощи специальных «лощил», сделанных из рога, кости или гладких камней. Эти «лощила» также найдены при раскопках. Лощение придавало стенкам сосудов металлический блеск. После этого посуда загружалась в горн и обжигалась при температуре 700 — 900 градусов. По окончании обжига в топку горна загружалось смолистое топливо, все отверстия топки замазывали и этим создавалось препятствие доступу кислорода из воздуха. При таких условиях топливо тлело, поглощая кислород из состава самой глины обжигающихся изделий. Окись железа, присутствие которой и придает глине

Штамп для изразцов (XVII век) и оттиск его (справа)

красный цвет, восстанавливалась до состояния закиси, которая имеет серовато-черный цвет. Получающийся при этом в свободном состоянии углерод оседал на стенках сосудов в виде графита. Так получалась посуда черная и блестящая. Если черепок такого сосуда обжечь при нормальном доступе кислорода при температуре 700—900 градусов, то снова произойдет окисление, и черный черепок приобретет обычный для глиняных изделий красный цвет.

Производство строительных материалов — кирпича, черепицы, плиток для мощения полов, а также отделочных материалов — изразцов, в выделке которых московские мастера достигли особого совершенства, — было другой важной отраслью продукции московских гончаров.

До настоящих дней сохранились в Москве некоторые здания, фасады которых украшены цветными изразцами. Достаточно вспомнить облицованный разноцветными изразцами фасад Крутицкого теремка, на котором выложены изящные колонки наличников окон с оплетающими их лозами винограда. Изразцовый фриз в виде причудливых цветов украшает древнюю церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке.

В каждом богатом доме Москвы в парадной комнате была печь, облицованная изразцами. Древнейшие изразцы XVI века были терракотовыми — «красными», с рельефными изображениями цветов, фантастических зверей (грифонов, единорогов и т. п.) и целых сцен (например, штурма крепости). Большей частью изображение на изразце заключалось в отдельную рамку и по сюжету не связывалось с соседними, но были и другие изразцы, дополняющие друг друга по содержанию и дающие вместе узор, покрывающий всю поверхность печи.

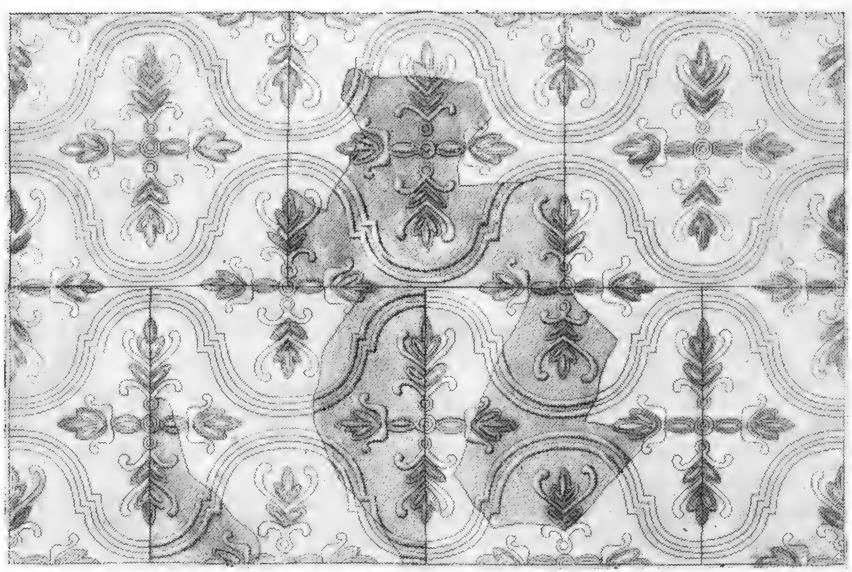
В середине XVII века в моду входят изразцы, покрытые зеленой глазурью. Они также покрывались рельефными изображениями цветов, фантастических зверей, составлявшими сложные композиции. В конце XVII века изразцы стали покрываться многоцветным орнаментом в виде цветов, листьев, птиц, гроздей винограда или же сложных геометрических фигур.

При раскопках в гончарной слободе обнаружены остатки производства изразцов всех трех описанных выше типов. Здесь были и глиняные штампы для оттискивания на изразцах (при помощи этих штампов удалось воспроизводить такие же узоры и в наше время), и чашечки для изготовления глазури, и, наконец, большое количество изразцов, забракованных самими мастерами. Развитие производства таких сложных изделий, как изразцы, говорит о высоком уровне, на котором стояло гончарное ремесло в Москве еще в XV—XVII веках.

Немалую часть доходов московских гончаров составляло производство глиняных игрушек. Это была и игрушечная посуда, в миниатюре повторявшая настоящую, и фигурки людей — мужчин и женщин в свободных, иногда несколько карикатурных позах, в одежде, которую носили в то время. Многие игрушки изображают животных, лошадей (верховых и упряжных), собак, ручных медведей в намордниках с проткнутыми ноздрями. Есть также птички-свистульки и погремушки.

Гончарное производство было обычно связано с перекопом земли. Рылись специальные ямы для нижних частей гончарных печей, брался с городища песок для формовки изделий. В результате в XV—XVII веках культурный слой оказался настолько перекопанным, что не было, казалось, никакой надежды найти следы древнейшего поселения или какие-либо другие материалы, не относящиеся к гончарной слободе.

Однако исследование древнего кладбища, проведенное у церкви «Никиты — бесов мучителя», которая упомянута в приведенной выше легенде о начале Москвы, дало возможность более полно осветить историю района. Интересный материал для этого дали открытые надгробные плиты. У самого алтаря церкви был обнаружен богато украшенный резьбой надгробный камень с надписью, сделанной такой сложной вязью, что ее не сразу удалось прочесть. Но упорный труд принес свои результаты — надпись была расшифрована: «В лето 7104 (1596 год по нашему летоисчислению) марта в 8 день на память преподобного отца нашего Феофилакта Никомидиского преставися раб божий Григорей Дмитреев сын



Часть печи XVII века, облицованной «красными» изразцами (реконструкция)

колчюжник». Ценнее всего здесь было последнее слово, которое труднее всего читалось из-за большой усложненности надписи и выноса последней буквы в особую строку. Это — впервые встреченное наименование очень важной профессии русских мастеров-оружейников — кольчужного мастера, делавшего броню из мелких железных колец (более распространено было общее название «бронники», от которого происходят современные названия Бронных улиц и целого города — Бронницы).

Дальнейшее исследование исторических источников показало, что в XVII веке над Яузой были дворы бронников. Удалось открыть новый, не известный ранее центр производства оружия в Москве. В устье Яузы, очевидно, располагались в XVI—XVII веках поселения ремесленников, производство которых было связано с огнем и потому являлось опасным для деревянного города. Река Яуза, отделявшая эти слободы от центра города, была надежной преградой в случае пожара. Здесь жили гончары, оружейники, кузнецы, котельники и таганники. Следы их слобод до сих пор сохранились. Происхождение названий Котельнической и Гончарной набережных, Таганской улицы и площади и церкви «Козьмы и Дамиана, что в старых кузнецах» имеет прямое отношение к этим слободам.

Кроме этого, в устье реки Яузы удалось найти и следы гораздо более древнего поселения. У подножья холма были обнаружены остатки погибшей во время пожара усадьбы посадского человека XV века — жилого дома, скотного двора, находившегося рядом с ним, и погреба, стоявшего отдельно и выходившего, очевидно, на улицу. Бревенчатый дом был построен на подклети. Верхняя, жилая его часть не сохранилась, но остатки ее упали вниз, в подклеть, где перемешались со стоявшими там запасами зерна — ржи, пшеницы, ячменя, проса. Здесь найдены остатки бочек и бочонков, в которых помещались все эти запасы: зерна, рассыпавшиеся по полу, прилипли и к упавшей вниз двери дома с ее массивным внутренним замком. Среди всего этого валялись обуглившийся кусок хлеба, остатки обуви и большой медный крест-тельник, совершенно такой же, как и найденный в слоях того же периода в Новгороде. Хозяева, очевидно, успели вынести все ценное из дома и погреба, вывести скотину из хлева.

При исследовании участка, на котором стоял этот дом, в слоях, лежащих выше него, следовательно более поздних, было обнаружено шиферное пряслице, неопровержимо свидетельствующее о существовании в устье реки Яузы поселения еще до разорения Москвы монголами (1237 год). Производство таких пряслиц прекратилось после разорения монголами Киева в 1240 году. Поэтому пряслица из розового шифера находят при раскопках во всех русских городах (и даже в курганах), но только в домонгольских слоях. Находка пряслица вместе со шпилькой от прялки и несколькими осколками глиняных сосудов того же типа, какие обычно встречаются в курганах, говорит о том, что на устье Яузы существовало какое-то поселение еще до XIII века. Позднее оно погибло, и самые остатки его были перекопаны в XV—XVII веках в результате деятельности гончаров. Поэтому трудно

судить о том, было ли это небольшое сельцо или укрепленный городок.

Таковы результаты первых раскопок в Москве, проведенных в 1946—1947 годах. Благодаря этим раскопкам был изучен важный район Москвы, где в древнейший период развития города уже существовало поселение, где в XV—XVII веках выросли ремесленные слободы, а в XVII — XVIII веках стали селиться служилые люди — дворяне. Изучение материалов, относящихся к древнему гончарному ремеслу, позволило установить высокий для того времени уровень развития как техники, так и организации этой важной отрасли городского ремесленного производства на Руси.

ВЕЛИКИЙ ПОСАД

Дальнейшие исследования развернулись в 1949—1951 годах и также были связаны с реконструкцией стслицы. Раскопки велись в Зарядье, на месте строительства высотного здания.

Зарядьем называется южная низменная часть района Китай-города, расположенная между улицей Разина и Москворецкой набережной. Это низина, ограниченная с юга берегом Москвы-реки, с востока — современным Китайским проездом, где ранее был болотистый Васильевский луг, с севера — крутым обрывистым подъемом берега, где еще и сейчас нет проезда и люди поднимаются по лестницам на идущую по краю возвышенности улицу Разина; с запада Зарядье примыкает к Кремлю в районе современного Московского моста. Само название «Зарядье» позднее означает район за торговыми рядами, которые были на Красной площади и прилегающих к ней улицах. В древности современный Китай-город назывался Великим, или Большим, посадом, что указывает на особое значение этого района, непосредственно примыкавшего к Кремлю и являвшегося продолжением его территории.

Район Зарядья представляет собой исключительный интерес для изучения истории Москвы. Являясь непосредственным продолжением территории Кремля, этот район заселялся еще с древнейших времен торговым и ремесленным людом. Вероятно, в районе Зарядья была в древности пристань; об этом говорит наличие здесь древней церкви Николы Мокрого, простоявшей до 1941 года. Церкви во имя Николы Мокрого, считавшегося в древней Руси покровителем «всех плавающих и путешествующих», обычно ставились в русских городах по соседству с пристанью. На это обстоятельство обратил внимание М. Н. Тихомиров, указавший также, что район возле церкви еще в конце XV века пользовался особыми судебными правами.

Уже первое упоминание этой церкви в летописи в 1468 году говорит нам о том, что она была и в то время центром значительного населенного района Москвы. Московский летописец рассказывает об одном из жестоких пожаров, часто опустошавших Москву. Загорелся «посад на Москве у Николы Мокрого и много дворов бесчисленно згоре». Огонь поднялся на гору до Богоявленской улицы (современная станция метро

на улице Куйбышева) и оттуда повернул снова вниз «на подол по Васильевский луг, да на Большую улицю на Вострой конець и по самую реку...»[1]. Так в 1468 году выгорели целые районы тогдашней Москвы — Подол и «Острый конец», ограниченные рекой и Васильевским лугом, — густо заселенные, вероятно, еще много лет назад.

Район Зарядья и, в особенности, места, прилегающие к современному Мокринскому переулку, где стояла церковь и в направлении которого, как предполагалось, проходила к пристани Большая, или Великая, улица, упомянутая в приведенном выше отрывке летописи, издавна привлекали внимание исследователей. В 1941 году, когда впервые было принято решение о реконструкции района Зарядья и начались работы по сносу старых домов, Комиссия по истории Москвы Академии наук СССР и Академия архитектуры СССР организовали крупные работы по исследованию древних зданий и археологические наблюдения за земляными работами на строительстве. Уже тогда были собраны большие коллекции и установлен очень важный факт, придавший дальнейшим работам особый интерес. Оказалось, что во влажной почве Зарядья прекрасно сохраняются дерево, кожа и другие органические вещества и что мощная толща культурного слоя, достигающего здесь 6 метров и более, сохранила в нижних своих частях в течение ряда столетий целые деревянные конструкции, не нарушенные фундаментами поздних зданий. Таким образом выяснилась возможность, пробившись через толщу поздних наслоений, открыть здесь остатки древней деревянной Москвы.

И когда после войны вновь развернулись работы по реконструкции Зарядья, Институт истории материальной культуры Академии наук СССР и Музей истории и реконструкции Москвы возобновили здесь в 1946—1948 годах археологические наблюдения, а в 1949—1951 годах организовали раскопки большого масштаба.

После того как были сняты слои строительного мусора, оставшегося от сноса домов, стоявших здесь до 1941 года, перед археологами открылась часть древней Москвы. Несколько горизонтов построек, перекрывающих друг друга, осталось от различных периодов многовековой истории столицы. Углубляясь пласт за пластом в культурный слой, археологи открывали все более и более древние горизонты. Прежде всего выяснилось, что современный Мокринский переулок действительно почти совпадает по своему расположению с древней Великой улицей. Под современной мостовой переулка на глубине около 1 метра открылась мостовая из еловых плах, опиравшихся на продольные бревна — лаги. Такие мостовые делались во всех крупных городах древней Руси. Они хорошо исследованы учеными в Новгороде, Старой Ладоге и других городах.

Совершенно очевидно, что мощение Великой улицы производилось не один раз. Удалось зафиксировать последовательно остатки мостовых XVII и XV веков, а затем благодаря хорошей сохранности дерева открыть целый район древнего города.

---

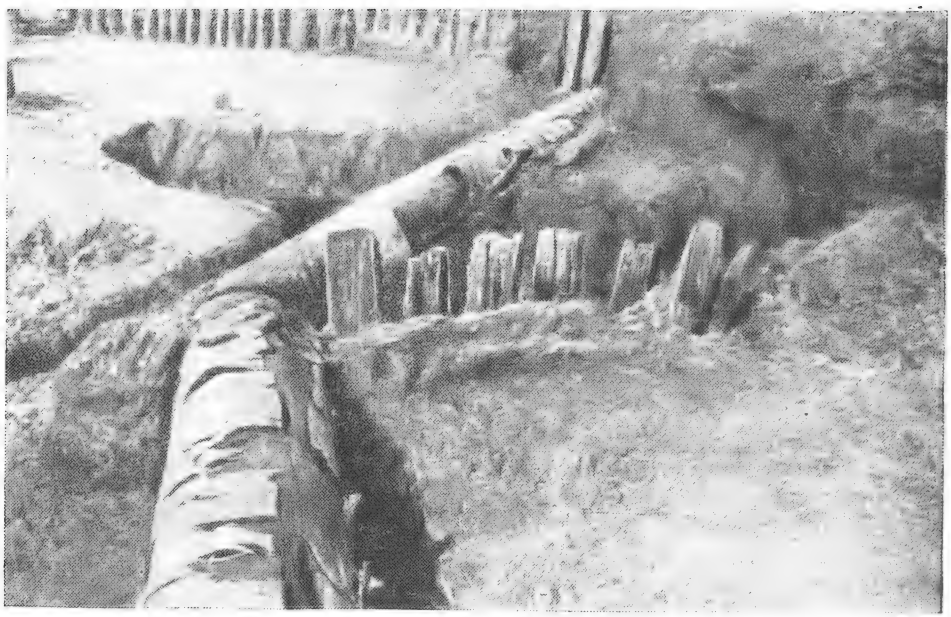
[1] Полное собрание русских летописей, т. XXV. М., изд. АН СССР, 1949, стр. 281.

По обеим сторонам Великой улицы стояли дома. В верхнем культурном слое, рядом с церковью открылись фундаменты белокаменных палат, сохранившихся в перестроенном виде до 1941 года. Эти палаты принадлежали, по всей вероятности, князьям Сулешевым, знатным московским боярам. В самом устройстве фундаментов зданий сказалась передовая для того времени техническая мысль строителей. Для осушения фундамента была устроена особая белокаменная дренажная труба, по заключению советского ученого, специалиста в этой области профессора Н. И. Фальковского, — первое из известных нам каменных сооружений этого рода в России.

По раскопкам, проведенным в Новгороде, было известно, что там уже с XII века существовала развитая система дренажных сооружений из дерева.

Раскопки, проведенные в Москве, показали, что новгородские водоотводные сооружения не были исключением для древней Руси, где городское хозяйство в эпоху средневековья стояло на гораздо более высоком уровне, чем в Западной Европе.

Территория Зарядья была буквально пронизана разветвленными дренажными сооружениями различных типов, отводившими воду от Великой улицы и прилегающих к ней домов в реку и соседние овраги. Здесь



Дренажные трубы XV века

были найдены различной конструкции деревянные трубы, покрытые для лучшей изоляции берестой, канавы со сложной системой крепления, поглощающие колодцы и бочки-отстойники. Из всего этого можно заключить, что сырой прибрежный район Зарядья тщательно осушался в течение целого ряда столетий. Древнейшие из отрытых дренажных сооружений относятся к XIV веку, более поздние — к XV—XVII векам. В одном из архивов найдена челобитная «тюремных сидельцев» (заключенных находившихся поблизости тюрем): «Тюремный двор стоит под горою на водном месте, а что за тюремным двором сделана для проходу воды труба, то трубы не прочищено». Сидельцы в количестве 530 человек просят наладить водоотвод, «чтобы нам от течи вконец не погибнуть». Труба была прочищена в том же 1637 году.

При раскопках недалеко от указанного места открылся дом человека, который мог написать для сидельцев подобную челобитную. Этот дом выходил на улицу, напротив палат Сулешевых и церкви Николы, узким боковым фасадом и состоял из трех стоящих рядом срубов, очевидно соединявшихся между собой дверями и имевших слюдяные окошки и теплые завалинки. В одной из трех комнат дома, вероятно парадной, стояла печь, облицованная зелеными поливными изразцами, в других печи были простые. О профессии владельца говорит находка здесь двух глиняных чернильниц, одна из которых, маленького размера, имеет специальные ушки для подвешивания, а другая представляет собой целый настольный письменный прибор с отделениями для чернил, гусиных перьев и песка, служившего тогда вместо промокательной бумаги.

БОЯРСКИЕ ДВОРЫ

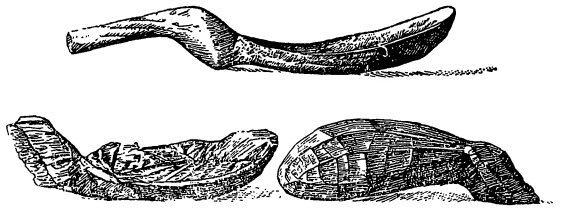
Феодалы бояре и дворяне владели в Москве значительными участками земли, на которых строили свои дома и жили с многочисленной дворней. В слое, относящемся к первой половине XVI века, под фундаментами палат Сулешевых были расчищены остатки богатой, очевидно боярской, усадьбы. Каменный дом с высоким крыльцом на белокаменных столбах, которое вело прямо в жилые комнаты, стоял в глубине двора, вымощенного толстыми бревнами; промежутки между бревнами были забиты землей, тонкими прутьями и дранкой, покрывавшей большую часть двора. Сохранившиеся части здания не позволяют восстановить его план во всех деталях, но можно установить, что одну из комнат украшала печь, облицованная роскошными «красными» неполивными изразцами. О характере украшения дают представление целые изразцы. На одном из них изображен мифический зверь-единорог, на другом — батальная сцена. На штурм какой-то крепости устремились копейщики и стрельцы. Пушкарь склонился над пушкой, готовясь к выстрелу, а позади него воин натянул лук, посылая в невидимого врага стрелу. Над войском развевается знамя; картину боя дополняют лежащие на земле сабли. Среди остатков хором не обнаружено роскошной утвари, но, возможно, к той

Расцвет кремля в XVII веке. Картина Ап. Васнецова.
Музей истории и реконструкции Москвы

Деревянная иконка XV—XVI веков

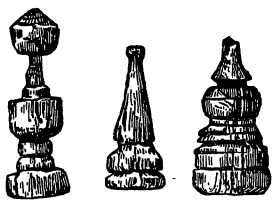
Фляга, подсвечник, тигелек, изразец XVI—XVII веков

же усадьбе относится найденная на довольно значительном расстоянии от дома небольшая иконка, которую, судя по сохранившимся на ней следам материи, носили в маленьком мешочке — «ладанке» — на груди. Иконка эта представляет собой высокий образец русской художественной резьбы по дереву конца XV — начала XVI века. На одной ее стороне изображена богоматерь с младенцем, вокруг нее — надпись, содержанием которой служит начало «богородичной» молитвы; по углам символические изображения четырех евангелистов в виде льва, тельца, птицы и человека. На другой стороне иконки помещены миниатюрные изображения Николы Гостунского, Афанасия и Василия с пояснительными надписями. Маленькие задвижки скрывают потаенные ячейки, в которых должны были храниться мощи указанных «святых». Все это искусный мастер разместил на площади 3,5×2 сантиметра. Такая иконка-мощевик, вышедшая из-под резца незаурядного художника, могла принадлежать только богатому человеку.



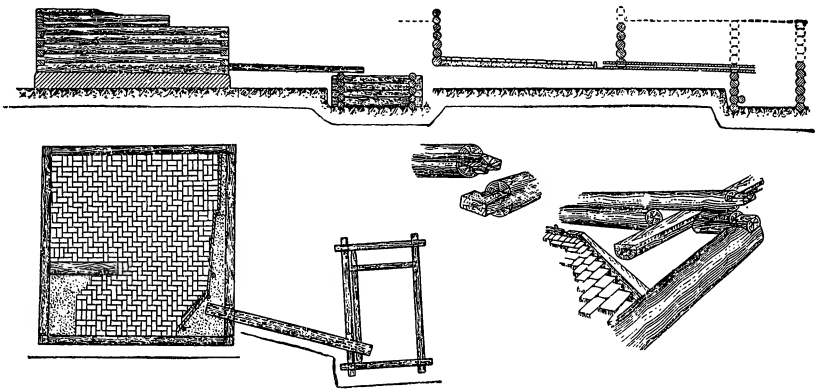
Деревянная ложка и заготовка для нее (XVI век)

О богатстве владельца усадьбы говорят добротно сделанные и хорошо оборудованные надворные постройки, отделявшие дом от улицы. От одной из таких построек сохранился ледник — подвал из дубовых бревен, вымощенный «в елочку» кирпичом (по размеру соответствующим кирпичу, из которого сложена Китайская стена), с особым дренажным устройством. По западной стене его шел деревянный жолоб, из которого особая деревянная же труба отводила воду в специальный сточный колодец. В погребе также были найдены остатки бочек и большие пробки от них — здесь стояли, вероятно, меды и соленья. Деревянная лестница вела в помещавшийся над ледником сарай, служивший складом разных хозяйственных предметов, преимущественно упряжи и пр. Об этом говорят найденные здесь удила, подковы и часть богато украшенного резьбой передка от саней. Из сарая во двор вела прочная дверь с петлей для замка, обнаруженная на полу погреба, куда она упала при разрушении дома.



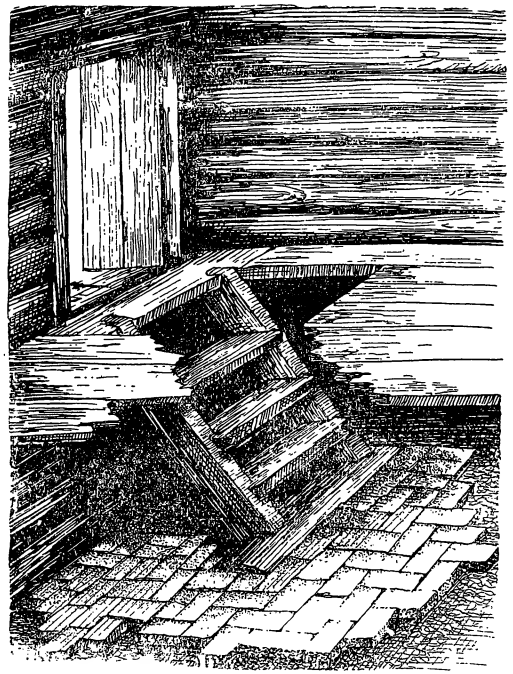
Шахматные фигуры (XVI век)

В усадьбе, очевидно, содержалось большое количество лошадей. На дворе и в постройках найдены полоз от саней, ступица от колеса, дубовые тележные оси и чеки, кнут и большое количество разнообразной деревянной посуды—мисок, ложек, блюд и т. п. Посуда, видимо, изготовлялась частично в самой усадьбе. Во всяком случае, здесь найдены недоделанные деревянные ложки. Более же сложная посуда, например мис-



Ледник с дренажным устройством из усадьбы XVI века

ки и чашки, изготовлявшиеся при помощи токарного станка, вероятно, делались специалистами-ремесленниками. На токарном же станке изготовлялись из дерева и кости шахматные фигуры. Их найдено в разных местах Зарядья свыше десятка. Эти находки, относящиеся к XV—XVII векам, говорят о давнем и широком распространении в Москве искусства шахматной игры.



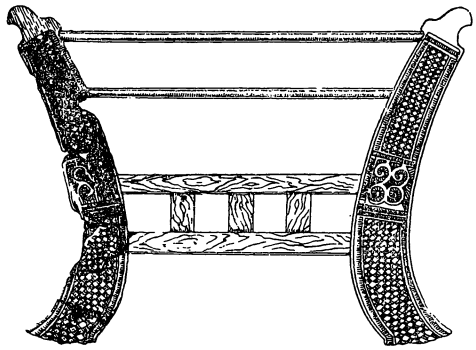
Реконструкция входа в ледник

Нужно сказать, что вообще в московском посаде процветало костерезное искусство. Здесь найдены отходы этого производства: обрезки костей и рогов, особенно рогов лося, и части готовых изделий: гребней, рукоятей ножей, коньков, пластин с художественным орнаментом и даже нательных крестов с богатой резьбой.

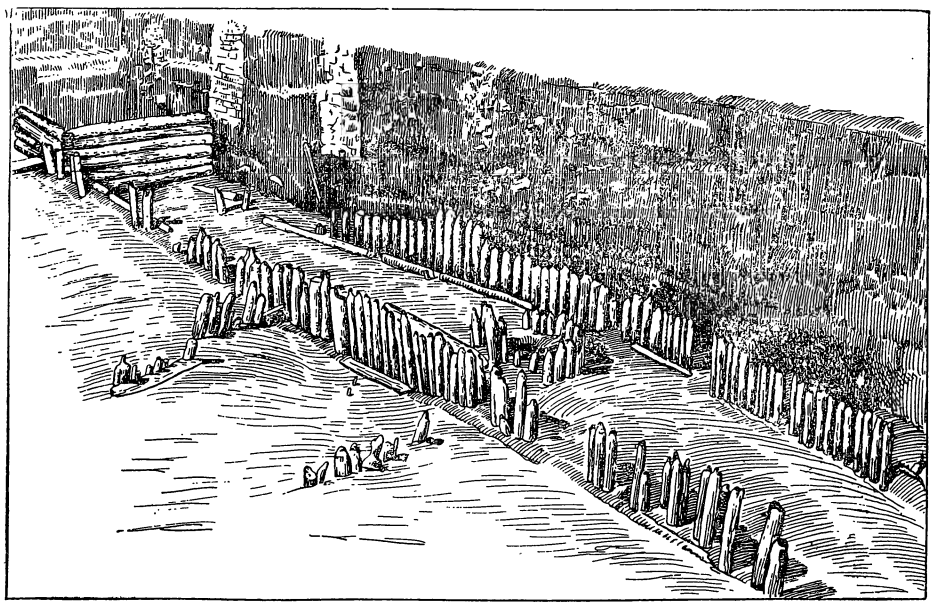
На глубине 2,8—3,0 метра от поверхности земли по всей площади Зарядья открылся целый слой угля и пережженной земли, содержавшей в себе

множество остатков сгоревших строений. Это — след колоссального пожара, о котором сообщает летопись в 1468 году.

Дальнейшие исследования подтвердили это предположение. На месте боярской усадьбы XVI века, описанной выше, находились в это время два двора, довольно больших по размерам и принадлежавших, очевидно, зажиточным людям. Дворы были ограждены мощными частоколами, отделявшими усадьбы от улицы и друг от друга. Между заборами, на «ничьей» земле, помещался колодец. В одной из усадеб удалось открыть жилой сруб с печью на столбах. Этот сруб был, по всей вероятности, только частью дома. Дом стоял в глубине двора, а ближе к улице находилась хозяйственная постройка, которая также открылась при раскопках. На соседнем участке также находился дом, очевидно



Резной передок от саней XVI века (реконструкция)



Частоколы и колодец XV века

Печать Ивана Карови (XV век. Увеличено)

большой, срубленный из очень толстых бревен, но дом этот был целиком растащен при тушении пожара и лишь в разных местах участка нашли лежащие в беспорядке остатки бревен. Уцелела только стоявшая позади дома баня с глинобитной печью и полом из сосновых жердей. Расчистка этого здания принесла совершенно неожиданный результат. За печью в углу был обнаружен костяной предмет величиной с ноготь, оказавшийся при ближайшем рассмотрении печатью. Овальная печать имела ушко, в котором сохранились остатки шелкового шнура. При помощи этого шнура печать носили на шее. По краю овала шла надпись, сделанная шрифтом, характерным для XV века. Надпись, как и полагается на печатях, была обратной, и прочесть ее можно было лучше всего по отражению в зеркале или по оттиску. Она гласит: «Печать Ивана Карови». В центре печати — миниатюрное изображение воина в длинном кафтане с копьем в правой руке и круглым щитом в левой (очевидно, подразумевался «святой» Иван Воин — тезка владельца печати). Все это вместе с надписью искусный резчик сумел разместить на щитке длиной всего 1,5 сантиметра и шириной 1 сантиметр. Это очень редкая находка — печать-матрица, так как обычно находят лишь оттиски печатей на свинце, сургуче или воске. Судя по изображению воина, эта печать, вероятно, принадлежала боярину или дворянину, носившему ее на шее и потерявшему при пожаре, от которого он сам, повидимому, с трудом спасся, выбравшись из бани.

По условиям находки можно предположить, что печать принадлежала владельцу усадьбы. Кто же такой был Иван Карова? Уже сама орфография надписи (написание «Карови» через «а» и «и» вместо «о» и «ы») говорит о его московском происхождении. Но попытки точно определить, кто именно был владельцем печати, пока не увенчались успехом. Прозвище «Корова» даже среди бояр было широко распространенным, и достоверных данных о личности владельца найденной печати пока не удалось найти.

Среди остатков сгоревших в XV веке усадеб найдено множество деревянных бирок — палочек с зарубками, иногда расположенных в два ряда (в этом случае каждым десяти зарубкам одного ряда соответствует одна зарубка другого). Эти бирки — своеобразные бухгалтерские документы средневековья — свидетельствуют об оживленной экономической жизни усадеб. При помощи бирок, например, фиксировалось поступление каких-либо доходов или продажа товаров. Обилие этих находок объясняется, повидимому, нахождением по соседству Мытного двора, где взимались пошлины.

УСАДЬБЫ РЕМЕСЛЕННИКОВ

«...история общественного развития, — учит И. В. Сталин, —есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества»[1].

Основу экономики средневекового города составляло ремесленное производство. И на московском посаде найдено большое количество остатков мастерских, свидетельствующих о высоком развитии ремесла в Москве и о его древних традициях. Если с середины XV века территория Великого посада и, в частности, Великая улица заселялась боярами и дворянами, что, несомненно, связано с ростом политического и экономического значения Москвы как столицы централизованного Русского государства, то в более ранние периоды этот район был заселен преимущественно ремесленниками. В слоях почвы, относящихся к началу XV века и более ранних, почти все обнаруженные здания являются или жилищами или мастерскими ремесленников.

Так, напротив церкви Николы Мокрого в конце XIV — начале XV века находилась усадьба ремесленника-металлурга — «кричника» и ювелира, занимавшегося получением из руды железа и отливкой бронзовых украшений. На Великую улицу выходил просторный дом — пятистенка, состоящий из двух комнат, с дощатым полом и большой глинобитной печью. Позади дома, во дворе, стоял горн, в котором добывался металл, а в глубине двора находилась постройка для скота. Вокруг разрушенного горна лежали груды шлака, оставшегося, как показал анализ, от получения железа из руды. Здесь совсем не было готовой продукции — пористых кусков железа (так называемых криц), которые, очевидно, продавались. Зато в куче шлака были найдены обломки плавильных тиглей, а неподалеку и сами тигли — небольшие круглодонные сосудики с носком для слива металла. Таких тиглей было найдено восемь: часть у горна, а часть в доме, среди развалин печи, где обнаружились и стоявшие в печи горшки и кувшины. Все найденные тигли оказались одинаковыми (емкость 100—115 кубических сантиметров, в каждом тигле могло умещаться около 850 граммов расплавленной меди). Вероятно, они долго были в употреблении, так как поверхность их оплавилась и сами тигли дали трещины. На дне некоторых тиглей остался металл, который дал возможность установить, что плавилась здесь бронза — сплав меди и олова с небольшой примесью свинца. Между домом и горном найдена половина каменной литейной формы; на одной стороне ее вырезаны литки для девяти булавок с круглыми головками, а на другой — литок для красивой звездчатой привески.

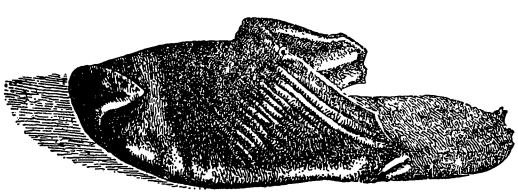
Ремесленник — владелец усадьбы — занимался, стало быть, одновременно добыванием железа из руды и литьем украшений из меди, при-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

чем он ставил плавильные тигли в тот же горн, где получалось железо, а также и в свою домашнюю печь.

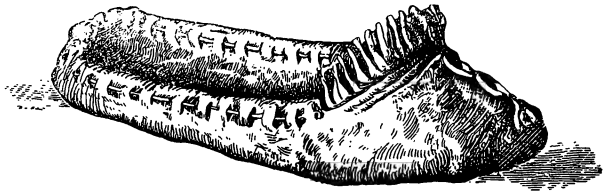
Эта литейная мастерская не была в Зарядье единственной. В слоях XII—XV веков обнаружены остатки тиглей, подобных найденным в мастерской, и даже литейные формы. Одна из них, относящаяся к XV веку, служила, видимо, для отливки фигурных пуговиц, другая (XII—XIII века) — для отливки маленьких шариков, служивших украшениями (так называемая «зернь»). Развитие литейного и ювелирного производства было характерно для московского посада уже в XII веке.

Другой важной отраслью производства, развитой в Зарядье, было кожевенное и сапожное ремесло. Здесь из шкур животных выделывали кожу, а затем шили из нее различные изделия — обувь, части упряжи, ножны для сабель и кинжалов, рукавицы и перчатки — и делали даже переплеты для книг. Это производство было специфически городским, так как не только мастера являлись городскими ремесленниками, но и покупатели также были преимущественно горожанами. Сапожное производство в Зарядье засвидетельствовано и историческими источниками. На одном из древних планов Москвы — так называемом Петровом чертеже, сделанном в конце XVI века, в районе Зарядья показаны «заведения продающих сапоги». Встречающиеся очень часто в культурном слое Зарядья отходы кожевенного и сапожного производства, а также инструменты сапожников — шилья, ножи для раскройки кожи, сапожный воск, указывают на широкое распространение этого ремесла и большое его значение в экономике посада. Открытые при раскопках остатки мастерских позволяют установить, что кожевенное и сапожное производства еще не были разделены, по крайней мере до XV века. Выделка кож, раскройка и пошивка изделий из них производились в одной мастерской. Крупная мастерская, находившаяся к западу от церкви Николы Мокрого, открыта в слоях начала XV века. Здесь был обнаружен большой зольник, в котором остался целый слой золы и извести, служивших для отделения волос от шкур. Рядом с зольником в землю была врыта бочка, выдолбленная из цельного ствола липы и имевшая в стенке три отверстия, при помощи которых можно было регулировать уровень жидкости. Бочка эта могла служить дубильным чаном для небольших кусков кожи. Здесь же было найдено множество разнообразной обуви, распавшейся на части: сапоги с короткими голенищами, «черевики», «поршни» — мягкие туфли и даже кожаные лапти. Найденная обувь разных размеров — мужская, женская и детская — была большей частью нарядная, с загнутыми кверху острыми носами, тиснеными головками, на каблуках различной формы и без каблуков. Носы и каблуки украшены металлическими бляхами и скобами, же-



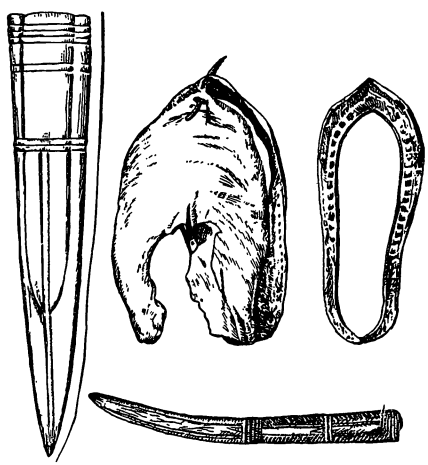
Головка детского сапога (XV—XVI века)

лезные подковки набиты на каблук или прямо на подошву. Но как и повсюду в то время, обувь шилась так, что носить ее можно было и на правой и на левой ноге. Мягкая подошва из тонкой кожи пришивалась изнутри, а затем обувь выворачивалась на лицевую сторону. Дальнейшее исследование древней технологии производства кожи и изделий из кожи, ведущееся сейчас специалистами, сотрудниками Химико-технологического института легкой промышленности профессором Ю. П. Зыбиным, профессором И. С. Шестаковой и доцентом Н. А. Богдановым, еще откроет, конечно, многие важные детали этого древнего ремесла. Как показали находки, в мастерской не только шили новую обувь, но и в большом количестве чинили старую, а возможно и скупали ее, чтобы использовать как материал. Встречено много обуви, из которой выкроены какие-то куски, а также обувь, починенная частью старой. Кроме обуви, в мастерской шили рукавицы, перчатки, пояса, кожаную упряжь, ножны для сабель и кинжалов. Последние были украшены богатым орнаментом. Некоторые остатки кожаных изделий особенно интересны тем, что дают возможность установить весьма оригинальную технику тиснения кожи. Предполагаемый узор выкладывался толстой суровой нитью, которая затем зажималась между двумя слоями кожи. На коже получался выпуклый орнамент, который обрабатывался затем по контуру с лицевой стороны изделий заостренным инструментом. На парадной обуви был вытиснен изящный узор в виде множества завитков, какой встречается зачастую и в рукописях и в архитектуре XV века. Работа эта тонкая, она могла быть выполнена только высококвалифицированными мастерами.



«Поршень» (туфель) (XV—XVI века)

Кожевенное и сапожное производства в Зарядье развивались в течение нескольких столетий. В слоях XI—XII веков также были открыты мастерские кожевников-сапожников, о которых речь будет итти ниже. Собранные здесь материалы восполняют большой пробел в изучении древнего русского ре-



Кожаные ножны и рант. (XV век)

месла, так как кожевенное и сапожное дело до настоящего времени было слабо изучено. Между тем эта отрасль ремесла была одной из ведущих и продукция московских кожевников и сапожников составляла существенную статью русского вывоза, например, в Иран.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРИЗОНТЫ

Углубляясь пласт за пластом в толщу культурного слоя, снимая один за другим ярусы сооружений XVII, XVI, XV, XIV и XIII веков, археологи наконец добрались до самых нижних горизонтов культурного слоя. Результаты исследования этих горизонтов превзошли все ожидания. Находимые здесь материалы убедительно показали, что в Зарядье на значительной площади сохранился культурный слой, отложившийся в XI—XII веках. По мере углубления постепенно менялся характер культурного слоя. Если слои XIII—XVI веков имели интенсивно черную окраску, то под ними на ряде участков обозначился насыщенный остатками дерева темно-бурый слой. Если в верхних слоях находили остатки лощеной посуды, относящейся к XVI—XVII векам, то в слоях XIII—XIV веков попадались осколки сосудов восточной работы, появившихся в Москве после монгольского завоевания, а в нижних слоях преобладала богато орнаментированная посуда с резко отогнутым венчиком, какая встречается во всех русских городах XI—XIII веков. В самом же основании культурного слоя попадались осколки сосудов, покрытых зеленой поливой, подобных найденным в Киеве и Владимире в слоях XI века, а также осколки грубых сосудов с неровным орнаментом, характерных для ранней стадии производства посуды на ручном гончарном круге. Подобные сосуды находят и сейчас в знаменитых Гнездовских курганах на кладбище древнего Смоленска и датируют обычно X веком. Среди вещей здесь встречены также костяные наконечники стрел, иглы. Сопоставив эти находки, относящиеся к весьма древнему времени, с упомянутыми в начале очерка арабскими монетами IX века, найденными недалеко отсюда, на другом берегу реки Неглинки, можно с уверенностью сказать, что поселение в районе Зарядья существовало с начала XI века. Интересно и обнаруженное здесь шиферное пряслице, а также найденные впервые в Москве стеклянные браслеты — любимое украшение русских горожанок XI — XIII веков. Производство таких браслетов, как и шиферных пряслиц, прекратилось после татарского нашествия.

Найденные здесь белые хрустальные и красные сердоликовые бусы характерны для племени вятичей, которые, очевидно, и составляли первоначальное население городка.

Но слой с ранними находками был обнаружен далеко не на всей исследованной археологами территории. Этот слой шел узкой полосой параллельно берегу реки, значительно утолщаясь по направлению к Кремлю. Он примерно очерчивает территорию древнейшего поселка. Территория же между берегом реки и косогором, идущим к современной улице Разина, была заселена значительно позже — в XIV—XVI веках.

Из усадьбы ремесленника (конец XIV — начало XV века). Тигли для плавки бронзы и литейные формы

Древнейший поселок простирался на восток примерно на $^2/_3$ территории, огражденной впоследствии Китайской стеной, не доходя немного до современного Псковского переулка. Факт увеличения толщины и площади культурного слоя по направлению к Кремлю приводит к мысли о том, что открытый археологический памятник не мог быть прежде ни чем иным, как только окраиной поселка, центр которого должен был находиться в районе Кремля. Перед нами, стало быть, окраина древнейшей Москвы, которая стояла, как видно, не на устье Яузы, а на устье Неглинки уже в XI веке.

Чем же была древняя Москва — городом или селом?

Теперь можно вполне определенно ответить на этот вопрос. Уже сам факт находки стеклянных браслетов, встречающихся почти исключительно в городах, говорит о городском характере поселения. Но одного этого было бы недостаточно, если бы не другие данные, свидетельствующие о том же гораздо более достоверно.

В поселке обнаружены остатки крупного металлургического производства. В почве, не содержащей вещественных остатков деятельности человека, открылись канавки, обрисовывающие основание прямоугольного здания довольно больших размеров, а также ямы, наполненные шлаком, попавшим туда при добывании железа из руды, и губчатыми кусками железа — крицами, сохранившими сегментовидную форму пода горна. Одних криц в ямах и канавах оказалось несколько пудов. Поверх этого сооружения были найдены обломки стеклянных браслетов. Обилие поделок из железа указывает на то, что существовало и кузнечное производство. Здесь, вероятно, жили кричники и кузнецы.

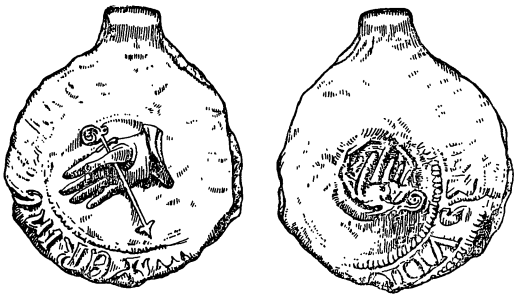
Наряду с металлургическим и металлообрабатывающим производством было сильно развито кожевенно-сапожное ремесло, являющееся, как мы уже говорили, специфически городским.

В слое XI—XIII веков найдены остатки двух таких мастерских. От одной сохранилось основание избы в глубине двора и примыкавшее к ней производственное помещение, поблизости от которого было несколько ям, наполненных отделенной от шкур шерстью и обрезками кожи. Хозяйственная постройка этой усадьбы выходила на Великую улицу.

От другой мастерской удалось обнаружить лишь угол зольника — ящика, наполненного золой с остатками шерсти, и дно большого дубильного чана, а между ними — канавку для стока жидкости и множество «корья» — коры, оставшейся от дубления кож.

Итак, в открытой археологами части древней Москвы существовали крупные металлургические и кожевенно-сапожные мастерские. Думается, что после этого уже нельзя говорить о Москве, как о селе. Перед нами типичная картина посада древнерусского города, и притом города довольно крупного, так как посад этот был сравнительно велик.

На основании данных раскопок можно предположить, что открытая часть московского посада представляла собой улицу, шедшую от центра города — тогдашнего Кремля — по берегу реки к пристани. Других улиц в этой части Москвы, повидимому, в то время еще не было. Впоследствии

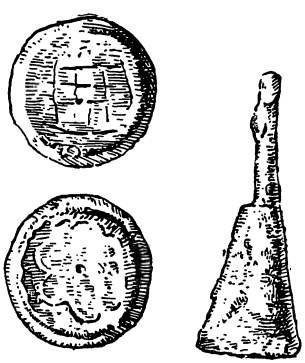


Торговая пломба с клеймом (XI—XII века)

эта улица, бывшая, очевидно, одной из главных улиц города, получила название Великой. Около нее образовалось несколько параллельных и перпендикулярных к ней переулков. Так, в XV—XVI веках сложилась та планировка района, которая зафиксирована на плане XVI века и которая сохранилась до самого 1941 года. Великая улица не имела уже такого большого значения, когда перестала существовать пристань, а с постройкой в XVI веке Китайской стены она постепенно заглохла. В XVII веке она называлась уже Зачатской улицей по имени одной из церквей, а затем Мокринским переулком.

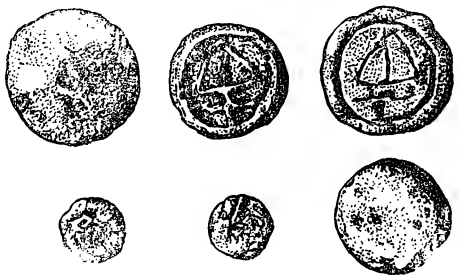
Произведенные раскопки позволяют сказать, что Москва уже в начальный период своего существования имела обширные торговые связи. Если найденные стеклянные браслеты и шиферные пряслица, по всей вероятности, привезены из Киева, то сделанная более 100 лет назад находка диргемов — арабских монет, чеканенных в Средней Азии и Армении, говорит о торговых связях Москвы с Востоком. О торговых же сношениях с отдаленными землями Европы говорит находка в нижнем горизонте культурного слоя Зарядья свинцовой пломбы с клеймом, на котором едва различима полустертая надпись, сделанная латинскими буквами на одной стороне и готическими — на другой. Пока не удалось прочесть этой надписи, но помещенный на обеих сторонах в центре пломбы герб очень важен. Он представляет собой перчатку, пересеченную посохом с загнутой спирально рукоятью. Посох и перчатка — знаки власти епископа-феодала — обозначают герб одного из городов Южной Германии, бывших феодальными владениями епископов.

В XI—XII веках такие гербы имели города Кельн, Майн, Хур и Эйхштедт. Ближе всего к найденному изображению подходит герб кельнского епископа Германа III, умершего в 1040 году. Пломба могла попасть в Москву только вместе с каким-либо товаром, что говорит о торговых связях Москвы с юго-западными германскими землями уже в XI—XII веках.



Свинцовые гирьки для весов

В более поздних слоях были также найдены предметы, свидетельствующие о развитой в то время торговле. Из них наиболее интересны печати из белого камня, служившие, очевид-



Печати из белого камня (XV век)

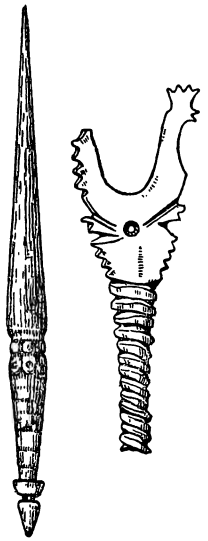
но, для опечатывания каких-то кладовых. На них грубо вырезаны изображения солнца, корабля, жука. На тыльной стороне одной из печатей XVI века процарапана надпись «Иванска кладези». Эта надпись, возможно, связана с «Иваньским купечеством» — известной на Руси с XII века общиной торговцев воском («вощников»), организационным центром которой была церковь Ивана на Опоках в Новгороде.

Эта надпись, как и многие найденные при раскопках надписи на бытовых предметах, сделаны простыми людьми и говорят о широком распространении грамотности среди московского посадского люда. В Москве следует ожидать находки берестяных грамот, подобных новгородским. Костяной «стиль» для писания на бересте уже найден.

Итак, ремесла и торговля были основными занятиями жителей московского посада со времени основания города. Но многие находки говорят и о ряде подсобных занятий, игравших также важную роль в быте древней Москвы.

Городские жители не порвали еще полностью связей с сельским хозяйством. Они занимались, вероятно, и земледельческими работами, хотя эти работы не играли в хозяйстве ведущей роли. В древнейших слоях Зарядья, под фундаментом Китайской стены, найден серп, в других местах — косы и сошники. Если сошники, сделанные в Москве для продажи в деревню, были совсем новые, то серп и косы уже были в употреблении. В слоях XIV — XV веков найдены в большом количестве зерна злаков — ржи, мягкой пшеницы, овса, а также технических культур — льна и конопли. Зерна эти (по мнению исследовавшего их научного сотрудника А. В. Кирьянова) произрастали на землях, издавна обрабатывавшихся по паровой зерновой системе при двух- или трехпольном севообороте. Возникновение такой системы сельского хозяйства в Московском крае относится, по крайней мере, к XII веку. В разных местах Зарядья найдены ручные жернова, на которых размалывалось зерно. Почти при каждом жилище обнаружены и остатки хлева для скота. Находимые во множестве при раскопках кости являются почти исключительно костями домашних животных. В хозяйстве преобладали коровы, лошади, свиньи, а также овцы и козы. Исследования зоолога — доктора био.

Печать с надписью



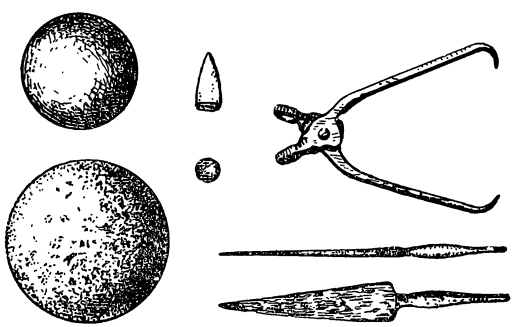
Принадлежности для прядения: веретено; шпилька от самопрялки (XV век)

логических наук В. И. Цалкина — показали, что это были мелкорослые породы скота, с тонкой кожей, шедшей для кожевенного производства. Часто встречающиеся деревянные мутовки для сбивания масла говорят об употреблении посадскими людьми не только мяса и шкур животных, но и молочных продуктов.

Охота, очевидно, не играла сколько-нибудь серьезной роли в быту жителей древней Москвы. Кости диких зверей — лося, зайца — были найдены всего лишь несколько раз. Зато широко распространено было рыболовство. Во всех горизонтах Зарядья обнаружены в большом количестве глиняные и каменные грузила для сетей и удочек, деревянные и берестяные поплавки, рыболовные крючки, блесна. Одно из открытых сооружений XVI века имело коптильную печь и, возможно, было рыбокоптильней. Поселяясь у берега реки, посадские люди Москвы, естественно, уже с древнейших времен занимались рыбной ловлей.

Из специфически женских занятий населения московского посада большую роль играли прядение и ткачество. При раскопках найдены большие деревянные гребни для расчесывания льна, часть льномялки, гребни и донца от ручных прялок, педали от самопрялки, а также чрезвычайно изящная шпилька от самопрялки с навершьем в виде фигурки петушка (этот сюжет был очень распространен в древней Руси). Найдено также совершенно целое деревянное веретено и множество разнообразных пряслиц — глиняных, костяных, каменных и даже сделанных из черепков различных сосудов. Найденные в слоях XI—XII веков искусно орнаментированные костяные и бронзовые иглы для вышивания говорят, что среди московских женщин было много замечательных вышивальщиц.

Интересно также отметить целую группу находок, свидетельствующих о суровой московской зиме и о том, что простые люди ходили пешком по льду и глубокому снегу (богатые люди даже на короткие расстояния ездили в санях или верхом). В слоях XII—XIV веков найдены железные шипы, прикреплявшиеся к обуви при ходьбе по льду; к XVI—XVII векам относится костя-



Ядра, пули, «пулелейка» и наконечник стрелы (XVI—XVII века)

ной конек со специально просверленными отверстиями, служившими для прикрепления конька к обуви. Среди развалин дома, относящегося в XVI веку, найдена лыжа, короткая, но широкая, приспособленная как для скольжения, так и для ходьбы. Она напоминает современные охотничьи лыжи.

Так в археологических находках открывались и открываются различные стороны быта простых русских людей, живших на Великом Посаде Москвы.

Наконечник стрелы

Московский посадский люд вплоть до XVII века жил в постоянном ожидании военных нападений. Летописи не один раз говорят о подвигах горожан, защищавших свой родной город от нападений. Ясно, что не только князь и его дружинники, но и посадские люди должны были быть вооружены. Но оружие, очевидно, представляло в то время большую ценность. Поэтому находок оружия сравнительно немного. Это наконечники стрел (XII—XV века), наконечник копья (XIII—XIV века), перекрестья сабель (XIV—XV века), обрывки кольчуги, а также топоры, которые употреблялись и в мирном труде и на войне. К более поздним временам относятся каменные и железные ядра, свинцовые пули и особые инструменты для их производства — «пулелейки». Недавно при земляных работах в Зарядье найден целый ствол от пищали, а также часть дорогих лат с восточным орнаментом. Все эти предметы свидетельствуют об обороне Великого Посада Москвы и напоминают нам лишний раз слова И. В. Сталина о том, что Москва «...на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения»[1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же дали археологические исследования для изучения славной истории столицы нашей Родины — Москвы?

Конечно, до настоящего времени археологически изучена лишь небольшая часть территории города. Но уже и эти работы позволили узнать о Москве много нового, ранее не известного. Раскопки помогли проследить век за веком историю двух важных районов Москвы — Великого Посада и слобод за Яузой. Они дали важные сведения о застройке и планировке города, о развитии городского хозяйства, о ремеслах, составлявших материальную основу существования города, о культуре и быте старой Москвы. Благодаря раскопкам изучена древняя технология важнейших для города ремесел — гончарного, металлургического, литейного, кожевенно-сапожного и др. Получено множество ценных сведений о жизни и быте широких слоев городского населения, простых лю-

[1] И. В. Сталин. Приветствие Москве в день ее 800-летия. Газета «Правда» от 7 сентября 1947 года, стр. 1.

дей, которые больше всего сделали для развития Москвы. Раскопки наглядно показали, как постепенно менялось расселение различных социальных групп населения города, как по мере роста политического значения Москвы как столицы многонационального Русского государства в центральных районах города ремесленное население вытеснялось феодалами.

Но главным результатом, который дали раскопки для истории Москвы, является открытие древнейшего московского посада XI — XII веков, развитые ремесла которого уже тогда оказывали значительное влияние на окрестное сельское население.

Многие историки Москвы, в особенности дореволюционные, опираясь на летописные сведения и некоторые археологические находки, неправильно представляли древнюю Москву, как небольшую крепость, занимавшую лишь уголок кремлевского холма (от современных Боровицких ворот до здания Оружейной палаты). Многие думали, что и в XIV веке при Иване Калите весь город умещался в пределах стен, охватывавших примерно $^2/_3$ территории современного Кремля. Под влиянием этих представлений в начале XX столетия крупный художник Аполлинарий Васнецов создал целую серию картин на тему «Старая Москва». На его картинах, посвященных периоду XII—XIV веков, мы видим первый Кремль в виде крепости, вмещающей всего несколько домов, и Кремль XIV века, по размеру равный деревне средней величины. Немудрено, что при таких представлениях этим историкам трудно было объяснить, как именно Москва стала впоследствии столицей всех русских земель. Буржуазные исследователи неправильно считали, что будущая слава Москвы таилась «в скопидомном сундуке Ивана Калиты» или «на острие меча Дмитрия Донского». Слов нет, деятельность обоих этих князей сыграла значительную роль в возвышении Москвы, в создании централизованного Русского государства. Но подлинную причину, благодаря которой Москва стала, по выражению И. В. Сталина, «основой и инициатором создания централизованного государства на Руси», следует искать в экономике города, и притом задолго до Ивана Калиты.

Советский историк М. Н. Тихомиров высказал мнение, что Москва и в начальный период своего существования была иной, чем представляли ее буржуазные исследователи. Но до раскопок не было известно, что посад еще задолго перед первым упоминанием Москвы в летописях занимал значительную территорию, простираясь по берегу реки на большую часть современного Китай-города. Не было известно и то, что на московском посаде уже в XI—XII веках процветали ремесла, что он уже в тот период оказывал сильное влияние на окрестных крестьян.

Москва была, таким образом, уже в те отдаленные времена довольно большим городом с весьма значительным ремесленным и торговым посадом, с обширными торговыми связями. Разоренная монголами в 1237 году, она не потеряла своего экономического значения, быстро

оправилась и стала по своему политическому и экономическому значению первым русским городом. И предпосылки для этого возвышения Москвы следует искать прежде всего в развитии ремесел и торговли, о чем так много материала дают раскопки.

Дальнейшее археологическое изучение столицы безусловно даст еще более значительные результаты. Нет сомнения, что при том развитии археологических работ, для которого Коммунистической партией и Советским правительством созданы все условия, целый ряд вопросов истории Москвы и многие вопросы, важные для изучения истории СССР в целом, получат необходимое освещение.

В Москве еще много мест, которые могут дать интересный материал для изучения истории города. Таковы, например, городище на берегу Неглинки, в районе Сретенки, где, как считает М. Н. Тихомиров, было расположено древнее Кучково, городище Андроньева монастыря на берегу Яузы и другие места. Продолжение планомерных археологических раскопок в Москве является почетной задачей советских археологов.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ
Лауреат Сталинской премии, доктор исторических наук
У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ 9

М. К. КАРГЕР
Лауреат Сталинской премии, кандидат исторических наук
ДРЕВНИЙ КИЕВ 35

Б. А. РЫБАКОВ
Лауреат Сталинской премии, доктор исторических наук
СТОЛЬНЫЙ ГОРОД ЧЕРНИГОВ и УДЕЛЬНЫЙ ГОРОД ВЩИЖ 75

Г. Б. ФЕДОРОВ
Кандидат исторических наук
СЛАВЯНЕ ПОДНЕСТРОВЬЯ 121

Б. А. КОЛЧИН
Кандидат исторических наук
МАСТЕРСТВО ДРЕВНЕРУССКИХ КУЗНЕЦОВ 155

С. А. ТАРАКАНОВА
Кандидат исторических наук
ДРЕВНОСТИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ 187

В. Л. ЯНИН
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД 217

Н. Н. ВОРОНИН
Лауреат Сталинской премии, доктор исторических наук
НА БЕРЕГАХ КЛЯЗЬМЫ И НЕМАНА 253

А. Л. МОНГАЙТ
Кандидат исторических наук
РАСКОПКИ СТАРОЙ РЯЗАНИ 289

М. Г. ГРИГОРЬЕВ
Кандидат исторических наук
ДРЕВНЯЯ МОСКВА 321

Научный редактор и составитель **Г. Б. Федоров**
Редактор **А. И. Кантер**
Художественно-технический редактор **Е. Н. Пергаменщик**
Корректор **Е. А. Дворкина**

А-03849. Сдано в произв. 11/III-1953 г. Подп. к печ. 16/VII-1953 г. Тираж 30.000. Объем 12,8 бум. л. Печ. л. 29,8 (32 вклейки). В 1 печ. л. 44.800. зн. Учетн.-изд. л. 28,13. Формат бум. 70×92. Изд. инд. НП—I—465. Цена 12 р. 50 к. Заказ 118.

Типография Госкультпросветиздата. Москва, ул. Маркса и Энгельса, д. 14.